

Влад Савин

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Союз нерушимый

Страна мечты

Восточный фронт

Военная фантастика
коллекция

Морской волк

Владислав Савин

**Союз нерушимый: Союз
нерушимый. Страна
мечты. Восточный фронт**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Савин В. О.

Союз нерушимый: Союз нерушимый. Страна мечты. Восточный фронт / В. О. Савин — «Издательство АСТ», 2019 — (Морской волк)

ISBN 978-5-17-116987-9

Война в Европе закончена, — но на Дальнем Востоке милитаристская Япония не желает капитулировать, причем все еще имеет третий в мире флот, главные силы которого собраны у советских границ. Удастся ли нашим современникам, используя лишь свои знания и опыт, отомстить за Цусиму и Порт-Артур?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116987-9

© Савин В. О., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Союз нерушимый	6
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Военная фантастика

Влад Савин
Союз нерушимый: Союз нерушимый.
Страна мечты. Восточный фронт: сборник

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

© Влад Савин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Союз нерушимый

Благодарю за помощь:

Сергеева Станислава Сергеевича, Павлова Сергея, Лебедева Юрия, Бондаренко Александра Александровича, Николаева Михаила Павловича, Толстого Владислава Игоревича, Бурматнова Романа, Сухорукова Андрея и читателей форума «Самиздат» под никами Andy18ДПЛ, Annatar, Андрей_M11, Комбат Найтов (Night), НФе, StG, Библиотекарь, fon Spee, HeleneS, hcube, BVA, Old_Kaa, DustyFox, omikron, Sturmflieger и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же, Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа. А также мою жену Татьяну и дочку Наталью, за помощь и поддержку.

Из воспоминаний Элиота Рузвельта:

«В тот вечер отец сказал мне: русские намерены поступить с Европой так же, как мы полвека назад с Филиппинами, освобожденными от испанского рабства. Похоже, что русские всерьез собрались строить новую империю, Всемирный Советский Союз. Но в этом мире должен быть лишь один хозяин – как на корабле только один капитан».

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка К-25 «Воронеж».

Средиземное море – Италия, Специя.

Май 1944 г.

Готовность один – к бою!

Атомарина скользит почти беззвучным призраком на глубине двести. На тактическом планшете два роя точек-целей – свои к северу от нас, чужие к юго-западу. Сходятся на пересекающихся курсах – и радарами уже хорошо видят друг друга. Ну а мы акустикой двадцать первого века услышали эту ораву еще два часа назад.

Два линкора, два тяжелых и шесть легких крейсеров, больше двадцати эсминцев. В тридцати милях позади – авиаударное соединение, два больших авианосца, тоже в окружении крейсеров и эсминцев. А еще дальше должен быть десантный флот – полсотни транспортов под охраной целого десятка эскортных авианосцев, четырех старых тихоходных линкоров и кучи противолодочной мелочи. И это еще не сосчитаны те, кто высаживается сейчас на западную оконечность Сицилии и на носок итальянского сапога.

Адмирал Да Зара в рубке флагманского «Чезаре», наверное, ощущает себя воплощением Рождественского перед Цусимой. У врага подавляющий перевес в палубной авиации и весьма значительный в легких силах, в качестве артиллерии, в боевой подготовке. «Нью-

Джерси», «Висконсин», «Хорнет», «Уосп» – все новейшие, с командирами и экипажами, прошедшими Тихий океан под флагом адмирала Ли, разбившего японцев у Гуадаканала (когда была потоплена «Киришима») – и четыре старых «чезаре», ветераны прошлой войны, четыре крейсера, считая нашего «Ворошилова», тринадцать эсминцев (включая четыре советских). «При двухкратном превосходстве в кораблях и двадцатикратном в палубной авиации – говорить о военно-морском искусстве неприлично» – кто сказал это, или что-то подобное, в иной истории, после битвы у Окинавы в 1945-м?

Вот только мы тут – козырной туз в рукаве. Или даже целый джокер – атомная подводная лодка СФ, непонятным образом провалившаяся во времени из 2012 года в 1942-й. Благодаря чему война в этой реальности (консенсусом научных светил признанной «параллельной», как ответвившийся от нашей реки времени еще один рукав) пошла совсем по-другому. В отличие от прочих героев «альтернативной фантастики» (не поклонник, но Конюшевского прочесть успел) нам легко было убедить предков в своей иновременности (что может быть лучшим доказательством, чем корабль в двадцать тысяч тонн, не имеющий аналогов в этом времени), – но что могли бы мы сделать одни, если исход этой великой войны решался не на море, а на суше? И не наша заслуга, а предков, что история перевела стрелку и свернула на совсем новый путь – если и в этом времени будут писать «альтернативные» романы, хотел бы я сказать авторам: никогда не считайте предков глупее себя! Информация, которую мы передали, упала на благодатную почву – ну, а мы лишь скромно помогли, в меру наших возможностей. Мы работали «летучим голландцем» Советского Союза – благодаря чему, например, уран из Конго не доехал до американского «Манхэттена», а попал к Курчатову, на два года раньше начавшему советскую атомную программу¹. Север от немецкого Арктического флота очистили, сейчас в Средиземке окаяниствуем – и юмор в том, что как раз сюда мы шли в 2012-м, по пути незнамо как провалившись во временную дыру.

До лета 1942-го здесь все шло, как в нашей истории, затем начались изменения, от освобождения Заполярья и прорыва блокады Ленинграда уже в октябре сорок второго до «Большого Сатурна», здесь осуществленного и полностью удавшегося. Гибель двух немецких групп армий (вместо одной армии Паулюса) привела к тому, что наши уже весной сорок третьего вышли на Днепр – и форсировали его летом, с минимальными потерями. Здесь не было Курской дуги, потому что не было нашего поражения под Харьковом в феврале 1943-го – и оттого форсирование Днепра сразу перешло в освобождение всей Украины, а вот немцы так и не смогли заменить своих погибших ветеранов; накопление боевого опыта у наших шло быстрее из-за меньших потерь, а у фрицев наоборот.

И вот наши взяли Берлин на год раньше! Новая техника, новая тактика – побеждает тот, кто учится быстрее, и дурак был Суворов-Резун, когда писал о «рывке в Европу» Красной армии образца сорок первого года! Здесь мы, сейчас соответствуя сорок пятому той истории, почти три года шли до Рейна и Альп! На севере итальянского «сапога» Народная республика, во главе с товарищем Тольятти, на юге пока еще не повешенный Муссолини. А сейчас мы ходили в Таранто, где еще с февраля, с народной революции, застряла часть итальянского флота. Американцы готовят высадку на Сицилии – похоже, что в этой истории будут две Италии вместо двух Корей. Так не отдадим корабли американским марионеткам!

Двадцать восьмого апреля флот Народной Италии (линкоры «Чезаре» и «Кавур», крейсера «Гориция», «Гарибальди», «Абруццо», девять эсминцев) совместно со Средиземноморской эскадрой СССР («Ворошилов», «Сообразительный», «Способный», «Бодрый», «Бойкий») вышел из Специи в поход. Немецкая авиация в последние дни практически не летала, так что мы прошли напрямую, Мессинским проливом, без единого выстрела с береговых батарей. Тридцатого апреля мы подошли к Таранто, на каблуке «сапога». Особого сопротивления не

¹ О том см. «Белая субмарина». – Здесь и далее примечания автора.

ожидалось. Когда исход войны был уже очевиден, то даже убежденные наци и чернорубашечники предпочитали бежать, а не сражаться, – а среди экипажей южной эскадры с самого начала было брожение, там открыто говорили, что затопят корабли при попытке их захвата немцами и признавали «народного» адмирала Да Зара своим командующим (стоя в фашистской базе!). Но, не надеясь на пролетарский интернационализм, наши высадили десант морской пехоты с эсминцев и крейсеров прямо на пирсы, как в Феодосии в сорок втором, а советская авиация с аэродромов на Корфу была готова нанести удар. Предполагалось всего лишь обеспечить заправку кораблей, стоящих у причалов с пустыми бункерами, но аппетит приходит во время еды, и утром 2 мая из Таранто караван едва выполз в обратный путь. Итальянские товарищи прихватили все, что держалось на воде, погрузив туда все имеющее ценность и всех, кто хотел уйти на коммунистический север, а в порту тонуло, горело, взрывалось то, что нельзя было вывезти. Часть конвоя, в большинстве самых тихоходов, отправили на восток, в Венецию. А эскадра, ведя за собой с десятков транспортов, легла на курс к Мессине, и через пролив, домой. И в 15:00 был обнаружен американский флот.

Союзники? Народную Италию так и не признали, дипотношений (на уровне хотя бы военного представительства) не установили! И если вы идете всего лишь принимать капитуляцию Кессельринга, у которого уже не осталось ни кораблей, ни горючего для самолетов и танков, ни желания солдат дальше воевать – зачем вам здесь два новейших линкора и два авианосца класса «эссекс»? У вас на Тихом океане сейчас явное отставание от графика – Тараву взяли в апреле, со второй попытки, а когда будут Сайпан и Иводзима? Хотя помню, была у них практика: совсем новым кораблям и экипажам устраивать «тренировку на кошках», против заведомо слабого противника избыточными силами. Но помню также, как их британские союзники полгода назад у Нарвика от нас взятую трофеем U-1506 внаглую отжать пытались... и инцидент у города Ниш, в иной реальности осенью сорок четвертого, когда их авиация ударила по нашим войскам. Так что друзьями вас сейчас считать мы никак не можем!

Точно, не с дружбой идут! Боевой порядок совершенно не похож на стандартный для этого времени, знакомый нам по Атлантике. Не завесы эсминцев спереди и по бокам, а замкнутое двойное кольцо вокруг ядра. Все эсминцы новейшие, тип «Самнер», и еще малые крейсера флагманами дивизионов. Вы не от немцев страхуетесь – вы конкретно «Полярный ужас», как немцы нас прозвали, собрались отбивать!

Вот только точные наши возможности вам неизвестны! Стандартный локатор QC обнаруживал лодку этой войны на дальности всего в полторы мили. У нас покрытие на корпусе далеко не в идеальном состоянии, после двух лет здесь, – но все же мы гораздо менее заметны, чем, например, немецкая «семерка». И не придумали еще опускаемых и буксируемых ГАС, как и противолодочных торпед – по максимуму может быть «сквид», примерный аналог наших РБУ-1200, бьет на несколько сотен метров. У нас же на стеллажах в торпедном отсеке кислородные торпеды по типу японских «длинных копий», но с самонаведением на кильватер, нерожденный в той истории кошмар тяжелых кораблей – до линкоров гарантированно доставит с семи миль. И четыре «53-38СН», расчистить дорогу – и успеем быстро перезарядить, так что нашим будет не только первый залп. И ваш опыт против немецких лодок в Атлантике сейчас сыграет против вас, слишком сильно отличается тактика атомарин от дизельных подлодок, не встречались вы еще с ней. Так что если дойдет до боя, эту эскадру мы сделаем – хотя побегать придется побольше, чем против какого-то «Тирпица». Мы не звери – но и не толстовцы. Если нас пропустят по-хорошему, разойдемся мирно. Но вот если начнут стрелять, не обижайтесь. А после «ай эм сорри» ловите неопознанную подлодку (предположительно немецкую, вполне могли еще здесь остаться!).

И «Ворошилова» вы не учли. Что артиллерийские корабли могут расчищать дорогу своей подлодке при ее выходе на рубеж атаки, не давать работать вражеским противолодочникам (даже если не попадут, не потопят никого – в зоне досягаемости пушек «Ворошилова» вести

правильный противолодочный поиск на малых ходах, черта с два!). Не было такой тактики в нашей истории – потому что когда появились атомарины, ушли на слом линкоры и крейсера, да и дистанции боя стали совсем другими – ну, а дизельные лодки, даже «варшавянки» конца века, так играть не могут, у них скорости и электроэнергии не хватит. У нас же такое хорошо получалось против немцев, и на севере, и здесь, у Тулона, месяц назад. Американцы очень хорошо умеют воевать на море, они показали это и в Атлантике, и на Тихом океане – но вот такая манера боя будет для них сюрпризом! Так решатся янки напасть или нет?

Я поймал себя на том, что мне хочется, чтобы они начали первыми. Чтобы иметь законное право их убивать. Вы, американцы, больше всех виновны в том, что случилось с моей страной в девяносто первом! И неизвестно еще, что будет здесь – разве повлияло бы на горбачевскую перестройку, будь там нашей не половина, а две трети Европы? Вот только неизвестно, доживет ли наш «Воронеж» здесь до аналога Карибского кризиса – почти два года интенсивнейшей эксплуатации, состояние механизмов уже внушает тревогу. Как Сирий, мех наш, вчера сказал, «нюхом чую». Здесь и сейчас я могу устроить американцам бойню не хуже, чем прежде немцам. Через десять лет это будет недостижимо. Так покажет наконец американский империализм свою агрессивную суть – или не решатся?

В центральном посту напряжение в воздухе висит. Прерываемое лишь короткими командами – все работают. Труднее всего акустикам, в темпе считывающим данные по целям. На «Нью-Джерси» и «Висконсин» у нас в аппаратах две последние «65–76», привет из двадцать первого века, в сопряжении с компьютерной системой наведения – гарантию даю, что не промахнутся! «Хипперу», «Эйгену», «Лютцову» по одной такой хватило – «айовы» покрепче, но и им мало не покажется, рванет ведь под днищем, а не на ПТЗ! Ну, а после перезарядка и второй залп «японками» уже из этих времен, а «пятьдесят третьи» по эсминцам! Дальше с мелочью «Ворошилов» и итальянцы и сами управятся – нам же бросок вперед, к авианосцам. Минус две «айовы» и два «эссекса» – дорого же вам, янки, обойдется ваша провокация! Рано еще для Третьей мировой, вот не верю я совершенно в «вариант бис» пока с Японией не завершено – а потому дипломаты после все спишут на недоразумение, «дружеский огонь» и атаку неопознанных (предположительно немецких) подлодок.

Началось? Их эсминцы пошли! Строем фронта, как для торпедной атаки – странно лишь, что малой скоростью. На нервах играют? Периодически слышна работа сонаров. Если это противолодочная «гребенка», то для нас она не опасна, пока мы рядом с «Ворошиловым» крутимся, на низком старте. И если очень припрет, до «айов» достанем «шестьдесят пятими» прямо отсюда – но лучше все-таки будет сблизиться для верности. Их защиту прорвем легко, пуск «пятьдесят третьих» по эсминцам слева и справа, и проскочим, пока соседи успеют дырку в завесе закрыть. Готовясь, выдвигаемся чуть вперед, до «самнеров» уже три мили!

Взгляд на планшет.

– Буров (ком БЧ-3), готовь огневое решение по целям пять и шесть!

Представляю, как в первом отсеке наши «румыны»² считывают с компьютера ГАК уже рассчитанные программы для торпед, чтобы по команде извлечь кассеты с магнитной лентой и вставить в торпеды перед досылкой в аппарат (а как еще связать БИУС двадцать первого века и самопальную технику этих сороковых годов?). Реактор на полный – сейчас начнется, нам вся мощность понадобится! «Айовы» в девятнадцати милях, курсом на нас! Если я не ошибся, то сейчас американцы должны рвануть самым полным, чтобы окончательно выйти на рубеж пуска торпед.

– Локатор по нам, направленно!

– БЧ-3, доложить готовность!

– К залпу готовы, ждем команды!

² Так на флоте называют личный состав БЧ-3, минно-торпедной.

Это почти уже война. Локатор направленно – определяет элементы движения цели, для стрельбы. Пока даже «сквид» не достанет, но надо помнить, там уже есть автоматика наводки и установки по глубине – так что лучше дистанцию держать. Нас засекли – потому что кавитирующие винты шумят на малой глубине. Но если уйдем на триста, четыреста – не сможем стрелять торпедами местной работы. Значит – сейчас удар по обоим эсминцам, сразу нырять и разгоняться вперед. А по тем, кто попытается закрыть брешь, выдвинувшись слева и справа, отработает «Ворошилов». И янки хотя уже могут про нас что-то знать, но вот с приемами, заточенными на ПЛО гораздо более поздних времен, а также техническими средствами вроде самоходных программируемых имитаторов, патронов газовой завесы, активных помех сонарам, уж точно незнакомы! Фирменными «шестьдесят пятими» можно бить и с глубины, ну а после пойдут «японки», и второй, и третий залп, на добивание поврежденных. Да, оба линкора мы точно сделаем – ну, а после придется работать ювелирно, подкрадываясь к авианосцам. Хорошо, что на стеллажах полный боекомплект, из них крупнокалиберных «японок» десять. Если янки сейчас не отвернут, мы будем стрелять – пошел обратный отсчет!

Не решились. Не слышит акустика канонады, не передан по звукоподводной связи кодовый сигнал. И судя по обстановке на планшете, американцы отворачивают к югу, мористее, уступают нам дорогу. Наверное, и флагами приветствуют, изображают друзей – но я-то знаю, что это не так! Однажды мы им уже поверили, в восьмидесятых. Теперь же лично я им не поверю никогда! И все мы, пришедшие из 2012 года, видевшие распад СССР. И, я надеюсь, Сталин, Берия, Пономаренко, Кузнецов, Василевский, и все, допущенные к «Рассвету», как называется наша тайна в этом времени. То, что они не начали против нас «горячую» войну, war war, как они называют, совершенно не означает их дружбы. Есть еще много других видов войн, в конечном счете столь же убийных. Зачем рисковать и влезать в драку, если можно уничтожить конкурента мирным путем?

И флот отжать – тоже. Как в нашей истории отняли у итальянцев их уцелевшие новые линкоры типа «Венето». Или потребовать на послевоенной мирной конференции «справедливого» раздела флота проигравшей стороны (ну, зачем вам трофеи, янки и британцы, вам после свои корабли некуда будет деть!). Если Де Голль (знаю от Владимирского) активно собачится с нами по поводу взятого в Тулоне битого «Ришелье» – пробовал и на «Страсбург» права предъявить, на что ему ответили: «Что с бою взято, то свято». Где это видано, чтобы захваченное в сражении возвращать? Да, а когда нам из Тулона и Марселя уходить придется, как мы этого «кардинала» с собой потащим, если он с Лиссабона, там торпедами битый, в доке стоит?

Но живите пока. Поскольку приказ был категорический – топить американцев, лишь если они начнут первыми. И никак иначе! Вот только нападением можно считать не одну стрельбу, но и агрессивное сближение на опасную дистанцию. Но обошлось в этот раз.

Дальше происшествий не было. Если не считать прохождения Мессинского пролива, достаточно сложен он в навигационном отношении, да еще при наших размерах – историки считают, что именно это место древние греки называли «между Сциллой и Харибдой», тут течения и водовороты совершенно непредсказуемые, перепад глубин, скалы у берегов и сложный фарватер.

В Специю пришли 4 мая и узнали, что наши за Неаполем встретились с американцами, Кессельринг капитулировал в Мессине, дуче оказался с ним, а вот Достлер куда-то пропал – и так как у американцев к нему тоже огромный счет, то вряд ли бы скрывать стали. Англичане высадились на Мальте, на Корсике, заняли Балеары, немцы в Гибралтаре капитулировали еще 1 мая. Итого, на Средиземноморском театре война закончена – противника больше нет.

День Победы встретили в Специи. Слушали по радио выступление Верховного. И песню про этот день, который порохом пропах – что, наверное, станет здесь маршем московского парада. На берегу все было живой иллюстрацией советско-итальянской дружбы – и как хорошо, что эти люди, вынесшие на плечах самую страшную войну, еще не знали, что им дальше пред-

стоит! Не будет рая, не будет покоя – лишь короткий праздник, а что дальше будет здесь? Ближневосточный узел, Иран, Индия, Дальний Восток, Африка – не удивлюсь, если по общему числу жертв эта реальность окажется более кровавой, чем та, из которой мы пришли. Но наших будет меньше – а что до прочих, так фашизм с империализмом виноваты!

Тринадцатого мая прибыла из Берлина наша команда «ловцов фюрера». О том, что случилось в Германии, газеты (и наши, и мировые) написали еще в конце апреля, там было фото Гитлера, снятое уже в лубянской тюрьме – вождь германской нации был похож на спившегося бомжа много старше своих лет. Но лишь из разговора со Смоленцевым я узнал, какую роль сыграли там наши товарищи из двадцать первого века. Если мы, экипаж пока единственной в этом времени атомарины, в большинстве своем так и остаемся на своих бессменных постах, то команду спецназа СФ, прикомандированную к нам в 2012 году перед тем походом, война разбросала от Норвегии до Италии. И не будет дальше нам в этом мире покоя. Поговорить не успели – четырнадцатого мая уже вылетели в Рим.

В этой реальности было такое отсутствующее у нас явление, как война нацистов с католической церковью. То ли попы и впрямь имели контакты с заговорщиками, кто хотели бы под занавес скинуть фюрера, почистить фасад, то ли у Адольфа паранойя разыгралась – только он не придумал ничего лучше, чем объявить Ватикан виновным во всех своих бедах. И горел Папский дворец, расстрелянный «тиграми» и взятый штурмом войсками СС, и сам папа, пустившись в бега, был пойман наконец гестаповцами и брошен в концлагерь на острове Санто-Стефания – откуда вытаскивали его уже мы, наш «Воронеж» с особой десантной группой. В нашей истории его святейшество Пий XII не испытывал теплых чувств к СССР – но здесь он куда больше ненавидел тех, кто едва не отправил его лично в рай. В итоге Гитлер оказался проклят одновременно православным патриархом и римским папой. И вообще, Италия, оказывается, и в нашей истории имела все шансы стать социалистической – тут была очень сильная компартия, имеющая, в отличие от французов, общенациональный авторитет, и многочисленные партизанские отряды, в которых также были в почете коммунисты. Но там в Италию вошли англо-американцы и не сложилось – здесь же Советская армия вышла к итальянской границе еще в декабре сорок третьего, и почти сразу началась заброска к итальянцам групп нашего осназа с использованием богатого опыта советских партизан – организаторы отрядов, инструкторы, большие партии оружия. И когда немцы, оккупировав Италию в январе сорок четвертого, начали кровавый террор – ответом им был пожар партизанской войны; в отличие от «лондонцев», советские сражались с нацистами реально и успешно, как умели это делать лучшие кадры наших партизан, с освобождением советской территории перешедших в осназ. Те, кто начинал еще у Федорова и Ковпака, принесли опыт и организацию, а итальянцы – массу и энтузиазм. И когда в феврале началось наше наступление – Красные Гарибальдийские бригады (полнокровного армейского штата, в тысячи бойцов) ударили по немецким тылам, весь север Италии вспыхнул восстанием, к тому же еще и поддержанным Церковью. Теперь же Красные бригады переименованы в Корпус народных карабинеров, отлично вооруженных, на легкой бронетехнике. Ну, а папа не забыл обещания наградить всех причастных – и к собственному спасению, а теперь еще и к поимке «Адольфа Гитлера, отродья дьявола на земле». Впрочем, папа – политик изрядный, по должности положено, и нашу силу учитывать обязан – а потому явно намерен дружить и в чем-то даже нашу славу использовать, как он в освобожденный Рим торжественно вернулся именно 9 мая, с праздником и салютом. Что ж, не разочаруем Святой престол – если это и в интересах СССР!³

Дворцы и Сады Ватикана впечатляли, даже со следами недавних боев – я видел тысячи людей, работавших на их восстановлении, как нам сказали, бесплатно, лишь за еду, почитая это за честь. Пышность католического богослужения не уступает православному, и был укра-

³ Об этих событиях см. предыдущие книги цикла: «Сумерки богов» и «Врата Победы».

шенный зал, толпа римских попов и мы в парадных мундирах (тем, кто их прежде не имел, по такому случаю доставленных самолетом из Москвы). Сам папа вручал нам, каждому, орден Святого Сильвестра – бело-золотой восьмиконечный крест на красно-черной ленте. За спасение его святейшества из немецкой тюрьмы на острове Санто-Стефания и за поимку Адольфа Гитлера, преданного анафеме Церковью. Статус ордена «За заслуги перед Церковью» разрешал награждение и католиков, и людей другой веры. Награжденные им по праву могут именоваться рыцарем – «кавалъери». Это что ж выходит, я итальянское дворянство получил? А те, кто, как Смоленцев, участвовали и в спасении папы, и в поимке фюрера, удостоивались более высокой степени ордена: не «кавалер», а «командор», с лентой на шее.

И – прямо итальянский сериал! Слышал я, что у итальянцев девушки – полноценные бойцы, и в Специи видел, кто у Смоленцева в адъютантах ходит. Но лишь пока летели в Рим, узнал историю во всех подробностях.

Прощай, Лючия, грустить не надо,
О белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао!
Я на рассвете уйду с отрядом
Гарибальдийских партизан...

Автор этой песни в нашей истории так и остался неизвестным. Здесь же итальянцы поют ее в переводе с русского – считая, что ее сочинил Смоленцев и посвятил своей девчонке-партизанке. Песня стала неофициальным гимном и маршем сначала Третьей Гарибальдийской, а после и всех Красных бригад; ну, а девушка Лючия – вроде символа и талисмана.

– Она старалась соответствовать, – сказал мне Брюс-Смоленцев, – я лишь шефство над ней взял.

– И бегством от нее спасался, когда она тебе орала «кобелино», – хохотнул Кравченко, минер. – Огонь, а не девчонка, не пожалеешь! Знаешь, что итальянцы больше всего боятся? Гнева своих жен. Ох, и попал же ты, капитан! А может, оно и к лучшему? По молодости, конечно, перебеситься можно – только после у настоящего мужика должен дом быть, и чтобы ждали там. А у католичек развод считается позором – «что Богом соединено, то лишь он и разделить может».

Кравченко явно что-то знал. Потому что для него, похоже, не стало неожиданностью оглашение мнения выше:

– Ради укрепления дружбы между СССР и Италией, советское правительство положительно отнесется к браку между вами, товарищ Смоленцев, и Люцией Винченцо, при условии принятия ею советского гражданства. Сам товарищ Сталин, узнав, посмеялся и дал «добро».

Брюс выглядел совершенно ошалелым. А после, как мне рассказывали, всячески пытался узнать, а как до Сталина дошло? Наши все лишь разводили руками. Кравченко вспомнил, что Лючия как истинная католичка на исповедь ходила к отцу Серджио, «кардиналу» Гарибальдийских бригад, а один раз даже к самому папе, когда тот после своего спасения еще в Специи был. Неужели сам Пий Двенадцатый запомнил, он же как раз после в Москву летал, на переговоры с Верховным?

Так и стал наш Герой Советского Союза капитан Юрий Смоленцев единственным из советских граждан, кого венчал сам папа и в соборе Святого Петра! Хотя в войну, в форс-мажоре, бывало и не такое. Но чтобы за полдня все организовать – и если наш Брюс действительно не знал, представляю разговор. С нашей стороны ЧВС Мехлис, комфлота Владимирский (мы флоту, а не армии были подчинены): «Товарищ Смоленцев, решайте быстрее, у вас дела сердечные, а нам организовывать. Товарищей по месту службы отправлять, или задержитесь все еще на день? И что ответить папе?»

А когда много позже я рассказал своей Анне Петровне, то она, комсомолка, спортсменка и стопроцентно советский человек, первым делом спросила:

– Утром награждение и тот разговор, а вечером венчание? А какое у Лючии платье было? И как она его достала так быстро, для такой церемонии?

– Вероятно, волею Божьей. Если уж сам папа был за.

Хотя, наверное, это была задача – при склонности итальянцев к помпезности! При том, что полевая форма у них вполне на уровне: как вспомню Марио, брата Лючии, среди гостей, в парадном мундире всего лишь капрала Народных карабинеров – да рядом со мной он за генералиссимуса сойдет! И другие братья-гарибальдийцы по такому случаю были наряжены, как петухи – наши советские на их фоне выглядели скромно.

– Русские, вы не понимаете! Парадный мундир нужен не для боя, а чтобы внушить народу почет и уважение к военной службе!

Ну, не знаю. Мне ближе, что «истинное золото редко блестит». Да и хлопотно – сколько времени нужно, весь этот блеск чистить? Зато, что показательно, по-боевому гарибальдийцы вооружаются нашими АК, а ездят на советских БТР-40. Я удивился, когда еще в Специи увидел на капоте газовскую эмблему. Оказывается, ГАЗ-51 был и в нашей истории спроектирован и готов к серии еще перед войной – ну, а здесь, когда бомбежки лета сорок третьего не было, и положение на фронте лучше, потери техники меньше, уже с февраля делают и сам «газон», и его полноприводную версию ГАЗ-63, и бронетранспортер БТР-40, уже поступающий в войска. И гарибальдийцам надо же на итальянских товарищей впечатление произвести? И не только на них – поскольку вся папская гвардия героически погибла при штурме немцами Ватикана, то охрану папы сейчас несут тоже Красные бригады, временно – ну, а дальше посмотрим!

А тогда был свадебный обряд и поздравление, и обед, перешедший в ужин. И следующий день, выделенный для отдыха и осмотра Рима – без Смоленцева с Люцией, они были заняты ясно чем. Слышал, что еще в феврале, до немцев, тут все было совсем как без войны – теперь же некоторые кварталы напоминали иллюстрации к Сталинградской битве, но жизнь кипела, итальянцы воистину неунывающий народ. Работали магазинчики и кафе, ходили автобусы. И так же, как в Папском дворце, кипела работа, люди стремились устранить следы разрушений. Это были исключительно итальянцы – «гастарбайтеров»-пленных, привычных глазу в Северодвинске, я не видел ни одного.

– Итальянцы немцев в плен не берут, – сказал Кравченко, – даже тех, кто РККА сдался, здесь выпускать нельзя, убьют. А своих, чернорубашечников, тем более – их тут не меньше, чем эсэсовцев, ненавидят. Не то чтобы все тут религиозные фанатики, но папа сказал, и все!

Тоже интересно – вот не замечал я за итальянцами особой религиозности в повседневном общении. И к советским «безбожникам» относятся нормально. Но тот, кого в массе признали «на темной стороне», для них не человек вовсе, как бы для нас был маньяк или пидорас – вне любого закона, писаного или нравственного. И родственные связи очень сильны, семьи большие – так что когда немцы пытались усмирить восстание террором, это было как тушить пожар бензином, за каждого расстрелянного получали десятки кровных непримиримых врагов. А в целом потомки римлян мне показались хорошим, добрым народом – надеюсь, в этой реальности они будут по-настоящему верными друзьями СССР.

Вот так и повидал я Вечный город – и вряд ли еще сюда попаду. Девятнадцатого мая снова в Специю, готовимся к переходу на Север. Скоро Анну Петровну увижу. А пока закрутили заботы дальней походовой готовности. Сирий тревожится – ему показалось, что в первом реакторном повышенная влажность, а это очень серьезно, еще не утечка из контура (тогда бы радиационный фон был за пределами нормы), но «звоночек».

Война завершилась? Только начинается! Пусть это будет пока что другая война – не бомб, а торговли, дипломатии, санкций и подрывной деятельности, пропаганды и идей. В этой исто-

рии мы будем к ней готовы – причем не только обороняться, сидя за железным занавесом, но и активно наступать.

А советский атомный флот позаботится, чтобы у проклятых капиталистов не возникло соблазна пойти по наикратчайшему – военному пути.

Эсминец ВМС США «Walke». У берегов Сицилии, 4 мая 1944 г.

Американская мечта – не миф, а великая американская Идея!

Вы считаете сказкой – как трудолюбивый чистильщик обуви стал миллионером? Но если в США нет наследственной аристократии, то кто тогда основал фамилии Рокфеллеров, Морганов, Дюпонов? На самом деле подняться с низа на самый верх можно, вероятность не нулевая, вот только равна она одной стомиллионной, но все же не нулю! И само собой, от тех, кто решил взойти высоко, требуются совершенно особые качества – как умение и готовность толкаться локтями, идти по головам. Это глупые русские пытаются построить всеобщее счастье – на самом же деле очевидно, что места у пирога хватит не на всех и бежать одному куда легче, чем толпой. Главное же, именно этот маленький шанс, как морковка перед мордой осла, является для американцев стимулом хорошо исполнять свою работу. «Пять лет я мыл посуду, затем мне доверили разносить блюда, и вот теперь я – менеджер!» В конце концов, чем это хуже, чем «свобода, равенство, братство», или «за Родину, за Сталина»?

Каждый солдат мечтает о маршальском жезле? Но простой американский парень из Филадельфии, двадцати трех лет, мечтал не о военной карьере, а что когда-нибудь напишет свою симфонию. Он был очень мирным человеком, но плохой парень Гитлер вместе с японцами захотел захватить мир, и надо было спасать свободу и демократию. И оказалось, что тонкий музыкальный слух востребован не только для оркестра!

Не верьте, что море безмолвно. Новичкам в учебном центре дают слушать самые разнообразные записи, полученные в естественных условиях. Голоса китов, дельфинов и самых разнообразных рыб. Сейсмические явления, отзвуки далеких штормов. Есть даже особые записи, «неизвестные звуки», которые так и не удалось идентифицировать – но акустик должен знать, что в море может встретиться и такое. И конечно, больше всего шумы винтов кораблей – разных классов, от портового буксира до линкора, на разном удалении, в разных ракурсах (шум от одного и того же корабля при его удалении или приближении различен, чуть меняется тон). Также шумы винтов и механизмов торпед, парогазовых и электрических, разных образцов, и взрывы всевозможных боеприпасов. И учтите еще, что температура и соленость воды тоже оказывают влияние на звук, хоть и небольшое. И опытный акустик должен уметь все это помнить и суметь уловить нужный сигнал среди множества посторонних шумов – к которым, например, относятся винты и машины собственного корабля или соседних в ордере. И еще не было никаких компьютеров, несущих вахту без усталости, безошибочно, ничего не забывая, мгновенно выделяя нужный звук из всех шумов – акустик мог надеяться лишь на свой слух, опыт и память. А потому во время этой Великой войны акустиков старались брать из музыкантов. Причем флегматиков – попробуйте часами, не отвлекаясь, слушать звуки окружающего пространства?

Именно таким был тот, кто нес сейчас вахту на акустическом посту эсминца. Было жалко, что война завершается, немцы уже капитулировали, или готовы это сделать – говорят, русские уже взяли Берлин и захватили в плен фюрера. А германских подлодок в Средиземном море нет совсем – Испания вышла из войны, в Африке наши парни в Тунисе встретились с англичанами, и остров Мальорка занят уже британским десантом – ну, может быть, болтается где-то еще одна или две субмарины, думая, кому и когда сдаться? Но оказалось, что цель похода – не только десант на Сицилию.

– Вы должны ее услышать. И записать. И больше не предпринимать ничего! Не стрелять ни в коем случае – добытые вами сведения куда важнее.

Неслыханное дело – главную роль должны были играть эсминцы! А «Нью-Джерси» и «Висконсин» лишь их поддерживали и прикрывали! И на борт приняли дополнительное обо-

рудование – в акустической рубке сейчас было тесно из-за громоздкого аппарата записи звука на магнитную проволоку⁴, обслуживаемого специально приставленным матросом. И рассказывали, что особая команда ученых должна провести еще какие-то радиоизмерения и взять пробы воды – это еще зачем?

Миссия дружеская и, можно сказать, спортивная. Русские построили суперподлодку, которую, как они заявляют, нельзя обнаружить. Покажем, что для флота США невозможного нет! И повторю еще раз – категорически без стрельбы, мы же пока союзники, окей? Сыграем роль того парня из «Лайф», который три дня сидел перед логовом горного льва, чтобы сделать фотоснимок! Но этот «снимок», что вы сделаете, будет стоить миллионы!

Что ж, поиграем в шерифа и гангстеров! Эсминцы растянулись в линию с интервалом меньше, чем дальность уверенного обнаружения гидролокатором – этот прием называется «гребенка», субмарина не может проскользнуть через нее незамеченной! Нас не интересуют макаронники, удачно ограбившие других таких же макаронников в Таранто. Нам нужно лишь то, что внизу. Эсминцы идеально выдержанной шеренгой накатываются на итальянцев, на головном «чезаре» повернулись орудийные башни на нас – плевать, вот за этим большие громилы «Висконсин» с «Джерси» и нужны, должны же римляне понимать истинное соотношение сил и что будет конкретно с ними, вздумай они стрелять? Хотя в другое время и в другом месте – ну что такое итальянский флот? Еще больший анекдот, чем итальянская армия! Правда, в прошлом году в Индийском океане им повезло – три новейших «венето» против старого «Рамилиеза», сейчас же их четыре старых против двух «Нью-Джерси», и это еще не считая палубной авиации! Но загнанная в угол крыса бросится и на тигра – сумели ведь те же макаронники у Гибралтара, погибая, захватить с собой «Алабаму». Сейчас им такой возможности не дадут – дальноточность, мощь и меткость американских и итальянских пушек просто несравнима, так что для потомков римлян это будет смерть, однозначно – вот только и русские тогда не останутся в стороне! И дипломаты, может, и отпишутся, согласятся считать «досадным инцидентом» – вот только мы реально можем за русский легкий крейсер и четыре эсминца потерять десяток своих кораблей, включая оба линкора, и еще неизвестно, удастся ли авианосцам уйти! А «Нью-Джерси», как и «Хорнет», нам будут нужны на Тихом океане – так что категорический приказ не стрелять, даже если вас будут топить. Ради успеха операции можно даже записать один-два эсминца в «допустимые потери» – припомним за них потом.

Дистанция три мили. С палубы итальянцы уже хорошо видны невооруженным глазом. Что делать дальше? Прорезать свой строй макаронники точно не позволят, да это и без стрельбы опасно, угроза столкновений. Еще чуть-чуть, и надо поворачивать. Жаль, не получилось. Неужели сверхлодка и в самом деле невидима – или ее тут просто нет?

– Й-е-ес! Я его слышу! Есть контакт!

Акустик помнил о своем шансе. И он действительно был очень хорошим мастером – уловив на пределе слышимости сквозь шум десятков винтов еще один сигнал. И пеленг на него не совпал ни с одной из видимых целей! Включился магнитофон, проволока быстро уползала в приемник – позже, в Норфолке, эту запись будут тщательно исследовать эксперты. Сигнал был чрезвычайно слабый, и лишь очень хороший музыкант мог бы разобрать эту ноту в симфонии двух сближающихся эскадр. Но он был, принимался устойчиво – и вдруг исчез.

– Предположительная скорость цели?

Акустик отрицательно покачал головой. По скорости изменения пеленга можно примерно оценить скорость хода объекта – зная дистанцию, которая рассчитывается, исходя из уровня сигнала. Но для того надо уже знать, как слышен данный объект на различном расстоянии – а вот это как раз и представляло загадку.

– Локатор, в активный, по пеленгу!

⁴ Первые профессиональные магнитофоны писали именно на нее, ленты появились позднее.

Это тоже было наработанной тактикой. Дело в том, что работа локатора слышна на гораздо большей дистанции, чем мы сами можем обнаружить цель. Опытный и умелый противник может уклониться – тем более если этот русский и впрямь развивает под водой сорок узлов! – но если мы лишь слушаем, точно определив направление, и вдруг включаем локатор максимальной мощностью и узким лучом?

– Нет сигнала, нет... Есть!

Сигнал был очень странный, совершенно не похожий на четкий отклик от металлического корпуса – скорее, как от движущегося в толще воды куска морского дна. И уровень был чрезвычайно низок. А главное, шла совершенно необъяснимая погрешность по дистанции, от двадцати двух кабельтовых до тридцати четырех! Тогда скорость объекта могла быть оценена от шестнадцати до тридцати пяти узлов! Сигнал смещался влево, слабел, слабел... пропал!

– Передать на флагман, мы закончили! – сказал командир. – И, черт возьми, хватит дразнить медведя.

На крейсере «Рено», флагмане дивизиона эсминцев, ситуацию отлично понимали, так что приказ на отход пришел быстро. Операция «Фотоохота», как назвал ее штаб, была завершена успешно. И в отличие от «Хаски», она так и не вошла ни в один военно-исторический труд – хотя имела, по указанию штаба, более высокий приоритет, чем десант на Сицилию. Экипажам кораблей было приказано молчать – а парень из Филадельфии заслуженно получил следующее звание и запись в личное дело.

А пуму, попавшую на обложку «Лайфа», очень скоро застрелили. Это ведь было просто сделать – когда знаешь, где искать добычу.

Большаков Андрей Витальевич

(в 2012-м кап-2, спецназ СФ, в 1944-м – контр-адмирал)

Девятого мая 1944 года в Штутгарте была подписана безоговорочная капитуляция Германии.

Текст и условия ее в общем повторяли бывшее в нашей истории. Прекращение военных действий, разоружение, сдача в исправности техники и имущества, все немецкие самолеты должны были оставаться на земле, а корабли и подлодки следовать в ближайший союзный порт, подняв белый флаг, причем лодки – только в надводном положении. Учреждалась Союзная контрольная комиссия, которой были подчинены Наблюдательные миссии, как стационарные, так и выездные, для контроля за соблюдением оккупационного режима. Дальнейшая судьба Германии должна решаться на «авторитетной международной конференции, которая соберется так скоро, как великие державы СССР, США, Англия сочтут возможным». От СССР подписал Жуков, от американцев Паттон, от Британии Теддер. Присутствовали и другие, как, например, от наших Василевский, знающий тайну «Рассвета», и я как представитель ВМФ СССР.

Зато от Франции прибыло сразу двое – Де Голль и Де Тассиньи. И были очень удивлены и обижены, когда Василевский их спросил – а в каком, собственно, качестве приехали?

– Чтобы под документом о немецкой капитуляции стояла подпись и представителей французской державы!

– Очень сожалею, но юридически Франция сейчас полноценный член Еврорейха и союзник гитлеровской Германии. Или вы можете показать мне документ, официально отменяющий акт маршала Петена от 30 декабря 1942 года?

– Мне странно слышать от вас это! – Де Голль выпятился, как петух. – Вам ли не знать, что Сражающаяся Франция, которую я представляю, никогда не признавала этого самозванца!

– Простите, но разве это делает вас легитимным правительством французского государства? Тогда и товарищ Роммель, подписывающий сейчас этот Акт в качестве военного министра Германии, должен будет одновременно подписать этот же документ как одна из сто-

рон-победителей? Поскольку как глава Сражающейся Германии находится в таком же статусе, что и вы.

– Вы смеее равнять с нами гитлеровского генерала, убийцу, преступника?! После того, как ваш Сталин мне обещал... Вы обманули меня и Францию! Или вам не известно о жертвах, которые понес французский народ под немецкой оккупацией?

– Ну, генерал, не вам говорить о жертвах. Тогда и мы можем вспомнить, сколько мирных жителей убили в СССР французские добровольцы ваффен СС. И можно потише, а то у журналистов с фотографами нездоровый ажиотаж. А насчет обещаний, так товарищ Сталин велел вам передать неофициально и не для печати: где Париж, который вы обещали взять первым?

– Хотите сказать, горе неудачникам? Как любят повторять британцы. То есть Франция, подвергшаяся германской агрессии на год раньше вас, за свои страдания не получит даже морального удовлетворения?

– А за что Франция должна получить удовлетворение, если всю работу за вас сделали мы? – бесцеремонно спросил подошедший Паттон. – И если вы Еврорейх, то вам сначала надо самим капитуляцию подписать. Вот только кто этим займется? Петен мертв, все остальные разбежались. Юридически сейчас вся ваша Франция – это бесхозное имущество, где никакой признанной власти нет. Кроме нашей военной администрации, конечно.

– Может быть, наши французские гости возьмут на себя труд подписать капитуляцию за месье Петена, – заметил Теддер, также привлеченный спором. – Очень жаль, что сей почтенный старец не вынес ареста гестапо и заключения. Однако кто-то должен приказать сложить оружие французским частям Еврорейха – что, нет уже таких, дезертировали все? Бедная Франция, как ей не везет с защитниками! Да, месье, напомните мне хотя бы одну победу французской армии в этой войне? Что, Гибралтар, Суэц – ну вы бы еще Днепр вспомнили, где еще храбрым французам приходилось служить немецким пушечным мясом!

Французам ничего не осталось, кроме как удалиться в ряды зрителей. Де Голль что-то бормотал под нос – наверное, ругательства. В этой реальности СССР не собирался ни пускать чужие войска в Берлин (Сталин прочел, к чему это приведет), ни уступать территорию под зоны оккупации – если им охота, пусть делят Пфальц (меньше пяти процентов от всей собственно германской территории) на троих. Или на двоих – с чего еще янки и британец выступили с нами единым фронтом? Так что Франции здесь попасть в державы-победительницы совершенно не светило.

После подписания Акта о капитуляции как-то буднично прошло принятие и подписание Второго Штутгартского протокола (вышеназванный Акт также именуется Первым). Этот Протокол определял основы гражданского порядка, который должен быть налажен на освобожденных территориях немедленно, не дожидаясь обещанной «всемирной конференции». А до нее – нам немцев из своих полевых кухонь кормить?

Пункт первый – юридический роспуск Европейского Рейхсоюза (официальное название Еврорейха). Подписали Роммель, от Франции Де Голль (не зря все же приехал) и монархи (или их представители) Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга. Второй же пункт определял: «на освобожденных территориях гражданская власть должна быть передана тем политическим силам, которые пользуются наибольшим авторитетом на территории данной страны и имеют реальную возможность обеспечить должный порядок и спокойствие», и эта временная власть признается всеми державами-гарантами до принятия иного решения «авторитетной мирной конференцией», которая должна быть созвана «так скоро, как позволит политическая целесообразность и военная обстановка». Власть военная до вывода с территорий войск держав (опять же, когда будет «целесообразность и обстановка») принадлежит военной администрации этих держав – но для поддержания вышеназванного порядка и спокойствия, любая из держав имеет право разрешить местные полицейские формирования, «какие сочтет нужным» (с категорическим условием – из местных жителей, так что фиг вам, а не «Несбывше-

еся», все немцы за пределами собственно Германии должны быть разоружены). Юридически безупречно – и наши интересы соблюдены: а вот не можем мы считать, к примеру, польскую АК «наиболее авторитетной силой»! И будучи в своем записанном праве, не дозволим иметь вооруженные формирования, а без них какой может быть порядок?

Так что фактически Второй протокол узаконивал в Германии временное правительство Герделера-Штрелина-Роммеля. Как и народную Италию, а также Румынию, Венгрию, Болгарию, остатки Польши и Чехию со Словакией. Труднее было с бывшей Югославией, где еще предстояло решить, кто где «наиболее авторитетен», а тем более «способен реально поддерживать порядок» – судя по сводкам, стреляли там вовсю и друг в друга, и в наших, и в болгар. И с Грецией, где «наши» из ЭЛАС (не чистые коммунисты, а скорее народный фронт) готовы были насмерть сцепиться с правыми из ЭДЕС («проангличане») и ЭККА (а вот это бывшие коллаборанты с нацистским оттенком, однако успели под конец сориентироваться, что с рейхом не по пути и они тоже Сопротивление). В иной реальности все кончилось гражданской войной, и «наших» разбили с помощью английских войск – и отрубленные головы командующего ЭЛАС Ариса и его адъютанта выставили на всеобщее обозрение (озверели, сволочи). Здесь же в Греции Советская армия, и своих мы в обиду не дадим... вот только бы Афгана не получить, британское влияние и связи в Элладе очень сильны, и, как бы в этом времени сказали, «сознательного пролетариата» мало, в массе же мелкая буржуазия, торговцы, судовладельцы, рыбаки. А еще территориальный спор из-за отобранного болгарями Александруполиса с куском побережья (выход в Эгейское море!) откуда братушки уходить не собираются. Нам что – снова турок трясти, грекам в компенсацию потерь?

Ну, и Северная Норвегия – это случай особый! Поскольку король, успевший в сороковом удрать в Англию, никакого отношения к оккупационному режиму не имеет и уже требует от нас вернуть и Нарвик, и Финнмарк, и Шпицберген. Что крайне невыгодно для СССР с точки зрения базирования флота. Однако, судя по тому, что, по моей информации, наши в Нарвике обустроивались капитально, явно не собираясь уходить, можно ожидать, что какое-нибудь «самоопределение саамского народа» придумают. Да и вообще в Протоколе обговорено – пока конференция не решит иное, границы не изменяются, то есть все остаются там, где сейчас стоят. А уж после будем решать проблемы, по мере поступления!

Впрочем, и союзники не возражали. Поскольку те же положения Протокола позволяли им определиться с властью во Франции (интересно, кто?), легализовать банды Хейса в Испании и югоитальянский режим (чуть только наши до Неаполя не дошли!). И кстати, в нашей реальности даже в 2012 году во Франции в составе полиции были так называемые «роты республиканской безопасности» – аналога в других государствах нет, – изначально же это были отряды Сопротивления, привлеченные к поддержанию порядка на территории декретом от декабря сорок четвертого и окончательно зафиксированные в составе сил правопорядка законом в сорок седьмом году. Ну, тогда что вы против Сражающейся Германии имеете? Пока еще не фольксармее, но подобие жандармерии, без тяжелой техники и артиллерии, сданных на наши склады... ну так раздать обратно недолго, если сочтем нужным! А вместо полиции (распущенной, поскольку тоже была включена в РСХА) учреждалась «народная милиция», куда герр Штрелин организованно, целыми подразделениями, переводил бывших шуцманов и сыскарей (кто не запятнал себя преступлениями на службе нацистскому режиму).

Германский генштаб (ОКХ) оказался в подавляющем большинстве состоящим из реалистов, признавших существующее положение дел. Из главкомов групп армий трое – Райнгарт, Хейнрици, Фриснер – однозначно поддерживали Роммеля. Титаническую работу провел Лис пустыни со своим штабом, беря под контроль остатки вермахта – и всего за неделю, предшествующую капитуляции! Быть ему по праву первым командующим фольксармее ГДР. Шернер мог быть резко против, но повезло же ему угодить под танки Паттона (хоть какая-то и от американцев польза), а часть его войск (парашютисты Штудента) подчинились Роммелю. Кес-

сельринг на Сицилии уже сдался американцам – но даже если бы этого не случилось, в силу отрезанности от Германии не мог бы ничем помешать. Даже войска СС, по примеру Зеппа Дитриха, предпочитали воспользоваться шансом идти в плен на общих основаниях вместо прежде обещанного им коллективного повешения или расстрела. Не говоря уже о том, что дезертирство было массовым – все, кому было куда бежать, спешили исчезнуть, побросав оружие и скинув мундиры. Люфтваффе также капитулировало без проблем, хотя перелеты на запад к союзникам с германской территории случались. А вот с флотом было не все так просто.

Что с бою взято, то свято – и не может быть отдано. Такой ответ был дан англо-американцам на их требование подвергнуть разделу весь германский флот, военный и торговый – включая сюда и то, что было захвачено Советской армией до дня общей капитуляции рейха, в немецких портах, включая военно-морские базы Киль, Флегсбург, Вильгельмсхавен. Причем наглость союзников доходила до того, что они требовали включить в общий список «Шеер» (уже больше года носящий славное имя «Диксон») и подводные лодки «так называемой Свободной Германии», действующие в составе СФ! А чего стоили британские претензии на эсминцы и подлодки, находящиеся в постройке в Бремене – и являющиеся, по заявлению советской стороны, «неотъемлемой частью имущества судостроительной верфи»!

Это и было самым ценным в боевом отношении из доставшихся СССР трофеев – около тридцати подводных лодок «тип XXI» в различной степени готовности, а также большое количество корпусных секций и оборудования. Следует отметить также новейшие эсминцы Z-36 и Z-43, поднявшие флаг уже в этом году, Z-44, стоящий у достроечной стенки, Z-45, только что спущенный на воду. Гораздо меньшую ценность представлял крейсер «Эмден», уже устаревший – в строю с 1926 года. А вот множество вспомогательных судов и плавсредств, как и десантные баржи, торпедные катера и малые тральщики, очень пригодятся нашему сильно поубавившемуся в войну Балтфлоту. Союзникам же достались крейсера «Лейпциг» и «Кельн», с десятков эсминцев и миноносцев, в том числе один совсем новый «нарвик» Z-39, большое число тральщиков голландской постройки и практически все подводные лодки трех действующих флотилий (Арктическая в Бергене, Атлантическая в Сен-Назере и Лориане, Средиземноморская на Балеарах).

– Как видите, судьба уже все сделала за нас. Разделив корабли примерно поровну. Хотя по мирному времени тральщики нам нужнее, чем крейсер – как Балтику от мин чистить будем?

– Вы, русские, все-таки не цивилизованный народ! Разве можно решать споры по правилам Дикого Запада – кто первым схватил, тот и владеет?

– Как умеем, господа. И разве не вы в Европе придумали «гевер», право силы – официально включаемое в клятвы и договоры?

И была рутинная, техническая работа. Сформировать конкретные группы для контроля за германским разоружением. Определить места содержания пленных и складирования имущества, обеспечить их всем необходимым для работы. Наладить подробный учет и контроль – чтобы по завершении сверить общий реестр, представленный немцами, с суммарным списком от всех трех держав-победительниц; тогда лишь подписывался окончательный акт, и процесс капитуляции считался окончанным. Касаемо же флота Германии и ее союзников, СССР брал на себя собственно германское побережье Балтики и Северного моря, а также южную часть Дании с прилегающими островами (что успели занять советские войска). Британцы контролировали атлантическое побережье Франции (немецкие гарнизоны в «морских крепостях» Сен-Назер и Лориан), Голландию, Бельгию, север Дании, Норвегию (за исключением ее части севернее Тронхейма, занятой Советской армией), а также африканский берег Средиземноморья к востоку от Туниса. Американцам достался южный берег Франции, Корсика и побережье Африки (Марокко и Алжир). Причем британцы успели наложить руку на французскую эскадру в Бизерте, объясняя тем, что контр-адмирал Мальгузу (срочно повышенный в чине Де Голлем) не удосужился вовремя заявить о своей принадлежности к Сражающейся Франции. В

наших же портах союзники желали удостовериться, что корабли, захваченные нами до 9 мая, действительно включены в состав советского флота (под нашим флагом, с нашими экипажами), а также требовали от нас объяснений по поводу неразоруженных соединений кригсмарине – пришлось продемонстрировать им отряды траления в Кенигсберге, Висмаре, Росток, Штральзунде, штатного состава, с немецкими командами, и разъяснить, что ограниченное количество боезапаса требуется германским товарищам для расстрела плавающих мин. С другой стороны, и СССР заявил протест, что «Лейпциг», «Кельн», миноносцы и подводные лодки будто бы стоят в Копенгагене в боеспособном состоянии и с экипажами на борту.

Дания во время войны представляла собой любопытную картину. Во-первых, до осени сорок третьего немецкая оккупация носила почти символический характер, а во внутридатских делах вообще была малозаметна. И как следствие, Дания стала плацдармом британского УСО – именно датчане обеспечивали английскую разведку в Бельгии, Голландии, Северной Германии, совершая легальные поездки по Еврорейху. Во-вторых, британцы создали здесь совершенно уникальную структуру Сопротивления, когда крайне правые из «Педер Скрам» и коммунисты работали вместе, замыкаясь на Национальный комитет освобождения (созданный в Лондоне, но признанный в Дании всеми антифашистскими силами) под командой представителя УСО Флеминга Мууса. Причем стремление англичан сохранить согласие доходило до того, что особенно упертых просто убивали. В-третьих, практическим результатом этого стал случившийся весной сорок третьего перехват управления всей датской полицией, которая в итоге лишь номинально подчинялась немцам, а фактически же превратилась в филиал УСО. Не случайно же, когда Гитлер втащил Данию в Еврорейх, мобилизацию призывного контингента пришлось осуществлять не местным полициям, а немецким жандармам! А бегство через пролив в Швецию приняло настолько массовый масштаб, что британцы под руководством Стокгольмской резидентуры УСО сформировали на шведской территории самую настоящую датскую армию в эмиграции (численностью в две полнокровные бригады)⁵, которая после объявления капитуляции очень быстро оказалась не просто в Дании, а прямо у дверей командующего немецкими войсками генерала Ханнекена, захватив его в плен вместе со всем штабом и даже приняв у него формальную капитуляцию (датчане! у немецкого генерала! кампания 1940 года наоборот!).

Черт бы их побрал, а ведь наши уже взяли Фленсбург и успешно продвигались на север! И перед ними не было ничего похожего на фронт – одна 328-я пехотная дивизия неполного состава (без одного полка, находящегося на острове Северная Ютландия) всего с двухмесячным сроком обучения. Эти горе-войки разбежались или спешили поднять руки при одном виде советских танков! Еще были 160-я (остров Зеландия, Копенгаген) и 166-я (остров Фюн) резервные дивизии столь же «обученных и храбрых» вояк и оперативный резерв, 233-я танковая дивизия (матчасть – старые «четверки») и отдельный полицейский полк УНА (суки! вот до кого хотелось бы добраться!). А у нас в Штральзунде и Росток уже готовились к броске три гвардейские бригады морской пехоты, те самые, что брали Зеелов – доказать хотели, что они не «речная пехота», как обзывали их иные острословы, а настоящая морская, только случая не представлялось, десант на Борнхольм был легкой разминкой, там и пострелять-то почти не пришлось. Всего лишь суток нам не хватило. Но до Кольдинга дойти успели.

Имел место даже такой героический эпизод, как восстание датского флота! Был он невелик, но и не слишком мал – два броненосца береговой обороны (один, «Нильс Юэль», очень даже ничего, броня и огневая мощь легкого крейсера, только ход подкачал), два современных «прибрежных эсминца», примерно равноценных немецким «тип Т», двенадцать подлодок (четыре относительно новых, постройки конца тридцатых, класса наших «щук»), семь минзагов и шестнадцать тральщиков (не учтены шесть относительно новых миноносцев, конфиско-

⁵ Все факты реальные.

ванных немцами, и десять совсем старых, едва ли не времен Русско-японской войны). За каким чертом немцам понадобилось пытаться привести флот, до того намертво пришвартованный к пирсам Копенгагена, в боевое состояние, это еще предстояло установить. Но кригс-комиссары с помощью немногих присланных солдат никак не могли удержать корабли под контролем, зато для датчан, даже тех, кто был склонен к коллаборационизму, появился шанс показать, что «мы тоже боролись», так что немцев быстро перебили – и именно грозный датский флот сыграл решающую роль в том, что датская армия УСО так быстро оказалась и в Копенгагене, и на севере Ютландии, и на прочих островах.

Для нас же сей факт представлял интерес в связи с тем, что Борман, как было доподлинно известно, пересек датскую границу (далее его след терялся), и Гиммлер исчез из Амстердама буквально накануне занятия города англичанами, неизвестно куда (если только УСО не взяло его на службу, что все ж маловероятно), и Мюллер был замечен в последний раз в Гамбурге, и еще несколько фигур рангом пониже тоже пропали где-то в этих краях. И у нас всерьез предполагали, что датско-немецкий флот должен был вывезти всех этих бонз, или кого-то из них, в Швецию. Так что одной из целей нашей миссии в Копенгаген был сбор информации и в этом направлении.

У датчан мобилизовали для нужд Контрольной комиссии «лоцманский крейсер» – так называли здесь крупные катера лоцманской службы, очень мореходные, выдерживающие любую волну, маневренные и достаточно быстрые. Команда была датской, хорошо знающей местные навигационные условия, и еще на борту могло разместиться десятка полтора человек (если очень надо, то и полсотни, но уже как сельди в бочке и без всяких удобств). Обычно кроме меня, двух-трех наших офицеров и нескольких морпехов охраны присутствовали и союзники, а также двое-трое англичан. Капитан нашего катера хорошо выполнял свои обязанности, но с нами держался холодно и подчеркнуто официально – после я узнал, что он из «Принцев»⁶. Прочие же члены немногочисленной команды, показалось мне, ни рыба ни мясо – как Олаф Свенссон, он же Олег Свинын, попавшийся нам на пути когда-то в Норвегии, в сорок втором: «Война войной, а рыбка и тем и этим нужна». Однако же англичане уверяли, что этот экипаж хорошо показал себя в Соппротивлении, перевезя через пролив в Швецию много беглецов.

В этот раз со мной были двое британцев и американец. Коммодор Йэн Монтегю, представитель в СКК от Роял Нэви, был типичным английским флотским офицером, «чи предки десять поколений служили Королевскому флоту». Когда он пытался завести неофициальный разговор, слушать его мне было неприятно.

– Сэр, ваш язык безупречен для русского морского офицера. Знаю, что в ваших школах принято изучать немецкий – но неужели вы не считаете позорным, что наш, международный язык мореплавателей, зачастую неизвестен очень многим офицерам ВМФ СССР? И это вы фактически создали русский корпус морской пехоты, подняв его почти до уровня Роял Нэви? Бесспорно, в этой войне советский флот добился кое-каких успехов, – но взглянем правде в глаза, все ваши победы не более чем каботаж. Русские – это не морская нация, а континентальная, не имеющая заморских интересов, а оттого и флот для нее роскошь, оттягивающая ресурсы от более важных задач. Вот вы, например, насколько мне известно, сделали карьеру в Амурской флотилии, а в сорок втором попали на Север. Вы, русские, хорошие бойцы и потому можете даже иногда одерживать морские победы – возле своих берегов. Но у вас никогда не было традиции большого мореплавания, а потому Мировой океан всегда будет для вас чужим. Да, вы придумали своего Полярного черта, или как его там – но знаете, по чисто техническим новинкам, еще в прошлом веке французский флот опережал нас, и это обычное дело, когда именно слабейший пытается таким образом обойти фаворита, и что? У французов не было

⁶ Группа Соппротивления, преимущественно из офицеров датского флота, в 1940 г. отказавшихся продолжать службу при немцах и подавших в отставку. Ярые антикоммунисты, входили в блок «Педер Скрам».

традиций, системы, они не понимали, что морская мощь есть неотъемлемая часть политики и экономики, не говоря уже о войне. Это дано лишь истинно морским державам, таким как империя, раскинувшаяся на полмира – части которой были связаны лишь тысячами миль океана, а не какой-то транссибирской магистралью! И не случайно маленькая, но островная Япония сумела разбить вас на море – для британского флота разгром, подобный Цусиме, невозможен по определению!

Зато второй англичанин был фигурой примечательной. Насквозь штатского вида, в очках – интеллектуал, закончивший Кембридж – и член компартии Великобритании, ветеран испанской войны, кинодокументалист и режиссер, снимавший там очень неплохие фильмы «за республику». И родной брат коммодора – Айвор Монтегю. О том после забыли, но в тридцатые-сороковые «левые» взгляды среди западной элиты были не редкостью (впрочем, и у нас в семнадцатом, Ильич со товарищи ведь не были ни пролетариями от станка, ни крестьянами от сохи). Эта мода быстро сошла на нет после Двадцатого съезда той истории (именно ее осколком был Ким Филби). Замечу лишь, что «коммунист» применительно к этим вовсе не означало «просоветский» – не только у Хейса в Испании были проамериканские коммунисты.

– Мистер Большаков (он упорно обращался ко мне на штатский манер), как вы думаете, это последняя Великая война? Мальчишкой я застал еще ту, прошлую войну, и она казалась адом – помню горе от сотен тысяч смертей и ужас от налетов цеппелинов. Теперь я видел истинный ад – и мне страшно представить, какой будет Третья, если эта тенденция сохранится! Неужели Уэллс окажется прав в своих романах-предвидениях – вместо цивилизации, голая земля, выжженная взрывами атомических бомб, и кучки людей, отброшенные к каменному веку?⁷ Когда-то я верил в людской разум, в дипломатию. В Испании же я видел, что бывает, когда люди, вовсе не злодеи изначально, спорят насмерть, каждый за свою правду.

Эту фразу я сначала пропустил мимо ушей. Поскольку не мог считать правыми фашистов. Но в дальнейшем оказалось, что под воюющими за «разную правду» Айвор имеет наших. Испания была уникальна тем, что там, под влиянием анархистов, был поставлен эксперимент прямо по Марксу – вместо единой государственной машины, самоуправление местных мелких коммун и вольное следование их общей цели, «хочу присоединяюсь, хочу – нет»; этого не было в полной мере, но к тому стремились. И сразу выяснилось, что общность интересов существует лишь в идеале – доходило и до разборок со стрельбой, и самых настоящих войнушек, а уж постоянные интриги в стиле «мадридского двора» и долгое открытое обсуждение каждого военного решения довели бы до инфаркта любого вменяемого командующего войсками. А у Франко была настоящая военная машина, показавшая свое полное превосходство – и никогда больше анархизм не будет играть в политике где бы то ни было значимую роль.

– Сейчас, после ужасов этой войны, я надеюсь, народы получат сколько-то лет мира. Но я помню, что порядок казался незыблемым и перед той войной – и как наш лорд Чемберлен в тридцать восьмом, вернувшись из Мюнхена, объявил: «Я привез вам мир на долгие годы!» А затем нации будто сходили с ума во взаимном истреблении. И мне страшно заглядывать в будущее – чем дольше будет мирная передышка, тем более разрушительное оружие даст людям развитие науки и техники! В то же время споры между государствами будут всегда – а значит, и соблазн решить их силой. Потому мир должен перестать быть Диким Западом, где правит лишь оружие вместо закона. Должна быть всемирная власть – которой подчинятся все. Потому что, в отличие от прежней, беззубой Лиги Наций, лишь эта власть должна располагать вооруженной силой – отдельным же странам будут дозволена лишь полиция, для поддержания внутреннего порядка. По образу и подобию принятого Штутгартским протоколом.

Я лишь пожал плечами. Если державы договорятся о всеобщем разоружении. Вряд ли бы англичанин понял нашу поговорку «когда рак на горе свистнет».

⁷ Роман «Освобожденный мир», 1912.

– Есть реальный путь это обеспечить, – сказал Айвор Монтегю. – Вот вы, мистер Большаков, были на севере? Знаю, что вам удалось построить подлодку, далеко превосходящую любую субмарину даже британского флота. Что, если будет объявлено, что все военные усовершенствования отныне являются монополией будущей Всемирной Организации, ее вооруженных сил? Думаю, что это будет принято всеми державами, хотя бы чтобы избежать дорогостоящих трат на разработку все новых и новых вооружений. И тогда накопленные горы смертоносного железа быстро станут бесполезны, как были бы сейчас копья и кремневые ружья, и все стороны сами бы упразднили свои армии, тяжелым бременем лежащие на казну.

– И между кем вы представляете завтра войну? – спросил я. – Между США и Англией? Или кем-то из них и СССР?

– Между кем угодно, – ответил Айвор. – Всего десять лет назад Германия казалась вышедшей из числа мировых игроков. А кто еще полвека назад мог ожидать, что туда войдет Япония? Сто лет назад США казались мировой провинцией. А вы, русские, простите, непредсказуемы вообще. Если мы строим цивилизацию, а не Дикий Запад, то противно природе ходить обвешавшись оружием – оно должно быть лишь у полисмена. И согласитесь, что любой стране выгоднее не наращивать военную мощь, а встроиться в международную систему общей безопасности. Когда на нарушителя сначала налагаются санкции, затем следует «полицейская» кампания по принуждению агрессора к миру, и наконец, в международном суде разбирается спорный вопрос.

– А судьи кто? – спросил я. – Как вы представляете эту новую Лигу Наций? Кто будет в ней командовать? Если всеобщей демократией, по голосу от каждой страны, включая самые малые – то выйдет забалтывание любого вопроса, как вы заметили по Испании. Если же править будут немногие – выйдет тирания, молчу уже про интриги какого-то двора, где там будет размещаться штаб-квартира вашего Всемирного правительства.

– Возможно, – задумчиво произнес Айвор, – но согласитесь, что даже некоторая несправедливость, если такая и будет, это меньшее зло по сравнению с мировой войной.

– А это уже не мне решать, – отвечаю, изображая недалекого служаку, – а политикам. А я человек военный – получив приказ, исполню, как же иначе?

Третьим представителем союзников на борту был американский офицер связи Жильбер. Это странно, французская фамилия у американца – и полковничьи орлы на погонах, отчего не моряк? Впрочем, и кадровым сухопутным «полканом» он не был, уж строевика любой армии со штатским не спутаешь никак. Еще один шпион? Впрочем, в беседу американец не вмешивался, лишь сидел и слушал, – а взгляд-то у него очень внимательный! Если штатский – значит, не военная разведка, а УСС, предтеча ЦРУ?

Копенгаген впечатлял – прежде всего своей мирной жизнью, тут словно ничего не изменилось за войну. Интересно, и затемнения не было, или уже успели снять? Но нас интересовали не достопримечательности вроде воспетой Андерсеном Круглой башни или бронзовой Русалочки на камне у входа в бухту, а стоящие в порту крейсера кригсмарине, на которых, насколько можно было видеть, несли службу согласно уставу. Также в боеготовом положении находился дивизион траления – но относительно него была договоренность. Немцы сами расчищали море от выставленных ими же мин.

– Да вы не беспокойтесь, эти немцы смирные! – сказал Йен Монтегю. – Видели бы вы датский десант в Копенгаген, зеркальное отражение 9 апреля 1940 года.⁸ Как джерри тогда высаживались прямо у Цитадели, где был главный штаб датской армии – на виду у форта Мидельгун с двенадцатидюймовой батареей и стоящего рядом «Нильса Юэля», не сделавших ни единого выстрела – так и сейчас, разница была лишь, что в Цитадели сидел герр Ханнекен со

⁸ Немцы захватили Данию 9 апреля 1940 г. даже не за сутки, а за световой день.

своим штабом. И немецкие корабли и батареи тоже не стреляли. Так что датчане расплатились с гансами за тот эпизод сполна и той же монетой!

Еще одной целью нашей миссии в Данию, кроме флотских дел, было согласие британского командования выдать СССР пленных бандеровцев из упомянутого «полицейского» полка СС – подобно тому, как в той истории англичане выдали нам Шкуро и Краснова. О политической изнанке этого дела, отчего это союзники оказались столь любезны, я могу лишь догадываться – знаю, что как раз в это время шли переговоры по Испании. А еще британцам надо было наладить отношения со Святым престолом, испорченные после февральских событий в Риме – и папа по просьбе Сталина распустил Украинскую Унию. В итоге, упашники оказались разменной монетой – и пока в Лондоне не поменяли мнение, надо было воспользоваться этой уступкой.

Лагерь пленных находился на острове Сальтхольм. Когда-то тут был чумной карантин, а в девятнадцатом веке построен береговой форт – с устарелыми, но грозными на вид пушками, он сохранился и сейчас, там был датский гарнизон и рота англичан, охранявших лагерь. Швеция была рядом, в четырех милях через пролив Эресунн, – но довольно быстрое течение и холодная вода делали невозможным бегство вплавь, а лодки все были лишь в форте, под контролем, никакого гражданского населения, никаких деревень на острове не было. В моей истории, уже в наше время, тут хотели построить новый аэропорт и мост в Швецию, но затем, чтобы не навредить уникальной фауне острова, переправу соорудили южнее (уже в девяностых, экология тогда была в фаворе), а от аэропорта отказались. Остров был крупнейшим в Европе заповедником диких птиц – гусей, лебедей, уток (промышленное значение – добыча и сбор гагачьего пуха для одежды полярников, летчиков, моряков). Птичек, вынужденных сейчас, в разгар выведения потомства, соседствовать с бандеровцами, было жалко.

Мы увидели пустырь, огороженный проволокой. Не было ни бараков, ни палаток, ни даже тентов от дождя и солнца – а лишь подобие очень мелких нор, вырытых буквально голыми руками. Недавно прошел дождь, и эти углубления были залиты водой, вся территория за колючкой превратилась в болото. Пленные, одетые в грязные лохмотья, сидели и лежали на голой земле, иногда прямо в лужах, как свиньи. Впрочем, формально они числились даже не военнопленными, а «разоруженными силами неприятеля», специально придуманным особым классом заключенных, на который не распространялась Женевская Конвенция, их даже можно было не кормить⁹.

– Скоты, – сказал британский капитан, комендант лагеря, лично нас сопровождавший, – видели бы вы, что происходит, когда мы вываливаем за ворота очистки и обеды с кухни – так и жрут прямо с земли. Зато от жажды страдать не будут: в лужах воды достаточно. Ну, а кто сдохнет, они сами же и закапывают прямо на месте, чтобы не распространял заразу. По мне, все бы вымерли, мир ничего не потеряет. Это хорошо, что вы их всех забираете – парни устали уже вдыхать эту вонь.

Комендант был чисто выбрит, от него пахло одеколоном, но все равно он брезгливо морщил нос. Попробуйте собрать вместе несколько тысяч бомжей – запах будет валить с ног метров за сто. Этих существ за колючкой было, как сказал англичанин, четыре тысячи двести пять, когда их туда загнали, как раз в День Победы, полторы недели назад. Теперь их пересчитают лишь завтра, на выходе из ворот. Разность даст число умерших, закопанных там – а после вырастет трава, и датчане пригонят коров (остров издавна служил пастбищем для скота жителей соседнего острова Амагер). Ну, а я совершенно не правозащитник, чтобы ужасаться судьбе «несчастливых узников» – как раз для таких в УК (уже в измененной нами реальности)

⁹ Описание соответствует американскому концлагерю Райнвизен. В подобных ему в 1945–1946 гг. нашей реальности погибло свыше миллиона немецких пленных. Класс DEF – Disarmed Enemy Forces – был введен в марте 1945 г. по приказу Эйзенхауэра.

совсем недавно была введена статья для граждан СССР, с оружием воевавших против нас в составе вражеской армии или иных военизированных формирований (как полицаи, на временно оккупированной территории), «сталинский четвертной», двадцать пять лет без права амнистии. Освобождались лишь те, кто состояли в рядах партизан и подполья, «или иным способом доказали свою верность советской власти». Так что мне совершенно не жаль было этих бывших людей, которые сами сделали выбор предать Родину в такой войне.

– Их надо покормить и напоить, – говорю коменданту, – а то половина перемрет по пути. А это уже собственность СССР, рабочая сила.

– В этот ваш Гулаг? – спросил Йен Монтегю. – Убирать снег в Сибири? Лично я бы на их месте предпочел расстрел, но вы вправе поступить с этими ниггерами, как считаете нужным. Капитан, распорядитесь!

Комендант отдал команду подбежавшему сержанту, и через минуту у ворот началось движение. Первым делом к двум часовым прибавился еще десяток британских солдат, все со «стэнами» наготове. Затем открыли ворота и внутрь втащили, оставили у входа две железные бочки с водой, несколько мешков сухарей и большую кучу отбросов с кухни (все вывалили прямо наземь). Как только солдаты закрыли ворота, собралась толпа. Зрелище было неприглядным, то и дело вспыхивали драки за глоток и за кусок.

– Парни тут развлекались, – сказал капитан, – бросали сухарь, или даже кусок буханки, а после смотрели за схваткой «гладиаторов», и даже ставки делали, кто победит.

Вдруг все стало тихо. Я расслышал прошепелестевшее из-за проволоки слово «москали». Мы были в советской форме – я, мой адъютант и охрана, четверо сержантов-морпехов. Пленные замерли, смотря на нас. Британцы вскинули «стэны», а коммодор Монтегю сказал:

– Кажется, нам лучше уйти. Если толпой бросятся на проволоку, могут смять.

Я презрительно махнул рукой. Это стадо – не советские. У них не может быть отваги идущих на смерть. А остров ровный, как стол, нигде не спрятаться, не укрыться.

А они смотрели и вдруг метнулись назад, забыв про еду. Йен Монтегю произнес озабоченно:

– Надо было вам, русские, переодеться или что-то накинуть поверх. Теперь барашки поняли, что их путь лежит на бойню. Когда погоним, могут быть проблемы.

И обернулся к брату – все снял?

– Йес! – Айвор опустил кинокамеру. – Как раз поймал в кадр и этих, и наших парней. Вышло угрожающе.

Наш транспорт, «Арктурус» (бывший немецкий, взятый в исправности в Росток, но уже с нашей командой и под советским флагом), уже пришел в Копенгаген – конвойная полурота на борту, трюмы оборудованы под кратковременную перевозку большого числа людей. Перебьются в тесноте, тут и ста миль не будет, меньше полсуток хода! Но датчане, узнав про передачу нам пленных, решили устроить спектакль.

– В Москве вы провели своих пленных по городу. Датская нация тоже желает выглядеть пристойно в глазах мировой общественности и компенсировать «марш датских эсэсовцев», как зовете вы проводы добровольцев на Остфронт в октябре сорок третьего.

И потому, вместо того чтобы сразу грузить пленных небольшими партиями на «Арктурус», было решено выгружаться в Нефтяной гавани, там формировать общую колонну и провести по улицам до Таможенной гавани, где стоял наш транспорт, передача советской стороне должна была состояться уже у трапа. Причем, опять же ради пропаганды, охрану осуществляли даже не британцы, а датчане!

– Сначала на юг, в обход поля Клевенмаркен, затем по проспекту Холмбрасштадт, поворот на Амадженброгэйт, дальше мост, на Торвегэйд, мимо дворца Кристианборг, по проспекту Остерволдгэйд до Цитадели, и вот уже на месте! – говорил мне Йен Монтегю, показывая на

карте. – За порядок не беспокойтесь! Вся датская армия и полиция будут здесь, кто не в охране, так зрителями! Желаете тоже взглянуть?

Это была не наша зона ответственности, и зрелище не доставило бы мне никакого удовольствия. Зато среди целей нашей миссии был осмотр немецких кораблей, чем мы и занялись, по моему настоянию, на следующий день. Благо крейсер «Лейпциг» стоял буквально рядом с «Арктурусом» – так что пленные должны были пройти мимо. Как раз и успеем уже к нашей части мероприятия!

По поискам Бормана и прочих – было глупо ждать, что они сами явятся к нам. По нашему запросу англичане представили списки задержанных ими высших германских офицеров и чиновников – партайгеноссе Бормана там не было. Наверняка уже в Швецию сбежал, благо паромы ходили по расписанию, как в мирное время! А чистые документы достать на любое имя для такой фигуры – не проблема.

На «Лейпциге» нас приветствовал командир фрегаттен-капитан Асмус. Экипаж был, как положено, выстроен на палубе. Немцы встречали нас без враждебности, скорее с любопытством, вид имели усталый – и видно было, что крейсер уже не содержится в должном порядке, заметна грязь и даже ржавчина на механизмах. Но, по докладу командира, машины и вооружение были в исправности, боекомплект выгружен, топлива в цистернах треть запаса, а вот продовольствие на исходе, «поскольку принималось с берега еще до капитуляции». Экипаж находился на борту, формально считаясь под арестом, выйти с корабля было нельзя, у единственного трапа стоял британский пост, сержант и двое солдат. И это было скорее исключением из правил – в немецком флоте принято, в отличие от нашего, где «корабль – дом», что до эсминцев включительно при стоянке в базе моряки живут в береговых казармах, оставляя на борту лишь дежурную вахту. Здесь так и было с Z-39 и меньшими боевыми единицами. Практичные англичане казармы в места заключения превратили, выставив свои караулы. Так что матросы «Лейпцига» и «Кельна» завидовали своим товарищам с миноносцев, пребывавшим в заточении хотя бы на твердой земле.

Сам корабль показался мне не слишком ценной боевой единицей, уступая нашим типа «Киров» и в огневой мощи, и в скорости хода, и в бронировании – причем если теоретически можно было заменить радары, зенитную артиллерию и устаревшую СУО, то изначально порочной и не подлежащей исправлению была сама идея дизеля для экономичного хода на среднем валу при турбинах на бортовых. Это выглядело заманчиво в мирное время – но в боевой обстановке жизненно важна возможность дать полный ход максимально быстро, а значит, надо держать котлы прогретыми, что с избытком съедало всю экономию топлива, сама же машинная установка оказывалась излишне сложна и меньшей мощности, чем чисто турбинная тех же весов и габаритов. Так что у СССР не возникло возражений, чтобы англичане забрали этот трофей себе, коль он им нужен.

В ожидании назначенного часа была еще беседа в кают-компании, куда нас пригласили на обед. Немцы интересовались новостями. Ну, и конечно, старая привычная песня: «Мы не нацисты, а просто исполняли свой долг». И собственной судьбой – в этой реальности нет «про-западной» части Германии, так что куда после капитуляции податься бывшему офицеру кригсмарине это вопрос интересный – при всех симпатиях к англичанам, они чужаков вряд ли на службу возьмут, даже в торговый флот, своих людей хватает. В то же время будущая ГДР – это слово как-то незаметно уже вошло в обиход, появившись сначала в «Правде», еще зимой – как любое нормальное государство, должна располагать вооруженными силами. Про фольксармее уже говорят, а фольксмарине будет?

Ну, я и ответил, как представитель той стороны, чья сейчас Германия. Не разглашая никаких секретов – лишь то, что уже оглашено было всему миру. Что за ними останутся исключительно те земли, где живут этнические немцы, никаких колоний с унтерменшами. Что касаясь Австрии, Судет, Шлезвиг-Гольштейна, Эльзас-Лотарингии, Саара, Силезии – то судьба этих

территорий будет определяться с учетом волеизъявления местного населения. Если они захотят остаться в составе ГДР, то Советский Союз препятствовать не станет. И, как заявил товарищ Сталин, гарантирует неприкосновенность новых границ от любого иностранного посягательства. Что до них конкретно – то СССР заявлял и подтверждает, что не имеет претензий к тем, кто не совершал военных преступлений и не состоял в преступных организациях, как нацистская партия или СС. Так что кто желает – когда вернется домой, может предложить свою службу ГДР.

– А что станет с Восточной Пруссией? Как следует понимать слова вашего вождя?

– Сказано было лишь о «ликвидации навек прусского государства как рассадника агрессии и милитаризма». В какой конкретной форме это будет реализовано, еще узнаем. Но я хочу напомнить, что Восточная Пруссия уже была присоединена к России при императрице Елизавете. Так что, рассуждая гипотетически, товарищ Сталин имеет полное право восстановить историческую справедливость. Впрочем, в этом случае жители Кенигсберга должны радоваться – тогда они не будут ответственны за контрибуцию, которую Германия обязана будет уплатить.

Доложили – пленные идут! Мы поспешили на «Арктурус». Лишь Айвор Монтегю попросил разрешения остаться на «Лейпциге», поскольку с мостика открывался куда лучший вид. Коммодор Монтегю не возражал, герр Асмус заверил, что любая помощь от экипажа крейсера будет оказана. Сойдя на берег, я обернулся и взглянул наверх. Айвор уже успел установить на штатив свою кинокамеру со сменной оптикой и готовился снимать – те самые кадры, которые после получают мировую известность.

Весь Копенгаген – это по сути порт, общая длина причальной линии свыше тридцати километров, если мерять по всему побережью проливов, островков, каналов. Мы стояли у здания таможни, в Среднем бассейне. Перед нами «Лейпциг», за ним Z-39. Напротив, с противоположной стороны бассейна, стояли британцы – крейсер «Свитшув» и два эсминца. На берегу, за линией причалов, были старые казармы и склады – кажется, здесь в шестидесятые возникнет «вольный город Христиании», община хиппи, «не признающая капитализма и Евросоюза»¹⁰.

Вот вдаль, у поворота от железной дороги к причалам, показалась медленно движущаяся масса. И даже здесь на берегу болтались зеваки из местных, наверное, матросы и портовики. Мне уже приходилось видеть, как датчане, а также бельгийцы, голландцы, французы выражают презрение к своим коллаборационистам. Причем отчего-то они были гораздо беспощаднее не к бывшим чиновникам или полицейским, а к своим женщинам, замеченным в связях с немцами, – их обривали налысо и гнали по улице голыми, облив нечистотами. Хотя немецкие шлюхи лично у меня не вызывали сочувствия, остаюсь в убеждении: так поступать «цивилизованные европейцы» имели бы право лишь в том случае, если бы их Сопротивление было настоящим. Как, например, у итальянцев – но даже гарибальдийцы, с их непримиримостью к предателям, над пленными не издевались, а просто убивали.

Флегматичные нордические датчане, потомки викингов – оторвались по полной. Как мне рассказали, во время марша в пленных летели камни, тухлые яйца, всякая дрянь, а по праздничному одетая толпа на тротуарах свистела, орала, делала неприличные жесты. Пленные жались в кучу, сбивали строй – конвой пытался восстановить порядок, увещевая разбушевавшихся соотечественников. Причем бесновались и женщины, и дети – картина была неприглядная (и вовсе не потому, что мне жаль бандер!).

Первыми шли немцы – также подлежащие депортации в Германию. Любопытно, что их датчане задевали меньше. Немцы тоже слышали про московский парад и шли безупречным строевым шагом, четко держа равнение – как при вступлении в Копенгаген 9 апреля 1940 года: «Немецкий посол срочно запросил самое важное, на его взгляд, для захвата страны – военный

¹⁰ Тут Большаков ошибается, местоположение Христиании на карте Копенгагена будет несколько иным.

оркестр. Оркестр был предоставлен – и вскоре после обеда в столицу торжественно вступила немецкая армия. Меньше батальона – зато шли красиво, под звуки марша, и впереди командир на лихом коне. И всем стало ясно, что сопротивление безнадежно»¹¹. Здесь не было впереди полковника на коне, зато оркестры наличествовали, и не один – расположившись в нескольких местах по пути, они играли бравурные марши победителей.

Я слышал, что датчане очень сожалели, что не успевали подготовить свою армию к такому действию, не одним же русским устраивать парады Победы. Как бы смотрелось, по древнеримской традиции, впереди грозное датское войско, а следом колонны взятых им пленных! Но пока, как я уже сказал, вся датская армия насчитывала две неполные бригады на всю территорию, не только Копенгаген – и не было еще боевой техники на ходу, не была пошита парадная форма, а против заготовленной еще для Датского корпуса на Восточном фронте «очень красивой, похожей на эсэсовскую, но с символикой викингов» резко воспротивились англичане, надеть же британскую с датской кокардой и погонами, как была обмундирована по-боевому новая датская армия, сочли непатриотичным. Я вспоминаю итальянский парад, когда гарибальдийцы входили вместе с советскими войсками в освобожденный Милан и шли по улице не в ногу, одетые нередко кто во что – но подлинным маршем победителей по праву, в одном боевом порядке с советской гвардейской пехотой, пришедшей от Сталинграда. Но когда нет настоящих побед, приходится подменять блеском мишуры.

Впереди двигались пара «виллисов» с офицерами, датскими и английскими. Следом топала колонна. Блестели примкнутые штыки датчан – наверное, кадры нашего парада решили повторить, где конвой был с СКС. Немцы шли бодро, им было уже известно, что советские напрасно не расстреливают, за свою жизнь можно не опасаться, а так как война закончилась, то и в Сибирь, скорее всего, они не поедут, максимум посидят за проволокой уже в Германии пару недель, пока все устаканится, а после будут отпущены по домам. Четко соблюдая порядок, они поднимались на «Арктурус» и сходили в отведенные им трюмы. Солдаты вермахта имели вид потертый, но гораздо более пристойный, чем те, кого мы видели вчера на Сальтхольме. Даже у датчан было совсем иное отношение к карателям из СС – которые и тут перед капитуляцией успели учинить грабежи и погромы. Ну, а 160-я пехотная дивизия, ответственная за Копенгаген, дисциплинированно сдалась, не создавая победителям никаких проблем.

Вдруг по строю внизу как волна прошла. На причал вступили уже не немцы, а упашники, они увидели впереди советский флаг и у трапа конвой в нашей форме, с овчарками на поводках. Раздались крики: «москали», «на смерть нас», «бежим», «бей», а затем толпа раздалась вширь, во все стороны сразу. И пара автоматных очередей – это англичане у трапа «Лейпцига» успели взять хоть какую-то плату за свои жизни.

Айвор Монтегю, журналист и кинооператор.

Копенгаген, 19 мая 1944 г.

Немецкие матросы, столпившиеся на палубе «Лейпцига», выкрикивали приветствия своим камрадам – которых считали более удачливыми, ведь те совсем скоро уже будут дома. Им отвечали, а датчане-конвоиры тут же орали, приказывая молчать, и грозно водили штыками. Впрочем, я не видел, чтобы кого-то и в самом деле ударили, – а пленные немцы не принимали свое положение всерьез. Война уже кончилась, солдаты возвращаются домой – к какой бы армии они ни принадлежали. Наверное, это самая большая радость – оставшись живым,

¹¹ Тут Большаков ошибается, это было 9 апреля не в Копенгагене, а в Осло (фотография сохранилась). Но по духу очень подходит – норвежцы все же сопротивлялись три месяца, а датчане сдались в тот же день. Немецкие потери, по германским данным, двое убитых, десять раненых, двое умудрились попасть в датский плен. Послевоенные датские источники говорят о двухстах убитых немцах и нескольких десятках подбитых немецких танков, историки других стран приводят цифру двадцать убитых, о потерях техники не говорится ничего.

увидеть родину после долгого отсутствия, вернуться к мирной жизни. Так было и будет, во все времена.

Вдруг уныло бредущий строй превратился в беснующуюся толпу, я сразу не понял, что было причиной. Эти чертовы датчане даже не пытались восстановить порядок – большинство из них сразу обратилось в бегство или подняли руки, побросав оружие, лишь немногие успели выстрелить, и то чаще вверх, а не на поражение, до того как были растерзаны толпой. Помню опрокинутый набор «виллис» и солдата у нашего трапа, лихорадочно пытавшегося перезарядить заклинивший «стэн». А затем толпа рванулась на борт «Лейпцига», и я мысленно попрощался с жизнью. Если и экипаж крейсера, восемьсот человек, окажется нацистскими фанатиками – а кто еще мог решиться на бунт в такой момент? – то меня сейчас же убьют, причем с особой жестокостью. И то, что мятеж очень скоро будет, без всякого сомнения, подавлен, мне уже не поможет!

Но никто не стал меня убивать. Я знал о неодолимом противоречии между германской и славянской расой – но не думал, что оно настолько велико, чтобы даже здесь не позволить объединиться против недавнего противника, нас и русских. Впрочем, я слышал, что и Гитлер иезуитски использовал это противоречие, сделав из выходцев с Украины, одной из российских провинций, подобие янычар – одной из задач которых были полицейские функции по отношению к чистокровным немцам. И теперь, когда эти ренегаты хотели ворваться на «Лейпциг», чтобы, без всякого сомнения, склонить экипаж присоединиться к бунту – их не пустили! Помню, как рослый боцманмат посреди трапа размахивал багром перед напирющей толпой, крича: «Хальт! Цурюк! Ферботен!», и как в воду летели тела. А затем, по команде офицеров, раскатали пожарные шланги, и в толпу ударили мощные струи воды, сбивающие с ног. А командир крейсера, подойдя ко мне, сказал, отдав честь:

– Герр Монтегю, прошу засвидетельствовать, что мой экипаж совершенно непричастен к этим беспорядкам. И будет очень жаль, если ваши соотечественники этого не поймут.

И показал на другую сторону бассейна. На «Свитшуфе» сыграли тревогу и уже разворачивали на нас орудийные башни. Если они начнут стрелять... для шестидюймовых снарядов с такой дистанции броня на бортах «Лейпцига» – что картон. Странно, но на ум мне в первую очередь пришло, что скажет мой братец – вот уже время и компанию нашел себе Айвор, даже для того, чтобы сдохнуть!

Немецкий сигнальщик по приказу герра Асмуса стал что-то передавать на «Свитшуф» – наверное, уверял в лояльности. И кажется, ему поверили, потому что никаких дальнейших враждебных действий от британских кораблей не последовало. Я снова взглянул на берег – там картина решающим образом изменилась. Немцы, которых русские не успели загнать к себе на борт, также мало того что не поддержали бунт украинских эсэсовцев, так еще и вступили с ними в ожесточенную драку. А русские солдаты спустили овчарок с поводков – интересно, как собаки различат, кого им рвать, этих или тех? И драка явно смещается от русского транспорта к нам, «наши» пленные одолевают, а из задних рядов бунтующей толпы уже многие разбегаются кто куда, к городским кварталам – не завидую обывателям, кто окажется на пути этих бандитов!

Фрегаттен-капитан Асмус отдает приказ, и с крейсера на берег выбрасывается десант матросов, вооруженных кто чем, в большинстве же просто ремнями с литыми пряжками – опасное оружие в драке. Этого удара во фланг и тыл украинцы не выдерживают. Через пару минут с полсотни тех, кто не успел убежать, стоят на коленях в окружении очень злых немцев, еще кого-то, визжащих и брыкающихся, русские тащат на свой корабль. А прочие исчезли неизвестно куда.

В завершение на причале появляются британские солдаты – два броневика и грузовики с пехотой. Увидев возбужденную толпу в немецких мундирах, сразу разворачиваются в цепь и начинают стрелять. Немцы как по команде падают наземь рядом с украинцами и телами тех, кому не повезло еще раньше. Русские пытаются прояснить ситуацию, наконец это им удается,

стрельба стихает. Англичане с осторожностью приближаются, готовые к бою. Русские очень злы: у них убит один офицер и ранены двое рядовых, британскими пулями. Чтобы как-то компенсировать, английский майор приказывает «помочь союзникам догрузить это стадо». После оказывается, что воспользовавшись случаем, русские загнали к себе в трюмы едва не половину экипажа «Лейпцига», причем немецкие моряки не возражали, так спешили попасть домой.

Я снимаю всё – для истории. Свидетельствую, что тогда события не встретили ни малейшего осуждения британской стороны, считавшей, что русские, подавляя бунт, были полностью в своем праве. Версия о «зверях из НКВД», по кровожадности устроивших расправу над беззащитными пленными прямо на месте, не дожидаясь прибытия в ужасный «гулаг», появилась много позже, причем поначалу даже не в британских, а в датских газетах.

Выясняется, что часть украинцев захватила эсминец Z-39, охраняемый лишь десятком немцев на борту и парой британских солдат у трапа. А часть забаррикадировалась в складах – причем некоторые, как и на эсминце, вооружены тем, что отняли у конвоя. И наконец, самым резвым удалось рассеяться по Копенгагену, к ужасу жителей и головной боли британских оккупационных властей.

И снова контр-адмирал Большаков Андрей Витальевич.

Копенгаген, 19 мая 1944 г.

Рябцева убили. Капитан-лейтенант, в Ленинграде блокаду пережил, затем Таллин, десант на Саарема, Борнхольм – и вот, так глупо, уже после Победы! Ну, суки английские, припомню я вам и это после! Что мне с ваших извинений? У него мать и сестра где-то на Урале, в эвакуации – вы им тоже ваше «сорри» скажете? Но сейчас, британская сволочь, придется делать вид, что ваши извинения приняты. А счет вам предъявлю потом!

Пользуясь случаем, погрузил на «Арктурус» кроме своих «законных» немцев еще штук двести оказавшихся на причале немецких морячков. И плевать на мнение британцев – это с их традициями вербовки на флот? Если выкатят предъяву, отвечу – вы мне сколько-то голов, в договоре прописанных, обещали? Так поймите и верните сбежавших – тогда этих отпущу. Но никаких возражений не последовало.

Галицаев, не успевших удрать, насчитали едва три сотни. Еще около ста дохлых валяются. А остальные где? Целая орава на эсминце набилась, ну и куда же вы собрались плыть, идиоты? Топлива нет, обученной команды тоже – даже если вы тех фрицев, что на борту были, не поубивали, и всех поставите к механизмам, десятка самых крутых спецов не хватит, чтобы куда-то корабль довести. И англичане зрителями не останутся. Эсминец, конечно, побьют, когда штурмовать будут – ну так мне-то что, собственность не моя, не советская! Так же, как и сараи, где еще какое-то количество бандер засело – не успели в город, когда британцы появились. Все же порт – по-нашему как промзона, и железная дорога отгораживает. А англичане, надо отдать им должное, явились довольно быстро.

В Копенгагене у них были 1-й батальон Йоркширских йоменов (чуть не сказал «терьеров»), 3-й отдельный батальон гвардейских гренадер (та же мотопехота, но в отличие от названных ранее, на БТР, а не на грузовиках), и главная ударная сила, 1-й Глостерский королевский гусарский полк (не то, что вы подумали – не всадники на коняшках, а восемь десятков танков «кромвель», так себе машина, примерно равен Т-34-76). Все перечисленное и прибыло – грузовики и бронетранспортеры с солдатами и рота танков. Британцы к настоящему бою готовились, развернувшись в боевой порядок. К захваченному бандеровцами эсминцу подступили, орут что-то. Сейчас штурмовать будут?

Не стали. Приехал сам глава военной администрации Британского Королевского флота в Дании, адмирал и лорд, Джон Годфри. Явился лично, чтобы оценить ситуацию и принять решение. Не тыловой – боевой адмирал, в послужном списке командование «Кентом» и «Рипалзом», совсем недавно с Индийского океана вернулся. Где был уже не на мостике, а по разведы-

вательной части – и сейчас наверняка в 39-ю комнату Адмиралтейства¹² вхож. Я ему уже имел честь быть представленным, еще в Штутгарте, сэр Годфри там в составе английской делегации был.

Сначала он, как положено, выразил мне соболезнование по поводу гибели моего адъютанта. Затем приказал привести к нему нескольких пойманных упашников. По-английски никто из них не говорил, но по-немецки понимали, переводчик нашелся.

– Идите и скажите своим. Я, лорд Годфри, адмирал Британского флота, даю слово чести, что всем сдавшимся будет английский плен. С признанием статуса полноправных военнопленных, охраняемых Гаагской конвенцией. В противном же случае завтра здесь будет русская морская пехота, которая поступит с вами так, как сочтет нужным. Мое милосердное предложение остается в силе в течение двух часов, затем мои солдаты лишь блокируют территорию и ждут русских.

Кто-то из пленных пытался возразить. Годфри оборвал:

– Вы смее не верить слову британского лорда и адмирала?

Когда время истекло, на пустыре перед складами стояла толпа – окруженная английскими солдатами, под стволами танковых пушек. Британцы выхватывали партии в пятьдесят, сто голов и под сильным конвоем уводили «туда, где уже подан транспорт». Лишь оказавшись в итоге перед трапом «Арктураса», галицаи поднимали вой, прекращаемый с предельной жесткостью ударами прикладов и клыками овчарок. И уже наш конвой загонял визжащую сволочь в трюм и кричал англичанам: «Давайте следующих!»

Ведь как сказал мне сэр Годфри, слово джентльмена обязательно к исполнению лишь перед равным, но не перед низшим – в последнем случае его нарушение никоим образом не порочит честь!

А поскольку при штурме могла пострадать собственность британского союзника Дании (склады и уже обещанные датчанам трофейные корабли), то следовало попытаться решить вопрос миром.

Такова цена британского джентльменского слова. Запомните это на будущее, кто не знал!

Переход до порта Росток в нашей зоне прошел без происшествий. Галицаев пришлось вытаскивать из трюма угрозой бросить туда гранаты с «черемухой». Впрочем, там и так вонь стояла, эти скоты засрали всё. Вид был, словно резвилась стая диких бабуинов, перед морями неудобно, экипажу теперь убирать. Вспоминаю Диксон в августе сорок второго, пароход «Дежнев» и пленных с «Шеера». Майор, который пленных принимал, все понял правильно – так что решили потратить несколько часов ради воспитательного эффекта.

Сначала, когда колонну пленных построили на причале, я приказал выйти тем из фрицев, кто отличился в усмирении бунта. Таковых оказалось почти четыреста – им было предложено, кто желает, присоединиться к Сражающейся Германии. То есть продолжить службу в рядах военизированных полицейских частях поддержания порядка – фольксжандармерии. В то время как их товарищи будут восстанавливать разрушенное – нет, не в Сибири, а здесь, в Германии, что американцы и англичане разбомбили. Желаящими оказались почти все. Ну, тогда первый приказ: отобрать нужное количество рабсилы среди галицайской швали и проследить, чтобы они вычистили и вымыли трюм!

Ой, не хотел бы я в германской армии служить! Там такое зверство, что наша дедовщина и близко не стояла. Бегают галицаи, как наскипидаренные, под немецкий рык – ну, а фрицы рады стараться! Там боцман с «Лейпцига» командовал, вполне квалифицированно – а после, когда докладывал об исполнении, спросил:

– Герр адмирал, а что, в фольксжандармерии и флот будет?

¹² Штаб британской военно-морской разведки.

– А отчего бы не быть? – отвечаю. – Хоть морская полиция, хоть морчасти погранвойск. А после и полновесные фольксмарине.

Немец вытянулся, каблуками щелкнул. Отобранные в «жандармерию» отбыли отдельно, и майор-пограничник обещал, что всем им будет пометка в личное дело, так что светит этим добровольцам не трудфронт, а служба. Германия сейчас как после вавилонского столпотворения – по разбомбленным городам и разбитым дорогам тянется разноязыкая толпа, все домой пробираются: и угнанные на работу, и освобожденные пленные, и гражданские беженцы, и просто дезертиры. И в этом хаосе надо налаживать нормальную жизнь.

Но мы знаем, что однажды у нас это уже получилось. В худших условиях – имея не всю Германию, а ее восточный обрубок. Интересно, будет ли в этой версии истории ФРГ – в размере отдельно взятой земли Пфальц?

Еще запомнился очень неприятный разговор с американцем. Ясно было, что его показной облик «простого парня» – это такая же маска, как моя – ограниченного исправного служаки. Американцы и такими бывают – вот только никто не пошлет простака туда, где нужны навыки разведчика и дипломата. До времени, полковник Жильбер никак себя не проявлял, лишь смотрел и что-то записывал, «дорожный дневник, а может, и заметки к будущему репортажу, или даже роману». Именно так – будто бы в прошлом этот Жильбер тоже был репортером (еще один? Это у них что, стандартное прикрытие? И любопытно, как в Северодвинске «мистер шимпанзе» поживает?) и даже пытался писать что-то детективное. В подтверждение всучил мне книжку со своим автографом, изданную в тридцать девятом. Я пролистал – не Стаут или Гарднер, никакой интеллектуальной игры, сплошь гангстерское мочиловое, о трудной и опасной жизни американских бандитов. Что у них даже убийства и грабежи облагаются налогом – плати долю главпахану данной территории, или тебя закопают. Причем именно пахан изображен с явной симпатией, «ничего личного, просто бизнес – и вообще, надо же обеспечить равновесие и порядок». Не Нью-Йорк или Чикаго – какой-то городишко на американском западе, бывший перевалочный пункт на пути золотоискателей, где они могли продать добычу и отдохнуть с женщинами, глухая провинция, забытая богом и законом.

– Вы, русские, по вашему выражению, как собаки на сене. Тащите к себе то, что мы могли бы использовать с гораздо большим эффектом, не только для себя, но и для счастья всего человечества. Не ваш ли марксизм утверждал, что крупное хозяйство более продуктивно? Так какого черта вы секретите немецкие изобретения, доставшиеся вам?

И в этой истории охота за научными трофеями идет полным ходом. С поправкой лишь, что нам досталось куда больше, а нашим оппонентам меньше. Гиммлер, сцуко, успел все же вывезти с собой фон Брауна и еще кое-кого из ученых с документацией. Но вывозил в страшной спешке и лишь что оказалось под рукой – а из южной половины Германии, где выступление Роммеля никто не ждал, эвакуировать и совершенно ничего и никого не успели. И низкий поклон нашим десантникам, сумевшим взять и удержать «Миттельверк», громадный подземный завод под Норхаузенем, где тысячи военнопленных делали ракеты Фау-2, и вечная память морпехам Балтфлота, кто полегли при высадке на Пенемюнде, где на резервном производственном комплексе немцы доводили зенитные ракеты «Вассерфаль». Фон Браун сбежал – но нам досталось огромное количество рабочей документации, оборудования, готовых изделий и узлов, вместе с техническим персоналом, весьма склонным к сотрудничеству. Послезнания из двадцать первого века помогло и тут – нашим было заранее известно, где и что искать, для захвата интересующих объектов уже при наступлении выделялись особые отряды или даже сбрасывался десант. Вообще эта деятельность была вне компетенции Контрольной комиссии, как и поиск вывезенных в Германию ценностей и предметов искусства – я имел доступ к некоторой информации лишь постольку, поскольку параллельно еще курировал части морской пехоты и ВДВ – их правильное оперативное использование, сбор и анализ боевого опыта, методику боевой подготовки. Но об этой стороне дела союзникам знать было совершенно обяза-

тельно – Контрольная комиссия надзидала лишь за разоружением вооруженных сил Еврорейха и сбором собственно оружия, находящегося в строевых частях. Что, как оказалось, совершенно не устраивало американцев!

– Мистер Большаков, думаю, мы могли бы договориться? В данный момент я представляю интересы некоторых американских бизнесменов, заинтересованных в вербовке немецких научных кадров и сборе информации технического характера. Это никак не задевает государственные интересы СССР и не наносит вреда вашей обороноспособности. Нами движут мотивы человеколюбия – спасти людей умственного труда, никогда не бравших в руки оружия, от участи гнесты снег в вашей ужасной Сибири. Ну, кому помешают наши представители, отбирающие в вашей зоне бедных немецких ученых и инженеров? Тем более мы готовы щедро заплатить за каждого завербованного.

Пой, пташечка, дальше! Можно подумать, ты в своих Штатах никогда не слышал про научно-технический шпионаж – который ваши корпорации вели друг против друга еще до той войны! Нас тупыми считаешь – так тупость тебе и изобразим. Не дозволено, и все тут – я из-за вас под трибунал не хочу. Договаривайтесь с советским командованием, и если оно дозволит, окажем содействие (а хрен дозволит!). А пока, простите, не вижу, чем мог бы быть вам полезен!

– Мистер Большаков, вы не понимаете. У вас, русских, получалось выигрывать войны – но вы никогда не выигрывали мир. Потому что там побеждает тот, у кого больше не солдат, а товаров. Когда-то, разбив Наполеона, вы расчистили путь к мировому господству не себе, а Англии. Но Британия после прошлой войны и еще до Вашингтонской конференции сама принуждена была списать большую часть своего Гранд Флита, не в силах его содержать. Без сомнения, это повторится и сейчас – и в мире останутся только две реальные силы: Штаты и Россия. Вот только в экономике мы находимся в разных весовых категориях, и когда дойдет до реального соревнования между нами, мы вас попросту купим. Мой дед когда-то был французом, но я уже искренне служу Америке. Вы не находите, что для успеха, богатства и карьеры гораздо больше перспектив в метрополии, чем на варварской периферии?

– Мистер как вас там, за такое в прежние времена на дуэль вызывали. За подобное предложение офицеру и такие слова о его отечестве.

– Вы не так поняли, это не оскорбление, а деловое предложение. Наши страны ведь не враги, и я никоим образом не требую от вас или от тех британцев, французов (которые, смею предположить, тоже патриоты) каких-то враждебных действий против их государств. Мы всего лишь предлагаем у себя, за океаном, возможности, недостижимые здесь. Это никак не похоже на грубую политику Гитлера – завоевать, несогласных уничтожить! Напротив, мы готовы приветствовать у себя лучших людей со всего мира. И согласитесь, это будет куда лучше, чем анархия, войны, миллионы жертв – эта мировая война далеко превзошла ту, прошедшую, какой же может быть Третья? Боюсь, что человечество такого не вынесет. Наш английский друг прав, в мире должен быть один хозяин, во благо цивилизации и прогресса. А становиться на пути прогресса бесполезно – так что поверьте, мне будет искренне жаль, если когда-нибудь нам придется силой заставлять вас покориться новому мировому порядку. Да и России будет выгоднее добровольно стать нашим младшим партнером, чем когда-нибудь быть принужденной к гораздо более приниженной роли. В зависимости от вашего упрямства, чем сильнее вы будете сопротивляться неизбежному, тем тяжелее будет ваша плата. Как поступал с покоренными еще Великий Рим!

Да, знал бы он, кому это говорит, абсолютно убежденный в своей правоте! Вот только в той истории нам немного не хватило, ну а в этой посмотрим! Я ведь жизнь положу на то, чтобы вашего мира по-американски не было! И изменения истории по большому счету только начинаются!

Покоритесь Америке, поскольку она экономически сильнее, богаче? В сорок первом нас тоже призывали: «Рус, сдавайтесь, сопротивление бессмысленно». Посмотрим, кто здесь в конце века будет «варварской периферией»!

*Христиан Десятый,
король Дании в годы Второй мировой войны.
Из воспоминаний, записано в 1947 г.,
опубл. Лондон, 1975 (альт-ист)*

Мы, датчане, потомки викингов. Было время, когда вся Европа страшилась датских мечей, а священники в церквях молили Бога избавить паству от нашей ярости. Неужели Бог услышал те молитвы и воздал нам с опозданием на века? Когда наш народ уже не мечтал ни о каких завоеваниях, а хотел лишь жить тихо, мирно и счастливо!

Мы только что пережили самую страшную войну, какую знала цивилизация, знала Европа. Волею божьей и судьбы, нашей нации удалось выйти из нее достойно, заслужив уважение держав-победителей – тем, что Дания все же нашла в себе силы встать в их ряды. Именно датская армия первой вошла в свою столицу и приняла капитуляцию командующего германским оккупационным корпусом генерала Ханнекена! И я хотел бы, чтобы этот день запомнился датчанам так же, как русским – день сдачи Паулюса в Сталинграде!

Я помню эти праздничные майские дни – ликующую толпу на улицах Копенгагена, флаги и цветы. Патриотизм моих подданных, скрывааемый в годы оккупации, нашел наконец выход в огромном числе желающих записаться в Королевскую армию освобождения, которая должна была пройти парадом по столичным улицам, чтобы наш народ видел доблесть своих защитников. И я не отрицаю, что именно я предложил провести этот парад по римскому образцу – когда позади победоносной армии, вернувшейся домой из похода, гонят сдавшихся врагов. А впереди, на белом коне, наследник престола, мой сын Фредерик – к сожалению, мое здоровье, после несчастного случая два года назад, не позволяло мне выступить в этой роли.

Это должно было стать самым великим торжеством... но обстоятельства выступили против нас. Гвардейцы новой армии, как ни старались инструкторы, любезно предоставленные британским союзником, так и не научились держать строй, как подобает при подобном зрелище. Не были готовы мундиры. Два полка еще заканчивали формирование. А наших пленных уже должны были забрать – и было решено сначала провести по улицам именно их, в возможно большем числе, чтобы показать величие нашей победы. А собственно парад устроить позже, по готовности.

Если бы все удалось, как задумано! Свидетельствую, что будущее Дании замышлялось мной подобным шведскому – «вооруженный нейтралитет» в готовности защитить свою свободу от любых посягательств. И в те дни этот план не встречал возражений ни от парламента, ни от политических партий, ни от русских или британцев! Поскольку казалось возможным восстановить датское единство – Сталин соглашался вывести свои войска из Шлезвига и с острова Борнхольм лишь при условии, что одновременно уйдут англичане, и русские давали гарантию нерушимости наших границ. Вторая Швеция, сильная, независимая, промышленно развитая – найдет ли Дания еще в себе силы стать когда-нибудь такой?

Находясь в своем дворце Амалиеборг в тот злосчастный день, который по праву мог быть и должен был стать нашим великим праздником, и услышав вдруг, что дикие украинские *cossackу* взбунтовались, отняли оружие у наших храбрых солдат и идут сюда разъяренной ордой, я испытал те же чувства, что столетия назад жители Лондона при появлении рядом войска датских викингов. Я сидел со своими министрами в том самом зале, где и 9 апреля 1940 года, и не без страха ждал, что сейчас ворвутся озверевшие казаки, как германские солдаты в тот день – но если немцы, культурный народ и наши давние соседи, всего лишь приняли нашу капитуляцию, то дикие славяне, без всякого сомнения, растерзают нас всех на месте. Сведения

с улиц были отрывисты и противоречивы – ясно лишь было, что большая часть нашей армии и полиции предпочла разбежаться, и не было никакой уверенности, что охрана дворца, если дойдет до штурма, не сложит оружие, как в сороковом. Варвары, славянские или германские, всегда будут и бесстрашнее, и беспощаднее, чем цивилизованные люди, поскольку гораздо меньше ценят свою жизнь. Несколько часов прошли в тревожном ожидании, пока наконец не стало известно, что бунт подавлен британским гарнизоном. И хотя значительное количество казаков разбежалось по Копенгагену, нанося большой ущерб собственности жителей, а нередко и угрожая их жизни, было очевидно, что Дания спасена!

Самым тяжелым последствием этого дня было катастрофическое падение авторитета датской нации в глазах британских союзников. Они вели себя внешне вежливо, оказывали положенные почести нашему флагу – но их истинное отношение показывает стишок из перефразированной детской песенки, ставший вдруг очень популярным у наших английских гостей – начинавшийся с «однажды армия датчан вступила в бой с улиткой» и заканчивающийся: «Но с диким страхом храбрецы бежали от врага – когда увидели вдали улиткины рога». Как и выражение «парад по-датски» и произносимые с особым оттенком слова «храбрые датские викинги» и «датская ярость берсерков».

– Дания беззащитна перед угрозой русского вторжения! – сказал мне адмирал Годфри, когда наш разговор зашел на тему, скоро ли британская армия, фактически оккупировавшая нашу страну, вернется наконец к себе домой. – Известно ли вам, что эти четыре тысячи *cossackyi*, едва не захватившие Копенгаген, всего лишь в ужасе спасались бегством от едва сотни русских солдат в порту? И вы думаете, что ваше отважное войско устоит перед советской агрессией? Вы понимаете, что даже в случае вашего объявленного нейтралитета, при малейшем обострении политической ситуации мы вынуждены будем вас оккупировать, пока это не сделают русские и немцы? Так будьте благодарны, храбрые викинги, что мы взяли вас защищать!

– Могло быть хуже: если бы на параде была вся датская армия, как вы замыслили, ваше величество, – издевательским тоном говорил мне позже другой высокопоставленный британский офицер, – и бунтующие казаки отняли бы у нее все оружие, в чем лично у меня нет сомнений. В сороковом немцы потеряли при захвате вашей страны то ли восемь, то ли десять человек – считая и того, кто был покусан ослом в копенгагенском зоопарке. Кстати, ваше величество, на ваше месте я бы присвоил тому ослику чин полковника с формулировкой: «нанес врагу большой ущерб, чем вся датская армия при обороне столицы 19 мая 1944 года».

Так несчастная Дания стала, по выражению многих европейских газет, «самой милитаризованной страной в Европе», где на каждый акр приходится наибольшее число войск и военных объектов, а военные расходы занимают в бюджете большую долю, чем в рейхе в год начала этой Великой войны! Вот только эти войска, военные базы, аэродромы по большей части были не датские, а наших добрых британских и американских союзников, взявшихся нас защищать! И не на собственные вооруженные силы, а в общую казну Атлантического Союза уходила подавляющая часть датских трат на военные нужды! И можно ли назвать «средствами обороны» эскадрильи В-29, совершающие полеты с датских аэродромов над Балтийским морем? Конечно, русские в ответ и не подумали возвращать нам Борнхольм и Северный Шлезвиг. И в возможном военном столкновении атлантистов и советского блока несчастной Дании уготована роль расходного материала в первых рядах, где возможность выжить (особенно после появления ужасного атомного оружия) отсутствует даже теоретически.

Вот почему мне страшно заглядывать в будущее. Ужасные картины встают перед моим воображением, и остается лишь радоваться, что я не увижу их воочию, поскольку мне очень немного осталось. И я молю Господа нашего, чтобы чаша сия минула и моего наследника Фредерика. Но на то мало надежды – всего двадцать лет после первой Великой войны потребовалось, чтобы выросло поколение, забывшее ее ужас и мечтающее о подвигах. И от Дании ничего

уже не зависит – очевидно, что датская политика впредь будет определяться не в Копенгагене, а в Лондоне и Вашингтоне. А монарх в Дании даже по Конституции никоим образом не вождь нации.

Но пусть Бог отвернулся от Дании. Пусть страна стала игрушкой в чужих руках. При мне осталась лишь моя честь – с которой я и надеюсь умереть спокойно. Поскольку сейчас вспоминая прошедшие события, я не делал ничего недостойного, о чем следовало бы пожалеть.

Лондон, 24 мая 1944 г.

Неофициальная дружеская беседа двух почтеннейших и достойнейших джентльменов без свидетелей, за закрытыми дверями

– Бэзил, я ознакомился с вашими предложениями. Смело, очень смело! Но вопрос – не рано ли так дразнить русского медведя?

– Уинстон, вы же сами хотели от меня наилучшее решение? Тем более что действия по типу европейского Сопротивления – шпионаж, саботаж, мелкие диверсии – как раз и разозлят медведя, принеся весьма малый эффект. Если только мы не собираемся начинать новую большую войну в Европе в ближайшие несколько лет.

– Бэзил, вы не хуже меня знаете о состоянии наших финансов. Еще года-двух мировой войны – а я здраво рассуждаю, что быстрее разбить русских, даже в союзе с кузенами, невозможно! – Британия просто не выдержит. Может быть, когда удастся восстановить порядок в колониях, оправиться от экономических потрясений. И даже если СССР будет побежден, всеми плодами воспользуются американцы, а не мы! Так что отныне еще очень долго нашей восточной политикой будут не прямые действия. Улыбаться, но делать все, чтобы ослабить русскую мощь... пусть даже нашей победы не увидим ни я, ни вы.

– Уинстон, поверьте, что я руководствовался именно этим. Разумно предположив, что русские также сейчас не хотят большой войны. А на конкретную мысль вы меня натолкнули сами, когда мы обсуждали датские события – вашим ответом, отчего мы решили выдать на расправу злодею Джо этих несчастных казаков, вместо того чтобы предложить им службу в Британском иностранном легионе. Кстати, его величество согласился с вашим предложением?

– Дал мне полный карт-бланш. Хотя поначалу и выразил сомнение, не повредит ли нашей репутации, а то на континенте говорят, что в Европе уже не осталось мерзавцев, которых Британия не спешила бы взять к себе на службу. На что я возразил, что лучше, если именно отбросы, кого не жалко, а не наши парни будут умирать в африканских и индийских джунглях за интересы империи. И чем кормить по тюрьмам почти миллион пленных солдат бывшего Еврорейха, гораздо выгоднее, если они сдохнут, послужив нам.

– Замечу, что Германии ставка на таких «легионеров» вместо собственных войск обошлась очень дорого.

– Бэзил, ну не будете же вы утверждать, что усмирение бунтующих туземцев потребует столь же великих усилий и потерь, как Гитлеру – штурмовать Сталинград? И вспомните, из кого состоял «карательный корпус», сровнявший с землей Варшаву. За что русские обещали их в плен не брать – и насколько мне известно, всегда держали слово. Так что эти каратели еще и дешево обойдутся британской казне – будут служить даже не за плату, а за отпущение грехов, чтобы мы не выдали их русским.

– Но Достлера в командующие? Честно говоря, Уинстон, я сказал это с иронией, а не как предложение.

– А отчего бы и нет, Бэзил? Чем предлагать эту грязную работу какому-нибудь британскому генералу, выгоднее иметь мерзавца, на которого по завершении можно все списать, восстанавливая справедливость. Впрочем, решение не окончательное. Кто еще у нас есть из подходящих фигур – Манштейн, или даже Андерс? А ведь в этом что-то есть: назначить гордого

поляка главнокомандующим Легионом, ну а немцев в его подчинение – в компенсацию за разгром Польши.

– Будут ли арийцы подчиняться какому-то славянину? Особенно фельдмаршал Манштейн?

– А как Роммель слушает русских? И у побежденных выбора нет. Как мы прикажем, так и будет, а кто не согласен, свободен идти на виселицу. Манштейн внесен в список военных преступников, ну а Достлера сам папа обещал сжечь, как бедного дуче!

– Вопрос из любопытства: приговоренных сожгли живыми или все же удушили до того?

– А вот этого, Бэзил, пока не знает даже СИС. Что делали с жертвами святые отцы в последнюю минуту – оказали милосердие или просто заткнули рот, чтоб не орали. Говорят, что так поступили исключительно с немцами, кому не повезло, как Достлеру, удрать на Мальту. Но лично я не верю, чтобы итальянцы к своим «отродьям дьявола» были добрее, чем к чужим. Однако это исключительно проблема герра Достлера – через год-два, когда он станет нам не нужен.

– Однако продолжу. Вы тогда сказали, Уинстон, что в Иностранный легион нужна не всякая, а исключительно дисциплинированная сволочь. Те, кто ни при каких обстоятельствах не посмеют поднять руку на хозяина и его собственность, как эти «казаки» в Берлине, и не только там – так что пользы от этих «щирых украинцев» не больше, чем от чужого дерьма в своем кармане. Однако, перефразируя поговорку, если вы нашли в кармане навоз, то не выбрасывайте – лучше бросить в суп недругу-соседу. И в данном случае наш контроль не нужен – лишь поджечь, а дальше гореть будет само. А мы посмотрим, как русские будут этот пожар тушить, ведь Британия не имеет к этому никакого отношения.

– Да, выглядит заманчиво. Но не получится, что вместо выстрела картечью медведю в брюхо, мы лишь всадим заряд соли ему в зад?

– А вот это, Уинстон, работа уже не моя, а УСО. Проверить факты, на которые я опирался – те, что были в переданных мне документах. Согласен, что этот висельник Бандера будет сейчас рассказывать любые сказки про «миллионную армию повстанцев», только и ждущих его приказа – но его куратор от СД, герр Оберлендер, профессор Грайфсвальдского и Пражского университетов, один из авторов «Плана Ост» и, пожалуй, наиболее компетентный германский специалист по восточным делам, в значительной части подтверждает показания своего подопечного. А это уже говорит о многом!

– Но вы, Бэзил, по существу предлагаете нам создать второе УСО? Причем немецкое – из таких замаранных, как этот Оберлендер, кому даже к русским нельзя – повесят. А Гимmlера вы туда взять на работу не собираетесь, когда его поймают?

– Уинстон, наверное, я недостаточно понятно изложил. Это будет наша организация, никаких немцев в реальном руководстве! Джерри – исключительно для работы с персоналом, которому вовсе не обязательно знать истинных хозяев! Хотя можно кого-то на чисто декоративную роль главы поставить, но это уже частности. Как и публичное название этой конторы – какой-нибудь «совет по делам беженцев», придумайте, как вам удобнее. Ну, а то, что те, кто держит в руках подлинные рычаги управления, это офицеры УСО, посторонним знать вовсе не надо! И конечно, находиться эта контора будет ни в коем случае не здесь, и даже не на британской территории. А где-нибудь во Франции, в нашей зоне.

– Допустим. Конечно, сейчас Британия не настолько богата, как даже в сороковом, но финансирование найдем. Людей тем более – на первое время сойдут даже те, кого в Копенгагене после отловили и не успели русским передать. Примем один месяц на организацию – против нашей бюрократии даже я не всесилен. Хотя самых первых «почтовых голубей» можно запустить уже сейчас, чтобы не терять время. Вот только опять проблема контроля – захотят ли они вернуться, или просто сбегут?

– Ну, Уинстон, это уже технические проблемы. Легко решаемые с таким человеческим материалом. Вот образец досье – одно из тех, что мне передали. Valentin Turchinov, добровольно пошел служить в немецкую армию, принял присягу, 447-й карательный батальон. «Активно участвовал в акциях против русских партизан, в ходе которых были полностью уничтожены со всеми жителями...», дальше долгий список населенных пунктов¹³. Рискнет ли такой сбежать, если ему будет известно, что по истечении срока мы сообщим все его данные советским властям? Тем более от него не потребуются никаких подвигов, пробираться с взрывчаткой на русский военный объект или убить самого Джо. А всего лишь пройти, посмотреть, наладить связь с людьми – и вернуться.

– И это будет всего лишь предварительным этапом вашего плана.

– А иначе, Уинстон, нет и смысла затевать игру, если хотим получить реальную прибыль. Только так – все или ничего. Масштабное восстание на Украине, по образу Варшавы. Провозглашение независимого украинского государства и призыв ко всем народам мира поддержать освободительную борьбу украинцев против ужасного русского угнетения – пусть пропагандисты пожалостливее напишут, как «клятые москали заставляли потомков великих древних укров отречься от ридной мовы и запрещали носить вышиванки».

– Фраза неудачная. Кто-то может вспомнить те же самые слова Геббельса по поводу причисления германо-украинских войск в Берлине к арийской расе. А любое родство с нацизмом сегодня очень портит репутацию.

– Ну так пусть придумают что-то другое. Например, про религиозные притеснения – как несчастные украинцы оказались лишены своей самобытной церкви, как ее там – «униатской»? Предвижу ваш вопрос, Уинстон: я вовсе не рассчитываю на победу повстанцев, да это и совершенно не нужно для плана! Это должен быть именно ужасный кровавый бунт, с максимальным числом жертв и разрушений! Чтобы Советы не только потратили на его подавление как можно больше сил, времени и ресурсов, но и выглядели зверьми не лучше немцев – в глазах прежде всего населения тех территорий Восточной Европы, которые СССР сейчас пытается переварить, включив в свою сферу влияния. Идеально, если все произойдет до конференции – это даст всему цивилизованному миру повод требовать от русских возвращения к своим естественным границам, ради спокойствия народов малых стран. Может, у Бандеры там не миллион бойцов, но несколько сотен тысяч точно есть! А подавить бунт в лесах, где великолепная немецкая армия два года не могла справиться с русскими партизанами, будет куда труднее, чем в окруженной Варшаве.

– Бэзил, этот Оберлендер владеет информацией только по Украине?

– Да, так сложилось, что последние годы он курировал именно украинский проект. Но знает, кто занимался аналогичным по Прибалтике. Что тоже открывает перспективы. Ну, а предварительные наработки по Кавказу и Средней Азии, я думаю, УСО может найти и без меня. Остались же материалы с недавних времен – и чем украинские казаки в этом отношении отличаются от горных дикарей?

– Бэзил, если этот ваш план удастся... Не знаю, буду ли я на этом посту через год. Но обещаю, что высокую награду я вам обеспечу!

– Уинстон, я всего лишь скромный исполнитель вашего приказа – придумать, как сдерживать советскую экспансию в Европу, учитывая, что Британия сейчас не может позволить разговаривать с русскими языком силы. И благо империи для меня высшая награда.

Москва, Кремль, 24 мая 1944 г.

Иосиф Виссарионович Сталин думал.

¹³ Биография В. Турчинова, отца украинского и.о. президента, подлинная! В нашей истории он был осужден на 25 лет, освобожден в 1955 г. по амнистии как жертва сталинского режима.

Один в своем кабинете. Совет соберется завтра, и он, вождь, выслушав доклады и спросив мнения, вынесет вердикт, ставя частные задачи каждому по фронту, за который тот ответственный. Ведь именно в этом и заключается работа вождя – определив общий курс, в его интересах распределить ресурсы и назначить ответственных. И постоянно отслеживать ситуацию, ставя приоритеты. И боже упаси потерять контроль, последствия могут быть непоправимыми. И когда ж тут отдыхать – если ты настоящий вождь, а не бездарь-Николашка, записавший в своем дневнике, как стрелял по воронам в парке – в день Цусимы.

Как там сказал в будущем тот правитель (что за чужое слово – «президент»), «как раб на галерах». Зато РФ (тьфу! Он, Сталин, теперь костыми ляжет за то, чтобы СССР стал подлинно нерушим. А что там в будущем будет клеветать «демократическая» мразь, глубоко плевать) начала подниматься с колен – хорошо бы там, в параллельной (или перпендикулярной, как ученые решат) реальности у этого Путина все получилось. Ну, а отдыхать приходится параллельно с работой, выделяя время.

Сталин взглянул на стол. Трубка лежала на своем месте, как предмет интерьера. Что поделать, его здоровье – это тоже казенное имущество, надо заботиться о его сбережении, чтобы прожить не до пятидесяти третьего, а хотя бы на пятьдесят лет дольше... но как иногда хочется курить! Рядом стоял ноутбук (за год Сталин привык уже к этому слову), и если бы товарищи потомки знали, как вождь иногда использует этот подарок, то были бы удивлены.

Личный справочник, «база данных», по самым разнообразным предметам? Полезно иногда – но Сталин обладал феноменальной памятью и часто мог вспомнить нужный факт быстрее, чем работать с «информационно-поисковой системой», что написал товарищ с подлодки специально для вождя. И все было хорошо – но кому-то надо было и вносить в систему новые данные, и отслеживать актуальность имеющихся? Что отнимало много времени – нет, секретари с карточками надежнее! Хотя для особо важных дел было очень удобно.

Просмотр фильмов из будущего, чтение книг? Совмещение отдыха с делом – понять дух того мира, к чему мы в итоге идем... или можем прийти? Лучшие из фильмов Сталин смотрел даже не на ноуте, а подключая к большому экрану, к «плазменной панели» в зале заседаний. Ну, а предварительно, для впечатления – удобно и на столе. Как и электронная «читалка», «том-ридер» (опять англицизмы? Боролись с «кибернетикой», а убили свой же приоритет. Вопреки распространенному мнению, ЭВМ вовсе не были под запретом, и СССР в самом начале был очень даже на уровне, – но итогом «кибервойны» стало то, что каждая контора делала машины под себя, совсем не думая о едином стандарте, вот и вышло: что ни марка ЭВМ, то свои программы, несовместимые с прочими. А на Западе изначально был рыночный подход, чтобы продукт годился для максимального числа потребителей, и машинные языки были общими для всех). Часть книг, удостоившаяся особой пометки, подлежала изданию уже здесь, в этой истории – с авторством как-нибудь решим. А часть сразу отправлялась в «корзину», особый раздел, названный «хлам». Но не удалялась – может, после сгодятся на что-нибудь, например антипропаганду?

А еще там были игры. Сталин оценил «симуляторы» – как только появятся советские ЭВМ, надо озадачить, чтобы сделали такие тренажеры, ведь дешевле учить на такой имитации, а не изнашивать матчасть. «Стрелялки» и «рубилки» его совершенно не привлекли, баловство одно, да и трудно было этим заниматься, с его рукой¹⁴. А вот «стратегии» заинтересовали. Прimitивно, конечно – так ведь это лишь отдых, игра? И очень удобно, что можно прерваться в любой момент, запомнить и вернуться, когда захочешь.

Жалко, что, как объяснил тот лейтенант с подлодки, проживет вся эта техника не дольше пяти-семи лет. Хотя здесь приняты меры – всем, кто использует компьютеры, строжайше указано: электропитание точно предписанных параметров, отсутствие пыли, поддержание в поме-

¹⁴ У Сталина было нарушение моторики, тонкие движения пальцами были ему трудны.

щении температуры не выше двадцати по Цельсию и, конечно, отсутствие ударов и вибрации (для перевозки изготовили подобие морских хронометрических ящиков, двойные стенки на пружинах). Так что может быть, эти «компьютеры» еще и его, Сталина, переживут! А вот делать такие даже через десять лет – вряд ли мы научимся. Но будем на верном пути! И вполне реально уже через несколько лет начать серийный выпуск «калькуляторов», как названы у потомков, МК-54 и МК-61, с программой сотня команд на машинном языке. Насколько это поможет ученым и инженерам! И пусть поначалу эти калькуляторы будут со шкаф размером. Не в карманах таскать, можно и подойти. Улучшим, усовершенствуем!¹⁵

Сталин сел, открыл ноут, включил, ввел пароль (который знал лишь он один) и щелкнул по выбранному значку. Чем еще хороша техника – никто не прочтет, и не останется обрывков бумаг, по которым самый натасканный агент 007 сможет восстановить запись. Кстати, на «Совэкспортфильме» молодые товарищи, слабо занятые в иных работах, предложили свой сценарий, приключенческую комедию, на основе реальных событий – Красный Петроград, девятнадцатый год и шпион Антанты, по своей трусости и тупости попадающий в разные смешные ситуации, вот только имя его не СТ-25, как было на самом деле, а 007 – это что, утечка информации? Разберемся обязательно... а если сценарий хороший, отчего бы и не снять? Но это после – а пока... Что мы имеем на самых важных фронтах?

Война в Европе выиграна окончательно и бесповоротно. Вероятность «Несбывшегося» следует считать близкой к нулю, хотя Паттон свою историческую фразу произнес: «За полгода берусь дойти до Москвы», – разведка доложила. На что получил совет Эйзенхауэра придержать язык, «не то вылетишь в отставку без пенсии». И американцы уже начали отвод войск и авиации из Европы на тихоокеанский театр. Территория Германии контролируется целиком и полностью, вряд ли от Роммеля и прочих будут проблемы, не дураки же, и не фанатики. Имеют место отдельные вылазки «вервольфа», но массового «дойче партизан» нет. А самые спокойные районы – это Вюртемберг (тут герр Штрелин постарался) и, как ни странно, Берлин. Хотя как раз там вервольфы готовились – собрали несколько тысяч русскоговорящих, которые должны были развернуть массовые диверсии. Но оуновцы умудрились резко настроить против себя и население, и сдающиеся немецкие войска – в аэропорту Темпельгоф парашютисты 10-й немецкой дивизии, узнав о берлинских погромах, тут же разоружили и без всяких разговоров расстреляли батальон «карпатской сечи», после чего сами дисциплинированно сдались в плен. И пленных бандеровцев, а заодно и предателей из РОА, с немцами держать нельзя – убивают. А население спешит донести в комендатуру, увидев хоть что-то подозрительное. Отдельные эпизоды есть – в Кенигсберге, в Гамбурге, в Бремене. Но нет никаких признаков общегерманского мятежа.

Прочие же страны Европы в целом беспокойства не вызывают. В горах Югославии продолжают стрелять, в Греции тревожно, но пока мир, хотя коммунисты из ЭЛАС и монархисты готовы вцепиться друг другу в глотки, сдерживаются лишь благодаря присутствию советских войск. «Альпийская крепость» успешно очищается от последних защитников, тут здорово помогли товарищи из Ватикана, а вот немцы недоучили, что в дивизиях, отошедших в «крепость», много католиков-южан, да еще и итальянцы затесались. В собственно Народной Италии «руссо-мир-дружба», пока никаких проблем, за исключением того, что подозрительно быстро от Муссолини избавились! Святая ненависть она, конечно, святая – но что мешало господина дуче хорошенько расспросить до того как? Это нашим товарищам при папе втык будет, не настояли, а ведь должны были предусмотреть, что Святой престол постарается скрыть свои неблагоприятные дела недавних времен, убрать опасного свидетеля. С особой жестокостью – как успел увидеть наш представитель, Муссолини предварительно не душили. Тринадцать костров,

¹⁵ Автор сам делал курсовые и диплом пользуясь калькулятором МК-54, а затем МК-52, отличающимся лишь возможностью хранить программу. Четырнадцать числовых ячеек памяти, девяносто восемь машинных команд – но как облегчало труд!

причем прилюдно – сам дуче и высшие чины, итальянцы и немцы, еще сожгли чучела Гитлера, Гиммлера, Геринга – и один столб остался, обложенный хворостом. Как было объявлено, персонально для Достлера, когда его поймают, и будет до того этот столб стоять, а дрова обновляться. Ну зачем такое средневековье, что бы изменилось, если просто во дворе расстрелять, как прочих, менее важных обвиняемых, немцев и итальянцев, общим числом за сотню?

Кстати, Гитлер, похоже, слегка тронулся умом, или уже был неадекватен? Успокоительным пришлось поить, чтобы получить внятные протоколы допросов. Ничего, он все расскажет, кто ему помогал к власти прийти, кто деньги давал, кто советовал и указывал! Пригодится – если придется союзников прижать, до срока. И вся компания на скамье подсудимых – и Адольфишка, и Геринг, и Кальтенбруннер, и Кейтель с Йодлем... жаль, Гиммлера и Бормана не поймали, по второму есть информация, что он живой и в Швеции, снова «Опус Деи» помогли, со дня на день точно установим, а рейхсфюрер непонятно где, как в воду канул. А это плохо, много интересного он с собой утащил!

С папой пока взаимопонимание. Униатов объявил вне закона – вот только его посланцы уже болтаются по нашей территории, ища место и возможность открыть храм, как было обещано, «Рим платит за всё». И скорее всего, это не только и не столько слуги божьи, как агенты «Опус Деи», проблема же будет лет через десять, когда они обзаведутся паствой! Союзники сейчас, попутчики – но друзьями нашими точно не будут никогда!

Сталин усмехнулся, вспомнив историю с женитьбой товарища Смоленцева. Ситуация знакомства его с этой особой ну просто хрестоматийно была похожа на подвод агента к объекту, да еще учесть время, место, прямой интерес попов!¹⁶ Выбивалось лишь одно – возраст агентессы, всего восемнадцать лет, мало подходит для «мата хари», тут явно нужна была женщина поопытнее и постарше. Конечно, возможен еще случай: сирота воспитывалась с младенчества в монастыре, или с детства была под чьим-то контролем – но проверка (наша, не попов) показала самую обычную деревенскую девчонку, «строптивая, всех парней отваживала, своего рыцаря искала», и никто не вспомнил рядом с этой сеньориной кого-то похожего на наставника, не была она и любимицей местного попа, ходила к нему не чаще, чем все прочие. А вот вариант, что уже после она как истинная католичка приходит на исповедь и пастырь выспрашивает ее, «а поведай, дочь моя», о всяких делах, не относящихся к вере, казался вполне вероятным. Ну что ж, мы тоже в такие игры играть умеем – пока совет вам да любовь, а как время настанет, подумаем, как ты, сама не подозревая, святым отцам скажешь то, что нужно нам. Связь – она ведь в обе стороны работает?

А две Италии по факту уже стали реальностью! Север с Югом скрепляет лишь слово Святого престола – а правительство Тольятти в Неаполе не признают! И наиболее авторитетен на всем итальянском Юге, не считая американской оккупационной администрации, «дон» Калоджеро Виццини, формально всего лишь староста городка Виллальба на Сицилии, а еще «крестный отец» некоего Лаки Лучано и «человек чести» – так, кажется, называют там главарей мафии? В большой дружбе с американцами, которые по сути передали ему всю гражданскую власть. А его брат – епископ, такая вот смычка Церкви и бандитов, хотя вроде бы брат в прямой уголовщине не замечен. Под рукой дона Кало целая армия в десятки тысяч хорошо вооруженных головорезов – пополнившаяся еще при немцах множеством королевских солдат, путившихся в бег¹⁷. На Сицилии, в Калабрии и Апулии творится настоящий террор, как при фашистах, даже хуже – концлагерей нет, коммунистов и вообще всех, кого подозревают в «левых» взглядах, безжалостно убивают сразу, часто вместе с семьями. Ближе к границе пока ограничиваются погромами и угрозами – так что несогласные толпами бегут на нашу территорию; а так как чем севернее, тем организованнее и сильнее были «наши» партизаны, то ино-

¹⁶ О том см. «Сумерки богов».

¹⁷ В нашей реальности власть Дона Кало распространялась лишь на Сицилию.

гда доходит до настоящих боев. Причем американцы, явно не собирающиеся уходить домой, обустриваются надолго: строят базы, аэродромы, завозят снабжение – открыто поддерживают бандитов, хотя самых грязных и кровавых дел стараются избегать. Смысл очевиден: в Италии уже открыто говорят про будущий плебисцит – значит, выдавливают с территории тех, кто может проголосовать неправильно. Да, неясно пока, как с Кореей выйдет, но две Италии точно возникнут – вот и складывается уже сейчас линия будущего противостояния СССР – НАТО, или как здесь будет называться вражеский блок.

Ключевой момент: окажется ли Франция тут в роли ФРГ – передового плацдарма, набитого американскими войсками? Де Голль, правда, резко против – так вопрос, много ли от него будет зависеть? Да и смертен он – устроят ему англичане День Шакала¹⁸, и нет человека – нет проблемы! Пожалуй, зря мы с ним так жестко в Штутгарте... тут он, Сталин, тоже виновен, надо было Жукову и другим товарищам соответствующие инструкции дать. И что с линкором «Ришелье» делать – де Голль категорически требует вернуть, а Кузнецов упирается: «Наш Средиземноморский флот и так недопустимо слаб, даже в сравнении с эскадрой США или Англии, могущей базироваться на Мальту, Таранто, Гибралтар и Александрию». Так ведь британцы французские корабли, ушедшие в Бизерту, тоже пока не отдают – прецедент, однако! Пока же, в «советской» части Франции устанавливается по сути советская власть, где предпочтение в местных муниципалитетах отдается коммунистам, а «народная полиция» из бывших макизоров. Но все же это не Италия, коммунисты общенационального (а не только среди пролетариата) влияния не имеют, а значит, сами власть не удержат. Предстоит еще большая работа – внушить де Голлю, что опора на ФКП для него вопрос не только власти, но, возможно, и жизни, ну а товарищу Морису Торезу – что если будут слишком упорствовать, то он рискует повторить путь германских социал-демократов в тридцать третьем, и «генерал» де Голль все же меньше зло, а значит, более прогрессивен, чем какая-нибудь англо-американская марионетка!

Еще есть Ближний Восток, Курдистан, Иран и, в перспективе, Синцзян. Кстати, войска в последний можно вводить уже сейчас, ну после подготовки, естественно – как в Иран в сорок первом. Проведя это перед союзниками как подготовку к будущей войне с Японией. Китайцы будут против (причем что Мао, что Чан Кай Ши) – плевать! Японцы встревожатся – ну а что они реально могут сделать? В той истории мы после сами отдали Мао Синцзян-Уйгурю, своими самолетами перебросив туда его войска. Получили в итоге в 1969-м, одновременно с Даманским, еще и Жаланошколь, китайское вторжение в Казахстан. Вопрос – а нужен ли нам товарищ Мао живой, если он «как редиска – снаружи красный, а внутри...», особенно в свете «проамериканских» коммунистов в Европе? Не лучше ли подобрать более подходящую кандидатуру – а заодно и уважить синцзянского «сухе-батара» Ли Жиханя? А действительно, чем Уйгурия хуже Монголии? Точно так же – сейчас Уйгурская Народная Республика, а лет через двадцать – Уйгурская ССР.

Но это завтра. А главный фронт сейчас – Европа. Не военные – внутривосточные и экономические дела. Если мы заинтересованы не одномоментно ограбить и ослабить Германию, а включить ее в свое хозяйство, то надо налаживать там нормальную жизнь! Причем чтобы не возникло двух Германий с разным уровнем благосостояния – вряд ли немцы, даже голодные, массово во Францию побегут, где они чужие. А на первое время точно мы будем заметно уступать американцам по товарной массе. Тем более надо, чтобы мощная германская промышленность работала на нас. Благо Зейсс-Инкварт все же свое слово сдержал – демонтажа заводов не было, и разрушения от бомбежек промышленных объектов сравнительно малы, вот жилой фонд союзники выбомбили капитально! И поубивали уйму народа – гражданских, женщин и детей. Полезно будет так ненавязчиво сделать, чтобы немцы о том не забыли и не простили!

¹⁸ Роман Ф. Форсайта о покушении на Де Голля основан на реальных событиях.

Денафикация должна быть – со всей полнотой. Причем обратить особое внимание на всякие там «аналитические», «обеспечивающие» структуры НСДАП, СД, СС – эти идеологи, ученые, планировщики еще более виновны и опасны, чем даже непосредственно палачи! Не трогать армию – но с корнем выкорчевать «Гроссдойчланд», эта мразота еще хуже СС¹⁹. Строжайше судить за военные преступления – ну, если пишут, что «средний немец искренне не знал, что творило СС», вернее «не хотел знать», но ведь мы не собираемся истреблять весь немецкий народ?

С промышленниками и банкирами будет сложнее. Без всякой пощады к таким, как Крупп, которого даже Гитлер однажды упрекнул в «излишне жестокое отношение к привлеченным иностранным рабочим»²⁰. Но нам нужны такие фигуры, как Шахт (хоть он и рука американских Морганов в Германии), и Вильгельм Кеплер тоже будет полезен и готов к сотрудничеству. И даже Геринг – нет, выпускать его мы не собираемся, повесим обязательно, – но прежде вытрясем все, что он знает как доверенное лицо Юнкерского клуба – основной экономической и милитаристской непартийной группировки Пруссии и вообще германского северо-востока. Нас считают марксистскими догматиками – забыв, что при необходимости, в двадцатые мы имели такие вещи, как «Амторг» (как бы это назвали потомки – ООО, ЗАО?). Так и здесь – в отличие от той истории, мы прежде всего будем не вывозить к себе станки и машины, а требовать, чтобы немецкие рабочие здесь изготовили на них еще более совершенные станки для советских заводов! И если короткое сотрудничество перед войной все же позволило качественно переоснастить многие важные предприятия и даже целые отрасли промышленности, то какой эффект мы можем получить сейчас?

Опыт нэпа. Или уже имеющихся артелей. Вопреки мнению потомков, социалистическое хозяйство вполне может сосуществовать с частным сектором. До случаев анекдотических – как некий Павленко еще в сорок втором организовал фальшивую воинскую часть, «управление военного строительства – 1», и, не гнушаясь мародерством, а иногда и прямым бандитизмом, все же основную прибыль зарабатывал заключая подрядные договора на проведение строительных работ. Когда Сталин прочел, то сначала не поверил и потребовал разобраться. Все подтвердилось – и теперь Павленко сидит в лубянской тюрьме в ожидании дальнейшей участи... есть на него кое-какие планы. Ну, а капиталисты – те же артельщики, только крупнее. И часть акций (а лучше контрольные пакеты) немецких фирм будут переданы советской стороне как часть репарации. То есть все эти фирмы господ Круппов превратятся в советско-германские АО.

Жалко товарища Тельмана. Но будем справедливы – он, Пик, Ульбрихт и прочая «старая гвардия» идейно остались там, в начале тридцатых. А новое время требует новых решений! И первым в Германскую компартию... а чем Эрих Хоннекер плох? Уже не юнец, тридцать три года, правда из них семь в бранденбургской тюрьме, но молодость – это недостаток, быстро проходящий, а вот то, что он показал себя нашим человеком до самого конца, это существенно. Опыта недостаточно – так опять же прежний опыт в данном случае даже вреден, а вот способность новое воспринять... И удачно, что товарищ Хоннекер в Москве, в госпитале здоровье восстанавливает после освобождения, в Тайну его посвящать не будем, по крайней мере сейчас, а вот товарища Пономаренко озадачим, чтобы он сей бриллиант в огранку взял! Старики возражать будут? Так товарищ Сталин решение принял, есть несогласные? Кто против?

И – рублевая зона! Хрен вам, а не Бреттон-Вуд! Придется пока разрешить частные немецкие банки? Так они будут работать с нашими рублями, которые мы сами же и напечатаем! Вмesto пока еще имеющих хождение рейхсмарок. А вот евро из обращения практически исчезли,

¹⁹ Общество германских военных и аристократии, возникло как тайное после поражения 1918 года в стремлении к реваншу, идейно были «правее фашистов». Гитлера приняли с восторгом, получив от него признание и привилегию формировать дивизию «Великая Германия». Однако не сливались с СС, считая их «плебеями».

²⁰ Исторический факт!

что неудивительно, учитывая денежную массу евромарок – тут и американских товаров не хватит ее покрыть!

Кто будет этим заниматься на месте? Дело явно не в компетенции военного командования – надо срочно назначить ответственного представителя... при царе бы эта должность называлась наместник, у британцев – вице-король. Придумаем еще как назвать, главное, чтобы этот наш человек обеспечивал соблюдение экономических интересов СССР, и чтобы немецкие товарищи вольностей не позволяли. Кто бы подошел по персоналиям – подумаем. Аналогично для прочих освобожденных стран. И не мешает озадачить ученых политэкономов, пусть обсудят.

И поднимает голову враг внутренний. Что особенно заметно на Украине. Сталин признал, что в той истории явно недооценил опасности. Срезать удалось лишь верхушку – а корни остались! Уничтоженные «лесные братья» были не более чем пешками, расходным материалом. Не слишком ценным – ведь еще при занятии Галиции русской армией в пятнадцатом году российские армейские медики, обследуя местное население, записали, что свыше восьмидесяти процентов больно сифилисом – что, как известно, приводит к вырождению, преобладанию умственно неразвитых, зато агрессивных особей. Это подтвердилось уже перед этой войной – когда Западная Украина была включена в состав УССР, оказалось, что индустриализацию проводить невозможно из-за полной неспособности местного населения к квалифицированному труду; даже для коммунального хозяйства Львова пришлось привлекать русских, евреев, поляков, – а набранные по деревням галичане оказались ни к чему не пригодны, зато с приходом немцев с великой радостью устроили великий погром, истребляя «чужаков». Но за спинами этой банды стояли хитрые и умелые кукловоды, имеющие опыт подпольной деятельности и не гнушающиеся идти в услужение хоть к самому черту ради своей выгоды. Сначала австро-венгерская разведка, затем польская дефендзива, румынская сигуранца, германский абвер, британцы, французы, даже чехи и венгры – ради того, чтобы когда-нибудь была «Великая Украина от моря до моря». В эту войну немцы не слишком доверяли своим холуям – германская политика на оккупированных территориях была простой: «достаточно власти нашего фельдфебеля», – но немцы и не мешали бандеровцам расширять свое влияние далеко на восток, в деятельности, казалось бы, совершенно не военной – потребительская кооперация, культурное общество «Просвита», школы, больницы, медицинский институт в Киеве; формально никак не связанная с оккупантами, эта сеть исправно функционировала и сейчас, уже после освобождения – протянула метастазы в Мариуполь и Харьков, пышно расцвела в Киеве, создав опорные узлы в Запорожье, Днепропетровске, Чернигове, Херсоне, Николаеве! Причем в Киеве, Полтаве, Сумах туда вступали и этнические русские, привлеченные чисто шкурным интересом – лишь Донбасс бандеровщину категорически не принял. И, как ни странно, Одесса – из-за категорического нежелания румын делиться властью и влиянием с кем бы то ни было²¹.

И эта раковая опухоль никуда не исчезла с разгромом немецких хозяев. Больше того, ее агенты активно полезли в советскую власть на местах. Или даже были связаны с ней изначально: советизация Украины в двадцатые – это отдельная тема. Уже тогда имелся сильный националистический уклон: сколько там было таких товарищей, как Скрипник и Шумский, «большевик, но прежде украинец» – таких, кто если не был скрытым националистом, то воспринимал оуновцев как идейно близких, своих? В одном лишь Киеве тридцать шесть тысяч человек на момент освобождения были на содержании бандеровских структур – понятно, что не все они были активными бандеровцами, но сколько было как минимум сочувствующих?

Это называется – мафия. Слияние вооруженных банд, питающей их подпольной экономики, под руководством культурно-идеологической верхушки, проникшей во власть. Даже прибалтийские «лесные» не были настолько опасны – у них преобладал чисто военный ком-

²¹ Все факты реальные.

понент, не сложилось системы, и, в силу энтических различий, не было даже попыток распространения за пределы региона – а бандеровская «мафия» уже после войны пыталась проникать в Крым, на Кубань, в Ростов, Воронеж, Курск, поскольку славяне-украинцы и там воспринимались как свои. А мафия – бессмертна?

Сталин хищно усмехнулся. Какому-то дуче удалось прижать сицилийскую мафию, чей опыт насчитывает столетия. Да и сейчас люди дона Кало даже не пытаются соваться на итальянский Север. А большевики знают, как надлежит поступать с внутренними врагами! И глубоко плевать, что будут говорить через десятилетия всякие там «демократы», если таковые в этой ветке истории вообще возникнут!

Солженицын – лгун! Читая его, кажется, что узники Гулага – это изможденные живые скелеты в лохмотьях, как в фашистских концлагерях. Но, в отличие от Освенцима и Маутхаузена, Гулаг никогда не был фабрикой уничтожения людей – а лишь промышленным объектом. На подлинных фотографиях – сытые, мордатые мужики в добротной теплой одежде, бывшие «лесные», полицаи и те же бандеровцы! Не только заняты работой – причем никаких свирепствующих конвоиров не видно! – но и отдыхают, на берегу речки ловят рыбу, или сидят в библиотеке, в музыкальном кружке, или разлеглись где-то на поляне (летом и на Колыме жарко). Память услужливо подсказала – пленным в Германии в ту, прошлую войну, в лагере позволялись библиотеки и театры, и не было ничего похожего на зверства Дахау. И самое страшное, что в той истории эта гнусь, после едва десяти лет такого курорта на природе, вернулась домой – еще не старые, жаждущие отомстить! Ну, здесь этого не будет – за одно участие во вражеских вооруженных формированиях (при отсутствии нашей крови на руках – тогда вышка), если не доказана помощь партизанам и подполью, двадцать пять лет без права на амнистию и пожизненное ограничение в правах – запрет не только участия в выборах, но и занятия любых руководящих государственных должностей. И выйдет эта мразь где-то в 1970 году, когда СССР успеет укрепиться, а главное, вырастет новое поколение, забывшее предателей-отцов.

И никогда здесь галичане не станут считать себя «щирыми» (истинными) украинцами! Потому что земли бывшей Западной Украины, присоединенные в 1939-м, это будет Галицко-Волынская ССР, никакого отношения к собственно Украине не имеющая. И официально объявлено, что галичане – это совсем другой народ (что истинная правда). А Сталино и Ворошиловград²² – это РСФСР (исправлена ошибка двадцатых). Да, а отчего Одесса, Херсон, Николаев – Украина, если там этнических русских большинство? Может быть, имеет смысл и их тоже? Хотя и УССР больше нет – есть УАССР, ведь предлагал же он, Сталин, это еще в двадцать втором? Был высмеян Лениным, назвавшим это «логикой будочника полутыкина – держать и не пущать!». Ошибся Ильич – хотя должен был бы Финляндию помнить. Ну, зачем части СССР право выхода из него? Если только по наущению врагов.

А враги уже поднимают голову! Даже здесь, в Москве, в кулуарах говорят, что «СССР превращается в тюрьму народов, по образцу царской России». А в том же Киеве, не говоря уже о Львове, вошло в привычку фрондировать национальным – показательно говорить по-украински, даже вывешивать пока еще не флаги, но желто-синие ленточки и флажки. Явление не массовое, этим больше интеллигенция и отдельные ответственные товарищи грешат. Но симптом тревожный.

И сигналы идут не с одной Украины! Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия. Но Украина опаснее всего. А также важнее – по причине славянской близости и хозяйственного значения. В то же время бандеровская война и прошлое сотрудничество с оккупантами даст законный повод не стесняться в средствах. Будет и нам опыт, и должный урок всем прочим!

²² В то время так назывались Донецк и Луганск.

Товарищ Сталин внимательно прочел записанное у потомков об украинских событиях начала будущего века. И собирался сделать все, чтобы в этой истории такого безобразия не случилось.

Анна Лазарева.

Северодвинск (Молотовск), 9 мая 1944 г.

Ну, вот и закончилась война. И начались мирные дни.

Как долго мы ждали, надеялись... Говорили мы: «Вот кончится война, а там...», подражывая что-то бесконечно далекое и прекрасное. И верили, что вот наступит мир, и начнется совсем другая жизнь, гораздо лучше, чище, светлее.

А было все – буднично, почти незаметно. Нет, мы слышали по радио, что Гитлера уже поймали, что Берлин пал – и все равно сообщение Совинформбюро как гром среди ясного неба. И что делать дальше, как жить?

Весна на Севере позже, чем даже в Ленинграде. В начале мая еще заморозки – а ближе к концу уже тепло и белая ночь. Слышали, что в Мурманске, Нарвике, Петсамо, Варде торжества, корабли флагами расцвечены, а в Полярном так настоящий парад был, морская пехота прошла торжественным маршем. А у нас в Молотовске и Архангельске лишь тылы: «бригада строящихся кораблей» и ОВР (охрана водного района) – с десятков тральщиков и катеров. Зато салют был как в Москве по числу залпов и орудий – нас же тут целая армия ПВО прикрывает из-за «арсенала два», хозяйства Курчатова! А в ближайшее же воскресенье праздник в доме культуры, девушки все нарядные, и офицеры в парадной форме, с кортиками и золотыми погонами.

Я не танцевала поначалу. Смотрела, улыбалась – но нехорошо это, без моего адмирала. Как мне не хватало его рядом! Затем меня Зенгенидзе на вальс пригласил, завлаб-3 с Арсенала, восточный наш человек (хотя Грузия – это скорее юг?). После него – Курчатова. Вот уж для кого мира нет и не будет – американцы свой реактор все ж запустили в феврале, с отставанием на год и три месяца от той истории. И отсчет пошел – кто первый к финишу придет, у кого Бомба будет раньше – самый весомый аргумент мировой политики! А пока у нас текучка, решают рутинные технологические вопросы. Поскольку наш «реактор», работающий на Арсенале с октября сорок третьего, это пока лишь лабораторный стенд для экспериментального решения различных задач, электричества с него пока не получишь. У американцев, впрочем, тоже.

И на Севмаше мир не замечен. Слухи ходят, что одиннадцатичасовой рабочий день заменят на довоенный, восьмичасовой. И действительно, после объявили, что май доработаем так, а с первого июня по мирному времени. А дальше – покой нам только снится, уже сейчас на стапелях две «613-е» подлодки почти готовы. Ой, сколько с ними намучились, по новой технологии! Это на бумаге смотрится хорошо – секции в цеху сваривать, на стапеле лишь собирать, а какое при этом должно быть качество, точность изготовления, чтобы все идеально подходило, ведь тут по месту уже проблема подогнать? Сколько чертежей сделали (с привлечением трехмерного моделирования на компьютерах из будущего), и макеты из дерева – и вроде все идеально подходит, а как готовую деталь на стапель подают, не сходится – потому что металл и от собственного веса деформируется, и от сварки его ведет, как учесть? С малыми десантными тендерами это так не проявлялось, и с тральщиками тоже, они же всего в полтора тонны, а подлодка больше чем в две тысячи! А как американцы десятитысячные транспорта за неделю с нуля до спуска доводили, из таких же секций собрав?

Тут подробно рассказывать – целый производственный роман выйдет. Скажу лишь, что проблемы решить удалось. Мы же и в той, иной истории сразу после войны крупной серией подводные лодки и эсминцы строили, таким же методом. А советская школа сварки, оказывается, не уступала немецкой и американской – компенсируя квалификацию рабочих введением автоматизации, у немцев ничего подобного автоматам Патона не было, и танки, и корабли

варили вручную! Справились там – сделаем и здесь. Мелочь уже передаем в производство ленинградцам, а наш завод будет, как и там, главным по атомному подводному флоту. А пока – серию обычных подлодок построим. И предполагается, как и там было, первый реактор не на лодке, а на ледоколе... в общем, планов тут лет на десять точно есть! Чтобы ни одна заокеанская сволочь не смела с нашей страной с позиции силы разговаривать!

Нет, перевод на мирные рельсы тоже есть. Корпусо-достроечный цех, который по штату делает всякую мелочь вроде трапов, кабельных креплений и тому подобного, на избыточных мощностях и раньше делал товары народного потребления – спорттовары вроде «спецназовских» станковых рюкзаков, коньков, лыжных креплений, а также сковородки и инструмент. В чем с ним успешно соревнуются частные артели, которых в нашем городе несколько десятков. Кстати, наши «песцы» (спецназ флота) нередко покупают у этих умельцев предметы амуниции, ботинки-берцы, ножи – не удовлетворяясь казенным. Может, имеет смысл сковородки артельщикам и отдать, а на заводе делать что-то более сложное? Например, снегоходы – товарищ Пономаренко «снежными мотоциклами» с рисунков потомков заинтересовался, а дядя Саша – ой, товарищ комиссар госбезопасности Кириллов! – поддержал, «для нужд НКВД». С лыжно-гусеничной машиной была бы морока, так вспомнили, что была и более удобная схема с колесами-«дутиками», хоть все четыре, хоть лыжи вместо передних, тут удобно, что мотор мотоциклетный, бензина берет мало и низкосортного, да еще в смеси с маслом – а на аэросанях, что тоже в горотделе есть, самолетный М-11 стоит. Десяток снегоходов сделали, народ заинтересовался – может, и будем в свободную продажу выпускать, когда с бензином станет полегче.

Интересно, немцы в цехах долго еще будут? Все ж помощь они оказали большую – те, кто был квалифицированным мастером, и наших фзушников учили, или вчерашних парней из деревни. Поначалу сложности были – для немца ведь главное процесс, а люди как винтики, прикажет – выполняй, и нравилось это не всем, даже если по делу надо. Так до того дошло, что наиболее ретивых немцев-бригадиров стали после смены просто бить – целая махновская банда образовалась из молодежи, кто не навоевались! Пришлось уже нам, «инквизиции», вмешаться, благо наша «тимуровская команда», «бригадмилыцы»²³, были не чужаками, а своими на заводе, видели все вблизи и изнутри. Был в итоге процесс, «махновцы» на скамье подсудимых с крайне бледным видом. И речь обвинителя, тоже из наших:

– Так, разберем конкретный случай. Немецкий товарищ (имя, фамилия) ради собственной забавы распоряжался или для лучшего обеспечения техпроцесса? Начальник участка, поясните. То есть выходит, что вы из собственной лени и нерадивости создавали опасность брака при выполнении военного заказа, чем помогали фашистам и подрывали обороноспособность СССР? Вы, обезьяны, еще радуйтесь, что никого не убили и не изувечили – тогда бы вышка или Норлаг были вам обеспечены. А раз все ограничилось простым мордобоем – то, в наказание вам, три месяца половина вашей зарплаты будет идти пострадавшим. И за повторную провинность – реальный срок, без всяких разбирательств. У сторон есть возражения? Тогда – марш работать!

Но все же после организацию труда изменили. Теперь командовал наш бригадир, а немец при нем лишь советник, чтобы не вводить людей в искушение. Тем более что и немцы были всякие – очень редко, но случались и с их стороны случаи саботажа, тогда разговор был короткий: из расконвоированного мастера в теплом цеху – как минимум на земляные работы, ну а максимум – от нас куда подальше.

Американец особых проблем не доставлял. И он, четырежды уже побывав в госпитале, усвоил наконец, как себя вести, чтобы не причинять вреда здоровью – и у нас на него работал целый коллектив, сочиняя правдоподобную и непротиворечивую дезу, которую мы ему

²³ В то время аналог ДНД. Однако же имели более широкие полномочия, могли привлекаться не только к патрульно-постовой службе, но и фактически выполняли некоторые функции оперработников – как наружное наблюдение, дознание, аресты.

исправно впаривали. За что он гнал нам товар, который Ленка оприходывала и изображала торговлю (мы же страшная русская мафия, все сношения с иностранцами только через нас!), на самом же деле все барахло за малым вычетом «себе на представительство», с разрешения дяди Саши, уходило в завком для поощрения передовиков. Англичане после наезда гопников из УСО и истории с «графом Бекетовым»²⁴ не беспокоили – может быть, это затишье перед бурей, так тогда и будем проблему решать! Ну, а пока – наш день, Победа!

Оркестр заиграл «Ночь коротка». А мне вспомнилось, как мы с Михаилом Петровичем танцевали, в этом же зале, в Новый год сорок третьего. Я в этом же платье была, и с такой же прической... ой, разревусь сейчас! К окну отошла, платочком слезы вытираю. Девчонки веселые из моей команды – вижу, Вера с каким-то капитан-лейтенантом кружится, а рядом Надя и Нина, тоже с кавалерами. А мне моего адмирала хочется увидеть!

– Ань, ты чего? – Ленка возникает рядом. – Брось, праздник ведь! Когда еще повеселимся так? С таким лицом ты на «попадью» нашу похожа.

«Попадью» прозвали одну из девушек-расчетчиц последнего пополнения. Тоже ленинградка, студентка, она ходила всегда в черном, в платке, никогда не смеялась и не любила веселиться рядом, могла и резкое слово сказать. А я отвечу – много чести фашистам, если они нас заставят о радости навеки забыть! Кажется, у той девушки тоже родители погибли – что делать, это лишь время лечит и работа. Еще отгадывает.

– Да все хорошо, Лен, – отвечаю, – только я лучше домой пойду.

Ленка понимающе качает головой. Предлагает проводить или попросить кого-то. Я отказываюсь – зачем людей праздника лишать. И идти тут недалеко – а может, еще и на автобус успею, до проходной, квартира наша на территории завода, в охраняемой зоне. Да и мой это уже город – я тут знаю все и всех.

На улицах довольнолюдно. Погода теплая, для здешнего мая. Но ветер с моря, и сыро – пожалуй, я по Беломорской лучше пройду, чем напрямик по Первомайской дальше через пустырь, грязно там местами, вчера дождь был, а я в туфельках, и если еще придется за улетевающей шляпкой по лужам бежать? И сейчас небо в тучах, но это не страшно, зонтик с собой. Тоже нововведение – тут одна артель на Ломоносова научилась складные зонтики делать, самые простые, не «автоматы» (знаю я, что было у потомков): спицы вручную переламываются вдвое, с загибом наружу. Делают пока по персональному заказу, могут даже ткань в цвет, а не черную. Очень удобно, что можно в сумке носить – плохо лишь, что ветром вывертывает с легкостью: когда дует, устаю расправлять. Так благодаря этому и началось: с зонта, который Ленка в подарок получила (улыбаюсь, представляя, ну зачем офицеру-подводнику зонтик – вот и Иван Петрович, наверное, о том же подумал и Ленке при случае подарил), она его на ветру поломала, а умелец, которому отнесла починить, оказался с головой, вот и пошла мода, еще с прошлой осени. Ну, а я себе заказала, когда свой потеряла после истории с Федькой Тролем²⁵. Надеюсь, что этот гаденыш, кого я еще по Белоруссии знала, теперь подопытным с «Арсенала» живым не выйдет!

– Вы Анна Лазарева?

Этот человек мне решительно не знаком! В штатском, аккуратное пальто, костюм, шляпа – явно не матрос. На инженера или преподавателя Корабелки похож – но там я всех ИТР знаю. И уж тем более не по нашей части, «инквизиции», да и тогда по званию обратился бы. Или по имени-отчеству, если совсем уж свой. Значит, вероятно – враг?

– Да. Кто вы?

Что он может мне сделать? Улица – не Большой проспект в Питере, но люди рядом есть. Как он на меня вышел? Так знать мог, что я на празднике в доме культуры, ну а после домой.

²⁴ См. «Днепровский вал» и «Северный гамбит».

²⁵ См. «Ленинград-43».

А возможно, он и в ДК был, не помню. У меня пистолет всегда при себе, да и патруль подойти может, так что поговорим.

– Я не враг, а союзник. Если точнее, представляю некоторые американские деловые круги. Война закончилась, а между нашими странами она никогда не велась и, я надеюсь, не будет. У меня есть к вам серьезное деловое предложение. Не сомневаюсь в ваших боевых качествах, которые вы, миссис Лазарева, уже неоднократно показывали – но я желаю сейчас лишь поговорить.

Вот дура! Знала же, что на завод пришла очередная партия закупленного оборудования и кто-то из американцев сопровождает и чтобы наших рабочих учить, согласно контракту. И список видела, а вот фотографий не запросила, чтобы запомнить всех в лицо! Союзники сейчас здесь появляются редко, это прошлым летом часть транспортов из ленд-лизовских конвоев разгружалась не в Архангельске, а у нас, там мест у причалов не хватало, порт не справлялся. А зимой англичан с американцами в нашем закрытом городе по пальцам можно пересчитать. Ну, и чего тебе от меня надо?

– Двигатель для подводной лодки, не нуждающийся в атмосферном воздухе. Это изобретение имеет большую коммерческую перспективу. Замечу также, что то, что открыто у вас, составит тайну для передовой американской науки очень недолгое время. Потому ваша секретность не только бессмысленна, но и прямо вредна – для вашей же страны, упускающей прибыль от возможной продажи изобретения. Но раз уж ваши власти избрали столь близорукую политику... В таком случае нет беды, что и маленькие люди, вроде нас, сумеют ухватить свой кусок. Повторяю, что наши страны не враги, а потому не будет никакого вреда для России.

Наглость поражает! Но о том промолчу. И что же ты от меня хочешь, мистер...

– Кстати, как мне вас называть? Если вы осведомлены, то я не инженер, не ученый, и совершенно не разбираюсь в судовых машинах. Да, и можно вас просить говорить по-английски – мне хочется попрактиковаться в этом языке, я еще недостаточно его изучила.

– Можете звать меня мистер Доу. И от вас, миссис Лазарева, требуется как раз ничего не делать. Мы знаем, что вы вполне можете помешать кому бы то ни было добыть информацию, так я настоятельно прошу вас воздержаться и не мешать. Ну, а оплата – форму назовите сами. Товар, аналогичный тому, что поставляет вам мистер Эрл. Золото, валюта. Или же – переезд в США, с открытием счета в банке на ваше имя. Куда будет положен аванс, вполне достаточный, чтобы безбедно жить пару-тройку лет – а после туда же будут начисляться дивиденды от нашего предприятия, в котором вы будете иметь долю по праву.

– А какие гарантии, что вы меня не обманете?

Он снова говорил, а я слушала. И мои подозрения становились уверенностью. Когда мы наконец расстались, я поспешила... нет не домой, а в свой служебный кабинет там же на территории «бригады строящихся кораблей» (тут удачно автобус все-таки подошел), и до того как идти связываться по ВЧ с Москвой, набросала схему на бумаге, как учил меня дядя Саша.

«Мистер Доу» не американец. Я хоть и не профессор фонетики из «Пигмалиона», но отучилась в Ленинградском университете на инязе. Не закончила, но у нас были очень хорошие профессора. И я вполне могу по речи отличить американца от англичанина, причем из метрополии, не канадца и не австралийца. Полагаю, что для МИ-6 не составит труда внедрить своего агента в Штаты... хотя надо для начала срочно установить личность этого «Доу», все ж у нас не так много иностранцев, въехавших в Молотовск легально, а его физиономию я запомнила хорошо.

А значит, никакого «делового предложения» нет. И смысл всей игры лишь в том, чтобы установить мою роль. «Глава местной мафии», крутящая свой бизнес – или охранитель Тайны, от ГБ? Это даст многое – при условии, что им известно, какую информацию мы передали «мистеру Эрлу». Следовательно, все там – деза, и искать надо совсем в другом месте? Вот не могу поверить, чтобы опытейшая британская разведка так предупреждала какое-то подо-

зрительное лицо (то есть меня): «Мы будем завтра искать там, а вы туда не суйтесь!»! А вот поставить наживку, чтобы после проследить, а сунусь ли я, буду проявлять активность или устранюсь – это реально!

И очень вероятно, что про мое партизанство в Белоруссии они знают – не верю, что пан Троль на меня вышел случайно! А вот про мой иняз – скорее всего, нет, этим и объясняется их прокол. И что больше всего мне не нравится, он даже не пытался у меня какую-то информацию получить. Меня раскусили – нет, деза ведь тоже интерес представляет, если знать, что это деза и есть, от чего отвести пытаемся. Значит, у них свои подходы к Тайне есть – о которых, однако, по их мнению, я должна знать? Зачем тогда угрозы в завершение?

– И вы должны понимать, миссис Лазарева, что деловые люди не склонны прощать тех, по чьей вине понесут убыток. Ничего личного – но это вопрос принципиальный.

Смешно. Что для меня обиды каких-то англичан – вот если бы на меня товарищ Берия обиделся, это было бы страшно! А все прочее – переживу!

Курт Танк, авиаконструктор.

Штутгарт, 26 мая 1944 г.

Кому нужен безработный авиаконструктор? Даже если он создал один из лучших истребителей этой Великой войны.

Случилось страшное: Германия была повержена в прах, растоптана, даже не цивилизованным противником, а дикими ордами с Востока! Впрочем, Танк как высокообразованный человек понимал, что далеко не во всем нужно верить пропаганде, даже если ею руководит такой гений, как доктор Геббельс. А русские, придя в рейх, вели себя совсем не так, как этого от них ждали.

Грабежи и бесчинства были редкостью, и с ними решительно боролись русские «фельд-жандармы». Конечно, были аресты – чинов СС, СД, гестапо, еще каких-то отдельных личностей, показавшихся «неблагонадежными», – но не было ни массовых показательных расстрелов, ни повешенных на фонарях «в устрашение». Очень скоро стало ясно, что «дикие славяне» соблюдают правила: если ты ни в чем не замешан, не был, не состоял и на тебе нет их крови – то тебя не тронут. Зато русские, едва прошел фронт, тут же старались навести порядок – поначалу хотя бы элементарный, относящийся к жизнеобеспечению, безупречному функционированию коммунальных служб. Заводы, даже прекратившие работу, брались под охрану – до приезда особой комиссии, которая выясняла все относящееся к данному объекту: собственность, сохранность, хозяйственные связи, обеспеченность рабочей силой. Часть оборудования демонтировалась и подготавливалась к вывозу в СССР, но именно часть, будто русские не хватили все попавшее под руку, а искали по уже собранным заявкам от своих фирм, и даже при этом задавали вопросы, необходимо ли изымаемое для производственного процесса, может ли быстро заменено вновь изготовленным. Все это происходило с полного согласия «временного германского правительства», которому русские передавали функции гражданской власти на местах – оставляя за собой последнее, решающее слово; впрочем, пользовались этим правом нечасто.

– Вы Курт Танк, директор и главный конструктор «Фокке-Вульф флюгцойхбау»?

Гестаповцы бы ворвались, сломав дверь. Эти пришли как вежливые люди – в то утро позвонив в квартиру в Мариенбурге, которую Танк снимал под чужим именем, опасаясь за свою судьбу. Двое «фольксполицаев» – те же шуцманы бывшего рейха, лишь с новыми черно-желто-красными кокардами вместо свастик и орлов, на тех же мундирах – и русский офицер из комендатуры. Об этой квартире было известно еще и некоторым инженерам с авиазавода – наверное, кто-то поспешил донести.

Хотя странно, что за ним пришли в таком составе. Не далее как позавчера в соседнем квартале арестовывали кого-то – приехали на двух «доджах» и бронетранспортере, целый взвод

русских солдат оцепил дом, затем вывели двоих, со связанными руками, а после выносили какие-то ящики – наверное, оружие и взрывчатка, если там был действительно «вервольф»? Или новые хозяева Германии не считали его, Курта Танка, настолько опасным? Поскольку он не был причастен к глупым попыткам фанатиков продолжать уже проигранную войну – будучи в убеждении, что реально добиться этим можно лишь озлобления победителей, а германскому народу и так приходится несладко.

Да, он состоял в НСДАП с 1932 года. Хотя не был фанатичным нацистом – Гитлер и его партия казались (а впрочем, тогда и реально были) наиболее патриотичной силой, жаждущей поднять Германию с колен и способной это сделать. Сбросить оковы позорного Версальского мира, запрещавшего Германии иметь военную авиацию (причем военным считался аэроплан, если его грузоподъемность, мощность моторов, дальность полета превышали установленный предел – так что в запрет попали и тяжелые гражданские машины, а дозволены были лишь легкие учебные самолеты). Танк был фанатиком прежде всего авиации – и как следствие, того, что открывало ей благоприятный режим. Кто же знал, что через двенадцать лет любой, имеющий в кармане партийный билет, будет считаться преступником – если только трибунал не решит иначе, в каждом случае персонально? А зная, сколько проблем доставили русским его самолеты, Танк не питал иллюзий на этот счет. Может быть, и не сгноят с кайлом в руках в ужасной ледяной Сибири, но работать как Туполев или Поликарпов, на положении заключенного, тоже очень не хотелось. А если Сталин так беспощаден к своим конструкторам, то глупо надеяться на снисхождение к побежденному врагу.

Танк попросил пять минут, собрать вещи. И в последний раз оглядел квартиру, такую удобную, всего в нескольких трамвайных остановках от заводской проходной. Русский офицер усмехнулся и сказал на вполне приличном немецком:

– Герр Танк, насколько я вижу, здесь у вас ценные записи, схемы и чертежи. Потому я оставляю здесь охрану до вашего возвращения. А впредь непорядок, все документы должны храниться в секретной части на заводе. Пока же отберите то, что вам понадобится для доклада – сегодня вечером вам предписано быть в Штутгарте у герра Штрелина. Который ждет от вас ответа, как скоро заводы «Фокке-Вульф» могут возобновить работу и в какой объеме.

Курт Танк был не только конструктором, но и полноправным руководителем фирмы. Что требовало навыков не кабинетного ученого, а скорее, генерала. Потому ему понадобилась буквально одна секунда, чтобы войти в привычную роль.

– Тогда, господа, чтобы дать герру канцлеру удовлетворительный ответ, я должен провести краткое совещание с моими людьми. Это не займет много времени, особенно если вы поможете мне их собрать, по списку, и предоставите помещение. Зато герр Штрелин получит от меня полную и достоверную картину.

Русские с охотой пошли навстречу. И в обед с заводского аэродрома уже взлетел советский «Дуглас», взявший курс на запад. В самолете были еще с десятка русских, военные и штатские. Один из них сел рядом и спросил, не он ли известный немецкий авиаконструктор Курт Танк. Получив утвердительный ответ, сказал:

– Ваш ФВ-190 был удачной машиной, в самом начале своей карьеры. Но уже в боях на Днестре он безнадежно уступал нашим Ла-7. Ваша работа во время войны – это больше чем спорт: тут или ты первый, или проиграл.

Взглянув в окно, Танк узнал аэродром Штутгарта, где прежде бывал не раз – и пассажиром, и пилотом. Штутгарт теперь был резиденцией «временного германского правительства», мало пострадав от войны (ну что такое одна американская бомбежка, в сравнении с неделями боев в Берлине с применением тяжелой артиллерии и бронетехники?) – фактически исполнял функцию столицы Новой Германии. Вежливые русские доставили Танка в отель и предупредили, чтоб он привел себя в порядок, потому что через три часа ему назначена аудиенция у

самого канцлера (так в Германии уже называли герра Штрелина – открыто утверждая, кому достанется этот пост).

На улицах можно было видеть не только вооруженных русских, но и патрули фольксжандармерии (так называлась армия Новой Германии, бывшие войска Роммеля), также в положенной форме и при оружии. Они же (а не русские) охраняли Дворец правительства (по крайней мере, несли службу на виду). Кроме канцлера присутствовали трое русских. Один, выглядевший молодо, но очень важного вида (сам герр Штрелин пару раз оглядывался на него, будто спрашивая одобрения), господин Патоличев, полномочный представитель Сталина в Германии по всем гражданским вопросам, экономике и финансам (по терминологии рейха, имперский наместник – ясно ведь, кому в Германии принадлежит подлинная власть). Вторым, тот самый, что разговаривал с Танком в самолете, представился «товарищ Алексеев». Третьим же был русский офицер, что «арестовывал» Танка, только сейчас он был в мундире полковника госбезопасности.

– Герр Танк, вы показали себя патриотом Германии, – сказал Штрелин, – и потому мы надеемся на вашу дальнейшую работу в ее благо. В отличие от той войны, СССР не накладывает на вооружение германской армии никаких ограничений – военная авиация будет разрешена. И будет лучше, если на ее вооружение поступят самолеты германской конструкции, спроектированные с учетом опыта этой войны. Официально заявляю, что фирма «Фокке-Вульф» получит все необходимое для продолжения работы. Можем ли мы надеяться, что вы останетесь на посту технического директора?

– Если совет акционеров не будет против, – ответил Танк. – Или же фирма будет национализирована?

– Национализации не будет, – сказал Патоличев, – однако контрольный пакет акций отождествляется советскому правительству в счёт репарационных выплат Германии СССР. В совет директоров будут назначены наши представители. А пока их нет, интересы советского руководства представляю я. Мы заинтересованы в том, чтобы заводы «Фокке-Вульф» возобновили работу. И ждем от вас сведений, какая помощь для этого требуется от советских военных и гражданских властей. Ресурсы, комплектующие, топливо, электричество, обеспеченность рабочей силой? Сколько времени вам нужно, чтобы написать подробный доклад – при условии, что мы окажем вам содействие и предоставим транспорт?

– Это зависит от того, что вы собираетесь выпускать, – заявил Танк, – поскольку для разной продукции требуются различные комплектующие и материалы, поставляемые разными контрагентами. Как вам вероятно уже доложили, я успел провести совещание со своей командой, однако мы рассчитывали сроки и объем выпуска применительно к отлаженному производству ФВ-190. Но вы считаете, что эта машина вам не подходит, тогда что вы хотите взамен?

– Ваш ФВ-190 был удачной машиной, – вступил в разговор Алексеев, – изначально проигрышной была сама идея. Вы задумали сделать универсальный истребитель – и завоевания господства в воздухе, и перехватчик тяжелых бомберов, и штурмовик по наземным целям, и даже торпедоносец. В итоге же вышло, что ваш мастер на все руки в каждой отдельной задаче хоть немного, но уступал специализированным машинам. Если же говорить конкретно про советско-германский фронт, то особенностью его было отсутствие стратегических бомбардировок, все крутилось вокруг поддержки или защиты наземных войск, и воздушные бои шли в подавляющем большинстве на малых высотах и малом удалении от аэродромов, каковыми могли выступать площадки подскока, зато часто бывало «только взлетел, и в бой». Оттого идеальным истребителем там был Як-3 – относительно легкий, дешевый, простой в пилотировании и эксплуатации, страшный в руках массового пилота военного времени и максимально скоростной и маневренный, даже в ущерб высоте и дальности. Его вооружения хватало против истребителей и средних бомберов, ну а для атак наземных целей у нас было достаточно штурмовиков. Истребитель завоевания господства в воздухе – эта функция у нас была главной,

под нее у нас специализировались и Ла-7, и Як-9У – а вот у люфтваффе отсутствие подобного самолета стало самым слабым местом, Ме-109 в ранних модификациях был чем-то похожим, но быстро набрал вес и стал неповоротлив. В то же время нам не хватало дальнего истребителя сопровождения и высотного перехватчика ПВО. «Сто девяностый» не нужен нам в существующем виде – но вы можете запустить в серию вот это.

Самолет на чертежах и рисунках, извлеченных из откуда-то появившейся папки, был похож на «Дору» – версию ФВ-190 с длинным носом под мотор Юмо-213 (первые опыты с ним проводились еще два года назад). Но это не была «Дора» – да, силуэтом схож, но другие пропорции, больше размах крыльев, длиннее и нос и хвост, истребитель выглядел поджарым, как гепард. Танк с удивлением узнал свой же проект Та-152Н, тяжелый высотный перехватчик, способный превзойти американские «мустанги» и сбивать даже В-29 на большой высоте! Начатый еще осенью сорок второго – но не разрешенный к выпуску, чтобы не ломать производство ФВ-190, русский фронт требовал все большего количества оружия, на опыты уже не хватало ресурсов. Однако же это не была точная копия – были и некоторые отклонения, будто исходный проект пытались улучшить. У русских такие шпионы, что сумели достать даже пока еще не реализованное, и такие конструктора, что сумели оценить, подхватить и развить даже его, Танка, еще не рожденный самолет?

– Мы сделали свою работу, – сказал Алексеев, – дальше уже ваш долг – довести до серии. По нашим расчетам, этот красавец должен иметь скорость за 750 на двенадцати километрах. Если подтвердится в полете, то истребитель имеет все шансы быть принятым на вооружение не только фолькслюфтваффе, но и даже ВВС СССР, не говоря уже о странах Восточной Европы.

– Через три месяца я берусь дать серию Та-152, – сказал Танк, – подготовительная работа почти вся проведена, собран и облетан даже первый прототип. А еще через три месяца выпуск может быть доведен до ста пятидесяти – двухсот самолетов в месяц при односменной работе, и до пятисот штук при трехсменной. Но остается последний вопрос. Какие условия работы будут лично для меня?

– А какие вам нужны особые условия? – спросил офицер госбезопасности. – Вам лично – достойная оплата, в рублях. И можете выписать к себе свою семью, ну зачем вам прятаться по тайным квартирам? Вся ваша личная собственность остается за вами, как и счета в германских банках. Никто не будет ограничивать вашу свободу передвижений внутри Германии, можете, как раньше, ездить на отдых в ваш любимый Тироль, когда там наведут порядок. Мы согласны забыть о вашем членстве в НСДАП. Единственно, мы очень не поймем и не одобрим, если вы решите, не попрощавшись, уехать в одну из недружественных нам стран... вы, надеюсь, понимаете, о ком идет речь? Тогда и мы оставляем за собой право принять необходимые меры в отношении вас – но надеюсь, что до этого не дойдет.

Танк лишь кивнул. Русский был прав – что делать конструктору его уровня в Англии или США? В лучшем случае возьмут в какой-нибудь «Рипаблик» или «Хаукер» на вторые роли. В Голландии, Швеции, даже Франции – может быть, и удалось бы начать с полного нуля, но откуда взять первоначальный капитал и производственную базу? В Аргентину вроде бы успел удрать кто-то из французов, и ему там даже создали условия – но, во-первых, на богатство там можно не рассчитывать, а во-вторых, после Римских событий в Латинской Америке стали очень плохо относиться к немцам. А ему уже сорок шесть, не мальчик, трудно начинать все сначала, а тут, дома – все знакомое, привычное! И чтобы отказаться, надо быть дураком!

Еще русских заинтересовало возобновление производства разведчика ФВ-189 (причем с советским оборудованием и вооружением). Хотя истребитель под шифром Та-152 считался приоритетом. Кроме того, новые работодатели затребовали все материалы по перспективному реактивному истребителю. Зачем им тогда нужен поршневым «152-й»? Хотя разумно – самолет принципиально новой схемы может взлететь через два, три года, а что ставить на вооружение сейчас?

Курт Танк был не только конструктором, но и деловым человеком. И в дальнейшем поставил перед русскими вопрос о выпуске на заводах «Фокке-Вульф» еще и самолетов других марок, к которым советские проявили интерес. Транспортник Ю-52 и запчасти к нему – для поддержания в исправности парка трофейных самолетов, летающих от Норвегии до Сибири. Его развитие Ю-252, Ю-352. «Вездеходный» транспорт Арадо-232. Ночной перехватчик Хе-219. Реактивный истребитель Мессершмита. И высшая сложность – бомбардировщик Хе-277, аналог американской «суперкрепости».

А русские вовсе не варвары, а очень даже цивилизованная нация. Если сумели столь высоко оценить его, Курта Танка, талант!

Лавочкин Семен Алексеевич.

Этот же день, 26 мая 1944 г.

Аэродром завода № 21, город Горький

Сегодня взлетел «сто тридцатый». Опытный самолет, еще не имеющий индекса «Ла», а просто шифр «130». Как в той, иной истории. Красивый – правильная выходит теория, что «красота есть воспринимаемая нами целесообразность»²⁶. Внешнее сходство с Ла-7 лишь свидетельствует, что эта машина, конструктивно весьма отличающаяся, унаследовала лучшие черты предшественника. Даже жаль, что ей суждена очень короткая жизнь.

Семен Алексеевич вспоминал тот разговор с вождем в сентябре сорок второго. Под Сталинградом шли тяжелые бои, и казалось, все висит на волоске. Но горьковский авиазавод уверенно наращивал выпуск Лагг-пятых (такое название было тогда в документах). Новый мотор М-82 вдохнул жизнь в малоудачный Лагг-3, позволив драться с «мессами» как минимум на равных. И это было лишь начало!

По замыслу и тот Лагг был хорош, его изюминкой был материал – дерево, после особой химической и прессовой обработки, приближающееся по прочности к алюминию. Казалось заманчивым сделать боевой самолет из самых дешевых и недефицитных материалов, ведь дешевизна – это большее число при тех же производственных мощностях и трате ресурса! Но это и оказалось роковой ошибкой, за которую пришлось расплачиваться кровью пилотов. В сороковом, когда рождался проект, мы все верили в войну «малой кровью, на чужой территории», что-то наподобие освободительного похода 39-го или Халхин-Гола, или даже Финской – с жертвами, героизмом, но где-то там, на чужой земле! И никто не думал, что импортные смолы, необходимые для изготовления нашего материала, «дельта-древесины», станут недоступны – и придется пускать в работу обычную сосну! Никто не предполагал, что к станкам на новых заводах встанут женщины и подростки – не имеющие квалификации! И мы, «три мушкетера – Лавочкин, Горбунов, Гудков», тоже были хороши – стараясь выжать из машины все, не оставляли резервов, а ведь известно, что почти любая доработка по устранению замечаний, которых просто не может не быть – это рост веса! И вышел «лакированный гарантированный гроб», как печально острили летчики – прочный, добротный сделанный, но медлительный, 549 километров в час вместо 605 у прототипа – и против 600 у Ме-109Ф. В то же время – нет великолепного маневра, который так выручал «ишачков». И строг в пилотаже, хотя и проще Миг-3, но безнадежно уступал «Якам», хотя тут Яковлеву помог его опыт создания спортивных авиеток, в Як-1, а особенно в Як-7 так и осталось что-то от тех машин, легких и послушных, но все ж это ласточки, плохо принимают ответный огонь. А «Лагги» прочны – и этого тоже не отнимешь, вот с фронта сообщают, наш «Лагг» таранил «мессера», так немец, хоть и цельнометаллический, развалился в воздухе – а наш сумел сесть на аэродром! Или другой случай – когда «Лагг» вернулся, потеряв почти половину левой плоскости, буквально «на одном крыле»!²⁷ Опять же

²⁶ И. Ефремов. «Лезвие бритвы». В альт-истории идеи, показавшиеся актуальными, уже брошены в массы.

²⁷ Оба случая реальны!

– в дополнение к протектору в баках, есть еще и заполнение их отработанными выхлопными газами, что резко снижает горючесть – и чего нет ни на «Яках», ни у немцев! Но низкие летные и пилотажные данные решают всё!

Тогда, в сорок втором, после слов «летчикам нравятся «Яки», казалось, что дни и самолета, и самого КБ уже сочтены. Но вождь поверил – страшно представить, что было бы, если бы мы его обманули, не смогли – и Ла-5 стал действительно грозным самолетом. Можно было уже дать себе маленькую передышку, – но последовал вызов в наркомат. А затем к Самому.

– Я хотел бы поручить вам чрезвычайно ответственную работу, которая очень поможет СССР, позволив перевернуть весь ход войны в воздухе, а значит, и войны в целом. Но это также очень сильно изменит вашу жизнь, вашу судьбу, даже ваше мировоззрение. Вы вправе отказаться, ограничившись доведением вашего самолета. Если же вы согласитесь – пути назад для вас уже не будет!

И что оставалось ответить – товарищу Сталину, который совсем недавно ему, конструктору Лавочкину, поверил и поддержал? Война, немцы на Волге – тут взяться за любую задачу, решение которой нашей Советской стране поможет, это великая честь! Страшно будет не справиться – но если сам Сталин считает, что это дело ему, Семену Алексеевичу Лавочкину, по плечу? Так не страшнее, чем нашим в Сталинграде держаться!

– Возьмите эти документы. Вас проводят в комнату, где никто не побеспокоит в течение двух часов. Этого времени будет достаточно? А затем продолжим разговор.

На фотографиях Ла-5, без сомнения. Но какой-то странный – гаргрот за кабиной убран, фонарь каплевидной формы, с обзором назад. Снимки явно сделаны на фронтовом аэродроме. Техники готовят самолет к вылету, а вот ряд этих же самолетов, на борту крайнего маленькие звездочки в несколько рядов – тридцать с лишним, сбитых! Летные данные с мотором АШ-82ФН – так ведь нет пока такого, и не выдает стандартный М-82 мощность в 1850 лошадок. И какие летные данные будут – а вот подробно расписаны достоинства и недостатки... а это что за документ? Отчет немецких испытателей трофейного Ла-5ФН, осень 1943 года. Сорок третьего?!

Семен Алексеевич был материалистом. Но решить, что товарищ Сталин станет его разыгрывать – было еще труднее, чем поверить в информацию из будущего.

И что там пишут – «маневренность выше, скорость крена, эффективность элеронов выдающаяся». Для сравнения – а это что за зверь? Немец, похож даже внешне – Фокке-Вульф-190, вот его летные данные и чертежи – в люфтваффе с осени 1941-го, новейший истребитель, про который пока еще не слышали на фронте!²⁸ Его развитие, «190Д», который появится лишь в сорок четвертом и будет бит Ла-седьмыми – его, Лавочкина, машинами!

Еще одна фотография. Ла-5 был все ж угловатым, этот же стал законченно стройным, зализанным, совки по бокам исчезли, фюзеляж ровнее. Летные данные: скорость – 680, фантастика! Вооружение – три 20-мм пушки! Ла-7 – как тут написано, «лучший советский и один из лучших в мире истребителей Второй мировой войны». И не только фотография – вот схема в разрезе, техническое описание. Это, конечно, не чертежи, но пройденный этап «эскизного проекта», позволяющий развивать и реализовывать идею целенаправленно, не вслепую! Сколько времени это сэкономит!²⁹

– Вы все прочли, товарищ Лавочкин?

– Так точно, товарищ Сталин! Но это...

²⁸ На Восточном фронте ФВ-190 появился лишь в конце 1942 года. А массово, в нашей истории – лишь к Курской битве.

²⁹ Лавочкин смотрит распечатанный журнал «Авиакolleкция», бывший на компе Сан Саныча.

– Это есть, товарищ Лавочкин. Вот так. Наши потомки, из будущего, оказывают нам помощь – ценными сведениями, и не только. Впрочем, вам хватит и этого. Вы понимаете, что это является государственной тайной СССР – и что последует за разглашение?

– Так точно, товарищ Сталин!

– Однако же ваша конструкторская мысль – это лишь ваше и только ваше творение. Ну, а что в иные из ваших гениальных конструкторских решений вы примете на основе того, что узнали, это останется между нами. Далее вам следует разобраться во всем, что передали нам потомки – касаясь авиации и самолетостроения. На предмет – что ценное мы реально можем внедрить. Учитывая реальное состояние нашей научной и производственной базы. Впрочем, рекомендации по развитию этой базы также будут входить в круг ваших обязанностей – например, по закупке оборудования или интенсификации исследований в каком-то направлении. Естественно, вам следует помнить, что пока «все для фронта – все для победы» – не допуская заметного снижения количества и качества выпускаемых самолетов. Для этого вам будет доверен пост замнаркома – так же, как у Яковлева. Теперь вы понимаете, что вам предстоит, и за что вы взялись, товарищ Лавочкин?

– Я оправдаю ваше доверие, товарищ Сталин!

В истории здесь не было истребителя Ла-5ФН. Потому что к лету сорок третьего, когда пермский завод сумел обеспечить выпуск моторов АШ-82ФН в большом количестве и должного качества, на истребителе «Ла» уже были металлические лонжероны крыла, а также улучшенная аэродинамика – фюзеляж без гаргрота, капот иной формы, иное расположение воздухозаборников и маслорадиатора – то, что большей частью было принято там уже на Ла-7. Потому самолет стал носить «седьмой» номер с июня сорок третьего, а к октябрю он уже стал окончательно соответствовать тому Ла-7, лишь вооружение из трех новых пушек Б-20 не удалось пока довести, пока стояли две ШВАК, как на Ла-5, тяжелые, но надежные. И настали для люфтваффе воистину черные времена – а в КБ Лавочкина плотно занялись новой задачей.

Еще одна фотография из того архива – самолеты, похожие на Ла-7, но не они: нос с «бородой» маслорадиатора и «обрубленное» крыло совсем другой формы – на льду, район Северного полюса, 1948 год. А также на заполярных аэродромах – Мурманск, Амдерма, Тикси, Чукотка, остров Врангеля – что однозначно указывало, с кем СССР в эти годы готов был воевать. Если семь лет назад через полюс перелетел Чкалов, то вполне может и армада «летающих крепостей», – чтобы сделать с нашими городами то же, что с Дрезденом! Вот только «мустангов» сопровождения у них не будет, не хватит истребителям топлива на такой перелет. А значит, у «лавочкиных» есть неплохие шансы даже в начале эпохи реактивных³⁰.

И именно потому сейчас взлетел «сто тридцатый», который станет Ла-9. И в работе «сто тридцать четвертый», будущий Ла-11 – не последовательно с «девяткой», а чуть отставая, чтобы учесть полученные на первом прототипе замечания. И хороший шанс, что уже через год Ла-9 и Ла-11 пойдут в серию, станут поступать в строевые части. И еще через два-три года уступят место реактивным – сослужив при этом еще одну службу: подготовка заводов к изготовлению цельнометаллических истребителей – иное оборудование, оснастка, квалификация персонала.

Ведь разница между Ла-7 и Ла-9 даже не собственно в боевых качествах – Лавочкин прочел, что в испытательном воздушном бою между собой они были примерно равны. Но срок жизни деревянного самолета при безангарном хранении – не больше года-двух. Это допустимо на войне, но не в мирное время! Опора на дерево в конструкции была именно такой, «мобилизационной» мерой, полностью себя оправдавшей в сорок первом – ведь даже немцы, когда их приперло, стали активно плодить частично деревянные «вундервафли» – это и ночной пере-

³⁰ Именно потому Ла-9 и Ла-11, менее требовательные к аэродромам, стояли на защите северных рубежей еще в начале 50-х, когда в Корее воевали «МиГи» и «Сейбры», а в Европе поршневые истребители уже стали анахронизмом.

хватчик Та-154, и транспортник Ю-352, апофеоз же Хе-162, реактивный истребитель, где из дерева были полностью крыло, передняя половина фюзеляжа, и кили (сделали бы и хвост с горизонтальным оперением, но от выхлопа сгорит). У нас же еще с начала тридцатых было, что многомоторные самолеты (бомбардировщики и транспортники) металлические, истребители – деревянной или смешанной конструкции, что было существенно, поскольку их и выпускали разные заводы. Теперь же предстояло массово и быстро перевести производство истребителей на металл.

В этом должны помочь побежденные немцы. Однако же если в иной истории промышленное оборудование выхватывалось из Германии в спешке, «вывезем, что сможем, а уж после найдем, куда приткнуть», и в итоге типичной была картина, что «из всех прибывших станков смонтировано пятьдесят процентов, сдано в эксплуатацию двадцать», «ценное оборудование лежит на земле, в поврежденной таре, а иногда и неупакованное, подвергаясь порче и коррозии», и лишь к 1948 году удалось навести какой-то порядок, – то сейчас опыт был учтен, конкретный завод слал технически обоснованную заявку, под которую (при всей ответственности заводчан) или приходили готовые поставки, или следовал заказ на изготовление – СССР был заинтересован в использовании немецкой промышленности, а не ее разграблении. Первые поставки уже пришли – это касалось прежде всего контрольно-измерительных приборов и инструмента, которым немцы были обеспечены намного лучше – не зная даже в худшее время, что такое один осциллограф на всю лабораторию или один штангенциркуль на всю бригаду.

Ну, а дальше? Лавочкин помнил этапы реактивного пути, утвержденные вождем. По которым надлежало пройти с опережением минимум на год.

Простейший переходный истребитель, для ознакомления летного состава – тот, что в иной истории был Як-15 и его развитие Як-17.

Тяжелый реактивный истребитель, уже полностью боевая машина. В той истории МиГ-9 и Су-9. Но если там второй из них быстро сошел с дистанции, то здесь у него хороший шанс – двигатели под крылом, нос свободен для размещения РЛС, выйдет ночной перехватчик, а вот «МиГ» все равно быстро уступит место идущему следом «пятнадцатому», так что смысл его делать?

И – «тысячекилометровый» истребитель, МиГ-15 или Ла-15. Разрыв в характеристиках с прежними самолетами будет столь велик, что эти машины назовут уже «вторым поколением» реактивных. Которому стоять в строю, в «первой линии», не меньше десяти лет!

Но работа над ними начнется не раньше чем через год. Когда будет развита производственная база, получен опыт первых «гадких утят» – и в серию пойдут двигатели, рождающиеся сейчас в КБ Климова, Микулина, Люльки.

Интересно, а можно ли поставить Юмо-4 (подробное описание есть, сам движок с документацией немцы еще не прислали, но куда они денутся?) на Ла-9? Тем более что опыты с различными «ускорителями», по опыту той истории, здесь будут признаны тупиковым вариантом?

Корветтен-капитан Адальберт Шнее.

Подводная лодка U-1505. Норвежское море, 3 июня 1944 г.

От этой миссии не просто воняло – смердело на милю британским дерьмом.

Капитуляция застала U-1505 в Бергене. Последние дни войны были полным сумбуром: куда-то пропал фюрер, а с ним и гросс-адмирал, и штаб ваффенмарине – никто не мог понять, что происходит там, в Германии! Но ясно было, что скоро конец – и оттого лодки 11-й флотилии, к которой была приписана U-1505, застрявшие в базе, в море не выходили. Против англичан – и как тогда после сдаваться в плен? А идти на север, в русскую зону, на съедение Полярному Ужасу – ищите дураков! Ходили, правда, слухи, выдаваемые за разведданные (или разведданные, выдаваемые за слухи), что Ужас сейчас свирепствует в Средиземном море, так что путь на север открыт – но проверять это никому не хотелось.

Восьмого мая пришло сообщение от голландского радицентра. Войне конец, всем силам ваффемарине, включая корабли в море, надлежит капитулировать. Подписано было – «Дениц». Значит, наш гросс-адмирал жив? И ничего не оставалось, как ждать своей участи, даже дезертировать было некуда в чужой стране. Теоретически одна территориальная дивизия и береговые батареи могли бы оборонять Берген столь же героически, как Нарвик, целую неделю отбивавший атаки американской, британской эскадр и русской армии, – но в чем был смысл такого «подвига», кроме как разозлить победителей?

В тот же день город заполнили вооруженные норвежцы, действующие «от лица короля». Не десант, а городские обыватели, вдруг оказавшиеся Соппротивлением и доставшие спрятанное оружие. А 9 мая утром вошли британцы, и сдача гарнизона и кораблей прошла буднично, без эксцессов. Впрочем, сдача первоначально выразилась лишь в спуске германских флагов, даже боезапас не выгружали – затем на причалах и у казарм появились английские караулы. И в экипаже отчего-то стали шепотом говорить, что британцы собираются выгонять русских из Европы, а нас пушечным мясом... а ведь тогда на север пошлют! Что очень не способствовало подъему боевого духа.

Двадцать пятого мая Шнее вызвали в британский штаб. В комнате были трое англичан, двое офицеров и один штатский, и именно он был главным. Сначала британцы поинтересовались, в каком состоянии субмарина, может ли выйти в море. Получив утвердительный ответ, штатский сказал бесцеремонно:

– В таком случае, герр Шнее, мы делаем вам предложение, от которого вы не можете отказаться. Вам предстоит совершить последний поход в русские воды. При успешном возвращении обещаем прощение всех грехов, английское гражданство и пятьдесят тысяч фунтов на банковском счету. Это относится ко всему вашему экипажу, лишь суммы вознаграждения будут в соответствии с чинами. При отказе же – суд за военные преступления, как, например, расстрел в воде людей из экипажа «Лексингтона» возле Нарвика полгода назад. Или выдача американцам, у которых к вам персонально очень большие претензии. Уж поверьте, что тогда выбирать вам придется между расстрелом, петлей и электрическим стулом. Выход в море через трое суток, конкретные указания вам будут даны уже после. И вам не следует бояться русского «Ужаса» – по нашим достоверным данным, он сейчас действительно в Средиземном море. Вам не потребуется прорываться через противолодочные рубежи, а тем более атаковать русский конвой. От вас требуется всего лишь доставить некий груз в заданное место в указанное время – и возвращаться незамеченным. Это очень легкая миссия для такого мастера подводной войны, корветтен-капитан Шнее, кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями и мечами и ученика самого Кречмера!

В море вышли 28 мая. «Грузом» оказались шестеро англичан. По документам и легенде, «если ваш корабль будет захвачен русскими», – члены экипажа парохода «Кэрролл», пропавшего без вести, вероятно потопленного неопознанной субмариной близ Исландии неделю назад, о чем было официальное оповещение по флоту – «и, как вы понимаете, герр Шнее, любые ваши попытки утверждать обратное будут расценены как гнусная клевета и ложь в надежде избежать наказания». Гости были одеты как матросы с торгашей или норвежские рыбаки, имели при себе два объемистых тюка и очень тяжелый металлический ящик, заглядывать в которые немцам воспрещалось, и не носили оружия, по крайней мере на виду. Согласно инструкции, их надлежало доставить в указанную точку с координатами близ мыса Варде и передать на ожидающий мотобот с рыбаками, опознавательные сигналы указаны. Ну а после – возвращение за наградой: вот в этой точке, у Фарерских островов, вас встретят британские корабли и сопроводят в английскую базу.

Гости не доставляли особых хлопот – не считая того, что потребовали выделить себе унтер-офицерские места, все рядом, потеснив экипаж. Отсыпались, играли в карты и разговаривали между собой по-русски (языка Шнее не знал, но звучание уловил). А поскольку кор-

веттен-капитан не все время командовал субмариной, а целый год делал карьеру в разведотделе ОКМ, то выводы ему было сделать несложно.

Известно, что русские сейчас активно осваивают север Норвегии, там есть даже их вольнонаемные рабочие, да и их соотечественники-эмигранты в Финнмарке не редкость. А у британцев наверняка там много своих людей среди контрабандистов и рыбаков, так что организовать прием груза и тайную высадку на берег не проблема. И один бог знает, что у этих джентльменов в багаже – может быть, сойдя на берег, они превратятся в русских офицеров, технический персонал или просто рабочих или матросов? Но это совершенно не его, Шнее, проблемы – а вот насколько британцы сдержат свое слово? Известно, как: мое слово – хочу даю, хочу беру обратно. И может быть, у Фарерских островов U-1505 глубинными бомбами встретят – все концы в воду и платить не надо? Или эти перед уходом заложат что-то взрывающееся.

– И не делайте глупостей, герр Шнее. Если вам вздумается пойти по стопам Петера Грау и прочих, из Свободной Германии,³¹ поверьте, что мы тогда сообщим русским такое, что они сами вас повесят. Или выдадут нам.

А, к дьяволу! Выйдя в точку встречи, как только обменяемся сигналами с «рыбаками» – немедленно высаживать эту шестерку с их барахлом в надувной клипербот, погружаться и уносить ноги! И надеяться, что британцы тоже заинтересованы получить в целости лодку XXI серии... если только им U-1508 и U-1509 не достались!

Первые три лодки были настолько сырыми, что их к боевым походам допускать было нельзя, лишь для подготовки экипажей; U-1502 погибла на Балтике в одном из таких учебных выходов в море, без всякой войны, U-1501 осталась в Кенигсберге и, наверное, была захвачена русскими, если не взорвана перед падением крепости; U-1503, все же переданная 11-й флотилии, попалась Полярному Ужасу в первом же походе; U-1506 при непонятных обстоятельствах в Нарвике взята русскими; U-1504 пропала без вести у берегов Португалии; U-1507 в декабре прошлого года сожрал все тот же Полярный Ужас; U-1508 была передана на флот еще осенью и сразу угодила в ремонт, там умудрились запороть дизеля при прохождении курса боевой подготовки, а так как Киль и Бремен тоже у русских, с ней все ясно. А вот U-1509 пришла в марте в Копенгаген, и что стало с ней после, это вопрос. И вроде больше новых лодок ни в 11-ю ни в 12-ю флотилии не передавалось. Если и были еще готовые, то на Балтике испытания проходили, и теперь вряд ли русские с британцами поделятся!

И разве у нас есть выбор, кроме как надеяться, что англичане сдержат свое слово?

Шли с большой осторожностью – сначала отделившись от берега в океан, и на север, почти по гринвичскому меридиану, а от широты Нарвика лишь под шнорхелем. Несколько раз замечали русские корабли – два траулера, небольшой транспорт и пару «охотников», причем в последний раз показалось, что русские что-то услышали – повернулись на лодку и сбавили ход, но Шнее приказал на маломощном режиме нырять на двести метров и отползать в сторону, буквально не дыша. Был категорический приказ, что до высадки группы любые атаки запрещены, разве что в самом последнем случае самообороны. Проклятый полярный день, приходится опасаться самолетов – а впрочем, лучше они, чем Полярный Ужас, от которого спасения нет!

Вот и бриллианты к моему кресту, подумал Шнее: уже год, как ни один германский подводник не проникал в русские воды так глубоко на восток. В октябре прошлого года – тот неудачник, что после погиб на U-231, вот не могу вспомнить его фамилию, из новичков, получил свой Железный крест всего лишь за сутки пребывания на позиции в ста милях к западу отсюда! А после поспешил домой, радуясь, что цел – чтобы через два месяца все же попасться Ужасу у острова Медвежий. Господи, хоть я раньше в тебя не слишком верил, помоги – до точки встречи осталось тридцать миль, пять часов хода! Ну, а там выбросить этих, и назад!

³¹ О «переходе» немецких лодок на советскую сторону, см. «Морской волк».

Кстати, надо бы и осмотреться на месте. Дизеля стоп, перейти на моторы, шнорхель убрать, оставаться на перископной глубине. И тут раздался крик акустика:

– Пеленг 260, командир, это он! Я ясно слышал! Теперь тихо, он подкрадывается!

Вниз! И немедленно – однажды спаслись на предельной глубине, может быть, поможет и сейчас? Хотя надежда малая – если Ужасу не нужен воздух, он возьмет нас измором. Мы будем ползти на моторах, сутки, двое, трое, на сколько хватит воздуха и заряда батарей, и утешать себя тем, что, возможно, Ужас нас потерял. А когда станем всплывать, то получим торпеду. Штрель у Нарвика спасся лишь тем, что база была близко и Ужас занялся эсминцами. Нам же не уйти никак – он видит и слышит гораздо лучше, намного быстрее и может стрелять под водой. Ну почему конструкторы рейха не создали столь совершенного подводного убийцу?

– Отмените ваш приказ, герр Шнее, – в руке англичанина был пистолет, – приказываю вам немедленно всплыть и высадить нас в шлюпку. А дальше нам придется на веслах – но думаю, что сумеем.

Приказываю? Я тут командир! И нас сейчас будут топить, кретины!

– Идиот! – заорал англичанин. – Это корыто и все ваши жизни, вместе взятые, не стоят успеха нашей миссии! Если мы не сумеем помешать, русские построят еще много таких сверх-субмарин и станут подлинными владыками морей! Вы не хотите отомстить Сталину за своих погибших товарищей, да и за себя, черт возьми? Хотите сдохнуть напрасно? Немедленно всплывайте и дайте нам всего одну минуту – надуть шлюпку, погрузиться и отчалить! А после делайте что хотите, лишь бы увести русских подальше и чтобы они не поняли, что вы делали на поверхности! Если он стреляет с глубины, то бот не увидит! А потом – я буду молиться за ваши души! Или мы сдохнем все, без всякой пользы для цивилизованного мира!

Остальные британцы были тут же – и с оружием в руках. Готовы начать боевые действия прямо здесь, в ЦП субмарины, и с выражением лиц тех, кому абсолютно нечего терять. Нельзя сказать, чтобы Шнее испугался – но энергия англичанина как-то заразила и его. И какая была альтернатива – с высокой вероятностью медленно и мучительно помирать в глубине, без возможности ответить? Или все-таки успеть нанести свой удар!

Моторы на полный, рули на всплытие! Глубомер показал, что рубка уже вышла из воды. Продуть среднюю! Тотчас открыли люк, и англичане буквально вылетели наверх вместе с тюками. Клипербот был уложен в ограждении рубки – его можно было очень быстро раскатать и дернуть за шнур, открывая клапан воздушного баллона. Если не снесет встречным потоком, пока гасится скорость – ну, это уже проблемы британцев! В позиционном положении наружу лишь рубка, продувать носовую и кормовую группу цистерн выхлопами от дизелей, чтобы всплыть полностью, нет времени. Как и тратить на продувание воздух из баллонов – если Ужас загонит нас на глубину, нам потребуется каждый литр. Лодка «тяжелая», а на поверхности волна в метр-полтора, и трудно же будет англичанам выгребать на низко сидящем боте, и сухими не останутся – и положение их немногим лучше, чем просто плавать в спасжилете, особенно если волну еще разгонит. Если за полсуток не подберут, покойники с вероятностью процентов семьдесят, вода ведь ледяная, ну а за сутки и девяносто процентов – вот только у нас, если Ужас возьмется серьезно, и малого шанса выжить нет! Если только не поможет то, о чем рассказывал Штрель!

Что ж, U-1505 погрузилась на двести метров, моторы в малозумный, режим полной тишины, как при бомбежке глубинками. Неужели оторвались? Но нет – акустик крикнул:

– Торпеды в воде! Идут на нас!

Вниз! Штрель со своей U-1506 спасся потому, что русские торпеды взрывались как раз на глубине двести. Ниже – спасение!

Проскочили глубину 250, подходим к тремстам. Корпус лодки трещит. А торпеды все ближе – русские тоже учли опыт того боя? Господи, прими наши души – мы были честными солдатами Германии!

Они умерли быстро – хотя обе торпеды не попали, а взорвались в пяти-восьми метрах. Радиус сработки неконтактного взрывателя – это было еще хуже: «водяной молот» ударной волны легко проломил корпус субмарины, а ворвавшаяся внутрь вода под давлением в тридцать атмосфер смяла переборки, как картон. Это случилось за полминуты до того, как должен был взорваться оставленный англичанами заряд в том самом железном ящике, так и лежащем в ограждении рубки – ничего личного, разумная мера предосторожности. И обломки U-1505 рухнули на дно, на шестисотметровую глубину, чтобы лежать там до скончания веков.

Затем место боя, в сотне метрах от поверхности, пересекла огромная сигарообразная тень. И растворилась в море без следа.

А наверху в резиновой шлюпке шесть человек работали веслами, пытаясь согреться. Поскольку в процессе погрузки искупаться пришлось всем, лодка уже уходила на глубину. И утопили один из тюков – второй, менее плотный, с одеждой и легким снаряжением, остался плавать, и его втащили в шлюпку.

Операция будет продолжена, несмотря ни на что. Ведь англичане – очень упрямый народ!

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Воронеж»

Мы вышли из Специи 22 мая. С полным парадом – до Гибралтара нас сопровождал «Ворошилов» и эсминцы. Немецких лодок на Средиземке быть уже не могло, Балеарская флотилия капитулировала – но вот союзники могли устроить любую подлость, особенно в узости пролива и зоне малых глубин, где атомарина связана в маневре. Отбомятся по «неопознанной» подлодке, принесут извинения – и что тогда? Нет, под эскортом спокойнее! И именно потому, что нет войны – тогда бы мы как раз прошли спокойнее: топи их всех, стреляй первым, и вперед!

Причем американцы явно что-то замыслили. За две сотни миль до Гибралтара нас сопровождали их эсминцы – шли мирно, в стороне, параллельным курсом, но активно работали гидролокаторами. Но вряд ли могли слышать нас с восьми миль, а тем более засечь отраженный сигнал. И в самом проливе нас ждал «комитет по встрече» – еще эсминцы, судя по акустике, новейшие, «самнеры» или «флетчеры», и что-то крупное, вроде тяжелого крейсера. А у нас самая главная опасность к западу – отмель у Танжера, где глубина всего полсотни, для нас это как акуле ванна. Мы ход убавили до совсем малюшумного, десять узлов, и почти под днищем «Ворошилова» держались – а американцы обнаглели совсем: впереди идут, слева, справа, за кормой, как конвой. У нас все на боевых постах по готовности один, на случай, если начнется – что любви к янки среди экипажа ну совсем не добавляет! Как изрек наш замполит Григорыч, считайте для нас это первым сражением холодной войны, когда еще не стреляют пока, но это поправимо и очень относительно. Говорили ведь в веке семнадцатом, восемнадцатом – «нет мира за этой чертой», то есть без разницы, мир в Европе или нет, но вот в дальних морях если встретятся, например, британцы с испанцами, то залп всем бортом, а затем сабли в зубы и на abordаж. Времена давние – а кто «Курск» потопил, сволочи? И вообще, хотя нападение на военный корабль в мирное время считалось «казус белли» однозначно, но под водой своя специфика, сгинул кто-то в море без следа, и ищите улики! Особенно в «зоне ответственности» тех, кто себя считают хозяевами мира. Так что хотя теоретически мы могли сейчас, после Победы, домой хоть в надводном положении идти, не скрываясь, у всех на виду, – но под водой, как на войне, гораздо спокойнее и безопаснее. Ну, нет сейчас у союзников средств, чтобы нас в открытом океане обнаружить и активно преследовать, а от любого их патруля мы легко уклонимся. И ход под водой у нас побольше – так что неделя с небольшим, и дома. А там будем решать, что нас ждет: то ли активная помощь в строительстве нашего атомного флота,

то ли Тихий океан. Япония не капитулировала пока, – а у нас на рубке пока лишь цифра «92», не хватает до трехзначного числа официальных побед.

А ведь звоночки уже были, еще на севере заметил, перед уходом в Средиземку. Пока что у нас с самураями не просто мир, но и пакт о ненападении, – но замполиты уже рекомендуют личному составу читать «Порт-Артур» Степанова, вышедший в сорок втором – причем что интересно, Сталинскую премию получивший не после войны, вот зацепился мне в памяти этот факт³², а в этом, сорок четвертом! Вероятно, вождь тогда решил самураев не дразнить, ну а здесь подумал, что моральная подготовка важнее, а японцы – что они сделают? Ну, и разговор был еще прошлогодний насчет нашего возможного перехода по Севморпути.

Двадцать четвертого мая прошли Танжер и еще на запад. Дальше – действуем по плану Б, как с товарищем Басистым, держащим флаг на «Ворошилове» обусловлено. Короткий обмен условными сигналами по ГАС – и два эсминца, «Сообразительный» и «Способный», устремляются вперед, разгоняясь до тридцати узлов. А мы за ними, на глубине – будет Сирий снова ворчать, что корпус и машины нагружаем, ресурс расходует, но тут никак нельзя иначе, чтобы и скорость, и бесшумность была. Американцы не поняли или поздно сообразили, что происходит – перекрыть нам дорогу уже не успевали. Ну и, конечно, эсминцы своими винтами напрочь глушили картину американской акустике – не умеют еще в этом времени разбивать спектр сигнала на частоты и вытаскивать по второй – третьей гармонике – тут компьютерный анализ нужен.

Проскакиваем под носом у правофлангового «самнера», в трех милях, пересекая его курс. Вот только между нами – «Способный». А дальше, как обговорено, эсминцы еще через пять миль отворачивают к эскадре, ну а мы уходим в океан, курсом не норд-вест, а почти чистый вест. Успеваем еще и пересечь курс тем, кто спешит слева – ну вот, теперь все вы у нас за кормой, нас не видите и не слышите! Когда становится окончательно ясно, что американцы нас потеряли, уменьшаем ход и отворачиваем на курс 280. Глубина сто, ход двадцать один узел.

А еще через час Серега Сирий доложил по «Лиственнице»:

– Командир, ЧП! Утечка радиации на первом, сейчас ищем, где. Если уровень будет расти, а обнаружить и локализовать не удастся, прошу разрешения срочно глушить первый реактор с переключением ТГ обоих бортов на второй. Ориентировочно сбросим ход до двадцати – двадцати одного узла. Или рискуем превратиться в К-19.

Вот не было печали! Если трещина в арматуре первого контура, то это не только в походных условиях, но и вообще в этом времени не лечится! Зная Серегу, хорошо понимаю, что он без нужды панику гнать не будет.

– Разрешаю при необходимости глушить первый, с уведомлением в ЦП.

Только спокойствие – и думать, что делать дальше. С ГАК докладывают, американцы усиленно ищут нас к осту и норд-осту – слышны шумы винтов не меньше десятка эсминцев и работа гидролокаторов. Эскадру «Ворошилова» уже почти не слышать, по плану должны лечь на обратный курс и сейчас уже втягиваться в Гибралтарский пролив. Но можно еще всплыть под перископную, поднять антенну и подать сигнал – вернуться, встретят, сопровождают. Опять через строй янки, с возможными провокациями – и что важнее, застрянем мы тогда в Средиземке капитально. В то время как на Севмаше мы будем куда нужнее, хотя бы как наглядное пособие, да и шанс на ремонт там есть, хотя и небольшой. В принципе и на одном реакторе наши ходовые качества лучше, чем у любой из подлодок этого времени... ну, а если и второй накроется, тогда песец! В отличие от К-19, здесь помощи ждать неоткуда, свои берега и базы далеко!

Решаю пока следовать прежним курсом. Хотя бы пока уберутся американцы и обстановка не ухудшается. Запросить бы Сирого – но сдерживаюсь, зная, что наш мех, командир БЧ-5

³² В 1946 г. в нашей истории.

от бога, сейчас делает все, что только возможно, и доложит немедленно, как только что-то прояснится.

Устал корабль – железо сдает. Если посчитать, сколько мы в походах с июня сорок второго, два года уже здесь – да тут дизельные лодки с такой интенсивностью не гоняли! Это хорошо, что мы сюда ухнули прямо после капитального заводского ремонта там, в 2012-м, и что Серега Сирий – это лучший мех, какого я знаю, в своем заведовании царь и бог, буквально месяцами не покидает отсек, не давая покоя комдивам и группманам. И пытались ведь еще в сорок третьем подготовить из местных товарищей людей на подмену, даже практику у нас проходили... и вроде получалось, даже ходили с нами в боевой поход к берегам Норвегии! Но тут наш «жандарм» Кириллов воспротивился – поскольку привлеченные товарищи допуска к нашей главной тайне не имели, а ведь запросто могло выплыть в разговоре – и нашим напряг, в чужом присутствии лишнего слова не сказать, вы так в процессе службы, когда с лодки никуда, попробуйте! И страшно представить, что будет, когда у людей психика начнет сдавать – пока же, по моему впечатлению, сначала ощущение войны помогало, а сейчас чувство причастности к радикальному изменению истории: уже невооруженным глазом видно, насколько этот мир на тот похож не будет – вот представляю, что проваливаемся мы сейчас таким же манером назад в 2012-й... Ой, как отписываться будем, где болтались, куда боезапас дели, включая спецБЧ, где прикомандированный спецназ потеряли? Так представляю я это – и не хочу назад! А охота большая мне посмотреть, что здесь через сорок, пятьдесят лет получится – сколько я проживу? Вообще долгожители в роду были – бабушка умерла трех месяцев до ста лет не дожив, а двоюродный дед в восемьдесят два года был как крепкий шестидесятилетний мужик – на даче бревна ворочал, по лесу за грибами бегал, молодым не угнаться, и в шахматы у меня выигрывал, ясный ум и память без тени маразма. И умер глупо, на даче о ржавую железку оцарапался, и пока в Питер сам машину вел, из Псковской области, да еще не сразу к врачу – заражение крови, уже не спасли... да и медицина была тогда поганая, в девяностые, если ты не олигарх. Значит, наследственность есть здоровая – вот услышать бы в августе девяносто первого здесь: «В СССР все спокойно», – и можно к господу в рай. Ну что ж там Серега, неужели песец пришел и хвостиком машет?

– Центральный, нашли! – голос Сереги в «Лиственнице». – Слава богу, на отключаемом участке. Уже перекрыли, перебросили по схеме. Но рекомендую первый реактор не более чем на шестьдесят процентов, ну кроме случаев «жизнь или смерть». Иначе не могу ручаться, что еще где-то не полетит. Придем на Севмаш, надо всю арматуру, где доступно, просветить рентгеном.

– Принято! – говорю. – Серега, ты скажи честно, доедет или не доедет? Еще можно повернуть, хотя это будет ну очень не в масть. Выдержим восемь суток или нет?

Сирий молчит секунду, затем изрекает:

– Командир, я считаю, этот поход мы дойдем. Но следующий – лично я никаких гарантий дать не могу. И на всякий случай радируй, чтобы нас могли в случае чего где-нибудь у Нарвика встретить.

– Люди как? Медицинская помощь нужна?

Это не жестокость, а необходимость. При аварии на подлодке техника важнее – потому что если с ней песец, погибнем всем экипажем. Чтобы корпус был цел и машины тянули – ну с остальным дома разберемся!

– Все в строю, – отвечает Серега, – но бэры схватили, немного, пьем молоко. Надеюсь, обойдется! Сейчас утечки нет, проводим деактивацию отсека.

Хромаем через Атлантику, удастся держать двадцать узлов. На связь вышли 26 мая, проходя широты Бискайского залива. Как положено, отправили, дублировав, сжатый «пакет» сообщения, оставались на перископной, чтобы принять ответ – и уже через пять минут вместо дома поймали сигнал самолетного радара, пришлось нырять – может, это было совпадением, но про-

верить не хотелось. Несколько раз обнаруживали корабли и суда, уклонялись на безопасной дистанции. Двадцать девятого мая преодолели Фарерский барьер, пока еще не рубеж ПЛО, оборудованный по всей технической мощи конца века, но наиболее узкое место Атлантики между Британией и Исландией, меньше тысячи километров, да еще и мелководье, и острова посреди. Число противолодочных патрулей, или, по крайней мере, тех, кого мы из-под воды сочли за таковые, впечатляло – в пределах слышимости нашей акустики почти все время кто-то был. От кого англичане держат оборону, если немцы капитулировали все?

Утро 30 мая – мы наконец в глубоководном Норвежском море. Вышли на связь, и на этот раз дождался ответа – «квитанция» о приеме немедленно, а еще через пару минут сводка оперативной обстановки и запрос о наших дальнейших намерениях. «Грозный», «Гремящий» и «Сокрушительный» готовы выйти из Нарвика нам навстречу. И, вот пропустили мы уже, еще 27 мая наш транспорт «Луга», следующий из США, готов был оказать нам помощь в точке западнее Ирландии, – а какая от торгашей могла быть помощь, кроме как экипаж снять и лодку затопить? Ну и союзники тоже отметились – официально заявили, что готовы при необходимости принять нас в одной из британских баз, если последует таковая просьба. Не дожидаясь – успокоили штаб, что пока ситуация под контролем (неделю продержались, еще пару-тройку суток сможем), так что идем в Полярный, по исходному плану. А «союзники» нехай к Нептуну идут – с такими друзьями и врагов не надо!

Первого июня прошли мимо Нарвика на север. Это была уже зона ответственности нашего СФ, и чужакам сюда доступа без нашего разрешения не было – Северный флот в эту войну, не без нашей помощи, заставил всех очень себя уважать! Мы прошли даже с опережением графика – оказавшись, как выяснилось, гораздо восточнее нашего предполагаемого эскорта. На запрос с берега ответили – пусть встречают нас у Печенги. Второй реактор работал как часы, и наибольшей опасностью казались немецкие донные мины на мелководье. Еще, согласно сводке, за май в зоне СФ были обнаружены и уничтожены две немецкие подлодки, отказавшиеся сдаться (согласно требованиям капитуляции, следовать в надводном положении в ближайший советский порт, подняв белый флаг). Хотя на что рассчитывали немчики, сунувшись в наше море, понять было сложно – очень может быть, что они действительно шли сдаваться, но, не доверяя, пытались уклониться от наших самолетов и кораблей, тем самым обозначив себя врагами.

Второго июня получили сводку – в районе по нашему курсу обнаружена неопознанная подлодка. Снова немцы, или опять заклятые «союзники» без спроса лезут? Ну, не взыщите, если попадетесь, вас же предупреждали! Хотя мы и «хромые» сейчас, но вас сделаем!

К вечеру 2 июня (время суток уже понятие относительное – полярный день!) с ГАК доложили – цель обнаружена. Лодка под РДП, идет к нашему берегу. На срочный запрос пришел ответ, что наших лодок тут нет и быть не может. Мы сообщили, что в помощи пока не нуждаемся – одну субмарину сделаем сами, а получить по ошибке «дружеский огонь» совершенно не хотелось. И кто же такой наглый – фриц-отморозок, кто еще не навоевался, или нерешительный, долго болтался в море, наконец дозрел сдаться, но боится, что его потопят, или вообще союзник-шпион?

– Цель опознана, двадцать первая!

Идем следом, дистанция шесть миль. Хотя акустика у «тип XXI» по этому времени очень хорошая, но фриц под РДП, а не моторами – гремит дизелями на все море, мешая своей же ГАС. И «мертвый сектор» прямо за кормой, который перекрывают свои же винты. РДП, он же шнорхель, от авиации маскироваться хорош, от субмарин-охотников не только не поможет, а еще и повредит. И что с тобой делать, гость непрошенный? Сдаваться ты бы в Нарвик шел – значит, враг? И какие же твои намерения?

– Цель опознана, уточнение. Конкретный фриц, что у Нарвика американцев топил.

Ага, а мы с глубины слушали. Как ты там их не только топил, но и спасавшихся расстреливал! Значит, дело ясное – фашист-фанатик! Решил напоследок еще кого-нибудь... а ведь могли немцы и знать, что мы в Средиземке и на севере нас бояться не надо! Вот и полез, чтобы торпеды домой не везти – а после с чистой совестью англичанам сдаваться. Только я тогда еще конкретно тебя пообещал утопить! Ну, вот ты мне и попался!

– Михаил Петрович! – вмешивается Кириллов (бессменное наше «око государево»). – Сколько я представляю ваши и его боевые возможности, предложение сдаться ничего не изменит? Все же «двадцать первая» – это ценный трофей. Жалко топить сразу.

Ну что ж, это можно. Берем вправо, отрезая врага от берега, и на скорости восемнадцать подвсплываем на глубину полста, и сразу вниз. И еще короткий импульс ГАК в активном по цели. Если фриц все поймет правильно, то сейчас всплывет, поднимет белый флаг, и курс в ближайшую советскую базу! А если попробует скрыться – что ж, мы честно предупреждали!

Всплыл. Даже жалко, что не добавится еще единичка к нашему счету. Нет, снова погружается! И пытается спрятаться, перешел на малозвучный ход (у «двадцать первых» для того были особые маломощные электромоторы). От акустики этих времен помогло бы – но мы его с трех миль слышим отлично!

У Бурого в БЧ-3 все уже готово. Условия стрельбы простейшие, цель с малым ходом, на небольшой дистанции – даже полный залп тратить жаль. Пуск две торпеды, еще две готовы на маловероятный случай промаха. Но не промахнулись! Два взрыва, звук разрушения корпуса – девяносто третья официальная победа у нас на счету!

А после, как положено, всплыли под перископную. Осмотр ничего не дал – впрочем, там развело волну, и мелочь, вроде плавающих обломков, заметить было нельзя. Выдвинули антенну, доложили о бое на берег. Получили ответ, что подойдут катера МО, осмотрят район. Ну и нам дальше тут делать нечего!

Четвертого июня были встречены «Куйбышевым» и «Урицким», и еще через полсуток вошли в Полярный. И я докладывал командующему вице-адмиралу Головки о завершении нашего Средиземноморского похода. Двадцать три официальные победы – последняя, уже здесь, вчера! Корабль имеет неполадки по БЧ-5, ограничивающие боеспособность, потерь в экипаже нет.

Затем в присутствии комиссии из технического отдела СФ решали, что делать дальше. Прибыла с Севмаша бригада сварщиков, привезли баллоны аргона, – но все взвесив, решили, что лучше пока не трогать, дойдем до Молотовска самостоятельно. Взяв ремонтников на борт, 7 июня в сопровождении тех же двух эсминцев, а также спасательного судна «Юпитер» и двух тральщиков вышли из Главной базы, следуя в надводном положении. Одиннадцатого июня без неприятных ситуаций прибыли в Северодвинск.

А дальше был разбор полетов. И по части Курчатова и команды с «арсенала два», и по части нашего «жандарма» комиссара ГБ Кириллова и моей Анны Петровны. И то, что ждало меня после в Москве, в Наркомате ВМФ.

Анна Лазарева.

Северодвинск, 11–16 июня 1944 г.

Ассоль встречала своего капитана лишь однажды. А я – уже третий раз.

И столько же – провожала в море, всего за год. Поставят ли когда-нибудь памятник женам моряков? Видела на фото, что в той истории будет – в Ленинграде, у Нахимовского училища, напротив «Авроры», поставленной на вечную стоянку. Девушка в развевающемся платье, под ногами будто волна, и чайки реют вокруг.

Если бы я была той самой, Бегущей по Волнам, владела бы волшебством, чтобы корабль моего самого дорогого человека всегда возвращался домой без помех! Хотя – а чем мы слабее, просто сила наша другая: знать наше будущее и иметь возможность его изменить. Чтобы здесь

Северного полюса достиг атомный ледокол «Иосиф Сталин». А в СССР в 2012 году праздновали 7 ноября, а не какой-то День народного единства. Господи, ведь даже тот, кого я сейчас под сердцем ношу, успеет уже состариться... мы сейчас как герои романа Ефремова, экипаж звездного корабля, отправляющегося к далекой планете – лишь дети и внуки их увидят цель!

Только не плакать! На меня же все девчонки смотрят! И называют между собой Стальной леди, отчего-то на английский манер, и даже «адмирал», не «адмиралыша», что было бы естественнее. Пример с меня берут, стараются подражать во всем. За редкими исключениями – но о том разговор отдельный.

А я чуть не разревелась, когда узнала, что на К-25 что-то случилось с реактором! Поскольку очень хорошо представляла, что такое радиация – бывая на Втором Арсенале (у Курчатова) едва ли не чаще, чем на заводе, особенно когда корабля моего адмирала там нет. И вот в Бога не верила – а молилась: Господи, если ты есть, помоги хоть ты, чтобы вернулись наши живыми и здоровыми! Но в церковь не ходила, конечно – просила так, чтобы никто не видел и не знал. Я ведь комсомолка, как иначе?

Затем из Полярного сообщили: дошли нормально, и больных на борту нет. А еще через четыре дня – чтобы мы ждали и готовились! Я не то что дни – часы и минуты считала, и, наверное, не я одна. И вот, встречаем.

Как было в прошлом сентябре – лишь провожали мы тогда, и вот запомнилось по-особому. Лето, но холодно еще, чтобы в одном платье, север все же – и отличный повод надеть не алые шарфики и платочки, а накидки-пальто («летучая мышь», из моды будущих времен, но о том знаю только я), наши «алые паруса», как в тот сентябрьский день. Погода лучше, чем тогда – дождя нет, солнце светит среди редких облаков, но ветер довольно сильный (а впрочем, безветрие тут редко бывает), треплет наши накидки, вздувает, как настоящие паруса – но это даже красиво, я свою нарочно еще и расстегнула по бокам, чтобы развевалась больше, и мой адмирал узнал меня среди всех – а что прохладно, перетерплю!

А после, когда К-25 пришвартовалась и было сделано все, что должно было сделать с технической и официальной стороны, и экипаж наконец сошел на берег... Если бы Михаил Петрович остался на борту – я ж все понимаю, командир не всегда может покинуть свой корабль, когда хочет, – то я сама готова к нему туда, ну чем я хуже Ленки, которая умудрилась на К-25 побывать дважды, а я еще ни разу, хотя все допуски у меня есть. По трапу спуститься – так я пока еще в отличной физической форме, даже на русбой хожу, хотя ребята и девчонки предупреждены и приемы на мне лишь обозначают. В санчасти сказали, четвертый месяц, ну да, как раз с февраля – но пока живот совсем не заметен, и в прежние платья влезаю свободно... правда, и шила я их с запасом, чтоб на талии пояском стянуть. Нет – вот идет мой адмирал! И повисла я у него на шее, и целовались мы – а чего стесняться, кругом все так же, и все ведь свои, все понимают!

Целых четыре дня были нашими. Тоже занятые делами – тут и подробный доклад в Москву, и обследование корабля целой командой с Арсенала, и дядя Саша, ой, товарищ Кириллов меня взял в оборот – нашел, что в той истории с «мистером Доу» я действовала грамотно. Кстати, мистер этот уехал, больше не совершая ничего предосудительного, не был замечен абсолютно ни в чем. Что настораживало еще больше – значит, есть тут у англичан кто-то еще, ну а «мистер Доу», сделав свое дело, просто отвалил. Проанализировать все движение информации, кто что знал, кому мог сообщить – без компьютера и наглядной графической модели, тут же выдающей все эти связи, я бы не справилась! И самое поганое, что ничего так и не нашли!

– Если это СИС, а не УСО, то у них манера другая, – сказал дядя Саша, – они не торопятся и на форсированный вариант идут лишь в совсем крайнем случае. Зато они ничего не забывают и не упускают, анализируют на косвенных, ищут подтверждения и могут составить правдивую картинку, даже близко и не подходя! И на диверсии обычно не отвлекаются, очень

редко прибегают к активным действиям – лишь сидят тихо, себя не выдавая, и собирают сведения по крупице. Выводы, товарищ старший лейтенант ГБ?

– Слабое место – связь, – отвечаю, – ведь должны они добытое куда-то передавать, или между собой делиться, чтобы собрать картину из осколков? И если они так въедливо цепляются к любой мелочи, то... Лишнее подбросить, ну как в этом рассказе из будущего про «маузер Папанина». Если они не могут знать, что именно надлежит отбросить, все стараются учсть?

– Хвалю! – сказал дядя Саша. – Вот так и работай. Но впредь, как ты сказала, «рассказ из» не допускай – мало ли кто случайно может услышать? Даже не обязательно враг – как тогда, с «африканскими алмазами». Кодовое слово ты знаешь, его и употребляй, даже между своими. Потому что, чувствую, ничего еще не закончено с Победой. Что-то происходит... непонятное. И боюсь, что мы, избегнув капканов того пути, свернули на дорогу совершенно нехоженую, где вилы свои, не менее опасные. В общем, делай, что должно, и не расслабляйся – а я прослежу и сверху тебя прикрою.

Загадки полные. Но все же хорошо, что при всем том каждый день мы с Михаилом Петровичем видели друг друга часто, и не только с вечера до утра, а и выгадывали от дел время, хоть час, полтора, на прогулки вместе, как прошлым летом. Погода такая, что в четырех стенах сидеть не хочется, и поблизости, сразу за проходной, между заводом и Первомайской стало уже что-то на парк похожее, аллеи и дорожки появились, даже скамейки поставили. Свежий воздух, простор, так легко на душе – идем, разговариваем или просто за руки держимся, хорошо так, когда даже слова не нужны. И ничего, что там ветрено от моря, с меня шляпку сдувает – с Михаилом Петровичем я никогда косынку или беретик не надену. Ветер вдруг налетит, заставит меня держать подол, сорвет мою шляпу, покатит колесом по земле, – а мы лишь улыбнемся друг другу и вместе следом поспешим, рук не разнимая. Ну, не все же время чинно и спокойно идти, в жизни и непогода бывает тоже! А шляп я просто носить не умею – наверное, тут какие-то секреты есть, чтобы так часто и легко не слетала? Но ведь не спросишь о том у «мистера шимпанзе», кто нас модным товаром обеспечивает?³³

Мой адмирал говорит, я на актрису похожа, что Тимиреву играла, а когда в шляпке, то и вовсе не отличить. Я даже, когда фильм смотрела на компьютере, кадр останавливала и на себя в зеркало глядела, сравнивала, в шляпе и без нее. Но тот из фильма все же враг был, сколько он людей в Сибири замучил и расстрелял! Однако же как Тимирева, тоже Анна, его любила, это уважения заслуживает, и ведь в отличие от «морских» сцен, которые у Михаила Петровича вызывают лишь усмешку, про любовь их там показано, как в жизни было! Хотя если она врага любила – значит, сама... Нет, ведь ее наша советская власть ни в чем не обвинила, а значит, врагом не считала! И вообще, это лишь внешний образ, и смотрится красиво, мне идет, и моему адмиралу нравится. А про шипение таких, как наша «попадья», за моей спиной – что вырядилась, как фифа ходит! – да кто она такая, чтобы мне указывать? Ой, разозлюсь, и вылетит она отсюда завтра же, есть у меня такое право! Но если и впрямь горе у нее, да и говорят, она расчетчица хорошая, тоже бывшая студентка ленинградского универа, только с мехмата, а не иняза, сама из Пскова, что под немцами был... Ладно, пусть шипит, если ей так легче, с меня не убудет!

А шестнадцатого прилетел сам товарищ Пономаренко. И был у меня с ним очень серьезный разговор.

Сначала Пантелеймон Кондратьевич с дядей Сашей о чем-то говорили, в кабинете закрывшись. Затем меня вызывают. И сразу вопрос – намерена ли я на службе остаться? Поскольку война кончилась – и как замужняя, да еще и в положении имею полное право быть демобилизованной, и совет вам да любовь.

³³ О том см. «Днепровский вал».

А что я умею в мирной жизни? Сплошная недоучка в свои двадцать два года – незаконченный иняз ленинградского универа, здесь по верхам нахваталась по кораблестроению и атомной физике, – но явно не имею таланта к чистой науке! Могла бы без проблем на третий курс восстановиться с сентября – но куда мне, если в ноябре у меня срок подойдет? И мне в Ленинград, когда мой адмирал на севере... хватит уже с меня практики с носителями языка на всю оставшуюся жизнь! Но и стать лишь женой и матерью после того, что узнала – да я же не вынесу просто, думая постоянно, а вдруг через сорок, пятьдесят лет и тут «перестройка» с капитализмом настанут?

В солнце, в жару ли – в любую погоду
Лучшие – с нами. Лучшие вместе,
Чтоб ваши дети не выбрали водку,
Чтоб ваши внуки не выбрали пепси.

Нет, не хочу! Чтобы тот, кто через пять месяцев родится, и в бандитском капитализме жил, а его дети, мои и моего адмирала внуки – как там в этой песне, что мне в душу врезалась. Жаль, что сейчас ее петь нельзя, не поймут, чтобы твой сын не родился «кяфиром», чтоб твою дочь в гарем не продали. Чтобы твой сын не сидел в каталажке, чтобы твою дочь не снимали с панели. Это моих детей – да я убивать буду, насмерть встану, чтобы такого не случилось! И уж тут я кое-чему обучена, умею! Если знаешь, что твой мир рухнет, все равно через сколько лет – двадцать, пятьдесят, сто – как с этим жить?

– Хотела бы остаться, – говорю, – еще месяца два в нормальной форме буду, после придется отпуск взять, но лишь на время! А там видно будет – какой фронт окажется главным.

Вижу, переглянулись Пантелеймон Кондратьевич с дядей Сашей. А вот интересно, что за интерес тут, на Севмаше, у товарища Пономаренко? Он ведь теперь член Политбюро, курирует идеологию и пропаганду, а кроме того, остается главой советских партизан – которых сейчас переименовали в войска осназ НКВД (не путать с армейским осназом), вычищают лесную мразь в Прибалтике, Украине, Польше, Югославии. И война эта едва ли не столь же трудна, как совсем недавно против немецких оккупантов – но куда менее почетна и известна.

– Это хорошо! – сказал Пантелеймон Кондратьевич. – Поскольку есть у меня к вам особое поручение. Всего лишь съездить в одно место, посмотреть, запомнить и доложить. Ваше непосредственное начальство не возражает, Александр Михайлович? – Тут дядя Саша кивнул. – Возьмите.

Он протянул мне новенькое удостоверение. Мое имя, фотография, все печати – подтверждающие, что предьявитель сего, Лазарева Анна Петровна, является инструктором ЦК ВКП(б) и помощником заведомства по идеологии, секретаря ЦК и члена Политбюро Пономаренко П.К.

– А с комсомольского учета, Аня, вам придется сняться. Поскольку теперь вам положено быть членом ВКП(б) – в кандидатский стаж зачтено полтора года руководства прикрытием в «Рассвете», рекомендации я написал и товарищ Кириллов. Так что – вручаю.

Партбилет. И напоследок – удостоверение капитана госбезопасности, последнего образца, уже не ГУ ГБ НКВД, а отдельного наркомата, НКГБ – знаю, что такие пока лишь в центральном аппарате выдаются, а на местах, взамен старого, только как знак особого доверия. И мне уже следующее звание присвоили, за какие заслуги? Равное, по уставу, армейскому подполковнику³⁴.

³⁴ В альт-ист. унификация воинских званий 1943 года не коснулась политорганов и госбезопасности.

– В интересах дела. Поскольку вам надлежит ни во что не вмешиваться, даже если то, что вы увидите, покажется вам совершенно недопустимым. Лишь все увидеть, запомнить и написать доклад. Который после ляжет на стол... А может быть, и нет.

Мы встретились взглядом, и я поняла, что Пантелеймон Кондратьевич чем-то очень озабочен и даже напуган. Да что же это творится такое, в мирное уже время, после Победы? И отчего именно я – у товарища Пономаренко должен быть целый штат помощников, порученцев, агентов на местах, чтобы предоставить члену Политбюро всю необходимую информацию, по первому его запросу. И что за место, куда мне предстоит... явно не зарубежье, если «не вмешивайтесь», это странно выглядело бы на чужой территории?

– Всего лишь город Киев, – сказал Пантелеймон Кондратьевич, – и официальное поручение у вас будет... а впрочем, легенду вам мы еще продумаем, чтобы вы сумели увидеть всё. Всё, что должен был бы увидеть я сам – но мне туда нельзя! Для всех там я категорически не могу вырваться из Москвы, даже на один день. Но все должны быть уверены, что могут сообщить вам все, что хотели бы передать мне!

Еще страннее и сложнее. Я не отказываюсь – но должна знать все, необходимое для выполнения задания. Поскольку вид у товарища Пономаренко был такой, словно он приказывает мне прыгнуть с парашютом в тыл врага!

– Перестройка, твою мать! – вдруг рявкнул Пантелеймон Кондратьевич, стукнув по столу кулаком, как после выпитого натошак стакана. – Не в восемьдесят каком-то, а сейчас. Согнули мы историю через колено, ...! Вот только куда? Слова правильные – возврат к ленинским нормам, демократический централизм, гласность, коллегиальность, национальное самоопределение! И не враги – нашлись в партии отдельные товарищи... а может, и не отдельные... Что в Кремле, это тебе знать не надо – довольно лишь, что, по замыслу, начаться должно на местах! Национальная реформа, о которой товарищ Сталин еще в прошлом году объявил – а сейчас вот аукается! Казахстан, Белоруссия – там вроде под контролем, хотя будем еще разбираться. Даже Прибалтика – не страшно. Но вот на Украине... Те, кого я по двадцатым знал еще по комсомольской работе, по службе в РККА – и во враги? Ты понимаешь, отчего мне нельзя туда – я ведь после не только перед товарищем Сталиным не отмоюсь, а и впрямь поколебаться могу! Ну, а с тебя не только спрос малый, выслушать и передать – но и официально будет, вот товарищ Кириллов в свидетели, что ты задание госбезопасности выполняла, вывести этих... на чистую воду, разоблачить, тебе-то они никто, ты с ними из одного котла не хлебала! Но главное, вот ты многого набралась уже из той истории, мыслишь и смотришь уже наполовину, как человек оттуда. Значит, увидеть и понять сможешь то, что другой посланец пропустит. Мне же понять надо, кто ссучился, а кто просто по дури. Но боже тебя упаси спорить, переубеждать – лишь улыбайся и запоминай, а разговаривать после уже я сам буду, с каждым по отдельности и на своей территории!

И товарищ Пономаренко налил себе из графина, стоящего на столе, и выпил залпом. По запаху я поняла, что там была не вода, а водка или спирт.

– Может быть еще сложнее и хуже, – вступил в разговор дядя Саша, – вот отчего именно на Украине больше всего бурлит? Бандеровцы, фашистские прихвостни, и в иной истории крови нам испортили немало, но сейчас есть сигналы, что кое-кто из товарищей в Киеве задумал собственный «брестский мир», то есть за счет уступки внешнему врагу укрепить свое положение. А насколько далеко у них зашло и кто в этой связке ведущий, а кто ведомый – неясно. И в массах очень нездоровые настроения – впрочем, Аня, материал я дам, для ознакомления, чтобы ты лучше представляла. И повторяю, тебе там геройствовать вовсе не надо – лишь вернуться и доложить! Поскольку Пантелеймон Кондратьевич прав – ты там увидишь то, на что человек не знающий, кто полностью из этого времени, внимания не обратит. А ты уже показала здесь и наблюдательность, и аналитические способности, так что я тебе с чистой совестью аттестацию на звание подписал, не разочаруй! Понимаю, что охота тебе с мужем подольше

– но дело действительно очень серьезное. А впрочем, ты с товарищем Лазаревым в Москве встретишься – поскольку возвращаться тебе из Киева для отчета именно туда, ну а у Михаила Петровича свои дела будут, в Наркомате ВМФ, и если все пойдет нормально, недельный отпуск вам вместе я обещаю! Ну кого еще послать – ухорезы товарища Смоленцева лишь для простого дела отменны, «обнаружить, уничтожить», хоть Гитлера, хоть еще кого. Впрочем, хотя я непосредственной угрозы не предвижу, но береженого бог бережет – обеспечу, что команда охотников на фюрера, по возвращении из Италии домой, будет проездом в Киеве как раз в то самое время. И подстрахует – а то, боюсь, контр-адмирал Лазарев на дуэль меня вызовет, если с тобой что-нибудь случится! Срок на все – пять дней, максимум неделя. Вопросы есть?

Лазарев Михаил Петрович.

Москва, 20 июня 1944 г.

И сказал Петр Первый боярам: «Морским судам быть». Так родился, по легенде, регулярный флот российский, году в 1696-м.

И был тот процесс намного более волонтаристским, чем то, чем занимаемся мы сейчас. Поскольку никакой информацией самодержец не владел и экспертной оценки провести не мог. Что, впрочем, в семнадцатом веке было неактуально – ну что представлял тогдашний флот: линейные корабли, фрегаты, корветы и мелочь, рангов не удостоенная – и на всю постройку доски, топоры и толпа народа.

А сформулировать кораблестроительную политику и военно-морскую доктрину СССР в послевоенные годы?

– Михаил Петрович, давайте по пунктам пройдемся еще раз. Чтобы у Самого вопросов не было.

Секретная комната в здании Наркомата ВМФ. Стол, кожаные кресла, диван – и ноут на столе. М-да, сказали бы в 2012 году, что буду когда-нибудь с самим Николаем Герасимовичем Кузнецовым не то что беседовать – спорить, свою правоту доказывая, не поверил бы! Еще в кабинете кроме легендарного главкома флота, бывшего на этом посту на протяжении всей войны, товарищи Головки и Зозуля (как единственные посвященные в нашу тайну из флотского руководства) – командующий СФ и его начштаба.

– Кто наш главный противник в ожидаемом будущем, – говорит Зозуля, – пишем: флоты США и Великобритании. Которые будут действовать в большой войне силами авианосных ударных соединений. Что показывает ход Тихоокеанской войны. Главное оружие противника – палубная авиация, артиллерийско-торпедные корабли применяются эпизодически, при благоприятных обстоятельствах (ночь). Морское сражение по сути обретает вид воздушно-морского, – а с появлением быстроходных атомных субмарин станет воздушно-надводно-подводным (но этого у вероятного противника пока нет). Что мы можем противопоставить? Учитывая, что подобное авианосное соединение, это по сути целый флот такой страны, как Франция, и стоит соответственно. Асимметричный ответ?

– Тогда лишь играть «от обороны», что продемонстрировали немцы у Гибралтара, – отвечаю я, – мощная группировка береговой авиации и действующие накоротке, под ее прикрытием, подводные лодки. Понятно, что это возможно лишь у своих берегов, – но с другой стороны, у СССР в ближайшие пять-десять лет не будет морских задач в удаленных районах мирового океана. Прикрытие и поддержка приморского фланга армии и господство на ближних морских театрах, как Балтика, Черное, Баренцево моря, примыкающая к нам часть Норвежского моря и Средиземки. Аналогично и на Дальнем Востоке. А в дальнейшем, с появлением у нас атомного и ракетного флота, все пойдет по иным правилам – но это будет, повторяю, самое раннее лет через пять. А через десять-пятнадцать мы должны быть готовы!

– Вы считаете к этому сроку вероятным начало войны? – спрашивает Головки. – А, Карибский кризис... Так ведь были и более ранние планы, как «Дропшот»?

– И это тоже, – отвечаю, – но еще с большей вероятностью наступит явление «крах колониальной системы». А значит, в Азии, Африке, Латинской Америке – во всяких экзотических странах за морем – появятся «прогрессивные антиимпериалистические режимы», которые СССР должен будет поддерживать. И очень не хочется, чтобы повторилась ситуация с Испанией, когда одной из причин гибели Республики было прекращение наших поставок, поскольку Черноморский флот не мог обеспечить защиту наших конвоев от какого-то «Канариаса» и итальянцев. Вот тогда от СССР потребуется обеспечить военное присутствие у берегов какого-нибудь Вьетнама – причем тут незаменимы будут именно авианосцы! Такие корабли, как К-25, это все же оружие для большой войны, чтобы одним залпом, ракетно-ядерным ударом смести с моря целую эскадру, хоть авиаударное соединение. Но они не могут угрожать своим присутствием – поскольку для подводной лодки скрытность – это главная защита. А в мирное время показать свою силу часто есть не менее важный аргумент, чем применить ее. И стрелять по берегу с подлодки неэффективно – палубная эскадрилья при отсутствии мощной ПВО (что характерно для малоразвитых стран) сделает куда больше, чем один «гранит», а стоять это будет дешевле.

– Пишем: ввиду необходимости восстановления народного хозяйства, ближайшей задачей флота будет оборона ближних подступов к нашему побережью силами ударной авиации, подводных лодок и, ограниченно, надводных кораблей, – Зозуля берет на себя обязанности секретаря, – Михаил Петрович, а действия наши подводных лодок, например, в Атлантике, на коммуникациях противника?

– У англо-американцев очень хорошо отработана противолодочная оборона, – отвечаю я, – в последний год той истории немцы теряли до десятка субмарин на один потопленный транспорт. В то же время подлодки очень эффективно действуют в связке со своей авиацией, которая не дает противнику вести ПЛО и обеспечивает разведку – так что я бы придержал их для ближних морей. Ну, а в Атлантике – даже с учетом, что «проект 613» превзойдет немецкие «тип XXI», но ведь и противник спать не будет – думаю, что процент потерь будет как при форсировании Финского залива в сорок втором. Конечно, если Родина и партия прикажут...

– Пишем: следует уделить первостепенное внимание массовому строительству подводного флота как представляющего наибольшую угрозу вероятному противнику, – продолжает Зозуля, – а поскольку атомарин у нас пока нет, до их постройки задачу нарушения вражеских коммуникаций должны взять на себя дизельные лодки. К постройке которых рекомендуется привлечь и промышленность ГДР, благо у фрицев это хорошо получалось. А что решим по надводным кораблям?

– Во всяком случае, не загружать промышленность чем попало, – резко отвечаю я. – Товарищи, вы же понимаете, что серия эсминцев «30-бис», аж семьдесят штук, построенных за рекордное время, была по существу растратой народных средств? Поскольку их ПВО было явно недостаточным даже в момент постройки.

– Однако же они служили долго, – заметил Головкин, – до семидесятых, восьмидесятых.

– Потому что не было войны, – отвечаю я, – да, крепкие, надежные корабли мирного времени. Много ходили, дали хорошую практику экипажам – так что у нас их и добрым словом вспоминают. Потому что воевать на них не пришлось – случись налет американских палубников, даже не реактивных, и они смертники, без вариантов! Да и под конец числились «кораблями огневой поддержки десанта» – с этой работой, под зонтиком береговой ПВО, справиться могли, хотя и хуже, чем канонерка «Красное знамя», постройки 1897 года – ее бронепояс тут куда полезней, чем ход тридцать узлов и торпедные аппараты. Нет, если нам нужно флаг показывать папуасам, то пожалуйста. Но боже упаси на них всерьез воевать – утонут!

– А что вы предлагаете, Михаил Петрович, – спрашивает Кузнецов, – не строить ничего, а подождать, пока новая техника появится? Лет через десять?

– Чтобы то, что будет построено в ближайшие годы (первый этап), не стало после мертвым грузом, – говорю я, – как те же «тридцатки», там список есть, их уже в конце пятидесятых массово в резерв выводили, продавали всяким там индонезийцам или переводили в канонерки поддержки десанта. Конкретно по ним я бы решил – ну, корпуса у них были хорошие, хотя качало, особенно на северной волне. Машины – знаю, что в той истории нам американцы полный комплект с «флетчера» продали, высоконапорные котлы, у нас же их в металлолом, – а ведь это экономия веса могла бы получиться, но на крайняк и то, что поставили, сойдет. Но неуниверсальная артиллерия в угоду промышленности – это, я считаю, прощения нет! Да и малокалиберная могла быть посильнее – помните, я про АК-230 упоминал? Слышал, что там многое взяли от американцев, с огневых установок В-29, я про башню и привода наведения говорю. А ведь страшная была машина – говорили, на четырех тысячах метров разрезала атакующий «скайхок». Можно сделать – а если не успеваем, то хотя бы в проект заложить резерв на будущую модернизацию, по весу и месту. И все тогда станет на свои места – у американцев «гиринги» и «самнеры» считались за полноценные боевые единицы еще в шестидесятые!

– Пишем: для надводных кораблей одним из главных критериев боеспособности считать обеспечение ПВО, – записывает Зозуля, – и, Михаил Петрович, вот прочел я, у вас был модульный принцип? Это когда, например, подбашенное отделение как единый контейнер с унифицированными посадочными местами и входами коммуникаций – и может быть прямо в базе вооружение заменено, артиллерийская установка, пусковая крылатых или зенитных ракет, торпедный аппарат. Это ведь и при модернизации будет полезно – что если все системы оружия на кораблях, по возможности, конечно, задумывать так? Вот только как это записать красивее?

– Хотя бы запас по месту и весу предусмотреть заранее, – повторяю я, – вот в справочнике: эсминцы «проект 56» достраивались и переоборудовались в ракетные корабли, «56-а» (ЗРК вместо кормовой башни), «56-М» и «56-ЭМ» (противокорабельные ракеты КСЦ), «56-у» (ракеты П-15). И зенитные автоматы меняли, с родных 45 мм, СМ-20-ЗИФ на 57-мм ЗИФ-75 и 76-мм АК-276. А «тридцатки» так и дослуживали с тем, что было, ну разве автоматы 70-К заменили на такие же спаренные. Что для казны выгоднее – семьдесят эсминцев, на которых воевать нельзя (и значительную часть которых сразу на консервацию), или пятьдесят пусть и чуть больше, и дороже – но полноценных боевых единиц? Производственники, конечно, на дыбы встанут. Так давайте тогда галеры строить – уж совсем дешево и много?

– Ну, не надо совсем уж утрировать, Михаил Петрович, – говорит Кузнецов, – и вы же не будете отрицать, что недостроенные корабли на слом – это убыток казне, те же крейсера «68» и эсминцы «30», еще перед войной заложенные? Все ж единицы, и более совершенные, чем те, что в строю.

– Как таковые и будут, – отвечаю, – и, к слову, крейсера 68-К, все пять штук, уже в пятидесятые годы все были переведены в учебные. В этом качестве и дослуживали, как «Комсомолец», бывший «Чкалов», списанный в 1979-м последним из них. Флот мирного времени – дай бог, чтобы и тут было так.

– То есть вы предлагаете пока строить исключительно флот береговой обороны, не считая подлодок? – заметил Головкин. – Да и их в океан, лишь пока нет атомарин.

– А если именно такой флот будет востребован в ближайшие годы? – говорю я. – Арсений Григорьевич, ведь не секрет, что норвежцы нашим присутствием уже тяготятся? А традиции у них богатые, в смысле контрабанды и связей с УСО. Дед мой двоюродный в той истории с бандеровской нечистью воевал, а друг его с прибалтийскими «лесными», так он рассказывал, что те часто по морю получали от своих хозяев и оружие, и литературу, и шпионов так забрасывали. Причем не только с катеров и шхун, но и с подводных лодок. Морской фронт был, самый настоящий – и очень возможно, мы и здесь его получим. То есть самые боевые корабли, что нужны уже сейчас, это катера морпогранохраны. А чтобы и флоту быть полезными, «малые противолодочные корабли». Не «бобики» 122-го проекта – в докладной записке

на ваше имя, Николай Герасимович, я все их недостатки указал. Это ж не торпедники, из базы наскоро выскочил, отстрелялся и назад, а морской патруль, чтобы на волне болтаться сутками. Ну, как норвежские китобойцы – которые у Антарктиды промысел вели, своим ходом добираться, и это при размере всего в двести тонн. Плюс радар, гидролокатор, противолодочное вооружение, а вот артиллерия лишь такая, чтобы отбиться от звена палубников – у своих берегов работать будут, вражеские эсминцы тут маловероятны. Хотя если поставить 76-мм автоматическую пушку, то группа таких МПК и для эсминца далеко не добыча. Но этих корабликов надо много, и срок – уже вчера! Морская граница у СССР протяженная, а задача ОВР (охрана водного района) останется и в конце века.

– Записано дословно, – сказал Зозуля, – промышленность озадачим. И как понимаю, эта мелочь может и, например, на Волге строиться, на мощностях для речфлота, и по внутренним путям переводиться, хоть на Балтику, хоть на Север, а как Волго-Донской канал пророем, то и на ЧФ? Но все же совсем отказываться от крупных кораблей?

– Зачем отказываться? – говорю. – С поправкой на время постройки крейсера или линкора. Крейсера 68-бис, типа «Свердлов», для службы вполне подходили, хотя ПВО у них тоже надо бы усилить – в конце службы у них одну из башен меняли на ЗРК. А вот линкоры... ну, не будет уже «ютландов»! Лишь довеском к авианосцам, даже дополнением их – но никак не самостоятельной силой. Или же в варианте «линкор береговой обороны», под зонтиком истребителей с берега. И конечно, опять же показывать флаг – в нашей истории, «Вэнгард», последний британский линкор, в строй вступивший уже после войны, исключительно королевской яхтой работал до своего списания. Для нас это актуально?

– Вы полагаете, нам нужны авианосцы? – спросил Кузнецов. – Американцы сейчас вроде бы готовы поставить пару эскортников, тип «Касабланка», вместе с авиагруппами. Но как понимаете, если возьмем их, то недополучим что-то другое.

– Надо брать! – отвечаю решительно. – И еще лучше, если перегнать их не через Атлантику, а сразу на Тихий океан. Вместе с парой-тройкой «флетчеров», у янки сейчас более мощные «самнеры» идут и «гиринги» на подходе, так что «флетчеры» могут и дать. Нашим для образца – уж очень машины и котлы у них были удачные! Еще десантные корабли. Как Курилы брать будем? Противолодочную мелочь всю прикрыть, у них был удачный класс «эскортный миноносец», по-нашему СКР. Я так понимаю, что война с японцами уже на носу?

– Вы хотите по сути весь наш ТОФ составить из ленд-лиза?

– Ну так ведь еще Ильич заметил, что «капитал продаст нам даже веревку, на которой мы его повесим», – отвечаю я. – Если США выгодно наше участие в войне с Японией, и они не хотят воевать до сорок шестого, с миллионными потерями – то пусть нам помогут. Что-то после можно и вернуть, но только не авианосцы! Потому что иначе нам придется, когда начнем все же строить свои, лет через десять-пятнадцать, решать специфические проблемы методом тыка, с потерями и переделками. Моя бы воля, я бы послал наших офицеров к американцам, чтобы посмотрели на события изнутри, например на работу штаба Хэллси при взятии Иводзимы. Учиться ведь не грех, если есть у кого и чему? А в войне в океанах, если честно, янки столь же сильны, как Советская армия – на суше.

– Учтем, – сказал Кузнецов, – а отчего бы и нет? Найти бы лишь надежных и толковых, и чтобы безупречно знали английский. Хотя – если поискать среди бывших торгфлотовцев?³⁵

– Получим авианосец, а если повезет, и опыт его реальной боевой работы, когда с японцами будем разбираться – тогда можно уже и наших конструкторов озадачивать, чтобы построили свой, – продолжаю я, – нет, можно полумерой переделать, например, из недостроенного линкора. Но авианосец, изначально проектируемый как таковой, будет куда предпочтительнее.

³⁵ Напомню, что тогда основным иностранным языком в СССР был немецкий. Английский в обязательном порядке знали моряки торгфлота, как «международный морской язык», а вот среди офицеров ВМФ владели им немногие.

И году к шестидесятому, планирую – как раз, когда у мирового капитала кризис! – выйдут в океан наши полноценные эскадры, оказывать братскую помощь кубинскому или вьетнамскому народу!

– Вы считаете, что здесь нашему флоту воевать придется больше? – прищурился Кузнецов. – Почему?

– Потому что весы куда больше в нашу сторону, – отвечаю, – а значит, для СССР открывается возможность куда более активной политики. И грех будет, если эта возможность окажется упущенной, потому что инструмент не готов.

Анна Лазарева,

20 июня 1944 г.

Летать боюсь. Как представляю, что под ногами несколько километров до земли... Со снайперкой СВТ в белорусских лесах бегать было и то куда спокойнее! Там от тебя все зависело, даже в самом худшем, когда против тебя не простые немцы, а их охотники-егеря – было у нашего отряда такое однажды! Отбились, оторвались – хотя своих одиннадцать человек потеряли, но и у фрицев десятка полтора. И двое на моем счету – и один точно офицер, или унтер. Ушли тогда через болото, немцы тропы той не знали, все ж чужие им наши леса.

А тут – сидишь и думаешь, упадет или не упадет? Самолет не военный, ГВФ – как Победа, так сразу указ вышел, технику из военно-транспортной авиации вернуть, аэродромы передать, наземное хозяйство восстановить – все, что излишек для армии в мирное время. И сколько этот «дуглас» до того летал, и под обстрел попадал, и чинился? Хотя читала, что эти машины неубиваемые, в конце века встречались по всему по миру, «их разбить можно, но износить нельзя». А если мотор сдохнет? В окошко выгляну – ой, мамочки! Хорошо, девчонки не видят – они думают, что я вообще ничего не боюсь, не умею! Как там Ленка, за меня на хозяйстве осталась? Хотя и дядя Саша там, поможет – но он в нашу конкретику влезать не будет! Ладно, неделя как-нибудь обойдется!

Пассажиров немного. В «дуглас» взвод влезает, с полной выкладкой – а тут, кроме меня, еще двое офицеров-летчиков, двое сухопутных и каких-то штатских шестеро. Майор, симпатичный такой, лет сорока, рядом сел, спрашивает о чем-то – а я ответить не могу, в кресло вцепилась, как в кабинете у зубного врача, в окно лишь гляну – ой, страшно!

– Если хотите, поменяемся, – говорит майор, – я к окну, вам к проходу. Впервые летите?

– Почти, – киваю я. Не рассказывать же, что до того было, через фронт под Минск? Так тогда страшно не было – о другом совсем думала, сумею ли все делать, как учили, доверие оправдать? Назад на Большую землю – тогда, если честно, я весь полет проспала, устала очень, как раз накануне мы от немцев отрывались, больше суток на ногах. Затем на север, с дядей Сашей, считаясь вроде как под следствием трибунала – тоже думала не о том. В Москву и назад, с моим адмиралом, рядом сидели, за руки держались – и все равно было, в воздухе или на земле. Сейчас с севера в Москву, вместе с товарищем Пономаренко, так он меня прямо в самолете в курс вводил, некогда было о другом думать. Итого – шесть раз до того летала, сейчас седьмой.

– Оно и видно, – усмехается майор, – в первый раз всегда так. Я когда курсантом в У-2 впервые, и то – вниз взглянул, аж жуть! Где-то раза с десятого привык. А на фронте с первых дней усвоил, что чем выше, тем спокойнее – когда запас высоты есть, из любого положения можно машину выдернуть. Или прыгнуть, если совсем конец.

– Вы истребитель? – спрашиваю, глядя на иконостас на его груди. Судя по ленточкам – «боевик», Красное, Александр и Богдан. Знаю, что и тыловики могут один, даже два ордена получить, за заслуги перед начальством – но четыре, это уже вряд ли.

– Нет, Пе-2, – отвечает майор, – сто тридцать боевых вылетов. Наш полк геройский, нас ведь еще прошлой весной на Ту-2 перевооружили, так доломали мы их за лето! Нет, не то,

что думаете, не разбивались. «Ту» – машина хорошая, бомбоподъемная и летает дальше, но... Когда цель «мессерами» прикрыта, и зенитки с земли бьют, тут бомбить с горизонта боже упаси – не выдержать даже полминуты на боевом курсе, собьют! А подойти и почти в отвесное пики и выводить максимально близко от земли, скорость после разгона семьсот, снаряды далеко за хвостом, «мессы» просто не успевают. Перегрузка такая, что в глазах темно – но выдерживаешь. А вот «тушка» – нет, месяц такой боевой работы, и деформация планера, Пе-2 куда прочнее. Если б я на «Ту» был, не говорил бы с вами сейчас – подбили меня над Веной, едва назад дотянул, сядились на брюхо – вот после госпиталя возвращаюсь. Пока приказано в Киев, а там видно будет. А вы, простите, к мужу летите?

– Нет, – говорю, – по партийной линии. Инструктор я, из Москвы.

Ольховская Анна Петровна, полька, но языком не владею, поскольку с малых лет в Ленинграде жила. Так в документах написано, которые мне Пантелеймон Кондратьевич выдал – а те, что с дядей Сашей вручал, сейчас заперты в сейфе вместе с моим подлинным личным делом. Поскольку выходит, что в кадрах по всем ведомствам я числюсь в двух экземплярах, по имени-легенде тоже ведь нужен какой-то учет? Хотя как только вернусь, то документы на свои подлинные обменяю, и Ольховская исчезнет. Вот интересно, насовсем или до следующей командировки? Инструктор ЦК – корочки госбезопасности приказано лишь на самый крайний случай, а так без надобности не светить. Зачем такая секретность на нашей территории? И Ленинград понятно, вдруг «земляка» встречу, а полькой зачем меня сделали, интересно? Но руководству видней.

– Тогда осторожнее будьте, – серьезно сказал майор, – особенно если вас на запад пошлют. И чтобы оружие вам выдали обязательно. Стояли мы около Станислава – там люди просто пропадают. Военных избегают трогать, если группой и вооружены. А таких, как вы, московских, партийных... При мне там было: комсомольский секретарь пропал! Так же прислали «на усиление кадров», восемнадцать лет мальчишке было, на фронт не взяли отчего-то, так он себя коммунаркомом вообразил, селян к коммунизму вести. Там, чтоб вы знали, как у нас было в году двадцатом – то же кулачье, лишь не с обрезами, а с немецкими автоматами. Ездил секретарь по району – и пропал, среди бела дня, так и не нашли. Вы про бандеровцев слышали – здесь их нет, но вот за старой границей в село лишь с бойцами безопасно. Я сам не сталкивался, все же не СМЕРШ, но предупреждали нас. Спросят: «левобережный, чи правобережный», – и в зависимости от ответа, ножом по горлу. А тех, кто из России, они и вовсе не считают за людей. И к женщинам у них отношение ну очень свысока – отсталые совсем! Так что лучше вам в Киеве, или на востоке остаться, тут совсем как у нас. Тем более вижу, вы к простой жизни привычны мало?

Да, совершенно я не похожа на комсомолочку в кожанке и красной косынке! Тут мне даже товарищ Пономаренко замечание сделал – но я встала насмерть! И даже не из-за внешности – как стала всерьез заниматься русбоем, так просто не могу носить одежду, стесняющую движения, здорово отвлекает и напрягает! Никаких узких юбок – и комбез тоже не подойдет, не фронт же! Так что на мне платье, все тот же крепдешин в горошек, солнце-клеш. Осенью история одна случилась, когда «Брюс» Смоленцев прилетал и с нами занятия проводил по русбою, сказав однажды: а попробуйте не в спортивных костюмах, а в обычной одежде, чтобы привыкать. Сам он со мной в спарринге встал и говорит – не беспокойтесь, я осторожно, вам лишь обозначать буду, ну а вы меня можете в полную силу, все равно не достанете. Ну, раз так... Ой, мама!

Кто русбоем занимается, тот знает удар ногой прямой и удар по дуге (его Смоленцев называет «маваси»). Отбивается просто, если знать как – но совсем по-разному. А если начало прямого удара (колени к груди) в темпе перевести в восходящую дугу... Причем этот прием нам «Брюс» сам же и показывал! И вот, утирает кровь с лица, успел он все же чуть отклониться, но в последний момент, а то бы вообще остался с перебитым носом и без зубов. А я честно

не хотела – ну, не подумала, что ног под юбкой не видно и не понять, куда удар пойдет!³⁶ И в зале тишина и немая сцена. Впервые все увидели, как наш непобедимый учитель (у которого любимое развлечение было выходить в конце против четверых, шестерых желающих – и было всегда в итоге соответствующее число не встающих тел) – и по физиономии получил! Из наших «новобранцев» этим похвастать не мог никто и никогда!

– Командир, а если против тебя шотландец выйдет, – на свою беду влез Костя Мазур, – у них, я слышал, тоже мужики в юбках.

И получил на себя всю смоленцевскую злость. Причем Брюс честно предложил ему соорудить юбку из чего угодно, и сейчас посмотрим. От юбки Мазур отказался и целых тридцать секунд героически отражал атаки учителя, после чего все-таки полетел на мат.

– Иппон, – сказал Смоленцев, – а вы, Анна Петровна... уважаю! И буду иметь в виду – вдруг и впрямь шотландец попадется.

Нет, знаю, что сам же Брюс и учит: собственно «русбой» – это лишь как последнее средство, когда патроны кончатся, и для того раздолбая, кто умудрится посеять и автомат, и нож, и саперную лопатку. Но научиться двигаться так, что вам применить оружие будет легко, а противнику затруднительно, это ваш лишний шанс на жизнь! Ну, и конечно, это всегда при вас и невидимо. Ну, а мне после того дня еще и лишний авторитет от своих, для дела полезно. И перед дядей Сашей оправдание форму не носить – в форменной юбке я себя будто стреноженной ощущаю, ни бегать, ни ударить, а если враг нападет? Может, оттого и полка по легенде, для нее такой вид более естественен, чем для комсомолочки из-под Рязани?

– Если что, деревенскую играть даже не пытайтесь, – говорил мне Смоленцев тогда же, зимой, – перестарался я с вами, Анна Петровна, в том смысле, что взглянет опытный человек просто на то, как вы двигаетесь, и поймет, чем вы владеете. Хорошо, нет пока таких на той стороне – карате и айкидо пока еще восточная экзотика, в Европе практически неизвестная. Так что пластику вашу вполне могут на танцы списать. Но все равно – роль ваша насквозь городская и даже столичная.

Столичная, верно. Поверх платья на мне легкий плащ без рукавов (фасон из будущего «летучая мышь», а у нас прозвали «парус», слово «пончо» совершенно не принялось). Этот стиль сейчас даже в Ленинграде и Москве у женщин стал популярен, кто сшить или заказать себе может. Причем называют его отчего-то американским, ну да мы же сами это и запустили, когда стали такие накидки-пальто шить. Поскольку ленд-лиз и много еще чего, покупаемого в Англии и США, ввозится в СССР через Мурманск и Архангельск, то никто и не удивился, что сначала на севере женщины стали такое носить, очень удобно для сезона, когда в одном платье еще холодно, а в пальто уже жарко. А в этом плаще я еще прошлым летом в Москву приезжала, с Михаилом Петровичем. На голове у меня легкий светлый беретик – хотя девчонки, провожая меня «в Ленинград, узнать про учебу», предлагали мне шляпку с вуалью надеть, совсем как Орлова на фотографии, где она на ткацкой фабрике к съемкам в «Светлом пути» готовится. Шляпка мне очень понравилась, обязательно я в ней моему адмиралу покажусь (а кто сказал, что нашим советским женщинам несколько разных шляпок иметь нельзя? Это фашисты на оккупированной территории нашим дозволяли иметь лишь одно пальто, один костюм, одни ботинки)! Вот только прошлась я в ней через парк и по Первомайской – и по пути дважды бегала за улетевающей. Интересно, как блоковские незнакомки свои громадные шляпы с темной вуалью и перьями страуса склоненными в ветер не теряли, у меня это не получается совершенно? Я до недавнего времени шляп не носила, соломенная летом не в счет – и лишь дунет, я без головного убора. На отдыхе к этому спокойно отношусь, а на работе не очень. Туфли на низком каблучке – весь Молотовск оббегала, пока мастера нашла, кто бы мне «лодочки» сделал, чтобы выглядели не тяжеловесно, давали хороший упор и (вот сапожник удивился)

³⁶ Списано с реального спарринга автора и одной из тех, кто стала прототипом Ани. Обошлось без увечий, но было больно.

с очень жестким носком, чтобы ударить не хуже сапога. Вот вроде бы и не воевать еду – а мысли все равно как на войне. Так, думаю, лишним никогда не будет? А что в Киеве подумают, мне без разницы, я ведь фигура из столицы, и это местные должны подстраиваться под меня! Интересно, что дядя Саша имел в виду, меня поддерживав – когда я товарищу Пономаренко объясняла, что поручение его выполняю, но вот как мне выглядеть при этом, мне самой лучше решать? Сказав, что «как раз от такой – и не ждут»?

– ...трудно вам будет, – говорил майор, – все ж лучше вам внешность иметь самую неприметную. Здесь, где фронт прошел, до сих пор еще жизнь как в двадцатые, даже хуже. Сам я из Мариуполя, помню, как бедствовали тогда. Сначала моряком думал стать, а как самолет в небе увидел... Вы только правильно поймите – в тылу даже радостно, что как до войны становится, но здесь еще раны не затянулись. И вам такой помогут и навстречу пойдут куда хуже, чем «своей». А это сейчас может и жизни стоить. Всякое болтают, но... В Москве земляка встретил – он только оттуда, рассказал. Что в Мариуполе ОБХСС, хищениями в потребкооперации занимаясь, раскрыла, что они там то ли с бандеровцами были связаны, то ли фашистские прихвостни массово затаились – и теперь там по всему Мариуполю и области аресты, причем работают московские, а Киев вроде против.

Началось, подумала я, вспоминая то, что сообщал мне «для сведения» дядя Саша – бандеровские гнезда на востоке, они успели там укорениться за оккупацию, но вишь еще не раздались, все же народ там наш, советский, это не Галичина. И можно здесь сеть выкорчевать – чтобы не спугнуть, под маской ОБХСС, если просмотреть под микроскопом, нетрудно найти, к чему придраться? И то же самое должно начаться в Харькове, в Запорожье, в Херсоне, в Николаеве – чтобы обеспечить в будущей войне крепкий тыл. А это будет именно война. Как сказал дядя Саша, «еще одна антоновщина, и хорошо, если я ошибусь». А вот Киев – именно туда я и лечу, чтобы посмотреть и доложить, что там.

Хотя официально – я должна всего лишь передать товарищу Кириченко, первому на Украине, документы на реорганизацию. Имея полномочия проконтролировать и доложить наверх – вот отчего не простой курьер, а инструктор ЦК. Кожаный коричневый портфель, а еще большая сумка на плечо, похожая на почтальонскую (не люблю чемоданов, лучше, чтобы руки были свободны) – вот и весь мой багаж. Маленький браунинг спрятан там же, где и в тот день перестрелки со шпионами УСО³⁷. А еще в сумке у меня кое-какие артефакты «из будущего», чтобы связаться с теми, кто меня там встретит, как дядя Саша обещал.

Такое же боевое задание, как раньше – в немецкий тыл с парашютом. Поскольку нелюди, жаждущие утопить Украину в крови после только что прошедшей войны, и предатели, по дури или жажде власти вступившие с ними в сговор, не должны жить!

– Что с вами? – спрашивает майор. – У вас такое лицо стало... Или погиб у вас на Украине кто-то?

Замечание правильное. У меня хорошо получалось в Минске немцам улыбаться – но постоянно в маске быть нельзя, обязательно надо чередовать с «быть собой», среди своих. Смотря фильмы из будущего, вот не пойму, а как Штирлиц так мог – хотя он ведь персонаж придуманный? Ну, а я, пока самолет еще не приземлился, побуду еще собой – нет, не той Анечкой-студенткой, как до войны, никогда я уже такой не буду, но Анной Лазаревой с Севмаша, какой знают меня девчонки. А после, как сказал Пономаренко, «не вмешиваться, даже если что-то очень не понравится, лишь смотреть и запоминать». Что ж, это легче, чем Штирлицу тринадцать лет было роль играть? Ай!

– На посадку заходим, – говорит майор, – это не страшно. Ну вот, долетели, а вы боялись!

Ага, будто не слышала, что для самолета посадка самое трудное, не считая, конечно, воздушного боя! Но несколько минут всего осталось – надеюсь, что сядем хорошо!

³⁷ См. «Днепровский вал».

– Мои координаты и полевая почта, – майор протягивает вырванный листок из блокнота, – может, свидимся еще.

– Я замужем, – отвечаю, но листок беру. – Однако очень может быть, что мне помощь потребуется как коммунисту от коммуниста и фронтовику от фронтовика... Что удивляетесь, товарищ майор, у меня на счету есть убитые фрицы. А вот летать боюсь – так что спасибо вам, что меня поддерживали, не так было страшно.

Удар ощутимый, так что подпрыгиваю в кресле. И самолет катится по полосе аэродрома Жуляны. Ну вот, теперь долетели!

Вижу яркое солнце – юг, жара, июнь, как на курорте. Отдохнуть, и домой. Выхожу на летное поле вместе со всеми – ой, а тут ветер, и сильный! Военные ремешки фуражек опустили, штатские шляпы держат, а я вся развеваюсь, словно флаг в бурю, плащ над головой треплет – вот дура, что лишь накинула, не застегнув, обманулась видом! – платье надувает парусом, берет слетит сейчас, даже не знаю, за что хвататься прежде, еще и с портфелем в руке!

– Степь близко, тут часто так дует, – говорит майор, – у нас девушки, оружейницы и радистки, на аэродроме в комбинезонах ходят. Позвольте, хоть портфель ваш поднесу. Как в школе знакомой одной когда-то – и где она теперь, и жива ли?

Я отказываюсь – по инструкции партийные документы из рук выпускать не должна, лучше пусть берет сорвет, его не жалко. Вот хорошо, что шляпку не надела! Ветер нагло задирает мне подол, прижимаю платье у ног, не хватает здесь «макси-мини» показывать – что тот же майор подумает и другие пассажиры! И плащ с плеч стягивает, а один раз так на голову закрутило и запутало, что я едва не упала. Хорошо, по полю идти оказалось недалеко. Вот отчего мне с погодой так не везет!

– Себя берегите, – говорит майор, прощаясь, – примета есть: как место новое вас встретит, так вам в нем и будет, хорошо или совсем иначе.

– Это ничего! – отвечаю. – Хуже места бывали. И удачно я оттуда возвращалась – а тут всего лишь ветром слегка потрепало.

И все курортное настроение выдуло прочь. Надеюсь, товарищ Кириченко, заранее предупрежденный, машину с сопровождающим пришлет, а то я в Киеве в первый раз.

Машина была. Немецкий «опель-капитан», за рулем парнишка лет семнадцати, а рядом еще один, представившийся: «Панас Завирайко, инструктор обкома». Со мной был до тошноты угодлив, как со старорежимной барышней: «Ах, позвольте ваш портфельчик», мальчишке-шоферу же рявкнул сквозь зубы, как пан: «Поехали!» И – «Куда изволите, товарищ инструктор ЦК, или вам приятнее по имени-отчеству? Гостиница, отдых, ресторан?»

– В гостиницу сначала, – говорю, – вещи оставить. А затем к товарищу Кириченко. После – видно будет. И можно не быстро везти, хочется Киев из машины посмотреть.

Здесь не была, но карту смотрела (привычка). Едем по Воздухофлотскому проспекту, бывшему Кадетскому шоссе. По правую руку Соломенка, домики совсем деревенского вида. Затем что-то уже на город похожее, двух- и трехэтажное. Слева впереди видно громадное здание бывшего Кадетского корпуса, сейчас там штаб военного округа. Проезжаем мимо, дальше через переезд, справа пути Киев-Товарный, за ними вокзал. Сворачиваем на Шевченко. Что тут сразу в глаза бросается – зелени много. Скверов, бульваров гораздо больше, чем в Ленинграде. Год назад освободили от немцев – а до сих пор дома и даже целые кварталы в руинах. Толпы пленных копаются – таскают, разбирают. А так довольно бойко, особенно где разрушений нет – магазины работают, афиши вижу, а вот и троллейбус впереди. И снова между домами справа куча битого кирпича! Помнится мне, тут при освобождении не было больших боев – немцы отступить спешили, чтобы в котел не попасть.

– Французы! – скривил физиономию пан Завирайко при виде пленных. – Из Москвы сто лет назад ноги унести успели, а вот из нашего Киева выкуси! Работают плохо, а зимой еще и от

холода мерли как мухи. Ничего – пока город как новый не будет, вы отсюда к своим лягушкам не вернетесь. Или передохните тут все – за то, что порушили.

Странно, у нас на Севмаше даже работавшие на улице фрицы имели вид гораздо более здоровый, и одеты-обуты лучше. Вот плохо разглядела из машины, но мне показалось, что кто-то из пленных был босиком, без обуви вообще, а на остальных жуткого вида рвань и опорки! Их тут что, голодом морят и обмундирование не выдают?

– Как положено обеспечиваем, – сказал Завирайко, – согласно установленным расценкам. Ну, а кто не работает, тот не ест – принцип социализма, что каждому по труду.

На углу Владимирской пришлось задержаться, пропуская длинную колонну подвод и машин. Рядом шагали люди в штатском. А отчего это некоторые вооружены?

– Так ярмарка завтра открывается, – ответил Завирайко, – колхозно-кооперативная, люди не только с Киевщины, но даже с Львова приехали. А которые со сброей, это «ястребки», охрана от истребительных батальонов, а то на западе бандеры шалят, да и в иных местах лихого люда хватает – война, голод, за мешок муки или картошки убьют.

Да какая же ярмарка в июне? Хоть и городская я, но знаю, что не сезон еще.

– Кому не сезон, а кому уже. Ремесло по глине, коже, дереву в любое время продавать можно. Да и ранние овощи поспевают, и зелень – как раз самое время, распробовать, а то прошлогодние запасы к концу. А в самый сезон – это само собой, сейчас малая ярмарка, а как урожай соберем, будет и большая.

Вот и угол Крещатики, гостиница «Националь». Слышала, что в будущем московских гостей от ЦК селили в особых гостиницах, в разных городах носящих стандартное имя «Октябрьская», но в Киеве такой еще нет. Был еще вариант – в квартире из отдельного фонда, но тут Пантелеймон Кондратьевич меня категорически предупредил: опасно, мало ли что. Так что – в «Националь», уже полностью восстановленную. Заявка уже была подана, так что на мое заселение ушло не больше пяти минут. Номер на третьем этаже был из трех комнат – кабинет, гостиная, спальня. Обстановка показалась слишком вычурной и неуместно роскошной: так на этой кровати вчетвером можно разместиться свободно, хоть поперек, и только балдахина над ней не хватает! Когда мы в Москву приезжали, там было куда скромнее, причем в гостинице лишь для «своих». Чувствую себя старорежимной графиней или купчихой-миллионщицей – ладно, мне тут лишь на две-три ночи, перетерплю. Бросаю сумку в шкаф. Может, и плащ оставить – жарко? Нет, не будем товарища Кириченко смущать своим неделовым видом!

Едем по Крещатику, который показался мне похожим на Большой проспект нашей Петроградки, только дома пониже. И после равнинных Ленинграда и Молотовска непривычно было видеть здания на холмах. Вот слева площадь Калинина с фонтаном³⁸, сворачиваем на Институтскую, и мы уже у ЦК КПУ. Дворец с колоннами и шпилем, постройки тридцатых, следов войны на первый взгляд не видать, и внутри такое же великолепие – широкие лестницы, высокие потолки, как у небожителей, чувствуешь себя таким маленьким перед такими большими людьми. Интересно, а как же я в дом ЦК партии в Москве войду, а ведь придется, наверное, когда-нибудь, раз я теперь там числюсь? А если вспомнить, что хозяин этого величия, товарищ Кириченко, подозревается в антипартийных настроениях и чуть ли не в подготовке мятежа? И от того, что я сообщу, зависит как минимум останется он на этой должности или полетит еще быстрее и дальше Хрущева, не то что в Ашхабад, там хоть тепло, а туда, чем на Севмаше нерадивых фрицев пугают, «где лето тридцать первого июля начинается, а первого августа уже первый снег». Так что выше голову – формально он мне никто и никакой власти надо мной не имеет! Я же с самим Лаврентием Павловичем разговаривала, ну что мне какой-то первый секретарь КПУ!

³⁸ Теперь Майдан Незалежности. А ведь какая уютная на старых фото, ну совсем не похожа на бомжатник.

А коридоры пустые! Наши шаги звучат гулко под сводами, редко-редко пробежит товарищ, с деловым видом. Из троих встреченных мужчин двое с галстуками, на улице такое теперь и в Москве нечасто встретишь. А женщина средних лет, с папкой в руке, тоже в строгом костюме однотонно-темного цвета, шерстяной жакет на все пуговицы застегнут. Да ей, наверное, так жарче, чем мне в распахнутом плаще поверх крепдешинового платья. Вспоминаю нашу Корабельку при Севмаше и курчатовский Арсенал – там обстановка была куда более непосредственная и живая!

– Люди работают, – говорит пан Завирайко, будто извиняется, – процесс идет. Дел очень много, по Украине всей, от Карпат до Ростова, от Крыма до Курска.

Я удивляюсь. А что, Крым, Курск и Ростов разве относятся к Украине?

– Так сам товарищ Кириченко так иногда повторяет, – бледнеет Завирайко, – ему виднее, а я что... Мне – как партия сказала, так тому и быть!

Приемная. За столом бравый фельдьегер. Товарищ Кириченко женщин хорошими работниками не считал – читала, что он, приехав по делу к какому-то ответственному работнику и увидев у него в приемной девушку-секретаря, возмутился и настоял, чтобы ее завтра же выгнали³⁹. Ну, ничего, меня ты стерпишь, куда денешься! Завирайко остается в приемной, фельдьегер распахивает передо мной дверь.

Вспоминаю все, что было написано в бумагах дяди Саши. Кириченко Алексей Илларионович, родился в 1908 году, то есть сейчас ему тридцать шесть, в селе под Херсоном, отца убили на империалистической. Пастух, батрак, чернорабочий, затем выучился на тракториста. Поступил в Земледельческий институт, окончил в 1936-м, а с тридцать седьмого резко пошел по партийной линии, всего за четыре года до секретаря ЦК! Склонен к крайне грубому, авторитарному стилю работы, наряду с самоуверенностью и некомпетентностью в военных вопросах – из-за чего вылетел из членов Военного Совета Донского фронта, вдрызг разругавшись с Рокоссовским. К тому же как раз в это время его друг и покровитель Хрущев угодил в Ашхабад – а вот Кириченко как-то удержался, получив «коллективно» за Сталинград генерал-майора и орден Красного Знамени. Был назначен на Южный фронт, к Еременко, с ним пребывал в дружбе (кстати, Еременко сейчас командующий Прикарпатским ВО, что тоже наводит на мысли) – но затем, попав на Воронежский фронт, а после опять на Донской, находился в конфликте с Малиновским, а после с Толбухиным, как записано, «систематически дезорганизовывал работу штаба, безграмотно вмешиваясь в военные вопросы ради демонстрации личной власти». За что был изгнан наконец с фронта и поставлен первым на Украине – восстанавливать тыл. Сказал при этом: «Какое счастье, наконец-то вождем украинской компартии поставлен украинец». По отзывам работавших с ним людей, имел нелегкий характер, с более понятной расшифровкой: «грубовато-хамский». Об отношении к женщинам уже сказано⁴⁰.

Ну да, не сдержался! Встал из-за стола, идет навстречу, коренастый, на медведя похож – а на лице выражение мелькнуло, на какую-то секунду, но я заметила! Будто сказать хотел: «Баба, да что она понимает!» Ну, да мне ваше мнение, Алексей Илларионович, глубоко безразлично, и говорить о том не будем, протокол соблюдаем! Предъявляю свои «верительные грамоты», то есть удостоверение ЦК, и вручаю портфель. Уф, наконец хоть от этого ответственного груза избавилась! Расписка, регистрация входящих-исходящих – читать при мне будете, если я проконтролировать должна?

³⁹ Случай реальный, хотя произошел в 1957 г., когда Кириченко, тогда первый секретарь ЦК КПУ, зашел к Щербицкому, тогда еще просто секретарю ЦК. Но простим Ане неточность.

⁴⁰ В нашей истории А.И. Кириченко назначен первым Украины в 1953-м, после Хрущева. С 1958-го был переведен в Москву, став вторым секретарем ЦК КПСС. Одно время всерьез считался в партии вторым после Хрущева, постоянно тянувшего его за собой. Однако своим характером восстановил против себя большинство ЦК, так еще умудрился поссориться со своим покровителем – именно Хрущев лишил бывшего друга высокого поста, обвинив в «грубости и фанфаронстве». С 1960-го директор завода в Пензе, с 1962-го директор ВНИИ «Типприбор», затем пенсионер, умер в 1975 г.

И ай-ай, товарищ первый секретарь, а что это у вас в кабинете наряду с портретом товарища Сталина еще и Петлюра висит? Кто еще это может быть – с желто-блакитным петлюровским флажком?

Кириченко Алексей Илларионович, первый секретарь КПУ.

Киев, 20 июня 1944 г.

От бисовы кацапы! Грабят по-наглому и еще в рожу плюют!

Впервые Украиной украинец правит со времен гетмана Богдана, и вдруг такой облом! А ведь шанс был, единственный и великий! Война – это, конечно, беда, но после большого пожара в селе все прежние межи к черту, доли по-новой нарезаем! Если уже Европу под себя перекраиваем – ну какая разница Хозяину, хохлы или москали, коль сам он вообще грузин!

Ведь хозяйство должно быть богатым – от этого и пану прибыль! На карту гляньте, какая Россия и какая Украина? А ведь людишек у нас побольше, применительно к территории, и мы могли бы куда более справными хозяевами стать, если нам земли прирезать. Ростов-Дон, Воронеж, Белгород, Курск – ну и, конечно, Крым, как бельмо на глазу, его прибрать сама наука география велит! Какие могут быть счеты меж своими, братскими республиками СССР? Или кому-то в Москве, водки перепивши, померещилось, что между Россией и Украиной возможна война за территорию? Москаль – хозяин худший, чем хохол, так всегда было и будет. Так что Союзу была бы только прибыль. А Украине – почет!

И украинцы – древнейшая и культурнейшая нация в мире! Я сам лишь на механика учился, у нас философий всяких не было, но один ученый из Киевского университета мне сказал, что украинский язык родственен латыни и древнегреческому! И что Киев основали уккры вместе с финнами, а москали пришли потом, убили Аскольда – значит, последнего укро-финского вождя – и стали здесь строить свою Русь! Киев – это мать всех городов русских, а значит, и Москвы, и всяких там тверей и рязаней тоже! Так что будет по справедливости – ну кто сказал, что именно русские должны и дальше быть первым народом в СССР, от царей привычка осталась? Так у нас с царями и барамы разговор короткий – по-нашему все должно быть!

Вот только Киев – не столица. И москали к ушам Хозяина ближе – нашептали, соперника увидев! Сначала богатейшие земли на востоке отрезали, под свою власть перевели. Из союзной в автономные разжаловать – это все равно, что из села в деревню! Вместо Великой Украины, от Карпат до Волги и от Крыма до Литвы – какой-то огрызок, автономия! Но год нас не трогали – может, нашлись и в Москве заступники за Украину? Хотя Никита Сергеевич, первый среди них, уже тогда в немилость попал – за что? Но подписывался я всеми реквизитами как за ССР, и наверху принимали. Думал уж, устоится, заглохнет, а там... И Хозяин ведь не вечен.

И вдруг завертелась машина! Приказано: немедленно все в соответствие привести! А это значит – не будет КПУ, нет в автономиях нацкомпартий, есть лишь парторганизации ВКП(б). И наркоматы не положены – на то есть главки московских наркоматов по нацавтономиям! И весь прочий аппарат резко усохнет, и помещения освобождаются – и мы, советские люди, коммунисты, конечно, не баре-паны, но правило, что чем больше у кого-то в подчинении, тем больше человек, никуда не делось, не один я обиженным буду, в душу плюнут всем! Сокращение штатов – кому повезет, с понижением устроится, а кого-то и вон! И как мне людей вытаскивать, которые мне лично обязаны – если я и сам не знаю, куда завтра меня?

А ведь планы были! Свобода внешней торговли – то есть свои торгпредства, консульства, а то и полноправные посольства в Париже, Лондоне, Стокгольме! Чтобы доходы не в Москву, а у себя – мы лучше знаем, как распорядиться! И вообще, власть верховная ваша – но в наши дела не лезьте, сами разберемся! Как Ленин учил – чем больше нацразвития, тем лучше. А какая нация в СССР самая развитая, самая культурная? Если брать нас и москалей без азиатского довеска, то, пожалуй, вровень – вот только азиатчина, как гиря, кому-то здорово мешает! Лет

через пятьдесят – а чем Украина хуже Канады, которая вроде как в Британской империи, но самостоятельный доминион? Планы были... а вышел кукиш!

Кто посоветовал Хозяину Волинь и Галичину отрезать? Узнаю – не прощу, это ж наше окно в Европу! Помню, когда я еще мальцом скотину пас, маманя кофточку купила польскую, контрабандную, сколько за нее отдала! Все культурное к нам из Европы идет, а москали, уж простите, немытая Азия, как товарищ Кавалеридзе говорил, а уж он знает, человек искусства! И что с того, что другой язык? У русских в составе хоть якуты, хоть башкиры – а мы чем хуже?

И нечего сюда политику приплетать! Разве мы виноваты, что немцы до Волги дошли и вся Украина под ними побывала? И что – всех, кто на оккупированной территории, в предатели писать? Не все же могли в партизаны – а кормиться чем-то было надо! Сеять, пахать – а таким, как Кавалеридзе, что делать? Ну, служил человек при немцах главным по культуре, так не карателем же? И мало ли что он там подписывал и что утверждал – не от него ведь зависело, кому в Бабий Яр охота? Закончена уже война, нашей победой! А значит, эти, с запада, нам больше не враги, ну если, конечно, их не обижать. В конце концов, люди не за себя – за ридну Украину старались, «хоть с чертом, но против угнетателей», австрийцам служили, немцам, ну теперь мне послужат, раз мы их победили! Панов резали – ну, те сами виноваты. С немцами шли – так за честную драку не судят. И вообще, мне на месте виднее, кого другом считать!

Пономаренко, жучара... Сам не приехал, кого прислал! На лбу ведь у нее написано, что ППЖ! И ведь знал о моем отношении – нет, без баб, конечно, нельзя, но не в рабочее же время! Выгнать бы эту к чертям, показав, кто она есть! Но нельзя... ведь это провокация. Ай да Пономаренко! Как ни крути, но она не за себя приехала, а от московских. И если я с ней грубо, в центральном аппарате этого очень не поймут – и плевать тут на вкусы, принцип нарушен, это выйдет прямо бунт и неуважение с моей стороны, не к этой б...и, а к тем, кто ее послал, причем ко всем скопом! Значит, если я не сдержусь, кто-то в Москве станет против меня, даже если сейчас колеблется или равнодушен! Пономаренко, гад, хочет и на елку, и не оцарапаться! Чтобы меня окоротить и при любом исходе дела наверх не допускать! Москаль проклятый... а впрочем, если человек в ЦК и Политбюро попал, то все ясно, ну кто ж по своей воле с такой должности слезет? Ну, да мы тоже не пальцем деланные, соображаем!

Значит, Пономаренко, и, наверное, не он один, хочет, чтобы я за них черную работу сделал, а они – все плоды себе? Хозяину претензии предъявить, на меня сославшись? Ну, да наука диалектика говорит, что сила завсегда слабостью может обернуться: они в Москве, перед Хозяином, и он может их как в тридцать седьмом – а вот большая смута на Украине даже ему не нужна, особенно ввиду предстоящего спора с Европой. И глас народа – высшая правда, как Ленин говорил, и если народ против, я-то тут при чем? Это вот Пономаренке и передадим! Пусть и через эту самую – вот ведь, без всякого почтения смотрит, как на равного, да если бы кто из моих так на меня взглянуть посмел, тут же бы вылетел в какой-нибудь занюханный Тарнополь!

И когда я силу наберу, то напомним Пономаренке, чтобы он с этой так и поступил. Потому что я так хочу – и ничего не забываю!

А пока будем думать, что показать московскому начальству, хе-хе!

– Что ж, товарищ Ольховская, я надеюсь, за три дня вы все интересующее вас сумеете увидеть, о чем хотели бы доложить наверх?

Анна Лазарева (по документам, Ольховская).

Киев, 20 июня 1944 г.

Ну и рожа! Не надо быть Ломброзо, чтобы понять, что он обо мне подумал. И снова улыбается... а глазки сальные, взглядом будто раздевают! Интересно, много ли «серых мышек» из этого здания в его лапах побывало? Или он, как тот фриц в Минске, гебитскомиссар, разделяет, с кем работать, кто для утех? И это – глава всей Советской Украины? А ведь наши советские

люди верят, что наверху настоящие коммунисты, а не такие вот... а интересно, отчего на Севмаше люди разные, но таких все же нету? Может, оттого, что уровень образованности в среднем куда повыше, особенно среди тех, кто реально управляет – один Курчатов чего стоит, со своей командой? И те, кто на заводе и в Корабелке – душой горят, верят, что в светлое будущее идем, делая то, что никто до них не делал? Ну, а эти – взглянуть и мимо, как в «Божественной комедии».

– Я надеюсь на это, товарищ Кириченко. Поскольку Пантелеймон Кондратьевич будет ждать моего личного доклада. И не он один.

Снова скривился. Ну да, по имени-отчеству в партийном кругу считается за фамильярность или знак особого доверия. А я привыкла больше среди научников общаться, у них принято именно так. И на морде мысли прочитываются – «в горизонтальной позе доклад будешь делать?»

– Да, товарищ Кириченко, а отчего это в вашем кабинете петлюровская символика?

Оказывается, не петлюровская! Бородатый мужик на портрете – это Грушевский, отец-основатель украинского государства, которого будто бы сам Ленин знал и ценил! А петлюровский флаг желто-синий, с желтым наверху – а украинский флаг, предложенный Грушевским, по словам товарища Кириченко, как раз такой: синим сверху, то есть небо над пшеничным полем... интересно, а я от товарищей из будущего слышала версию, что это когда Карл Шведский пришел под Полтаву, то велел предателю Мазепе и всем его «власовцам» для опознания нацепить ленты цвета шведского флага, отсюда жевто-блакитный прапор и произошел! Так что не извольте беспокоиться, мы делу Ленина-Сталина верны, и речь идет всего лишь о безобидном культурном наследии, поскольку ленинское правило, всемерное развитие советских народов, это благо для всего СССР. А ведь испугался все же – хотя обоснование явно за уши притянуто. Ведь Грушевский, до того как стать историком и членом АН СССР, был все же основателем самой первой Рады. А прокурор Вышинский был меньшевиком, а профессор Вернадский вообще министром Временного правительства, и что с того? Но делаю вид, что верю, как товарищ Пономаренко велел – «не спорь, не переубеждай, а смотри и запоминай». А Кириченко успокоился и снова ну так гнусно на меня смотрит, прямо готов одними глазами с меня платье снять!

– Но все-таки какой регламент вы бы хотели, товарищ Ольховская? Желание гостя для хозяина закон!

– Давайте пока что вы подготовили, а там в процессе уточним.

Не сказать же, что меня интересует не только увиденное, но и что хозяин захочет показать?

– Хотя скажу, что как члена партии меня интересуют прежде всего настроения наших советских людей. Как и чем живет сейчас Советская Украина.

– То есть культурная программа? – оживился Кириченко. – Ну, это мы вам обеспечим. Вы, наверное, устали с дороги и проголодались? Сейчас возвращайтесь в гостиницу, отдохните немного, ну а после – обед. А вечером в театр – посмотрите, как мы умеем веселиться, несмотря на трудности и лишения! Да, машина с шофером и товарищ Завирайко останутся закрепленными за вами все время, пока вы здесь!

И уже когда я выходила из приемной в коридор, а «пан» Завирайко семенил сзади, я услышала хлопок распахнувшейся двери и голос Кириченко, обращенный к секретарю:

– Кавалеридзе разыскать и ко мне, немедленно. И товарища Слоня тоже!

Обед был не в столовой при ЦК, а в ресторане «Националь». В той же гостинице, где меня поселили, так что мне лишь спуститься из номера, когда пан Завирайко зашел и пригласил. Милиционеры у подъезда, никаких посторонних в зале, и, конечно, все за казенный счет – про деньги никто и не заикнулся. Столы ломятся – борщ, рассольник, нежная буженина, шкварки, кулеш, колбаса домашняя, вареники, всякие галушки с пампушками. И конечно, сало во всех

видах! И блины, и оладьи. Они думают, что я съем все, что перед мной поставили? Тут на отделение солдат хватит, после марш-броска с последующим рытьем окопов! А официанты все несут, несут!

Публика за столом – исключительно партийные товарищи. Кто-то при галстукe, кто-то в военной форме, а кто-то в вышитых рубашках и пиджаках поверх. С женами – а вот они все, как по ранжиру, строгие однотонные жакеты и юбки, белоснежные блузки – в легком летнем платье, как я, нет ни одной. И официанты все в вышиванках, как трактирные половые при царе! На стенах, друг напротив друга, портреты Ленина и Сталина. И конечно, два маленьких сине-желтых «грушевских» флажка по углам сцены. Вот зачем ресторан, а не столовая – оркестр готовится, а на сцене, похоже, еще какое-то действие начнется сейчас?

– Ученые говорят, что музыка способствует пищеварению, – изрекает Кириченко. – Да ты ешь, не стесняйся! Ишь, худая какая – отощали вы там, в Москве? Не в обиду скажу – но не умеете вы, московские, есть и пить! У вас это лишь удовлетворение голода, брюхо набил и побегал. А у нас – процесс!

Интересно, это когда мы на «ты» перешли? Или горилка действует – на столах не бутылки, а графины, в которых налита ну явно не вода! И Кириченко, посадив меня себе под левую руку, уже успел проглотить пару стаканов, заедая целым шматом сала. По другую сторону от хозяина банкета сидела женщина в возрасте, усталого вида – наверное, жена. А вокруг слышался стук ложек и чавканье. Затем на сцене появился конферансье и заговорил по-украински. Заиграл оркестр, выбежали парни и девчата в национальных костюмах, стали петь что-то про «дивчину гандзю», кружась в танце. После выскочили казаки с чубами и сплясали гопак. И так на протяжении всего обеда.

– Мы, украинцы, великая и древняя нация, – говорил Кириченко, – и добрый, хлебо-сольный народ. Любой к нам приди с добром – миром примем! Ну как же это можно, нас и на куски рассекать? Триста лет Украина ждала с нашими братьями воссоединиться – во Львове, Тернополе, Станиславе – и вот опять врозь? А Донбасс всегда к Украине тяготел, спроси в Юзовке или Ворошиловграде любого, под кого он хочет, под Киев или Москву, что услышите? Я бы, по совести, еще и Крым бы точно Украине отдал, поскольку к нашим землям он ближе! А как можно наш украинский язык из государственного обращения прогонять – вот если я с Херсонщины, отчего мне казенные бумаги на родном языке писать нельзя? Вот чем наш язык плох? А, товарищ Кавалеридзе?

– Истинно так, товарищ первый секретарь! – поддержал седоватый уже человек, сидевший напротив. – Вы только вслушайтесь, как звучит украинская речь – ну просто песня! А ведь еще сорок лет назад, при Николашке, наша ридная мова, не побоюсь этих слов, одно из культурных сокровищ человечества, готова была исчезнуть совсем! На ней говорили лишь забитые крестьяне в глухих деревнях – а для образованного человека в Киеве, Полтаве и даже в каком-нибудь Миргороде изъясняться на ней считалось неприличным, ну как на воровском жаргоне! И не было украинских школ, лишь русские, что земские, что церковные – как это было позорно, что родной язык изучался лишь дома, от отцов к детям! И можете представить, не позволялось само слово «украинец» – говорили «малоросс». И лишь трудам великих подвижников, как Иван Франко, Леся Украинка и другие, мы обязаны тем, что можем слышать сейчас прекрасную украинскую речь! Советская власть была подлинным расцветом украинской культуры – и мне странно и страшно слышать, неужели отныне все будет так, как при царе?

Я взглянула на него, вспоминая прочитанную биографию. Иван Петрович Кавалеридзе, сын грузина и украинки, родился под Полтавой в 1887 г. Учился в Киеве, затем в петербургской Академии художеств и даже в Париже. Скульптор, художник, драматург, кинорежиссер. Известность пришла с памятником княгине Ольге в 1911 г., затем он был главным художником популярной в дореволюционной России киностудии «Тимман и Рейнгард», получал щедрые гонорары. Купил под Киевом дачу, на которой не жил, а сдавал – и место то называлось Бабий

Яр. Положим, в том он не виноват, но что, призванный в армию в 1915 г., он на фронт так и не попал, считая, что жизнь сохранить ценнее, это показатель! В 1917 г. он прапорщик, в Царском Селе, видел вблизи царскую семью, – а пребывая до того в Париже, сумел познакомиться и с Лениным, был другом Шалыпина и еще кого-то из деятелей Серебряного века. Знакомство с Лениным помогло при советской власти – среди работ памятник Шевченко, памятник большевику Артему. Студия «Украинфильм» – и оккупированный Киев. Поставленный и там «главным над культурой» киевской управы, учил, что «честность, прилежание и покорность немцам – это божьи заповеди». Оправдывался, что надо было хоть как-то выжить. Теперь вот при Кириченко «придворным искусствоведам» – в той истории умрет в 1978 г. народным артистом СССР.

– А скажите, Иван Петрович, – спрашиваю я его, – как на ваш взгляд, кем должен быть человек искусства? Творцом исключительно по зову своей души, ну как бы это: «Умри, но поцелуй не давай без любви», – или просто работником, с талантом, но исключительно чего изволит заказчик?

Ну, любопытно, что ответит? Если первое – тогда сразу вопрос: так значит, под немцами ваше вдохновение это говорило? А открыто признать второе как-то неприятно!

– Должен стремиться творить по зову музыки своей! – изрекает Кавалеридзе, задумавшись всего на секунду. – Но поскольку не так часты ее приходы, как хотелось бы, то должен художник, чтобы дожидаться, себя в здравии сохранить. И потому приходится иногда заниматься презренным ремеслом – но кто посмеет за это бросить камень?

– Верно! – говорит Кириченко. – Ты только сказать забыл, что именно советская власть дает художнику возможность творить исключительно по этому... вдохновению! Поскольку то, что при ней – и есть высший прогресс и совершенство, а значит, то, что ей надо, это для тебя и есть твоя муза. Так, или я ошибаюсь? Ты не молчи, режиссер, громче скажи, чтоб московский товарищ слышала!

– Всегда рад служить делу Ленина – Сталина, – произносит Кавалеридзе, – как укажет ЦК и лично товарищ Кириченко!

– То-то же! – покровительственно замечает первый секретарь. – А то я у себя никакой оппозиции не потерплю! Как я скажу, так и будет, ясно?

На сцену выходят дети. Мальчики и девочки, лет тринадцати, четырнадцати, все с красными галстуками. Разворачивают желто-синее полотнище! Оркестр – и детский хор:

– Ще не вмерла Украина, ни слава, ни воля...

Слышу стук мебели – кто-то поспешил встать, кто-то приготовился, рядом все смотрят на Кириченко, а он на меня, что скажу. Ну нет, еще не хватало – продолжаю сидеть, беру вареник. Первый секретарь остается сидеть тоже, вскочившие поспешно садятся, делая вид, что ничего не произошло.

– Ще нам, братья молодые, улыбнется доля.

Слова же, однако! Вслушайтесь только, что хотят сказать те, кто поют! Что страна едва жива («еще не погибла»), что нам, еще «улыбнется доля» (а сейчас тогда что?), что еще в будущем «сгинут наши враги, как роса на солнце» (значит, сейчас враги сильны) и «воцаримся и мы на своей сторонке», (а сейчас выходит, вы кто и где?). И дальше: «Душу, тело мы положим за нашу свободу», – то есть сейчас вы еще не свободны? «Покажем, что мы казацкого рода» – то есть вам еще надо это доказать?

Песня изгнанников, рабов с захваченной врагом родины! Или, что больше похоже, рабами живущих и мечтающих о свободе! И пока еще даже не восставших – ничего не говорится об уже идущей войне, а тем более о победах. Гимн ущербных, убогих – с мелодией похоронного марша. А это еще что такое?!

Ой, Богдане – Зиновию, проклятый гетьмане!

За что продал Украину москалям поганым?
Чтоб вернуть ей честь и славу, ляжем головами,
Наречемся Украины верными сынами.

Шевеление в зале. А этого, похоже, ждали не все!

– Это что такое? – спрашиваю я у Кириченко со сталью в голосе, как дома когда-то с мистером Эрлом разговаривала. – Кто тут «поганые москали»? Может, вот они? – и указываю взглядом на портреты Сталина и Ленина.

– Прекратить! – орет Кириченко. – Ах, бисовы дети! Кто разрешил? – и дальше «непереводимая игра слов».

На сцене и возле нее суматоха, подсакивают милиционеры, служители в вышиванках и какие-то люди в штатском. Детишки живо убегают за кулисы, но бурное выяснение отношений продолжается, непонятно, кого и с кем. И все это на фоне развернутого желто-синего флага!

– Слава Украине! Героям слава!

В дверях, на противоположной от сцены стороне, стоит девушка в сине-желтом. И немая сцена – а это интересно! Вон те, рядом, точно на Кириченко косятся, что он решит. Значит, такие сцены для них не в диковинку, вот только сейчас неуместны? А хозяин явно растерялся, не ждал? У них тут самодеятельность пошла?

И тут гаснет свет. А в Киеве белых ночей не бывает, даже в июне – за окном стемнело уже. Я мгновенно нагибаюсь и, соскользнув со стула, оказываюсь за спиной Кириченко. Может, и параноя – но при таких играх лучше мишенью не быть. Слышу женский визг, ругань, звон посуды. И смачный хлопок совсем рядом. И голос Кавалеридзе – ой!

Свет зажигается. В непосредственной близости опасности нет. Кириченко так и стоит, беззвучно разевая рот. А вот Кавалеридзе... ой, мама!

Знаете, детское развлечение – в бумажный кулек налить воды и бросить из окна на тротуар, под ноги прохожему? Нечто похожее было и здесь, только вместо воды краска. Причем двух цветов – в принципе, можно кулек и в два кармана сделать, сама когда-то на Петроградке... ой, как давно это было! Вот только синий и желтый в смеси дают зеленый – так что раскрасили бедного Кавалеридзе оригинально, не в два цвета, а в три, весь пиджак с левого плеча залит, и на лицо попало. И что это он, встав, оказался на том месте, где сидела я? Быстро оглядываю свое платье – уф, чисто все, меня Иван Петрович своим телом закрыл и еще спинка стула.

– Что ж это вы, Алексей Илларионович, – обращаюсь я к Кириченко вежливо-язвительным тоном, – даже на своих званных обедах порядок обеспечить не можете? А если бы это граната была? Да, Ивана Петровича, наверное, отпустить надо, умыться и переодеться? И обязательно разыскать преступника. Такое в кармане не пронесешь – значит, прямо перед броском готовили из газеты и бутылочки с краской. А газета-то, судя по обрывкам, с портретом товарища Сталина, а вон, кажется, и бутылочки валяются, там отпечатки пальцев должны быть. А если бы промахнулись чуток и в вас бы попали?

– Приношу свои извинения, товарищ инструктор, – говорит Кириченко, – уверяю, что виновные будут наказаны. Вот только последствия ликвидируем.

В зале какое-то броуновское движение, официанты поспешно убирают разбитую посуду, заменяют опрокинутые блюда, вытирают пол. Кавалеридзе убежал себя в порядок приводить – надеюсь, краска не масляная? Стулья тоже заменили. Продолжать ли банкет – а отчего вы меня спрашиваете, вы же тут хозяин? Лично я не возражаю. Просто ради наблюдений за событиями. И хоть какое-то объяснение хочется получить.

– Детский дом из Львова, – говорит Кириченко, – приютили сирот, по просьбе львовских товарищей. Там беспокойно, и польские бандиты шалят. Вы понять должны, в западных

областях к вам по-другому относятся, не привыкли еще. Может, простим, они же дети совсем? Самодетельностью вот занимаются. Будущее нашей Украины!

Ага, и эти детки заранее узнали про меня и все подготовить успели? Теоретически могли, но гораздо более вероятен «кукловод», кто все это организовал. Сам за кулисами, а деток вперед, «они же дети, что с них взять?». Вот только Кириченко, похоже, не при деле, или он очень хороший актер? Ну, а если не только в меня, а в него целились, фигурально, замарать репутацию перед московской гостьей? Чтобы уже не вилял, не свернул назад – или просто ему место указать, кто тут хозяин? Ой, и дорого бы я дала, узнать, с кем он после говорить будет и о чем!

– Музыку разрешите? – спрашивает Кириченко. – Советскую или украинскую?

Интересно, выпили вы так много, товарищ первый секретарь, или и в самом деле нервничаете? Дозволения спрашиваете, снова на «вы» перешли, хамско-панибратский тон совсем исчез? Ну, а музыка под конец, а отчего бы и нет? Вот только одновременно и советская, и самая украинская, какую я знаю. Надеюсь, вашему оркестру она знакома?

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли...

А кухня украинская, на мой взгляд, ну очень сильно на любителя. Сало в таком количестве хорошо в наш русский мороз идет, а по жару его есть неприятно. И печенье из пресного теста нам на вкус непривычно. Про горилку вообще молчу – да и не любитель я алкоголя, пила за столом лишь чай и лимонад.

Так что же за игру вы затеяли, товарищ Кириченко? Или уже и не товарищ совсем? Понятно, что вам из первого союзного в первого автономной (и то не факт, что вас утвердят) очень не хочется. Но чтобы из-за одного этого антисоветский мятеж затевать? И ведь даже если подымете – победить вам точно не удастся! Чтобы товарищ Сталин с самостийной Украиной смирился – да скорее тут никого не останется, говорящих на мове!

Кровь фашистских псов пусть рекой течёт,
Враг советский край не возьмёт.
Как весенний Днепр, всех врагов сметёт
Наша армия, наш народ.

Киев. Оперный театр. Через два часа

В девятнадцатом веке Киевская опера была одной из лучших в Российской империи, соперничая с театрами Петербурга и Москвы. В 1896 году театр сгорел, через два года был восстановлен, и до самой революции оставался средоточием культурной жизни Киева. Здесь бывали Чайковский, Рахманинов, Римский-Корсаков. А в марте семнадцатого здесь, сразу после падения самодержавия, провозгласили Раду во главе с Грушевским.

Мира Украине это не принесло – с самого начала новая украинская власть поссорилась с Временным правительством в Петербурге, не желая отдавать хлеб иначе чем по «справедливой» спекулятивной цене, с казаками, требующими пропустить их с фронта на Дон и не разоружать, с теми из фронтовых частей, кто не захотели подчиниться главе Военного комитета Рады, бывшему интендантскому чиновнику Симону Петлюре, а также с командующим 1-м Украинским корпусом (бывшим 34-м армейским) Павлом Скоропадским, который готов был

подчиниться Раде, но Петлюру в упор не видел, справедливо считая, что генерал-лейтенанту Российской императорской армии грех исполнять приказы какого-то штафирки. И конечно, с бастующими рабочими и с крестьянами, не желающим сдавать хлеб за бесценок – именно тогда, а не при большевиках, на Украине появились первые «продотряды». К Октябрю окрепла новая сила – большевики, и в городах началась настоящая война между армией Рады и Красной гвардией, и был большевистский поход на Киев в январе восемнадцатого, и большевистское восстание в Киеве, жестоко подавленное буквально накануне вступления в город краснознаменных отрядов.

И был договор в Бресте, где украинцы выступили третьей договаривающейся стороной, впервые заключая международный договор как суверенное государство. Правда, договор этот был о германской оккупации Украины, – но Рада по сути уже не была хозяином большей ее части и не имела сил ее освободить, уступив эту честь германской армии. Немцев же эта территория интересовала лишь постольку, поскольку оттуда можно было вывезти хлеб, так что крайним опять оказался крестьянин (и не только бедняк): грабили всех с истинно немецким орднунгом. Итогом же была вспыхнувшая по всей Украине партизанская война (не одни красные, но скорее «за землеробов» – эти пришли, грабют, те пришли, грабют). Немцам это не понравилось, и они потребовали навести порядок – и Скоропадский вошел в Раду, подобно Наполеону в Национальное собрание: «Я все обдумал и решил, что буду править сам, а вы все пошли вон». Но за Бонапартом были штыки его собственных солдат, а за новоявленным великим гетманом – в большинстве немецкие, и потому век гетманства был короток, несмотря на срочно проводимые военные реформы. Были целых четыре высших штаба – Военное министерство, Главный штаб, Генеральный штаб, Собственный пана гетмана штаб – друг другу не подчиненные, зато отчаянно между собой конфликтующие и интригующие, в которых ошивалось, исправно получая жалованье, огромное количество офицеров – при наличии реально боеспособной единственной Запорожской дивизии, в которой к гетману относились с холодом, переходящим в ненависть, так и не простив ему переворота, и даже не раз угрожали повернуть штыки на Киев – и еще множество мелких частей под командой «батек атаманов», мало отличимых от банд, которым даже один высший штаб был нужен, как зайцу тормоза.

Так что единственным реальным шагом гетманских реформ было создание, в противовес запорожцам, Сердюкской дивизии (четыре пехотных полка, один конный, один артиллерийский), куда должны были входить «сыновья зажиточных хлеборобов, православные, обязательно живущие дома, а не в городах». Причем не удержались и от того, чтобы ввести для «сердюков» особую форму, с длинными жупанами и широкими шароварами-галифе – совершенно не похожую на ту, что носила старая русская армия, – но по нехватке времени и средств, пошить ее успели весьма малому числу прежде всего офицеров. Но надежды гетмана не оправдались – когда немцы уходили с Украины и он, срочно ища себе новую опору, объявил 14 ноября 1918 года о будущей «федерации» с новой, то есть «единой и неделимой Белой Россией», ответом был немедленный бунт Петлюры, к которому тут же присоединились не только запорожцы (дождались наконец!), но и часть сердюков.

И были события, описанные Булгаковым в «Белой гвардии» – осада Киева войсками новосозданной Директории. Когда жизнь гетмана спасли лишь немцы, категорически требовавшие от всех «нихт шиссен пока мы не уйдем, ну а после разбирайтесь меж собой как хотите». Причем последние оставшиеся верными гетману сердюки сначала заключили тайное перемирие с петлюровцами «стрелять в воздух, а не друг в друга», а после с облегчением наконец перешли на сторону победителя. Но век Директории оказался еще короче, чем ее предшественницы – сначала была малоизвестная украино-польская война 1918–1919 годов, когда Петлюра сцепился с Пилсудским, затем был поход на юг Красной армии, аж до Одессы, весной девятнадцатого, именно тогда насмешливо пели:

Под вагоном территория,
А в вагоне Директория.

И снова фронт катился по Украине – наступление Добровольческой армии Деникина осенью, контрудар Красной армии до Перекопа. Польское наступление двадцатого, когда паны взяли Киев. И красный бросок на запад – «даешь Варшаву, даешь Берлин».

А при чем тут Оперный театр? А не было в Киеве комплекса правительственных зданий – и что делать, если нужно перед народом (или хотя бы избранными представителями) провозгласить? Так что кого только ни видел и что только ни слышал этот зал всего за три года – с семнадцатого по двадцатый! И лишь после окончательного установления советской власти на Украине театр стал лишь театром, как и должно быть.

Здесь тридцать три года назад убили Столыпина. Здание с тех пор сохранилось неизменным, в тридцатые его хотели перестроить «в пролетарском стиле», но ограничились снятием с фасада бюстов царских композиторов и пристройкой с тыльной стороны репетиционного зала. В тридцать девятом театр получил имя Шевченко. В войну коллектив был в эвакуации в Уфе и Иркутске, весной сорок четвертого вернулся в Киев.

В этот вечер играли «Наталку-полтавку». Но главное событие происходило не на сцене, а в курительной-туалетной комнате, где спорили два человека. Снаружи у дверей стояла охрана и не пускала посторонних.

– Вы что, ох...ли? Мы так не договаривались! – Кириченко взмахивал руками и, казалось, готов был прыгать. – Флаги – это еще ладно, было такое и раньше, между своими. Но про «москалей поганных» зачем? А эта возмутительная выходка с краской?!

– Ну, так они же дети, что с них взять? – собеседник первого секретаря КПУ был спокоен. – Сговорились, решили проявить самостоятельность. Ваши же не станут арестовывать их и гнать в Гулаг? Можете сказать московской сучке, что они раскаялись и больше не будут.

– Да черт с детьми! – почти орал Кириченко. – Вы что, не понимаете, как меня подставили? Если она там доложит? За меньшее можно по расстрельной статье загреметь! И свидетелей полный зал!

– Так это ведь ваши свидетели, – усмехнулся собеседник, – сами не донесут. И повторяю, вы-то в чем виноваты? В утвержденной вами программе ничего нет. Ну, а за чужую инициативу загремите вы максимум вслед за вашим другом и покровителем Хрущевым в какой-нибудь Ташкент. Другого вам надо бояться, Алексей Илларионович – если наши дела вылезут наверх. Тогда, уж простите, вас никто и ничто не спасет! Но не беспокойтесь, уж я-то засветиться не больше вашего заинтересован. Конечно, если меня не арестуют – тогда я молчать не буду.

– Вы можете просто умереть, – сказал Кириченко, – сопротивление при задержании или попытка к бегству.

– Еще убийство на улице неустановленными личностями, – ответил человек, по виду зажиточный селянин в потертом городском костюме поверх вышиванки, – но не советую. Во-первых, у нас осталось подробное описание наших с вами дел с документами и списками свидетелей, или даже их показаниями – а это, даже за чисто экономические дела, высшая мера, по вашему закону. Во-вторых, всех наших людей в вашем окружении не знаю даже я – вы хотите, чтобы после пришли к вам и к вашей семье? На охрану не надейтесь – поскольку любой там может оказаться нашим. А первый секретарь – это все ж фигура публичная, вам надо иногда и на всяких мероприятиях выступать. Думаете, вас не достанут?

– Будьте прокляты, – сказал Кириченко, – вы же проиграли эту войну! Зачем вам все это? Я ж готов был дать вам все, что вы просили.

– За одним малым: командовать парадом вы оставляли себе, – заметил гость, – а нас это категорически не устраивает. И проиграли не мы, а неудачник Адольф. Так союзники – это величина переменная. Уж простите за сегодняшнее, ничего личного – но вам надо было

показать ваше место. Или нам завтра на Крещатике подобное организовать? Или же, допустим, вы труп этой москальской сучки найдете – и как тогда оправдаетесь?

– И чего вы добьетесь? – спросил Кириченко. – Не будет меня, пришлют другого. Вы всерьез верите, что Сталин смирится с самостийной Украиной?

– Надеемся на ваше благоразумие, – ответил человек в вышиванке. – Сидите как прежде, исполняйте обязанности. И совершенно необязательна «самостийность», по крайней мере пока – пусть номинально Москва будет править. При чем тут реальная политика на местах? Идеальный симбиоз, равновесие – тому, кто сидит в Кремле, виден послушный «наместник» и ничего более, мы обеспечиваем внутренний порядок, а вы – чтобы никто не лез в наши общие дела. И все довольны, все спокойно.

– Так было раньше, – сказал Кириченко, – эта реорганизация...

– А вот тут, если вы хотите усидеть на месте, а не вылететь в какую-нибудь тьмутаракань, мы должны работать в одной упряжке! – резко ответил гость. – И я надеюсь, что Сталин тоже разумный человек и не захочет получить массовое народное выступление в братской славянской республике вкупе с предъявлением ему ультиматума от своей же верхушки, с угрозой получить такие же беспорядки в других ССР при послевоенной разрухе и очень сложной международной обстановкой? Зачем – если проще смириться и нас не трогать? И будет, как я только что сказал – да ведь и вождь ваш не вечен? А если после него в Кремле сядет кто-то слабее, или вообще коллективная демократия. Тогда абсолютно реально не только присоединить территории, до Волги и до Литвы, но и стать в государственном образовании, именуемом СССР, самым сильным звеном! Надеюсь, вы не настолько патриот-фанатик, чтобы противиться, если придется за поддержку некоторые не наши территории другим державам отдать? Впрочем, это дело следующих лет – но мы не спешим. С начала века боремся – и знаем, что победа не близка. Но она будет – обязательно.

– Но я надеюсь, пока больше не будет эксцессов? Рано еще дразнить гусей.

– Если не считать таковым завтрашней встречи. Уж простите, но война любит деньги. Думаете, мы будем терпеть, что нас грабят в такой момент?

– Меньше надо было воровать!

– А покажите мне потребкооперацию, где все было бы идеально чисто! Даже если это всего лишь коммерция, то не вовремя, ох как не вовремя! И меня настораживает, как подозрительно быстро выплыла «политика», раз копает уже не ОБХСС, а ГБ. Надеюсь, вы понимаете, что вскрытие наших сетей на Юго-востоке – это удар по нашим общим планам?

– Я не могу помешать. Мариуполь уже не моя территория.

– Зато Харьков, Запорожье, Херсон – ваши! И согласно закону, НКВД Украины имеет полное право заняться этим расследованием, при чем тут московские? Требуйте если не передачи дел, то как минимум участия наших представителей – бюрократии не мне вас учить! Сделайте все, чтобы спустить дело на тормозах – ну нельзя же лепить политику и подозревать в бандеровщине любого украинца, имевшего несчастье оказаться в оккупации? Упирайте, что дезорганизация потребкооперативов вызовет перебои в снабжении населения товарами. Сведите дело к мелкой уголовщине – в конце концов, отдельных людей можно заменить. Вот такой должна быть ваша линия – и учтите, что завтра на совещании кроме меня будут и непосвященные.

– И эта Ольховская тоже.

– Так это прекрасно! О бедствиях гражданского населения, лишенного нужных товаров, тотчас же узнают в Москве!

– Я вот подумал... А отчего она не пыталась сразу донести? Будь она твердой коммунисткой, должна была бы сразу требовать связи с Москвой и немедленно сообщить о неподобающем поведении первого лица.

– Или она действительно ППЖ и к тому же глупа, еще не знает границ дозволенного, или она человек Пономаренко, который дружелюбен нам – но, конечно же, не будет о том объявлять. Или она очень умна и опытна, что маловероятно, молода слишком. И ее внешний вид говорит, что она в вашем аппарате человек новый, не знакомый с правилами. Скорее всего, второе – даже желая устроить провокацию, как вы понимаете, Пономаренко не послал бы явную дуру. Завтра я взгляну на нее поближе.

– Ну зачем же завтра? – сказал Кириченко. – Когда спектакль кончится, можете посмотреть на нее, не подходя. Какое будет ваше впечатление?

– Уже. И свое мнение – только что вам высказал. Остальное же – из личного общения. Уж простите, но мне надо будет слышать, как она говорит, отвечает на вопросы. По науке психологии, которую когда-то мне преподавали в университете.

– Уж куда нам, академиев не кончавших! Мы люди простые, однако же...

– Потому вы и будете делать то, что скажу я. Хотите бесплатный совет? Миром по-настоящему правят не сильные, не богатые, а умные, образованные.

– Поздно мне уже учиться. Значит, до завтра?

– Прощайте, пане первый секретарь. Я выйду через пару минут после вас – ведь не надо, чтобы об этой встрече знала даже ваша охрана.

Анна Лазарева (по документам Ольховская).

Киев, 21 июня

Как хорошо живется на Советской Украине под мудрым руководством товарища Кириченко!

Именно в этом меня пытались убедить весь день. Завирайко заехал за мной с утра – и понеслось. Все было политически абсолютно безупречно, никаких желто-блакитных цветов и подозрительных портретов. Зато повсюду кумач знамен и лозунгов (где столько достали?), портреты и бюсты вождей и величие слов. Школьники, при нашем входе в класс исполнившие хором «спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Рабочие механических мастерских при трамвайном парке, клянущиеся «выполнить и перевыполнить, догнать и перегнать». Стерильная чистота в больнице с множеством пустых коек – уж не повыгоняли ли срочно пациентов, как в гоголевском «Ревизоре»?

Интересно, товарищ Завирайко, а куда мы так торопимся? Все прямо в калейдоскоп перед глазами сливается, от одного места к другому. У нас что, лимит задан числа мест, которые обязательно надо осмотреть?

– Не извольте беспокоиться, товарищ Ольховская, но поскольку вы здесь человек новый, то сначала решено, так сказать, для общего впечатления... А уже после вы, на ваше усмотрение, укажете, что бы вам углубленно предъявить.

Я пожимаю плечами. Хотя любопытно, а отчего в списке крупных трудовых коллективов нет? Знаю, например, что завод «Ленинская кузница» уже в строй введен, хотя с нашим Севмашем, конечно, не сравнить, тут лишь речные суда строили, но баржи и буксиры тоже нужны, особенно тут, на Днепре. Но ведь труднее все организовать, чтобы с полным блеском – куда легче в учреждении с полусотней человек, заранее из райкома позвонить: к вам едет ревизор, встречайте! А еще интереснее, что Кириченко хочет этим добиться? Ну прямо как в сказке Перро про Кота в сапогах, я мультфильм на компьютере смотрела – чье это поле, маркиза какого-то? Значит, в конце и замок людоеда будет?..

После обеда мы приехали в ЦК КПУ. На совещание по усилению работы низовой потребительской и мелкотоварной производственной кооперации. Присутствуют как первые секретари обкомов и исполкомов, так и хозяйственники с мест, не все, но «ключевые фигуры, проверенные товарищи, от которых многое зависит». Сам Кириченко, конечно, во главе, меня рядом посадил, а за длинным столом по обе стороны все «проверенные и надежные товарищи».

Вступительное слово – о трудностях периода после победного завершения войны под мудрым руководством товарища Сталина – как положено все. Ой, а ведь была бы я той, довоенной Анечкой, как всего три года назад, сейчас бы слушала восторженно, широко раскрыв глаза – как же, меня к таким людям допустили, заслуженным большевикам! Но пообщавшись с потомками, стала трезвой и циничной, как будто не двадцать два года мне, а сорок. Смотрю, слушаю и оцениваю, анализирую – не только что говорят, но и как говорят.

Первый пункт повестки дня. Возмутительные события в Запорожье, Херсоне, Днепрпетровске, Харькове. Какие-то враждебные и, возможно даже, не побоюсь этого слова, антисоветские силы развязали настоящий террор против снабжения населения продуктами и продовольствием! Массово возбуждаются уголовные дела по обвинению в хищениях, растратах, нецелевом использовании средств – да, следует признать, что в ряде случаев это имело место! – но вместо того чтобы по справедливости наказать конкретных виновных по чисто уголовной статье, искусственно придается политический вес, дела передаются органам госбезопасности, которые склонны в каждом, имевшем несчастье быть на оккупированной территории, видеть «немецко-бандеровского шпиона и диверсанта»! Что есть полнейшая нелепость – потому что тогда можно обвинить вообще большую часть населения Украины!

Как НКВД и НКГБ Украины допускают такое беззаконие? Подчиняясь грубому давлению и прямым приказам из Москвы и произволу присланных эмиссаров из центрального аппарата! В итоге на местах многое зависит от твердости областных руководств ГБ и ВД Украины – они стараются, где есть возможность, добиваться соблюдения социалистической законности. Особо же настораживает тот факт, что вслед за чекистами приходят кооператоры из близлежащих российских областей, явочным порядком занимая место или даже захватывая имущество арестованных и переманивая персонал. Что создает на местах очень нездоровую обстановку – имело место недовольство населения, жестоко подавляемое так называемыми «специальными моторизованными милицейскими частями» опять же московского подчинения, новосозданным осназом НКВД. Получить точные сведения пока не успели, но слаженность действий ГБ, милиции и, что странно, чужих кооператоров наводит на четкую мысль, что имеет место банальный захват рынка, как при капитализме, поддержанный кем-то в Москве.

Ай да дядя Саша, думаю я, хотя господи, это уже не его уровень, повыше! Заранее подумали: не только вычистить бандеровские гнезда, сначала под видом ОБХСС, чтобы не насторожить, но и позаботились, чем заменить, чтобы население не бедствовало. И даже предусмотрели, что будут попытки не пускать чужаков вплоть до погромов и грабежей – уже наготове ОМОН, или как он называется в этом времени, СММЧ. Нарушения законности – простите, но на войне как на войне, нет времени точно взвешивать вину каждого причастного. Впрочем, большинству задержанных (не арестованных) ничего страшного не угрожает – как только будут получены показания, кто в конкретном потребсоюзе или кооперативе особо доверен. Их в разработку – а прочих можно выпустить и даже оставить на прежних должностях.

– Возможно, что товарищ Ольховская, инструктор ЦК, знает что-то, могущее прояснить ситуацию? – вдруг говорит Кириченко. – Товарищ Ольховская, вам слово.

Интересная деталь: кто-то из сидящих за столом, беря слово, вставал – а кто-то, как и сам Кириченко, нет. Что ж, имею право поступить, как он – согласно рангу.

– Могу заверить первого секретаря и всех присутствующих, что все, здесь сказанное, будет доложено в ЦК ВКП(б) лично члену Политбюро товарищу Пономаренко, – говорю я, – и что все пытающиеся использовать работу потребительской кооперации в интересах, чуждых социализму, будут наказаны по всей строгости советского закона. А невинные будут освобождены – сейчас не тридцать седьмой год.

И ведь формально не солгала ни в одном слове! Вот только про тридцать седьмой, кажется, что-то не то, судя по мимолетной реакции некоторых гостей. Ладно, посмотрим, что будет дальше!

– Принято: официально обратиться к товарищу Мешику, представляющему НКГБ СССР на Украине, – говорит Кириченко, – что ж до непосредственно предмета нашего обсуждения, то, при всем уважении к мнению товарища Ольховской, мы не можем направлять ресурсы в кооперацию названных мной областей, пока там не будет в полной мере соблюдаться социалистическая законность. В то же время ситуация и долг советских людей и коммунистов требуют от нас оказать помощь западным районам, особенно пострадавшим от войны. Промышленность там неразвита, народ изначально жил беднее, а еще и националисты воду мутят... – Тут мне показалось, что двое из сидящих за столом переглянулись, а один, ближе ко мне, глаза опустил. – Значит, надо помочь с поставками товаров товарищам из Тернополя и Станислава, на выгодных для них условиях. Вы знаете, что, по плану товарища Сталина, это возможно, скоро будет уже не УССР, но братская помощь советским гражданам, таким же, как мы здесь, это...

Стоп, что значит «возможно»? Кириченко думает, что Сталин свое решение изменит?!

– ...слово товарищу Сидоренке, заместителю председателя Житомирского облпотребсоюза. Для ознакомления с исключительно тяжелой ситуацией в западных областях.

Надо будет в подготовку «инквизиции» актерскую практику ввести – как вернуться, обязательно скажу товарищу Пономаренко. Наблюдая за человеком, очень важно бывает поймать его «вектор внимания», тут очень помогает мимика, поза, движения. А наблюдая за группой людей, можно выделить так знакомых меж собой и вожаков. Так вот, этот Сидоренко – он явно вожак, я его взгляд ловила, он смотрел на меня даже не так, как Кириченко, а чуть свысока, секунды хватило, чтобы поймать. А вот сидящие рядом, формально равные ему, даже выше, кто-то там не заместителем, а целым председателем облсоюза назвался – но вроде даже побаивались его, старались даже в малейшем не мешать, а как он говорил, мгновенно умолкали и ловили каждое слово! И что самое странное, его лицо мне знакомо, будто я видела его где-то раньше.

Минск? Кто-то из чиновников управы или коммерсантов, бывших у немцев на подхвате? В принципе, мог оказаться в Житомире, хотя Белоруссия не Украина, там и свой гебитскомиссариат у немцев был, и свои нацики, никакого отношения к бандерам не имеющие, и свои коммерсанты. То есть даже если бы и попал, был бы он тут чужой, без всякого веса. Кто-то из знакомых по бесконечно далекому довоенному Ленинграду? Нет, такое чувство, что видела я его не так давно, но где?

Князев, корабельный доктор с К-25, показывал мне аутотренинг. Сесть поудобнее, закрыть глаза, максимально расслабиться – и чтобы нужное тебе само из памяти всплыло. Здесь, прямо на заседании – а плевать! Будут удивляться, извинюсь и скажу, что голова заболела. Да и вроде сказала я, что «в положении», когда вчера Кириченко спросил, отчего я вина не пью. Просто ощущение было, горящее, как красный фонарь, что это очень важно – вспомнить, кто это!

И тут мне стало по-настоящему, до ужаса, страшно. Когда я вдруг вспомнила. Я не могла узнать его сразу, потому что на фото он был гораздо старше. Там, в будущем времени, он станет достаточно известен – настолько, чтобы попасть в файл на компьютере кого-то из экипажа К-25. А здесь его личность пока еще является тайной, за проникновение в которую сразу убивают.

Василь Кук, он же Лемех, он же Медведь. Родился в 1913-м под Львовом. Окончил Люблинский университет, юрфак. Еще с тех времен друг Степана Бандеры. Сейчас – генерал-хорунжий УПА и второй по власти человек в ОУН(б) после Шухевича (из числа находящихся на территории СССР – сам Бандера, сидящий у новых англо-американских хозяев, не в счет). Командующий «Восточным проводом», то есть глава всех националистов, действующих на довоенной (до 1939 года) территории УССР. Опаснейший враг, руки по локоть в крови – и умный, талантливый организатор. В той истории в 1950 году, после гибели Шухевича, именно

он станет его преемником, главнокомандующим ОУН на Советской Украине. После еще четырех лет войны сдастся нашим и формально объявит о идейном разоружении и капитуляции. Но с воззванием к своим подпольщикам он выступил, потому что понимал: нет смысла бороться дальше, нужно сохранять кадры для будущей Украины. Это был умный, матерый враг. Блестящий конспиратор, поэтому дольше всех главарей продержался.

Там его так и не расстреляли. Сочли, что ради примирения, прекращения войны, стоит пойти на компромисс, забыть тех, кого убил он сам или по его приказу? Отсидел совсем немного, вышел по амнистии. Кровавый палач и убийца – позже работал в Академии наук Украины. После 1991 года писал книги по истории ОУН-УПА, из которых видно, что совершенно ни в чем не раскаялся и ни о чем не сожалел. Умер своей смертью в 2007-м, радуясь, что увидел наконец самостоятельную Украину – и наверное, догадывался, что на его могиле поставят памятник. Кто-нибудь после поверит, что на небе есть бог – если такой гад за все грехи получил столь долгую жизнь и спокойный конец в своей постели?

– Что с вами, товарищ Ольховская? – спрашивает Кириченко. – Вам плохо?

– Голова разболелась, – отвечаю, – если разрешите, я отойду к окну, там воздух свежее.

Кириченко, наверное, подумал: ну что за инструктор ЦК, если мигренями страдает, как кисейная барышня? Но кивнул, соглашаясь.

Заместитель предоблпотребсоюза? Заместитель командующего УПА! На совещании в ЦК КПУ, в присутствии самого первого, а также первых секретарей обкомов! Это как если бы Ковпак и другие партизанские командиры сидели бы за одним столом с рейхскомиссаром Кохом! И ведь такие чины в одиночку не ходят – те двое, что рядом с ним, точно в курсе! А остальные?

И Кириченко... Самодур, «вотчинный боярин», «склонен к хамству и властолюбию» – и с этим Сидоренко общается как минимум как с равным, ни разу не повысил голос – это первый союзной республики против какого-то зампредпотребсоюза? Значит, и он – знает? А если и прочие? И все они тут, по совместительству, перед товарищем Сталиным, секретари обкомов, а параллельно полковники ОУН-УПА? Ой, мамочки, да какой, к чертям, замок сказочного людоеда? Тот людоед перед Василем Куком – это мелкая шпана, действительность-то куда страшнее!

Стоп, не паниковать! Пролезть в советскую власть, даже в органы, особенно в провинции, вступить в комсомол и в партию член УПА мог вполне. В иной истории, другая сволочь, Леонид Кравчук, ставший первым президентом самостоятельной Украины в 1991 году, а до того бывший член Политбюро ЦК КПУ, гордился тем, что начинал в «молодежном» отряде УПА, ну а после как обычно – комсомол, партия, общественная работа... ненавижу, мразь! А уж в систему потребкооперации проникнуть мог вообще кто угодно, и зампредпотребсоюза – это просто идеальное прикрытие, можно свободно перемещаться не только по своей Житомирщине или Львовщине, но и по всей Украине без всяких подозрений – торговые дела, поиск поставщиков и рынка. Но тогда соседи-кооператоры должны знать, что Сидоренко как минимум не тот, за кого себя выдает, чтобы не возникало недоразумений. Да и что представляла собой вся система потребкооперации Западной (и не только) Украины, я читала – так что не будет ошибкой предположить, что все сидящие за столом справа «кооператоры» – это люди ОУН. А вот с первыми обкомов иначе, даже на должность первого в районе – утверждение партконтролем в каждом конкретном случае, после проверки, и отнюдь не формальной. Конечно, уж если сам первый Украины за – но нет, вряд ли бы даже он стал внаглую светить такую свою связь! Если только сам он не прямой агент ОУН, что не столь невероятно, как кажется.

Прав товарищ Пономаренко – после общения с потомками взгляд у меня стал иной. Вот никогда бы я прежняя, читая об истории ОУН, не увидела бы сравнения с нашими революционерами-народовольцами, это бы мне показалось кошунством! А прямыми потомками народ-

ников были эсеры – ну а теперь представьте их, дополнительно прошедших еще почти тридцать лет развития с сильнейшим националистическим уклоном, да еще много взявших и от нацизма (саму идею обиженной великой нации), и от большевизма (гибкость тактики, диалектический подход). И даже, как в свое время народники разделились на «Народную волю», с упором на террор, и «Черный передел», легальное «просветительство» – так и ОУН(Б) и ОУН(М) – это вовсе не личности Бандеры и Мельника, а разность подходов: «чистые» террористы, считавшие предательством любое сотрудничество с властями, и «политики», также, впрочем, не исключавшие террор, но стремящиеся увеличить свою популярность легальной деятельностью – отношения между ними были исключительно по политической выгоде, от свары с убийствами до временного союза. Но существенно то, что действуя до 1939 года исключительно в Польше (считающейся врагом СССР), они считались для нас, советских коммунистов, «своими», ну как сейчас вождь Барзани в Курдистане или какой-то там в Синцзяне. А для компартии Западной Украины они вообще были чем-то вроде союзников, отчего после присоединения КПЗУ пришлось распустить, но люди-то остались, кто-то вполне мог и первым в области сейчас стать... с прежним мышлением! Если даже сам Пономаренко сказал, что могу поколебаться – сам он наш полностью, но кто-то из тех, кого он считает своими друзьями еще с легендарных двадцатых, вполне может относиться к оуновцам как к «своим», пусть отклонившимся, сбившимся с пути – но революционерам, борцам против национального угнетения и капитала. Да ведь и личные связи с тех времен тоже возможны вполне!

В этом и была главная сила, особенность и опасность именно украинских националистов. Ни «лесные» в Прибалтике, ни среднеазиатские баи не имели ни «революционного» прошлого, ни репутации «защитника народных интересов», ни двадцатилетнего опыта подпольной борьбы (против такого противника, как польская дефендзива, которая по уровню тогда не уступала французам), ни навыка сотрудничества с иностранными разведками (немецкой, но в тридцатые и с нашей, эпизодами), ни снисходительного отношения с нашей стороны. Национализм в СССР той истории, мое твердое мнение, так и не был искоренен, а лишь введен в рамки некоего компромисса, и в итоге пламя тлело, но даже прорывающиеся наружу враждебные выпады не находили должной оценки, трактовались как «национальный колорит». Ну, а когда СССР ослаб... И начало этой болезни было положено сейчас, когда даже товарищ Сталин решил идти на мир с украинскими «умеренными», вместо того чтобы полностью их истребить.

Достаю из сумочки пудреницу. Вернее, предмет, который при первом взгляде можно принять за нее – маленькое, блестящее, раскрывающееся, с зеркальцем внутри. Телефон из будущего – «сотовая связь» отсутствует, а вот фотокамера осталась! Не одобрялось в это время у комсомолок пользоваться косметикой, а уж члену партии, да еще в здании Комитета – но я ведь персона из ЦК, да еще и, на их взгляд, легкомысленная профурсетка, так что стерпят. Изображая процедуру ухода за лицом (кто-то из сидящих за столом слева кидает на меня неодобрительный взгляд), делаю пару снимков, пользуясь удачным моментом: первый секретарь КПУ и генерал ОУН за одним столом! Да и прочие «кооператоры», попавшие в кадр, наверное, представят интерес для НКГБ? Вспышка отключена, а то бы все поняли – но света в зале достаточно, и мы этот аппарат еще в Москве опробовали, на ноуте смотрели результат, выходило вполне узнаваемо. Теперь у меня в руках то, что может подтолкнуть историю на иной путь. Если эти снимки увидит товарищ Сталин, будет ли перемирие с врагом? А Кириченко тогда просто мертвец.

Да и другим из товарищей секретарей мало не будет. Как минимум слетят с постов, и долго их будут на допросах трясти на предмет сознательного сотрудничества с врагом! Хотя, наверное, кто-то и не знал, а кто-то старался не знать и не замечать. Так настоящий коммунист обязан быть бдительным! И не о личном спокойствии думать, а об интересах СССР. А если выбрал иное – что ж... И не надо на меня коситься – пусть я сейчас старательно изображаю легкомысленную особу, откровенно скупающую на заседании, внешность бывает обманчива,

нельзя по ней судить, кто враг, а кто свой. Тот же Кук на вид совсем не похож на убийцу, скорее на агронома или председателя колхоза – вполне интеллигентное лицо, неприметный пиджак поверх вышитой рубахи, армейские бриджи и, наверное, сапоги, не видно под столом. А Кириченко во френче без погон, как товарищ Сталин на каком-то из известных портретов, и что?

А ведь выходит, из всех присутствующих самый советский человек и подлинный коммунист – это я? И не то что карьеру – жизнь всех этих партийных товарищей сейчас в своей сумочке держу! Дайте мне только до Москвы добраться! Ой, за лицом своим следить – я же кокетливая, глупая, ветреная ППЖ! Смейтесь, презирайте, шушукайтесь – ведь хорошо смеется тот, кто будет последним!

Фу, ну вот, закончилось наконец! Кириченко снова что-то там ставил на голосование, на меня оборачивается – товарищ инструктор ЦК не возражает? Я кивала. Вот, все встают, начинают расходиться. И мне пора!

– Товарищ Ольховская, вынужден вам заметить, – останавливает меня Кириченко, – что вот это ваше... – тут он делает какое-то движение рукой у своего лица, – позорит облик советского человека! И я вынужден буду о том доложить в Москву!

Едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться ему в лицо. И это говорит мне тот, кто только что принимал у себя прямого врага советской власти? Сам покойник без пяти минут – знаю, что на Украине 58-я статья УК совсем другого содержания, нумерация не совпадает – но судить-то тебя будут в Москве, по нашему кодексу!

– Что делать, товарищ первый секретарь, если я не только коммунист, но и красивая женщина, – отвечаю я, подчинившись неодолимому желанию подразнить этого болвана, – и мой жизненный опыт говорит, что одно совершенно не мешает другому. Например, стать инструктором ЦК.

Кириченко только рот разевает, не найдясь, чем ответить на такую наглость. А ведь я снова ни слова не солгала – была бы пусть и «правильной» уродиной, вряд ли бы мне мой адмирал предложение сделал? И не сумела бы я занять свое положение в Проекте, не заинтересовала бы и товарища Пономаренко! Если у вас все – то я пошла!

– Товарищ Ольховская, задержитесь! – слышу голос Кириченко, уже на пороге. – Вы изъявляли желание ознакомиться с ситуацией не только в Киеве, но и на местах? В таком случае рекомендую вам товарища Сидоренку, который владеет наиболее полными сведениями, представляющими большой интерес для товарищей из Москвы.

Ой, мамочки! Кук смотрит на меня не приветливо, а скорее, оценивающе, как кот на мышь. С выражением: «сейчас слопать, или поиграть немного»? И двое его подручных рядом! Хотя думаю, что убивать инструктора ЦК прямо в здании ЦК КПУ, на глазах у первого секретаря и прочих, еще не разошедшихся, свидетелей – это будет слишком? Так ведь увезти могут – выведут под руки, сунут в машину, и прощай!

Нет – что-то говорит своим громилам, и те уходят. Сам раскланивается с Кириченко и любезно приглашает меня в приемную присесть на кожаный диван в углу, «чтобы не стеснять нашего хозяина». Манеры обходительного пана – а глаза холодные, как будто там нежить под маской человека. И что же ему от меня надо?

– Будем считать, что мы друг другу представлены, товарищ Ольховская, – первым заговорил Кук, – я же осмелился побеспокоить столь высокую персону лишь потому, что, скажем так, по службе, очень хорошо знаю нашу Украину и чаяния ее народа. И я хотел бы вас предупредить, чтобы вы довели до сведения тех, кто вас послал. Украинский народ не примет ни низведения себя до какой-то «автономии», ни искусственного отделения Галиции, наиболее европейски культурной части, как и Донбасса, промышленного сердца. Все уже на грани восстания – нужен ли Москве бунт?

– А вы верите в его успех? – спрашиваю я. – И что товарищ Сталин это стерпит?

– Мы очень свободолюбивый народ, – усмехается Кук, – не буду говорить про легендарные времена, но лишь в этом веке нас не смогли сломить австрийцы, поляки, немцы. Думаете, получится у москалей? Будут, конечно, жертвы, но нам не привыкать. А борьба продолжится, так было всегда. И будет!

«Мафия бессмертна», – вспоминаю я слова из какого-то неснятого еще фильма. Это мы знаем, чем кончится бандеровская война, а он уверен, так будет вечно. Что проиграть эту партию невозможно, и при любом исходе этой битвы он и дальше будет строить планы, лишь при лучшей или худшей позиции на доске. И своя же схроновая пехота для него не больше чем пешки, которые и должны погибать, чтобы позиция была лучше. Ведь ты уверен, что тебе лично умирать не придется! И, к сожалению, окажешься прав.

– Ходят слухи, что бежавший к англичанам Бандера по их наущению подбивает украинцев поднять восстание против Сталина, – говорит Кук, – но я думаю, что разумные люди могут найти общий язык без перевода на английский?

А вот это новость! Кто ж поверит, что о таком говорят среди потребкооперации! Это он мне открытым текстом сообщает, что даже бандерошвали неохота быть чужим расходным материалом, и они даже своих новых хозяев готовы предать, если им кто-то пообещает больше!

– Украина должна быть ССР, – диктует Кук, – никаких «автономий». И кажется, нам прежде обещали и место в ООН с положенным представительством, и собственные наркоматы обороны, иностранных дел, внешней торговли, не говоря уже о НКВД и НКГБ. Прекратить всякие гонения на потребкооперацию, вернуть отобранное. И само собой разумеется, Донбасс должен быть украинским. И вы не находите, что и Крым чисто исторически и географически больше тяготеет к Украине? Взамен же Москва получит полное спокойствие и порядок. Отчего вы смеетесь?

– Вспомнила какое-то из польских восстаний, – отвечаю я, – когда паны бунтовали против русского царя, требуя не самостийности, а расширения административных границ. Панам просто нужны были холопы – и плевать на Польшу!

Мне вдруг становится легко. В чем разница между мафией и государством – а вы Ленина прочтите, что он говорит о разных задачах: сражаться за захват власти и удержать взятую власть, строя государство. Этот путь сумела пройти ВКП(б) – а ОУН так и застряла «в яслях». Победа для них – это не больше чем «прекрасное далеко», стимул для собственных пешек умирать за политическую значимость своих главарей. Если же победа каким-то волшебным образом свалится им в руки (что и случилось в 1991 году), то все равно ничего не будет, кроме Руины. Они опасны – но никогда не смогут победить.

– Знаете, в чем отличие украинцев от русских? – говорит Кук. – Москали все время рвутся переделывать мир, не замечая грязь на собственном дворе. А у украинского хозяина на подворье все ухожено – но то, что за оградой, интересует лишь постольку, поскольку это можно присвоить. Так что соглашусь с дружке Кириченко, что и Ростов, и Воронеж, и Белгород – этим землям было бы лучше под украинской рукой; необходимость учить мову – это малая плата за процветание. Учтите, что ваше продвижение в Европе не нравится влиятельным державам – так что мы не останемся без союзников. Передайте все тем, кто вас послал – и пусть они решают, что им выгоднее, мир или война. В которой, очень может быть, товарищ Пономаренко получит ваш труп. О чем лично я буду жалеть: красивая женщина должна быть кому-то ценной наградой. Но на войне как на войне. Вам рассказать, что в некоем селе под Станиславом сделали с одной комсомолочкой, попавшей не в те руки? Это не для вашей прекрасной головки – довольно будет, если вы запомните и передадите все, что я сказал. И после будете думать, какое счастье, что вас не постигла судьба той комсомолки. Впрочем, все еще впереди.

– Впереди, – соглашаюсь я, – и у меня, и у вас. Вы все сказали, пан... Сидоренко, или как вас там? Если все, то я с вами прощаюсь – устала.

И встаю с дивана, не дожидаясь ответа.

– Минуту! – слышу в спину. – И напоследок, товарищ Ольховская, я просил бы вас, во избежание недоразумений, отдать мне ту штучку, что вы вертели в руках в кабинете. Хочу оставить у себя память о нашей встрече.

– Вынуждена отказать, – отвечаю я, – эта вещь и мне дорога как память.

Слышу сзади даже не шаги, а какое-то движение воздуха. Резко оборачиваюсь, Кук уже рядом. Если он сейчас попробует отнять у меня сумочку... он поопаснее, чем пан Троль, но и я с тех пор поднатаскалась. Вот сейчас будет сцена, как я приемом русбоя валяю по полу генерала ОУН в приемной первого секретаря компартии Украины! Секунду мы смотрим друг на друга в упор, затем Кук отступает.

– Что ж, после получите урок, – говорит он, – а сейчас идите!

И усмехается, глядя на меня холодными змеиными глазами. В которых я читаю – не хочешь, дело твое, сами после возьмем, и тебе еще «урок» дадим. Ну, да мы тоже опыт имеем, и предусмотрено кое-что!

А главное – Киев не Львов! На западе, в бывших польских землях, ОУН сильна, сеть свою плела со времен даже не Польши – Австро-Венгрии! Сюда же вы проникать начали лишь при немцах, все эти кооперативы и «просвиты» – и потому здесь вы гости, а не хозяева, отчего и притворяетесь «защитниками украинской народности», благодетелями и просветителями, а не давите террором – пока лишь отдельные акты, и то маскированные под уголовщину, волки вы тут пока что в овечьей шкуре, которую сбросить не решаетесь. Даже факт, что пришлось вам влезать в несвойственную вам роль, тоже о многом говорит – это ведь ОУН(М) делали упор на легальные структуры, а у вас, ОУН(Б), все эти кооперативы изначально были не больше чем кормовой базой. Но тут вам немцы невольно подыграли – не понравилось им, как «мельниковцы» лезли на все возможные посты в оккупационной администрации, усмотрели попытку покушения на свою власть и стали ОУН(М) давить! В одном Ровно несколько десятков видных «мельниковцев» было расстреляно. А вот бандеровцы действовали тихой сапой, проникая аж в Мариуполь – и как-то оказалось, что для них побочная деятельность тут стала основной, не было по нашу сторону границы 1939 года в той истории бандеровской войны, а вот куда сети делись – выросли в социализм, как мина замедленного действия! И рвануло это позже.

Но, пан Кук, вернее друже Кук, а еще точнее, друже звирхник, как у вас принято к генералу обращаться (вот было бы, если бы я к нему так обратилась – нет тогда бы он точно меня убить попытался, вот сомневаюсь я, что даже Кириченко знает его подлинное имя и чин в иерархии УПА), напрасно ты считаешь себя здесь всемогущим! Тебя тут терпят, принимают даже в ЦК КПУ – но сила и уважение эти заемные, а не твои! Вызванные тем, что некоторые товарищи, как первый секретарь Кириченко, наркомвнудел Рясной, замнаркома ГБ Слонь, командующий войсками Герасименко (список продолжить) считают, что спокойствие дороже, и вообще, «нам из Киева виднее, чем из Москвы». Да ведь и в той истории была линия не воевать, а войти в согласие с националистами, по крайней мере с их умеренной частью – то же самое, что до войны было в республиках Средней Азии и Кавказа. Так ведь там и на Украине было по сути то же самое, щупальца пообрезали, а головка вся осталась.

Вот только что будет в этот раз, когда товарищ Сталин скажет решительное «нет»?

Да, была бы прежней я прежней Аней, разведчицей и снайпером партизанского отряда «Мстители», еще полтора года назад – точно бы не сдержалась! И кончилось бы стрельбой прямо в здании ЦК, – но ничего, друже звирхник, ты еще не знаешь, за какую раскаленную сковороду по дурости хватаешься голой лапой! И нам ведь не ты один нужен – но и кто даже не за тобой стоит, а кто тобой пытается играть как ударной фигурой. А главное – разобраться, кто настоящий враг, а кто влез по дури! Я, когда готовилась, материалы читала, то у дяди Саши спросила, а отчего просто не арестовать «не наших» и не поставить на ключевые посты надежных людей? А он на меня как на дурочку посмотрел.

– И кого же? Ты читала, что в той истории даже товарищ Берия после марта пятьдесят третьего всерьез планировал национальные армии по республикам, все ключевые министерства, и чтобы только свои во главе, и прочее – в общем, СНГ, туды его в качель? Сейчас, по секрету скажу, он, ознакомившись с результатом, так уже не думает – но все, кого он в свое время, недавно совсем, на должности ставил, мышление должны вот так поменять? И если по идеям Ленина, которые для настоящего коммуниста что устав, следует, что любое национальное развитие – это хорошо, как тогда этот коммунист будет действовать, поставь ты кого угодно? «Всех, кто с Хрущевым работал» – а ты представляешь, сколько с ним народу работало, за все годы близко соприкасалось и водку вместе пили – товарищи, отлично показавшие себя в двадцатые, тридцатые. И всех их в Ашхабад или места им подобные, а заменить кем?

Вот потому я и молчала. Одно дело – грозный контролер из центра, которому фасад покажут во всем блеске, и что с того? Другое совсем дело, как я сейчас, фигура вроде и независимая, сам Кириченко меня лишь просить может, а не приказывать – но вроде как и «своя», посланец товарища Пономаренко. Тут была тема, о которой сам Пантелеймон Кондратьевич молчал, как партизан, но по обмолвкам и намекам я поняла, что было у них что-то общее с прежнего знакомства, так что Кириченко всерьез надеется, что Пономаренко выступит на его стороне. И что же такое дется – вот не думала я прежде, что среди лучших из наших советских людей, руководства партии и правительства могут быть интриги, как в романах Дюма! Нет, легче все же было той, наивной Анечкой быть. Но уже не вернуться туда.

Рывкнув на секретаря, влетаю в кабинет Кириченко. Тот смотрит недовольно – плевать! Мне нужен разговор по ВЧ с Москвой. Наконец, на связи товарищ Пономаренко. Разговор наш на вид самый обычный, текущий доклад, такой же, как был в первый день моего приезда. Но есть одно ключевое слово. И, к своему удивлению, слышу такой же условленный ответ и «езжай в свой Националь». Значит, дядя Саша – хотя он же должен на Севмаше остаться, – или кого там Пантелеймон Кондратьевич привлек по линии ГБ, уже позаботился? Ну, теперь, друже звирхник, повоюем!

Если только до гостиницы живой доберусь. По украинским событиям той истории сведений у экипажа К-25 было мало – но сохранилось, что и в Киеве, и в Харькове бандеровцы людей и убивали, и похищали, было такое. Тем, кто навредил им по-крупному, уже не районный батяня атаман, а ОУН в целом выносило приговор – и были случаи, в пятидесятые уже, когда убийцы находили приговоренных не только на Украине, но даже в Сибири! Вот только успеешь ли ты, друже Кук, прямо сейчас что-то организовать, если заранее не готовил? Хотя тебе не убивать меня надо, а снимки отобрать и «проучить». Ну, посмотрим, кто кого проучит! Но на всякий случай, надев плащ, незаметно перекладываю браунинг в карман, пришитый к изнанке. А то из-под платья быстро не выхватить, когда что-то надето поверх.

Никто нас, однако же, по пути не остановил. Хотя показалось, что в отдалении следует еще одна машина. Выхожу у «Националя», отпускаю шофера – до завтра свободен! Вечер уже, но не окраина, и люди на улицах есть, и фонари горят.

– Анка, ты? Привет!

Оборачиваюсь на знакомый голос. Около «доджа три четверти», приткнувшегося чуть в стороне, стоят военные. Тот, кто кричал, машет рукой, а затем устремляется мне навстречу, и остальные тоже. Ребята, мальчики мои родные, как я вам рада: Юрий Смоленцев Брюс, с ним Валентин, и из «доджа» кто-то выглядывает.

– Встреча фронтовых друзей, – шепнул мне Брюс, – зрители смотрят. Мы в «Националь» уже вчера заселились и той ночью тебя уже охраняли, но приказа не было светиться.

Мальчики, ну вы просто свиньи! Ну что вам стоило вчера еще ко мне подойти. Не дожидаясь, пока я скажу по телефону, среди прочего, всего одно слово. Простенький такой, «цветной» код – когда любое упоминание в разговоре зеленого означает, что все нормально. Желтый – проблемы, но рассчитываю справиться самостоятельно. Ну, а красный – все выходит из-под

контроля, нужна немедленная помощь. Так что ответные слова «ну, зеленый свет тебе» перед фразой «езжай в Националь» значило, что меня будут ждать. Мальчики, а когда же вы успели?

– А у нас там рация в машине, канал на СМЕРШ, – отвечает Брюс, – а еще пулемет, на случай, если воевать по-серьезному. И предлагаю переместиться в ресторан, или вообще в номера – а то, кажется, дождь сейчас начнется. И обрати внимание на вон того типа на другой стороне улицы, он толчется тут уже с четверть часа. Мазур, наверное, устал уже его на мушке держать.

В «додже» остаются Мазур и Финн, благо и форма у них с солдатскими, не офицерскими погонами. А мы вваливаемся в «Националь» – я и ребята, к которым присоединились до того сидевшие в машине старший лейтенант Рябов и Лючия, жена Брюса. Причем итальяночку – а она ничего, Юра, поздравляю! – впихнули мне под бок, а сами там непринужденно распределились вокруг, страхуя. Кстати, «дождь» на их жаргоне означало не непогоду, хотя небо и в самом деле было подозрительно серым, а угрозу снайпера – мало ли что, лучше на открытом месте не торчать, достаточно для публики спектакль разыграли! И еще какого-то человека у самого входа – ой, не понравился мне его взгляд! – Брюс внаглую оттеснил в сторону, давая мне и Лючии пройти.

И был обед, где наша компания заняла столик в углу, стоящий в некотором отдалении. Но разговаривать в зале я все же не рискнула, лишь коротко ввела в курс дела, понижая голос. Затем поднялись в мой номер-люкс, и после того как Рябов, наш радист, осмотрел тут все на предмет прослушивающих закладок, заговорили уже не стесняясь.

И веселились, конечно. Мы же – встретившиеся старые друзья? В номере была даже радиолка с коробкой пластинок. Затем Валька убежал «на дежурство» в номер, снятый ребятами – а ему на смену пришел Влад и притащил гитару.

И мы пели «Батальонную разведку» и «Здесь птицы не поют» (знаю, откуда эта песня, но и у нас она стала очень известной), и «Комбат, батяня», и «Дорогу», и другие. Так что даже приходила дежурная по этажу и просила так не шуметь:

– Я все понимаю, товарищи, но имейте же и совесть, люди спать хотят.

И уже к полуночи ребята расходились, старательно изображая пьяных. Хотя в бутылках, которые могла видеть зашедшая дежурная, был лишь крепкий чай. Мальчики не были трезвенниками – но пить перед работой? Ну, а мне спиртное было категорически противопоказано. Да и Лючии, как оказалось, тоже.

А после, тихо и незаметно, назад в мой номер прокрались Брюс и Валька. И Лючия с ними – вот не захотела своего мужа оставлять! Хотя Юрий сказал, что она в деле уже проверена и стреляет хорошо. Ой, только бы не заснуть!

Ведь если я правильно рассчитала, то за снимками посланцы от дружки звирхныка придут этой ночью? Мало ли куда я могу их передать. Он ведь понял, гад, что я его если не узнала, то раскусила, что никакой он не кооператор! Ну, а телефон из будущего вполне мог принять за «минокс» – микрофотоаппарат образца 1938 года, бывший на вооружении, наверное, всех разведок этой войны.

Приходите, гости дорогие – ждем!

Юрий Смоленцев.

Киев, ночь на 22 июня 1944 г.

Вот везет нам на приключения! В старости мемуары буду писать (если доживу, конечно) так ведь не поверят, скажут – чистый Голливуд! Ну не бывает такое с одним человеком.

Что провалились из 2012-го в 1942 год – это ладно, там еще полторы сотни человек было, весь штатный экипаж атомной подлодки «Воронеж» и нас, подводного спецназа СФ девять человек. А теперь сосчитаем, во скольких делах лично мне участвовать пришлось.

Север, осень сорок второго. Под Ленинградом, плыли через Неву, прорыв Блокады. Уран добывали для советского «Манхэттена» (но о том уж точно не позволят рассказать до окончания веков). Варшава. Нарвик, Будапешт. Зееловские высоты. Папу римского вытаскивали. Охота на фюрера – и еще Берлин после успели застать. Был старлеем, стал майором, Героем (за уран от берегов Конго), и неужели еще и вторую, за Адольфа, утвердят? Среди наград даже такая экзотика, как орден святого Сильвестра (от Ватикана), и жена, с которой нас в Соборе Святого Петра сам папа венчал (еще в книгу Гиннеса попаду!). Домой теперь – ну хоть немного отдохнуть заслужили? Ан нет.

Из-под Берлина – в славный город Киев. «Жандарм» товарищ Кириллов в курс дела ввел кратко, подробнее его порученец прояснил, и наконец, сказано было: окончательно поступайте в распоряжение товарища Лазаревой. А она-то как там оказалась? Конкретная задача – на месте. Но в общих чертах – прикрываете ее, как Маневича-Этьена в Риме. Экипировка соответственно, тяжелое вооружение можно не брать, транспортом и легендой на месте обеспечат – все ж территория своя. И – вот, засада!

И, как наступят мирные дни —
Вспомнишь ты о былых.
Где враг на мушке, сзади свои —
И никого, кроме них.

Мы все ж не контрразведка, а бойцовые волчары! Не припомню я такого за всю войну, чтобы пришлось так таиться от своих! Обычно мы замыкались на войсковой разведотдел соответствующего штаба, со СМЕРШем контактировали, конечно, но заданий от него не получали. А тут – полный комплект на всех корочек этой конторы. Которая, вопреки заблуждению, не ограничивалась прифронтовой полосой, а была привязана к действующей армии – и сохранялась, даже для тех в/ч, которые уже были возвращены в СССР. Имела ту особенность, что мало того что местным органам не подчинялась совсем (это понятно – если фронт по территории движется), так еще и, имея приказ из Москвы, могла полностью закрыться и от командования своей же части! А Пятая воздушная армия, к СМЕРШу которой мы оказались приписаны, даже от Киевского военного округа зависела чисто номинально – поскольку, размещаясь на территории Украины, должна была работать над южной Европой в поддержку «ограниченных контингентов» наших войск в Румынии, Болгарии, Венгрии.

Зачем такие сложности? А командующий Киевским военным округом, генерал Герасименко, это стопроцентный «хрущевец», в нашей истории при Хрущеве, первом КПУ, стал министром обороны Украины, во всем поддерживал лысого Никитку, например в вопросе Крым передать. Командующий же другим военным округом, Прикарпатским, генерал Еременко и того хуже – первый друг-приятель теперешнего первого, Кириченко. Также очень большие подозрения вызывают наркомвнудел Украины Рясной и отдельные фигуры в украинском ГБ, как замнаркома Слонь, которого Кириченко на этот пост буквально продавил. Мать-перемать, так какого черта их всех заранее... хотя если разобраться, тогда надо было всех, кто с Хрущевым вместе хоть как-то проходил? И не было до того причины – тот же Герасименко, бывший командарм-28, на фронте себя показал, конечно не Жуковым или Рокоссовским, но и не полной бездарью, обычный средний генерал. И Кириченко – да, образование подкачалось, груб, хамоват, властолюбив – так тогда половину первых, если не всех, надо снимать, и кого взамен?

В общем, не было причины. И тут звоночки слышались, что наблюдается на Украине какое-то нездоровое шевеление. Вроде тишь да гладь, лишь рябит по поверхности, но надо разобраться. И что вышло в итоге?

Я тоже, как поначалу сюда летели, думал, трудно не будет – максимум погоняем местную шпану, приглядывая, чтобы Аню, жену нашего адмирала, никто не обидел. Киев не Галичина-Волинь, какие там бандеровцы – знали мы, что единичные случаи были в нашей истории не только на востоке Украины, но даже и в России – но угроза эта никак не проходила по разряду «особо опасные». Скорее уж, думал, какие-то аппаратные игры. А что, если в начале двадцать первого века связь губернатора или депутата с откровенным криминалом даже не удивляла никого, то, может, и здесь из-за грядущего разжалования из ССР в автономии нашлись недовольные – но чтоб настолько, против Сталина бунтовать?!

Девятеро нас было – шестеро в строю остались. Каменцев Андрей под Зееловом погиб, Андрей-второй словил осколок в Будапеште и в госпитале сейчас, и Шварц тоже раненым выбыл. Кэп наш, Большаков Андрей Витальевич, стал очень большим человеком, весьма известным в советской морской пехоте «нового типа», и его зам, Гаврилов, из старлеев вырос в полковники, на боевые выходы ему теперь не по чину. Так что четверо нас, и двое самых проверенных из здешнего пополнения – Мазур (был бы Кирилл, а не Константин, так вышел бы в тески бушковой «пираньи») и Финн (из Карелии, но язык финский знает, за что и позывной получил). Ну, и Лючия, теперь ее от меня ничем не оторвешь. Но поднатасканная лично мной – так что в драке не балласт, хоть и мелкая, но верткая, ловкая, характер самый бойцовский, и стреляет неплохо. Вся Третья Гарибальдийская бригада горевала, когда я из их рядов символ уводил под венец – «прощай, Лючия, грустить не надо...» Так и не помню, кто в той истории эту песню сочинил? А здесь автором считаю я, а героиней ясно кто – а я всего лишь под гитару исполнил, и разлетелось.

Так это еще что. В Варшаве приболудился к нам серый полосатый кот, Партизаном назвали, в основном при ротной кухне и обитал. И меня за хозяина признавал, пока Лючия не появилась – а после обиделся, что ли. Вот не знал, что коты ревновать умеют! Хотя Лючия к нему с лаской – но это ладно. Мы в Италии, в Специи, вместе с черноморцами стояли – вернее, мы, рота подводного спецназа СФ (неофициальное название «Песцы»), считались прикомандированными к Средиземноморской эскадре, а черноморцы нам в усиление и обучение. И есть теперь и на ЧФ свой подводный спецназ, по крайней мере начало положено, и слышал я, что Андрюху после госпиталя туда переведут... а может, и кого-то из нас? Высаживались мы на пляжи Ниццы, входили в Марсель и Тулон, и даже наш кот спецназовский умудрился там скрывающегося немца-гестаповца поймать, история известность получила. После чего черноморцы взяли себе неофициальное прозвище «Бойцовые коты» – а что, зверь маленький, незаметный, но ловкий, и лазает, и плавает, и кусается больно. Хорошо еще, я им песню не исполнил: «Багровым заревом затянут горизонт», а то бы еще и ее присвоили!

Короче, прилетели в Борисполь под Киевом, отметились, продаттестаты получили, взаимодействие с местными установили. Спрашиваю у тамошнего главного, тоже майора – а как у вас тут с бандеровщиной? Вылазки были?

– Да нет никаких, вы что? Хотя контингент оттуда доверия не внушает. У нас же только что призыв прошел – согласно приказу, народ оттуда брать в части, там стоящие, запрещено, вот и везут сюда. В Россию дальше – да еще и эти не все русский язык знают, говорят на каком-то суржике. Нет, в воздушной армии таких нету, у нас даже в наземный состав люди более технически грамотные нужны. Что подозрительным кажется – а говорил мне друг из гарнизона, там среди призывников откровенных валенков много, без образования совсем, – но есть и такие, кто лишь притворяются, а сами себе на уме, зачем?

Были у нас и документы «для внешнего использования», чтобы СМЕРШшний раз не светить. В «Националь» вселились без трудностей, все ж в этом времени защитники Отечества и в большем уважении, и по зарплате, чем в позднейшие времена. Летчики выделили автомобиль «додж» и самолетную рацию, предупредив, что у них будет вестись постоянная вахта на прием на этой волне, «так что, если нужна помощь, вызывайте». Еще Валька внаглую прота-

шил из Берлина подобранный и неучтенный нигде пулемет МГ-42 и полный сидор патронов к нему, сказав, что огневой мощи слишком много не бывает. Кому-то из ребят выпадало ночью дежурить в машине – а так первую ночь один постоянно бдил, следя, не подкрадываются ли к номеру Анечки убивцы, также мы смотрели, чтобы и днем в отсутствие хозяйки никто не лез к ее вещам, а еще болтались по городу, знакомясь с будущим театром действий, если придется все ж воевать – карту, понятно, заучили все, но общая обстановка?

Что-то все же витало, неуловимое, но неприятное. Обилие вывесок, плакатов, указателей – на украинском, хотя и русский текст рядом всегда присутствовал. Шипение в спину «кляты москали», ясно услышанное мной однажды на колхозном рынке. Желто-блакитные цвета в самых неожиданных местах: например, желтая дверь посреди синей стены, причем краска довольно свежая. Или даже не флажки, а двухцветные мазки на стенах. И взгляды несколько раз, с ненавистью, как через прицел – на войне привыкаешь это чувствовать очень хорошо. В то же время нельзя было сказать, что Киев был нам враждебен – эти проявления были все же редкостью на общем устало-равнодушном фоне. И разрушений в нем было не так уж много, если сравнивать с Берлином.

Рацию в «додже» возили еще и потому, что таскать ее было трудно – сама по себе не сильно крупнее «северка», но аккумулятор тяжелый, так что проще было прицепить к автомобилю. И потому возле нее круглосуточно бдил кто-то из нас, ну а с остальными у него связь была по нашим, живым еще, портативным гарнитурам из двадцать первого века. Чтобы не привлекать внимания посторонних (а то еще примут за неизвестно чьих шпионов, объясняйся после в комендатуре), Валька придумал «дежурному» надевать летчицкий шлем – вполне допустимое нарушение уставной формы одежды. К вахтам не привлекали лишь Лючию – которая взяла на себя все хозяйственные хлопоты. Она уже довольно сносно говорила по-русски, – а на рынке утром второго дня ее приняли за одесситку: «Девушка, у вас такой характер и акцент». И еще она донимала меня вопросами, «а что это я вижу такое» – Киев был для нее первым советским городом. Но одну ее я по улицам бродить не отпускал, мало ли что.

И вдруг сигнал! Вечер уже, мы в гостинице сидим и ждем, когда Лазарева появится. Три минуты – и мы уже на исходных, будто ехать куда-то собрались, но завестись не можем. Срисовали двух подозрительных типов, один у входа толчется, второй на той стороне. При малейшей враждебности с их стороны – оба покойники, или «языки», как ситуация повернется. Снайперов не видно, по крайней мере не наблюдаю распахнутых чердачных окон с удобным сектором обстрела и блеска оптики. А Мазур клянется, что сосредоточение большой группы боевиков в ближних домах и дворах он бы заметил. Но очень опытный снайпер расположится в глубине комнаты и стрелять будет в последний момент распахнув окно – так вроде не отмечено таких у бандер? Подготовка у них все же террористов, а не солдат – есть у них и хорошие боевики, умеющие нападать внезапно, вести короткую перестрелку и даже одержать верх над молодыми, неопытными солдатами – но против даже обычной фронтовой пехоты с боевым опытом у них шансов нет, кроме бегства, ну а нас учили на голову лучше, чем даже их СБ, прошедшее выучку у инструкторов «Бранденбурга». Ждем.

Ну вот, подъезжает знакомый уже «опель». А Лазарева расцвела и похорошела, и нарядная такая, по меркам этого времени – как и подобает жене адмирала! Мазур держит того, кто через улицу, Финн – того, кто у дверей, Рябой на общем контроле обстановки, Валька со мной – работаем, мужики!

И был ресторан, а затем продолжение банкета в номере. Рябой до того старательно все осмотрел – у бандер подслушивающая техника маловероятна, так Кириченко может и местное ГБ привлечь? Затем включили радиолу, для звукового фона – это в конце века прием «говорить в ванной, открыв воду» не сработает при прослушке, потому что компьютер разложит сигнал по частотам и выделит голоса, в этом же времени так не умеют. Не надо упрекать в паранойе – читал про случай, когда некий конфиденциальный разговор был подслушан по банальной слу-

ховой трубке: Европа, замок семнадцатого века, и никакие электронные проверки не помогли. Когда Лазарева закончила, мне захотелось выматериться – етишкин кот, ну бывает же такое! Бандеровцы и в Киеве? Затем я сопоставил с тем, что видел сам – и мне захотелось выматериться снова.

Как ввести в город орду вооруженных и организованных мужиков, не привлекая ничего внимания? Колхозная ярмарка, где часть несла оружие открыто, как охрана, а прочие везли спрятанным в телегах. Колхозники-кооператоры из Львова и прочих ему подобных мест – вот интересно, если кого-то прихватить в подворотне, у него на плече наверняка обнаружится характерный синяк от приклада!

– А может, так и сделаем, командир? – предложил Валька. – Просто чтобы догадку подтвердить. А после по горлу, и усе – мало ли в Киеве уголовных? А врагу – минус один боец.

– Ты что, охренел? – отвечаю. – А если все ж мирный пейзаж?

– Так поспрашивать с пристрастием, – упрямо говорит Валька, – под уголовных играя. Наверняка ведь у бандер с криминалом налажена связь. Если будет орать: «Вы что, своих бьете, вам наш атаман за меня предьявит!» – ну, значит, колем уже до дна походно-полевым допросом – силы, вооружение, планы, кто командир, какая связь. А если упорно не сознается, вырубить по башке на полчаса и грех на душу не брать.

– Будем иметь в виду, – решаю я, – и ты прав, в совпадение не верю, чтобы одновременно в Киеве нарисовались командующий здешней УПА и несколько сотен вооруженных «кооператоров» с Западенщины. И еще одно есть. Про Шухевича и «Галичину» помните, что нам говорили – а теперь сопоставьте со здешними призывниками.

– Б...ь!!!

Как вышло, что немцы, черпая призывной контингент для «Галичины» и прочих, не вытянули к себе на убой всех пассионарных и боеспособных? А это Шухевич, гнида, еще в сорок втором сообразил, что «нэзалежность» от рейха накрывается медным тазом – и сумел использовать даже немецкое старание и орднунг! Сам дезертировав и перейдя на нелегальное положение, он сохранил управление ОУН(Б), проводя четкий план. В котором заранее определялось, какой именно процент мобресурса уйдет к немцам «в обучение», куда именно – в полицейские батальоны, в ягдкоманды при штабах вермахта, а когда появилась 14-я СС – «Галичина», – то и туда. Затем какой процент из обученных необходимо вывести на нелегальное положение через дезертирство, как обеспечить выживание полученного костяка УПА и инструкторский состав. Кстати, в это время Степан Бандера сидел у немцев под арестом во вполне комфортных условиях, угодив туда вовсе не за идейные разногласия и, упаси боже, не за борьбу против оккупантов, а за то, что положил в свой карман деньги абвера, и ведомство Канариса, когда все вскрылось, готово было закрыть на это глаза, но вмешались люди из СД, конкурирующая служба, и полетел Бандера за решетку, впрочем не сильно страдая. Но существенно, что Шухевич, чьим замом был этот Василь Кук, сейчас бежит где-то под Львовом живехонек (у нас его убьют лишь в пятидесятом). И если взять его же схему и чуть дополнить – а он был умный вражина, не чета Бандере! Обычная в/ч Советской армии, где много призывников с Западенщины, среди которых есть особо доверенные – те самые, что валенками при-творяются, а на самом деле куренные, сотники и хорунжие, то есть комбаты, ротные и взводные УПА. По сигналу в час икс они организуют бунт, режут наших офицеров, сержантов, всех не вовлеченных, захватывают технику и арсеналы. И сколько в Киевском гарнизоне уже таких в/ч, готовых взорваться к чертям, как только прикажет Кук?

Хрен им, конечно, а не Самостийна Украина! Не удержатся, раздавят. Зато какая оплеуха советской власти – если Киев будет захвачен УПА хотя бы на один день! И ведь Кириченко после такого – конченный человек, даже если бы и не был до того замазан, как допустил? Не удивлюсь, если Кук ему перспективы разъяснил, не вдаваясь в конкретику, «будешь упираться, получишь по полной программе». Ну, а дальше, как там в каком-то романе Бушкова, «нам не

нужен скомпрометированный начальник таможни – нам нужен ручной начальник таможни». Вот только в одном ты ошибся – учил же Ленин никогда не играть с восстанием, если нет решимости идти до конца. То есть это процесс динамический – стронув с места, надо рвать вперед, забыв про тормоза! Пытаться же балансировать, угрожая – ну, «мятеж не может кончиться удачей – в противном случае зовется он иначе»!

Хотя для Шухевича и Кука это не будет поражением. Не им же умирать – Кук точно не будет на линии огня и удерет, едва лишь запахнет жареным. Ну, а павшую пехоту никто не жалеет. Зато после УПА зарекомендует себя как крупная сила, способная даже к таким операциям! А позицию такой силы уже следует учитывать в политическом раскладе – то есть конечное положение лучше начального, выигрыш налицо!

Паранойя? Шизофренический бред, который тоже бывает безупречно логичен? Однако пока не доказано обратное – есть вероятность, что именно в этом подлинный план врага! Ну, за каким еще чертом Кук приперся в Киев, притащив с собой с тысячу боевиков? А после скажет им: «Хлопцы, по домам»?

Так что работаем, мужики, – за Родину, за Сталина!

Люция Винченцо-Смоленцева.

Киев, гостиница «Националь», ночь на 22 июня 1944 г.

Вся жизнь – это процесс постоянной борьбы добра со злом.

Так говорил отец Серджио – а кто может лучше это знать, чем легат самого папы, а теперь еще и кардинал, назначенный послом к Сталину от Святого престола? И только ему, бывшему моим духовным наставником, я благодарна за то, что мой рыцарь, храбро сражавшийся в битвах с целой армией Тьмы, решился наконец сделать мне предложение. Взамен святой отец попросил об одной маленькой услуге, и теперь, прости меня мадонна, у меня есть тайна даже от собственного мужа – но о том скажу после.

Все начиналось как приключение, как «Индиана Джонс» – который в наш майский приезд в Рим уже показывали в римских кинотеатрах. Дворцы Ватикана, величественные даже после того надругательства и разрушений, которым подвергла их армия сатаны (ведь объявил же сам папа, что Гитлер – это то ли воплощение его, то ли одержим им – не настолько я сильна в богословии). Награда из собственных рук папы, дающая причисление к итальянскому дворянству – знаю, что у русских с их революции это не в чести, но думаю, они не будут в обиде, если приезжая в Италию я буду именоваться «дамой»? И торжественная церемония в соборе Святого Петра – о, мадонна, сколько я знаю, тут за все века таинство брака заключали лишь королевские особы! Но отец Серджио сказал, что бракосочетание рыцаря, спасшего его святейшество и поймавшего самого великого врага, и той, кто была его спутницей во втором деянии, – это событие, равнозначное свадьбе королей, а кроме того, это будет, в символическом виде союз между СССР, самой сильной державой в Европе, и Италией, разоренной ужасной войной – высокая политика, одобренная папой.

Самой большой проблемой было мое платье. Мой рыцарь был в парадном мундире русского майора, со всеми наградами – да, русские выглядят бедно в сравнении с нашей итальянской пышностью, но они говорят, что «истинное золото мало блестит», и любопытно, что гарибальдийцы в этом им подражают – так Красные бригады, охраняющие Ватикан, считают честью заступать на посты «в том виде, как они входили в Рим», в камуфляжных комбинезонах русского образца, а не в средневековых доспехах. И я была именно так одета при награждении. Но венчание – это совсем иное дело, ну зачем рыцарю солдат вместо невесты? Я была в отчаянии, – но отец Серджио помог и тут. Помню, как я стояла неподвижно, как манекен, в лучшем римском ателье, – а вокруг меня суетились, наверное, два десятка человек, примеряли, подгоняли, щелкали ножницы, рядом стрекотали машинки. И сначала на меня хотели нацепить что-

то с широченным кринолином, но я воспротивилась – как я в нем пройду в дверь, а главное, как я после сверну и увезу с собой это чудо себе на память?

А после были наши три дня в Риме. О мадонна, я была самым счастливым человеком! Май, весна, цветы, пусть все это пока еще соседствует с развалинами, но сердце греет, что отродья сатаны, учинившие это, низвергнуты в ад и не вернутся на землю! И уже запустили фонтаны, и мы бросили туда по монетке, я и мой рыцарь – я уже знала, что мне предстоит путь в далекую Россию, но думаю, русские не настолько суровы, чтобы запретить мне когда-нибудь приехать и увидеться с братом или с отцом – я очень надеюсь, что он вернется из Африки, ведь война завершилась, и солдаты возвращаются домой.

После снова была Специя. Русские обустроивались там надолго, у причалов стояли их корабли – но не было уже большой подводной лодки, нам никто ничего не сообщал, и лишь через две недели я узнала, что К-25 ушла назад на север и не вернется больше сюда. Помню француза с фамилией Кусто, приехавшего с семьей и командой помощников – мой рыцарь отчего-то проявлял к нему большой интерес, и бывало, они беседовали часами по вечерам. И конечно, каждый день была тренировка – русбой, стрельба, тактика на местности, или в сооруженном русскими «доме ужасов», где надо было пройти лабиринт комнат, лестниц и переходов, поражая внезапно появляющиеся мишени, сначала в обычных условиях, затем добавлялся бьющий в глаза свет, чередующийся с темнотой, звуки выстрелов и взрывов, дым, разлитое на полу масло, и самое для меня неприятное – вонь гнилого или горелого мяса. А вот русбой был для меня легким – никто меня не бил, лишь обозначали удары и броски; после я узнала, что мой рыцарь предупредил, кто будет неосторожен, с тем он после сам отработает в полный контакт, «имейте совесть – она же наследника носит». Хотя срок у меня всего два месяца и несколько пока не мешает и даже на глаз незаметно.

Боялась ли я – да несколько! С марта в гарибальдийских бригадах, я уже достаточно общалась с русскими, чтобы понять, они столь же цивилизованны и культурны, как любая европейская нация. И характером чем-то похожи на итальянцев – так же непосредственны и открыты. И как я смеялась, когда увидела случайно попавшую в Специю газету из Неаполя – где были нарисованы какие-то жуткого вида существа, даже не люди, с красными звездами на ватниках и шапках, хватающие бегущих в ужасе итальянок. Южане всегда были неотесанной деревенщиной, верящей глупым слухам – мадонна, вразуми их тупые мозги, стоило сбрасывать власть сатаны-гитлера, чтобы посадить себе на шею дона Кало с его бандитами! Италия знала всякое, но правление мафии – еще никогда!

Конечно, я беспокоилась, куда мы поедем. В Италии все же очень редко бывает снег и никогда – морозы. В то же время ходили разговоры, что «спецназ», что мой рыцарь обучает в Специи, вернут на Черное море. Это не слишком далеко, и погода там похожа на нашу. Но пять дней назад пришел приказ собраться и лететь. Так же было, когда отправлялись ловить Гитлера. Что будет на этот раз?

«Если весь мир против моего мужчины, я буду стоять у него за спиной и подавать ему патроны».

– Кто это сказал? – спросила я.

– Ты ее не знаешь, – ответил мой рыцарь. – Анна Лазарева, жена командира той самой большой подлодки. Или повторила прочитанное ею в какой-то книге.

Я видела вблизи русского адмирала Лазарева на той же церемонии в Ватикане. Он казался мне похожим не на обветренного морского волка, вроде Дориа, а скорее, на полководца или герцога века восемнадцатого, на вид такой весь в кружевах и парике, а взгляд, воля и ум стальные, может послать на смерть тысячи людей ради одной на всех победы и придумать, как этой победы достичь. Ну, а его жена, судя по рассказам тех, кто ее знал, казалась мне подобием Анны Австрийской или Марии Медичи – тот же изощренный ум и умение властвовать на благо идущих за ней.

Куда мы летим на этот раз? А какая разница! Брать в плен Черчилля, отбивать у дона Кало и американцев Сицилию, или, что казалось наиболее вероятным, ловить тех из отродий дьявола, кому удалось пока избежать кары – Гимmlера, Бормана, Достлера. Костры в Риме ждут их, и мне хочется верить, что при их поимке милосердие папы не распространится настолько, чтобы даровать им легкую смерть. Я знала лишь, что не вынесу ожидания и неизвестности – именно потому я тренировалась с усердием, вызывающим удивление даже у опытных бойцов, чтобы быть полезной моему рыцарю и всюду его сопровождать. Я ныряла под воду с аквалангом вместе с моим рыцарем и французами из команды Кусто – правда, мне не разрешили идти на глубину, а только у самой поверхности. Лишь с парашютом мне не дали прыгнуть – «Сначала родишь, а там посмотрим. И вообще, как только станет хоть чуть заметно, в отпуск уйдешь, как положено – мне нужен здоровый сын».

– И вообще, кто ты по боевой специализации? «Лабиринт» проходишь стабильно, в десятке первых, – но мишени не стреляют в ответ и не вступают в рукопашку. Русбой для тебя – последнее средство, в настоящей свалке в тесноте, когда насмерть дерутся десятков здоровых мужиков, тебе не выжить. То есть не годишься в штурмовики. В минеры я тебе не позволю – чтоб ты ошиблась хотя бы раз? Для снайпера ты слишком нетерпелива, тут нужен флегматик с характером змеи. Твои козыри – ловкость и пистолет, стреляешь ты действительно хорошо, даже с двух рук и в горячке боя. Но нет такой специальности: «штурмовик огневой поддержки».

Сказано было верно – это был мой стиль на тренировках, «команда против команды». Во всем полагаться на пистолеты, даже в рукопашной – в этом случае держаться за спинами своих или чуть в стороне и отстреливать «противников» даже среди свалки. В самый первый раз было, что я попала красящим шариком моему мужу в затылок! И чтобы этого никогда больше не случилось, после делала по тысяче раз в день – показать пальцем на выбранный предмет, а затем проверить взглядом, так учит русский «осназ». С левой, с правой руки, от пояса, от бедра, даже просунув руку за спиной. Делать это в рисунке движения русбоя, даже в падении и в перекате. Но больше мне нравилось то, что мой муж назвал «танец с пистолетами» – непредсказуемые перемещения и выстрелы по произвольно расставленным мишеням.

– В настоящем бою все равно баловство, – сказал мой рыцарь, глядя однако с восхищением, – враг просто даст очередь веером, от живота, и все, не попляшешь! Работать так в толпе – а если кто-то успеет войти с тобой в ближний бой? Штурмовик огневой поддержки – это твое.

Не иначе мадонна покровительствовала мне! Так подумала я, когда оказалось, что «девушка в составе группы не помешает». И мы летели долго, с парой пересадок, меня хоть избавили от перетаскивания имущества, что прихватили с собой «а вдруг пригодится» – «слишком много патронов и огневой мощи не бывает». Снова какая-то военная часть, решение формальных вопросов – о мадонна, после того, как однажды пришлось заниматься этим на немецкой базе, получая транспорт и оружие от самого генерала Роммеля, я уже ничему не удивляюсь и ничего не боюсь!

Отель «Националь» был не хуже того, где мы жили в Риме. Так случилось, что я увидела Анну Лазареву лишь на второй день. Она вышла из машины – очень красивая и эффектно одетая дама, настоящая королева, совсем как я ее представляла, – но заметив нас, бросилась навстречу с радостным возгласом, как девчонка. И лишь тут я разглядела, что она совсем молода, ну, может, на два-три года старше меня.

Мы сидели в номере, играла музыка. Говорила больше Лазарева – и я увидела, что мой рыцарь озабочен. Хотя я и знала не все русские выражения, – но поняла, что-то случилось. Как если бы у нас южане пытались откусить часть, заслав своих бандитов в Рим, причем губернатор оказался предателем. А Лазарева сумела проникнуть на собрание заговорщиков и даже сфотографировала их – и показала их мерзкие рожи. Вот интересно, что за фотоаппарат, который может сразу дать изображение на маленькое стекло? А где проявление и печать? Но заговорщикам стало о том известно, и этой ночью они придут сюда ее убивать!

Я дотронулась до своих пистолетов. Дома я таскала на поясе целых четыре кобуры с Береттами-35. Хотя из всего, что я пробовала, мне больше всего подходил старый Парабеллум-7.65 – очень удобный хват и в то же время несильная отдача, девятимиллиметровые все ж доставляли мне некоторое затруднение, а Кольт-45 был слишком тяжел. Сейчас же у меня были с собой как раз «беретта» и парабеллум. Мне никогда еще не приходилось стрелять в человека, даже ту тварь в поезде Гитлера, что чуть не сделала меня вдовой еще до венчания, я не добила до смерти, не дали. Но бандиты – это ведь не люди, разве не так? И прикончить их – все равно что отрубить голову курице, предназначенной в суп. Я удивилась, когда мой рыцарь сказал, что надо не привлечь внимание русской полиции, НКВД. Разве это незаконно – делать мир чище, обходясь с бандитами так, как они того заслуживают, не тратя времени на судебную формальность?

Затем в дверь постучалась коридорная смотрительница: «Приехала замужняя женщина, из Москвы, а вы... неприлично же, товарищи офицеры!» И мы, изображавшие сильно пьяных на фоне внушительной батареи бутылок на столе, стали, демонстративно шатаясь, расходиться по номерам. А после, заметив, что коридорная за чем-то отлучилась, мой рыцарь и я (не могла же не поучаствовать – кто моему мужу спину прикроет?) и Валентин незаметно прокрались обратно. Еще через какое-то время к нам присоединился Влад.

– А коридорная, похоже, казачок засланный, – сказал он, – в крайний, пустой номер зашла, и там свет два раза загорелся и погас. Дает кому-то знать, что все разошлись?

Мой муж достал крохотный приборчик с наушниками – я уже знала, что русские умеют делать удивительно маленькие рации, правда работающие не слишком далеко. В итальянской армии рация УКВ – это чемодан, весом почти в сорок килограммов!

– Орлы, я Гнездо. Есть ли активность в секторе «рынок»?

И, выслушав ответ, сказал:

– Полчаса назад полуторка подъехала, встала на Шевченко у рынка. В кабине и кузове шестеро морд, кажется в нашей форме, с автоматами. Тихо сидим, ждем!

И снова в рацию:

– Дупло, я Гнездо. Есть подозрительное движение?

И после ответа:

– Тихо пока. Свет не зажигаем, молчим!

Мне показалось, что последние слова были обращены именно ко мне. Он меня за дурочку считает? Которая не понимает, что такое засада – когда внизу вооруженные бандиты уже ждут, когда мы заснем? Но я, конечно же, ничего не сказала – не время сейчас устраивать семейные сцены! Вспомню после, когда все будет завершено!

Лазарева, которая казалась спокойнее всех, предложила мне побыть с ней в спальне – и мы, сидя на краю огромной кровати в темной комнате, тихо проговорили с ней час или больше. И никакая она не ледяная, и старше меня всего на три года, и мать у нее, оказывается, тоже католичка была – от отродий дьявола погибла! И она, такая красивая и аристократичная, воевала, и не как я, месяц всего и за спиной моего рыцаря, а почти год – сначала передавала сведения, для вида улыбаясь порождениям сатаны, а после убивала этих тварей – снайпер в партизанском отряде, и им было труднее, чем Гарибальдийским бригадам!

Она рассказывала мне, как они там в лесу варили и ели коренья. Как уходили по болоту, по горло в воде, от погони егерей. Как умирали раненые, потому что не было ни лекарств, ни перевязочного материала. Как трудно было даже здоровым мужчинам – ну а женщине вдвойне. И что самое трудное было там – это постоянная усталость. Что позволяло переносить все это? А не было выбора! Потому что под фашистами жить просто нельзя. «Ты ведь слышала, что такое “план Ост”? Если бы они победили, то я была бы для них даже не человеком, а “самкой славянина”. И потому оставалось лишь драться – чтобы, даже если сама не доживешь, сдохли больше фашистов, а каждый дохлый фриц приближал бы нашу Победу. А оказалось теперь,

что фашисты вылезли снова, пусть и другой нации, даже родственной нам – но те самые, кто еще недавно лизал немцам сапоги!»

– А после, Люсенька, было еще труднее. Когда я вернулась домой. Потому что там я лишь бегала и стреляла. А тут пришлось гораздо больше думать и решать.

Тут мой муж, чуть приоткрыв дверь, прошипел:

– Идут четверо, «орлы» передали. Молчите. Мы работаем.

Анна быстро встала, шагнула к стене, достала маленький пистолетик откуда-то из складок широкой юбки. А я спряталась за шкаф, вынув парабеллум. И подумала, что должна стать такой, как Анна Лазарева, хотя бы для соответствия званию дамы ордена Святого Сильвестра, а для начала надо бы мне такое же платье сшить: для моих «танцев с пистолетами» как раз, и просто красиво. О мадонна, нас убивать идут, а я об этом!

Стук в дверь, не скрываясь. Странно, я ждала еле слышной возни с отмычкой! И голос коридорной:

– Товарищ Ольховская, проснитесь! Тут к вам пришли из штаба округа, вам срочный телефонный вызов из Москвы!

Мой рыцарь вопросительно посмотрел на Анну, она отрицательно покачала головой. Позже я узнала, что с ней было обусловлено, что после вступления ее с нами в контакт вся срочная связь должна была идти через рацию нашей группы – или, по крайней мере, с предупреждением о времени разговора по секретному русскому телефону «ВЧ». Также она объяснила – хотя о том нетрудно было сообразить! – что свои в таком случае не стеснялись бы шуметь дальше, а вот враги поостереглись бы разбудить «фронтовых друзей», а значит, стали бы взламывать дверь!

Поворот ключа в двери номера. Я увидела отсвет фонарика... а затем даже не поняла, что произошло. Пара секунд какой-то возни в темноте, что-то упало, затем крик: «Стоять, сука, убью!» – и чья-то тень метнулась в коридор. Похоже, поле боя осталось за нами, тут зажегся свет, я осторожно выглянула, не опуская парабеллум. На полу лежали три тела, одно почти в самых дверях, над ними стоял Влад, чуть поодаль к стене прижалась онемевшая коридорная. А где мой муж и Валентин?

– Прикройте, – сказал мне друг моего рыцаря, – я этих вязать буду. Анна Петровна, а вы проследите, чтобы эта не дергалась. – И к коридорной: – СМЕРШ. Попала ты, б...ь, по полной! Дрыгнешься или будешь орать – пристрелю, как фрица!

Снова шаги снаружи. И голос моего мужа – о, мадонна, он цел и невредим!

– Галчонок, это мы, не стреляй! Еще одного тащим!

И они вместе с Валентином внесли еще одно тело, с разбитым в кровь лицом.

– Чуть не смылся, гад, – усмехнулся мой рыцарь, – у стойки коридорной стоял, а лишь понял, что жареным запахло, вниз припустил. А на лестнице Рябой нейлоновую леску натянул, как они наверх прошли... оборвал, конечно, сволочь, где теперь такую достанешь! И этот с размаху мордой о ступеньки, а тут уже мы, даже застрелиться не дали!

Я смотрела на моего кабальеро с восхищением. Наверное, я великая грешница – впервые увидев в Риме, как он расправлялся с немцами, я сразу поняла, что именно такой муж мне нужен, а оказавшись в том же поезде, решила заговорить первой, хотя для женщины это грех... услышав прежде о подобном поведении, я бы его безоговорочно осудила, это надо чести не иметь, чтобы так вешаться на шею незнакомому мужчине! А потом, когда другой поезд, в котором ехал сам повелитель Тьмы на земле вместе с ордами его солдат, проходил мимо нас в двадцати шагах, и я и мой рыцарь лежали в яме, присыпанной сверху ветками и хворостом, считая секунды до взрыва – о мадонна, какие грешные мысли охватывали меня в самый неподходящий момент, ведь окопчик был тесный и узкий, и мы должны были плотно прижиматься телами друг к другу! И вот сейчас, разумом понимая неуместность этого, я мечтала об огромной кровати в спальне рядом. Ну хоть несколько минут, неужели Анна будет возражать? О

мадонна, прости – и мне же пленных надо караулить, а вдруг кто-то сейчас очнется и вступит в бой? Хотя на полу трое вроде и признаков жизни не подают, один лишь шевелится и мычит.

А затем наши мужчины тащили поодиночке бандитов в ванную, зачем-то открывали воду и начинали допрос. Я, конечно, знала, что это такое, нам рассказывали, но видеть, как это происходит, это совсем другое! Причем без злобы, без ненависти, без криков, а просто с человеком – мадонна, знаю, что это всего лишь продавшие душу фашистскому сатане, но внешне то как люди! – обращаются как с куклой, ломают кости, или что-то отрезают за молчание или «неправильный ответ». Хотя резали мало, «чтобы кровью все не залить, и при транспортировке товарный вид имели». Я в обморок не упала – что бы тогда обо мне мой рыцарь подумал! – но в конце меня стошнило, едва до раковины успела добежать! Ну, а Анна смотрела абсолютно равнодушно – после она рассказала мне, что видела в одной русской деревне детей, на колья насаженных, и сделали это такие же, как эти, каратели-литовцы. «Так что меня, Люся, ничем уже не испугаешь и не удивишь».

Затем мой рыцарь и Валентин отлучались куда-то на несколько минут. Вернулись довольные.

– Готовы те двое, у рынка. Прямо из окна из «винторезов» достали. В кабине сидели, чудики, неподвижная мишень на дистанции в сто тридцать. Сейчас смершевцы их оприходуют – я по радиации уже говорил, группу из Борисполя вызвал.

А после Анна записывала на бумаге в кабинете за столом – то, что мы узнали. Писала аккуратным почерком, иногда прерываясь – чтобы уточнить у меня и моего рыцаря, все ли слышали так и не забыли ли что-то. И еще мне показалось, что она задумывается, подбирая выражения и порядок фраз. После она и сказала мне:

– Это не мелочь. Важно ведь, чтобы тот, кто прочтет, предельно быстро все понял.

Один из бандитов, тщедушный очкарик, был «умником», студентом, его взяли, чтобы сумел быстро разобраться в приборе непонятного назначения и вида. Двое были рядовыми громилами из «группы вийсково-полевий жандармерии УПА» – как объяснил мне мой рыцарь, это у бандитов что-то вроде внутренней полиции. А вот тот, кого притащили с лестницы, оказался самым важным – командир этой самой «группы жандармерии» здесь, поручик УПА Дмитро Витковский Змеюка.

– Он там, на совещании был, рядом с этим... сидел! – сказала Анна. – Меня видел в лицо, оттого, наверное, его и послали. Или выслужиться старался, или сам комиссарского тела захотел, тварь!

Анна произнесла еще несколько слов, которые я слышала в Специи от русских матросов. Затем так же быстро успокоилась и стала записывать. Поскольку знал Змеюка по своей должности достаточно много.

Здесь в Киеве уже собраны целых три большие банды УПА, каждая по четыреста – пятьсот человек, не считая отдельных групп. На ярмарку под видом колхозников и их охраны пришел с Волыни отряд «Завихорст», командир – поручик УПА Юрий Стельмашук Рудый, к нему присоединилась часть отряда «Заграва», командир – поручик Иван Литвинчук Дубовой. Кроме того, в телегах с товаром спрятано оружие и для той части «Загравы», кто проникли в Киев заранее, мелкими группами и поодиночке. Также еще месяц назад здесь начал сосредоточение отряд «444», командир – поручик Федор Воробец Верещака, люди приезжали в основном под видом ищущих работу восстанавливать разрушенное. Еще имеются не менее десятка групп в разных воинских частях Киевского гарнизона, призывники с Западенщины. Причем предусмотрено развертывание отрядов и групп в гораздо более крупные соединения, когда начнутся беспорядки, за счет недовольных советской властью. Еще есть группа военно-полевой жандармерии, двадцать четыре человека – простите, уже девятнадцать. И особая бойка СБ – тридцать наиболее подготовленных бойцов, старший у них Микола Козак Смок, не подчинен

даже Куку, а замыкается непосредственно на командующего СБ УПА полковника Арсенича Григора. То есть даже за Куком контроль, и его в случае чего могут...

Штаб – зам Кука по политике, «референт» Центрального Провода Яков Бусел. Референт по оргработе Петро Олейник Роман – тут мой рыцарь присвиснул и сказал что-то про Волынскую резню:

– Это ее автор, по нему давно веревка плачет.

Зам по военным вопросам Олекса Гасин-Лыщарь, майор УПА и бывший офицер Войска польского. Дмитро Клячковский, Клим Савур, начштаба операции и представитель Главного штаба УПА. На совещании в ЦК КПУ вместе с Куком были четверо: Бусел, Олейник, Козак и Витковский. Знал ли Кириченко? Про Бусела и Олейника знал, скорее всего. Еще, кажется, на ОУН работает кто-то высокопоставленный в НКГБ Украины, но кто именно, Витковский не знает. Точная дата выступления неизвестна, – но предположительно, в течение трех – пяти дней.

Касаемо же Анны был приказ Кука – прежде всего изъять фотоаппарат. Вернее, в зависимости от того, окажется ли подробно описанный предмет таковым устройством. Если нет – то, дав московской сучке урок втроем, позволить ей наутро лететь в Москву. Если да – тащить ее к Куку, а дальше о планах не сообщалось. Адрес известен. «Как долго вас там будут ждать, как скоро хватятся?» Один из громил сказал, если московская ни при чем, то дозволено было с ней позабавиться до утра.

– Спокойная командировка в Киев, – сказала Анна. – Ну, Пономаренко, удружил! Предупредил бы хоть – чтобы не как на курорт летела.

– Может, пробежимся по адресу? – спросил мой рыцарь. – Зачистим там всех в ноль? Вдруг там Кук и еще кто-то из головки обитается?

Я отметила, что даже мой рыцарь, который прежде и с генералами общался почти на равных, здесь безоговорочно признает право Лазаревой окончательно все решать. Ну да, если у русских Сталин как папа, Политбюро – это как Конклав, то Анна, выходит, полномочный легат Кремля на Украине – так же, как отец Серджио был послом от Ватикана на коммунистическом севере Италии.

Анна задумалась на секунду, а затем решительно сказала – не сейчас. Главное, чтобы это донесение и телефон (вот странно, она фотоаппарат телефоном назвала?) как можно скорее попали к Пономаренко. И мстительно растянула губы – а уж после, мальчики, можете развлечься. Но убедительная просьба остаться живыми!

Еще минута на обсуждение технических деталей. Пока бандиты не встревожены – а значит, есть все шансы проскочить на военный аэродром Борисполь. СМЕРШ уже в курсе, оттуда можно выйти на связь по ВЧ с Москвой, даже ночью, как заверил Пономаренко, там будет сидеть доверенный дежурный. Запечатать пакет и передать курьеру. И у бандитов точно нет своей авиации, чтобы перехватить самолет!

– Самолет должен быть готов, – сказала Анна, – мне Пономаренко обещал. Но для этого я еду с вами. Так будет быстрее и надежнее.

Прибыла русская военная контрразведка, СМЕРШ. Я ждала, что они начнут расследование, опросят персонал и постояльцев, а все происходило будто на вражеской территории – стремительно и по возможности незаметно. Офицер с четырьмя солдатами поднялся в номер, чтобы помочь вывести бандитов по черной лестнице во двор. И через пару минут наша маленькая колонна из «доджа», броневика, «студебеккера», в кузове которого под присмотром солдат лежали связанные убийцы, и захваченной бандитской машины, уносилась в ночь. Я сидела вместе с моим рыцарем и Анной, и все думала: вдруг на нас сейчас нападут? За мостом через Днепр местность была незаселенная, даже лес – нет, мне не было страшно, но Анна сказала, что эти сведения, что мы должны передать, сейчас даже дороже наших жизней, и мадонна все же услышала мои молитвы, или прав оказался мой рыцарь, что бандиты не успели отреагиро-

вать, понять, что происходит – не было по пути никакой засады, мы доехали нормально. А в воинской части Лазарева говорила с каким-то большим начальником и звонила в Москву по особому телефону, и тот русский полковник или даже генерал отвечал в трубку: «Так точно», «Будет сделано». И очень быстро был готов самолет, да не «дуглас», на котором мы сюда летели, а бомбардировщик, переоборудованный для перевозки пассажиров – как я поняла из разговоров, «особая курьерская эскадрилья» для доставки на фронт фельдъегерей с приказами, а обратно со срочными донесениями, «в самом начале войны на СБ летали, затем на “бостоны” перешли, теперь вот Ту-2, почти вдвое быстрее “дугласа”, так что всего через пару часов будем в Москве». Вручив офицеру связи под роспись запечатанный пакет, мы проследовали, как грузят связанных бандитов в сопровождении конвоя из СМЕРШ. Наконец самолет взлетает, обдав нас бешеным вихрем от винтов. Анну и меня чуть не сдуло, так близко все мы стояли! Я буквально повисла на плече у моего рыцаря, в страхе, что сейчас упаду и покачусь по земле, а он подхватил меня за талию – мадонна, прости меня за грешные мечты, но в его объятиях я не могу думать ни о чем ином! А еще увидела, где Анна свой пистолетик прячет, когда у нее платье развевалось – удобно и неожиданно, при первой возможности такое же себе сошью или закажу! Вот только “беретта” не подойдет, слишком крупный – нужно что-то совсем карманное! И хорошая кобура – чтобы на ткани масляные пятна не оставлять.

Путь обратно был без происшествий. У Лазаревой нервы стальные – после всего она еще озабочена была, что ей прическу растрепало! Хотя если она через такое прошла... мадонна, как мне повезло, что мой рыцарь меня выбрал, а не какую-нибудь русскую воительницу, ведь у советских, я слышала, это считается превыше всего – свой дом защищать, как высшая добродетель. Затем меня и Анну доставили в тот же номер «Националя», и тут мой муж был непреклонен:

– Галчонок, мы всего лишь прокатимся ночью и вернемся. Надо с бандерами разобраться, пока адрес свежий – завтра, как узнают, что здесь произошло, там уже никого не останется. Управимся, против фрицев потрудней было, тут все же территория наша, и ненадолго мы, до рассвета вернемся. Тебе же, галчонок, задача особая – охранять товарища Лазареву! Оставляю с вами Мазура, да и смершевцы внизу нашего возвращения подождут, вас пока не бросят. Целую, галчонок! Ну, мужики, пошли, чего ждем?

О мадонна, сделай так, чтобы с моим мужем ничего не случилось! А все его враги – сдохли! Иначе я этого Василя Кука сама найду. Сначала прострелю ему руки и ноги, а затем буду медленно яйца отрезать, тупым ножом.

– Тебе волноваться вредно, – сказала Анна, – и прости за любопытство, у тебя месяц какой?

Как, неужели уже заметно? Или проболтался кто-то? Мне вдруг плакать захотелось, и я ткнулась лицом Анне в плечо. Ну отчего у меня такой старшей сестры нет? Брат – это совсем другое.

Так хочется, чтобы очень нескоро пришлось мне исполнить свое обещание святому отцу! Как он сказал тогда:

– Дочь моя, Святая Церковь тебе поможет. Благословляет на брак с рыцарем, оказавшим Святому престолу великую помощь – несмотря на то что не принадлежит он к католической вере. Даровано и тебе дозволение, если будет на то твоя воля, перейти в его веру. Но поклянись, что исповедь свою, без утайки, о всем, что откроется тебе, ты запишешь, когда почувствуешь приближение смертного часа, и завещаешь передать любому католическому священнику. Пусть пройдет до того много лет – Церковь умеет ждать. И об этой твоей клятве не узнает никто.

Мадонна, мне только девятнадцать! Не могу представить себя дряхлой старухой, как моя троюродная тетушка София, которой уже девяносто. Мне будет столько в 2015 году – срок от этого дня, как с времен Гарибальди до сегодняшних. Как тогда изменится мир, и у меня,

наверное, уже правнуки будут! Хочу стать такой, как Анна Лазарева – чтобы мой рыцарь даже не думал заглядываться на каких-то там... флорентиек! И чтобы мы прожили вместе долго-долго.

Интересно, кто у меня будет сейчас – сын или дочь?

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич.

Москва, 22 июня 1944 г.

Лампа горела, но света не давала. Штирлиц выключил лампу. Но Света так и не дала.

ТЬфу ты! Невольно усмехнувшись дурацкому анекдоту, ПэКа (Пономаренко так и не понял, почему «пришельцы» прозвали его именно так, что-то это такое значило в их будущем, надо думать), отодвинул очередную папку с документами и откинулся в кресле, прикрыв глаза. Хорошо этим бездельникам атлантам – они, если верить песенке из будущего, держат небо, но плечи у них каменные и сил немерено. А товарищ Пономаренко – он не каменный, и даже товарищ Сталин отнюдь не каменный. Но тяжесть, уж поверьте, соизмеримая. Украина, милая Украина... кто же знал, сколько дерьма оказалось заховано под спудом. Нет, но вот кто знал, а? И в то же время – стоит как огня бояться простых решений. Вот этим «пришельцы из будущего» и плохи – они притащили много знаний о том, как не надо, и потому изрядно порушили уже проработанные, согласованные и вдумчивые планы. А новое приходится придумывать с листа! Причем ни одна собака теперь не скажет, сработает ли это новое, не сделает ли оно только хуже. А кто у нас главный по идеологической работе с пришельцами после товарища Сталина? Правильно – товарищ Пономаренко. И не страшно даже, что в случае провала можно и к стенке стать. На случай провала имеется пистолет ТТ, машинка достаточно точная, чтобы не промахнуться себе в голову. Страшно, что в случае провала погибнет невообразимое количество человек и лишится будущего великая страна. И винить будет некого, кроме отражения в зеркале, ммммать...

Вот, к примеру, Донецк (Сталино, со всем уважением к Хозяину, так толком и не прижилось... к Сталинграду – да, а к Донецку – нет) с Ворошиловградом вернулись в РСФСР. И Харьков тоже на очереди... а Крым и вовсе никуда не уходил. Но скажите мне, старому украинцу белорусского розлива российского происхождения⁴¹, какая разница, за Украиной числится означенный Донецк, или за Россией, если и то, и другое – СССР? Это все равно, что кошелек с деньгами из правого кармана в левый переложить. Велико ли различие, если деньги все равно будет один и тот же хозяин тратить? Стоило ли так обострять, чтоб непременно в РСФСР передать эти области, даже и не дожидаясь конца войны? Может, лучше было бы аккуратнее, спокойнее, медленнее? Ох, уж эти мне «пришельцы»... пользы от них вагон, но если мы не сможем использовать их информацию вдумчиво и критически – вреда может быть целых два. Вагона. А то и состава. Пока еще технические новинки, ими в клювике принесенные, дадут эффект и результат. А вот если наломаем дров, пользуясь их информацией – результат будет уже сейчас. И очень, очень дрянной результат.

Впрочем, тут как раз все спорно. Сам ИВС (тьфу, прицепились же словечки... не приведи ленин где-нибудь ляпнуть), покумекав над документами из будущего, с полной уверенностью заявил: пришельцы переместились прямо перед гражданской войной сначала на Украине, а потом в Средней Азии. Лично он, Сталин, на месте этих НАТО и ООН нипочем не упустил бы случая добить такого противника, как Россия-2012, даже изрядно ослабленного и обескровленного. И те, враги из будущего, не должны упустить. Не тупые, чай.

⁴¹ Пономаренко родился в Краснодарском крае, но украинец по национальности. Но основное поле работы перед Москвой – Белоруссия.

Пономаренко позаимствованным у фашиста из «Семнадцати мгновений весны» жестом поскреб здоровой пятерней затылок⁴². М-да. Получается, Хозяин боится на случай, если вся наша работа пойдет псу под хвост и СССР так распадется? Кто знает, кто знает. А вот как бы сделать, чтобы Союз Нерушимый так уцелел?

Как ни крути, придется пользоваться рецептами оттуда. Рядовой состав всяких там «лесных братьев» придется выковыривать из этих самых лесов широкой амнистией. И она не должна быть ложной, обманной. Любой не натворивший дел «лесной брат» должен иметь возможность вернуться к семье, жить мирной жизнью и работать себе хоть в колхозе, хоть в артели, хоть в кооперации. Несправедливо? Безусловно. «Вор должен сидеть в тюрьме!» Целесообразно? Конечно. Пусть лучше работают на нас, чем с нами воюют. Их дети и внуки, ежели правильно подойти к школьному и послешкольному воспитанию, все равно будут нашими.

А Сталин уже во мнении утвердился – кто против нас оружие брал, тому двадцать пять лет, и никаких амнистий, там добренькими были, теперь не будем! Презумпция виновности для всех власовцев и полицаев – докажи, что ты партизанам и подполью помогал, тогда простим, а иначе лагерной пылью станешь. Крымские татары уже воют и стонут – вот ведь, организованной депортации не было, а мужское население выметено почти вчистую, за то что их немцы к «вспомогательной полицейской службе» привлекали. К сожалению, наверное, и невинные попали, но где столько квалифицированных следственных кадров найти, чтобы в каждом конкретном случае разобраться беспристрастно, по каждой судьбе, – а свеженазначенные следы, имея четкое ЦУ, чтобы беспощадно и с корнем, поступают по принципу «лучше осудить десять невинных, чем отпустить одного врага», то есть все сомнения толкуют в сторону отягощения. Так что придется после эту кучу тоже разгребать, как и с калмыками. Ой, злы же на них в тех местах, за зверства «добровольческого корпуса» Долля, с которым после аж в Ираке встретиться пришлось! Но сколько народу там, и на Украине, а ведь еще и Прибалтика даст немало, и в других республиках тоже, возможно, будут? Предложить в Указ маленькое изменение – для тех, кто сам, добровольно, из леса вышел и оружие сложил? Конечно, в партию тебя не примут, и на сколько-нибудь значимую руководящую государственную должность, а если после вскрыется, что руки у тебя в нашей крови – то все по закону. И никаких «объединений», организующих структур, под самыми невинными названиями – хватит с нас Черновицкого и Львовского университетов той истории! Идеологи, интеллектуалы – они бывают поопаснее боевиков. Хотя тут уже у «инквизиции» работы будет непочатый край.

С какой-то частью украинской элиты (да и любой другой элиты, если на то пошло) придется пойти на негласный сговор. Товарища Кириченко (ох, сталкивались когда-то: амбициозен, властен, глуп, но по-хозяцки уперт), видимо, придется-таки списывать. Но найдутся и те, кто предпочтет быть первым на своем месте, чем никаким. С перспективой, конечно, а как же...

А перспектива будет очень проста. Доведешь свою «союзную республику» до требуемых стандартов – перейдешь вместе с ней в РСФСР. И – попадешь в настоящую элиту, в топ-менеджмент, прости господи. Откуда и до Кремля недалеко, и до высших благ, и до высшей власти.

Пантелеймон Кондратьевич в последнее время привык к подобным абстрактным, свободным размышлениям. Иногда во время такого «мозгового штурма» проскакивала одна-другая полезная мысль, которую всегда можно было записать в блокнот, за содержимое коего иные заинтересованные лица охотно пожертвовали бы жизнью. Чужой, конечно. А то и целым десятком чужих жизней.

Само собой, кому-то придется и уши порезать. И укоротить на голову. Но подобные экссы должны быть строго адресными, единичными и крайне секретными. Даже не потому, что укра-

⁴² Мюллер, если верить Семенову.

инские или какие еще власть имущие напугаются и решат мятеж учинить. Черта с два – пока СССР силен, они будут жить совершенно по Пушкину: пацалуй злодею ручку. Тридцать седьмой год, при полном отсутствии крупных выступлений и даже сопротивления при аресте, как бэ намекает... тьфу, надо наконец избавляться от сленга «гостей из будущего». Власть – вот корень всего дела. Если мы слишком увлечемся экзами – это будет значить, что мы уже не власть. Что мы не можем просто взять и осудить преступника, посадив его в тюрьму или отправив к стенке. Что мы слабы, а преступники (неважно, сепаратисты это, националисты, контрреволюционеры или обычные бандиты) – сильны.

Смешно, но только после прочтения одной книги из будущего Пантелеймон Кондратьевич четко и ясно осознал, что именно рождает власть. Что в возрасте сорока четырех лет можно считать не последним достижением – Ленин в своем «завещании», судя по всему, так и не понял, каким это образом «товарищ Сталин сосредоточил в своих руках невероятную власть». А всего-то и стоило, что прочесть самое начало одной в общем средненькой, хоть и неплохой книжки. Марио Пьюзо, «Крестный отец». Только не надо углубляться в историю Майкла Корлеоне. Вы самое начало читайте (если доступ имеете). Там у бедолаги гробовщика избили и изнасиловали дочь. А суд, так уж вышло, подонков фактически отпустил. И тогда гробовщик пошел к дону Корлеоне, к старому Вито. И он тех подонков наказал так, как наказал бы любой непредвзятый читатель, имея такую возможность. Вот так власть и рождается. У тебя есть проблема, и ты идешь с ней к тому, кто может ее решить. Тот, кто способен решать проблемы, и становится властью. Вот так, надо думать, стал в свое время властью и генеральный секретарь Сталин – еще тогда, в «ревушие двадцатые». Троцкий произносил речи, Бухарин произносил речи, Зиновьев произносил речи – а Сталин решал проблемы. В итоге в один прекрасный день и выяснилось, что Сталин – это власть, а его конкуренты – так, мелочевка. Тьфу, опять же – это в блокнот записывать не надо, и болтать об этом в разговорах с товарищами не надо, не поймут.

И еще один момент – уже из другой книги. Власть – это не те, кто правят днем, это те, кто правят ночью. Мы можем сейчас к России не то что Донецк и Харьков, а хоть Тегеран присоединить (благо хорошо там стоим). Но если местное начальство, судьи и милиция будут выполнять не наши распоряжения, а приказы «тех, кто приходит ночью» – на дерьмо изойдут все эти присоединения.

Как с этим бороться? Как ни странно, в основном – по закону. Люди должны привыкнуть, что милиция и суд их действительно защищают. В этой мафиозной схеме, если вместо продажного судьи будет обычный скучный человечек, который отправит насильников и убийц в тюрьму – дон Корлеоне попросту не нужен. Нет ему работы. Украинцы, русские, татары, казахи и прочие там корейцы должны привыкнуть к простой мысли – «дневная» власть сильнее «ночной». Достаточно просто сдать «тех, кто приходит ночью» куда надо – и ты будешь защищен. Тебя никто не тронет, а их – публично осудят и посадят. Публично – очень важно показать, что эти люди слабее нас. Тайные операции и убийства – этим тоже придется поначалу заниматься, но идти на поводу у «пришельцев» не стоит – некоторые из них готовы, право, расстреливать и убивать массово всех, кто «выше тележной чеки» и «родину не любит». Нет, пока не наведен должный порядок, и в мирное время нужны будут «спецотряды МСМЧ», аналог тамошнего ОМОНа, с довеском, «обнаружить, уничтожить» на месте и без всякого суда беглых зеков, бандюганов и прочую сволочь, прежде всего, конечно, в пограничье и глухих местах, где «закон – тайга, медведь – прокурор». Но боже упаси этим увлекаться – получим в итоге латиноамериканскую страну конца шестидесятых, вот не помню – Бразилию или Аргентину, где говорили: «Если на вас ночью нападут грабители, ни в коем случае не кричите – могут услышать полицейские». Чрезвычайщина должна быть строго в узде – вот не поймут даже эти, из будущего, что мирное и военное время – это совсем разные вещи! А в итоге закон должен быть выше всего, и никакой прочей власти быть не должно по определению!

Как этого добиться? Хм...

Пономаренко в два движения умял довольно здоровый бутер с бужениной, запил привычно горячим чаем (спасибо все же девчонкам-секретаршам!) и как-то даже слегка подобрел.

Да нет на самом деле никаких секретов. Обычной, рутинной ежедневной работой будем добиваться. Не справляющихся менять на справляющихся, отлаживать работу суда и милиции, плотно курировать школьное образование, и вообще – даже в той истории к 1991 году осталось, по признаниям иных украинских наци, всего несколько миллионов говоривших на «настоящем украинском» языке. Даже в несостоявшемся уже будущем, где весь советский период шла насквозь искусственная украинизация вполне русских земель, украинский нацизм сошел практически на нет. И возродился по причинам строго социально-экономическим – тут с Хозяином во всех отношениях нельзя не согласиться. И потому нельзя, что он прав, и потому, что ИВС самую малость обозлился. Нового 37-го года ждать, пожалуй, не стоит, но за языком следить надо. Может и наказать.

Пономаренко горько усмехнулся. А знаете, какое самое страшное теперь для него будет наказание? Да одно-единственное: прежняя судьба. Когда после смерти Сталина Пантелеймон Кондратьевич стал... как это у Юлиана Семенова: есть два типа послов. Чрезвычайный и полномочный – и посол в задницу. Вот именно «послом в задницу» Пономаренко и сделали после смерти ИВС – причем, надо думать, не без участия Берии, нынешнего союзника, кстати говоря. В одной лодке плывем, в одном тазу, как те три мудреца, выгребаем.

Вот это страшно сейчас. Ошибешься, промахнешься, не сработает как надо – и Сталин в тебе просто разочаруется. Решит, что ты не тянешь. Поставит на твое место другого – а тебя зашлет послом в какую-нибудь дыру, где ничего не происходит! И будешь ты вместо спасения страны, вместо исправления того, что очень бы хотелось исправить – только что не костер из кизяка разжигать. А так многое сделать хочется, и ведь не для себя, что самое обидное. А для страны. И чтобы ушли эти сволочные сны, что стали сниться после общения с «пришельцами».

Дурацкие сны о бомбежках Донецка – и не немцами, не фашистами, а вполне русско-говорящими людьми. Этого не было в рассказах ухорезов Большакова, с которыми больше всего по должности общался Пономаренко – но, по словам Сталина, это вот-вот должно было состояться, все признаки на это указывали. А что дальше? Каратели вроде этого урода Кука на Кубани?

Впрочем... Впрочем, положи руку на сердце, Украина – это еще не главная головная боль. Еще и потому он настоял послать туда нашу дорогую Анечку – пусть учится, растет, не все же ей на Севмаше сидеть? Головорезов и боевиков в общем хватает, головой работать некому – точнее, все мало-мальски надежные уже заняты на других участках. Вот Средняя Азия, Кавказ и Закавказье обещают быть такой лютой головной болью, что хоть стой, хоть падай. И бросать их нельзя – это огромные богатства в земле и на земле, это путь на Ближний Восток. Там будет решаться будущее нашего мира. А Украина – Украина должна всего лишь стать надежным тылом. И она им станет...

Ночь на двадцать второе июня. Ровно три года назад началось. Слава товарищу Сталину и Великой Победе, сейчас можно спать спокойно – за отсутствием тех, кто мог бы на нас внезапно напасть! США на Тихом океане увязли, англичане в одиночку план «Несбывшееся» никак не потянут, без немецкого пушмаса, японцы – да не смешите! Они в сорок первом не рискнули, теперь точно, не идиоты же? Или турки, которые, судя по донесениям разведки, не успокоились – общество у них возникло, «Серые волки», в большинстве из армейских офицеров, с идеями, как у «Великой Германии» после той войны, или у французов перед ней же: «вернем Эльзас-Лотарингию», тьфу, Проливы и Армению – на уровне национального психоза. Пока не сказать, что они там сильно авторитетны, президент Иненю тоже не дурак и понимает, что будет, если СССР по-настоящему разозлится. Но хватило же у него наглости потребовать разъяснений, на каком основании мы поддерживаем курдских повстанцев? И Лондон тоже спрашивает, «что банды вождя Барзани делают на исконно турецкой территории, поддерживаемые

советскими инструкторами и оружием», а британская армия в Басре готовится к броску на север – освободить Ирак от курдов, как только мы оттуда уйдем. И в Иране что-то нездоровое намечается, на юге концентрация английских войск, как даже против Роммеля не было – Индию собираются от японцев отбивать, или на Тегеран идти, нас сменяя? Но все это проблемы точно не архисрочные, до утра подождут.

А ведь утро уже и есть! Начало четвертого ночи, двадцать второго. Всеобщая привычка, как Сталин допоздна засиживается, так и наркомы все на местах – а вдруг позвонит? Обед, правда, с шести-семи до девяти вечера, можно даже в театр сходить, а после, до полуночи, в кабинете. А в соседней комнате и удобный кожаный диван готов – нередко случалось тут и ночевать в войну, прямо на рабочем месте. И сейчас, похоже, это предстоит – сделать еще пару записей, и на боковую. Все эти дурные беспорядочные мысли – надо еще уложить в конкретные предложения и меморандумы, но уже не сейчас. Здоровый сон, знаете ли, великая вещь.

Спать не получилось. Звонок по ВЧ, и Анин голос в трубке – кажется, она удивилась, услышав вместо дежурного самого Пономаренко, но доложила коротко и четко, даже слишком коротко. «Красный рассвет, даже багровый, не такой, как должен быть, отправляю самолет, все в рапорте, и пятисотые, один 501-й, я остаюсь, Брюс со мной, мне пока зелено». И все!

Сон как рукой сняло. Что произошло в Киеве, если Аня решила отправить в Москву самолет особой эскадрильи, который Пономаренко своей властью придержал в Борисполе как раз на случай экстренной эвакуации? Если бы все было в норме, Лазарева должна была возвращаться обычным рейсом ГВФ. И «цветной» код – красный сам по себе уже знак тревоги, но нештатно добавлено еще и «багровый», для усиления. Слово «рассвет» могло бы быть просто для оправдания красного, но нет, во-первых, Аня не стала бы употреблять для этого обозначение между своими Главной тайны, а во-вторых, «не такой, как должен» – значит, что-то пошло не так, как было в той истории? Все в рапорте – значит, даже по сверхзащищенному от прослушивания каналу ВЧ нельзя сказать, в чем же дело? А «груз 500» – так здесь отчего-то стали обозначать пленных, причем иногда с градацией: совсем никчемных называли «510», а самых важных – «501». Лазарева там что, самого Кириченко арестовала? Имея четкий приказ не вмешиваться, а лишь посмотреть? Но вроде она показала себя прежде вполне разумным человеком, организатором, руководителем – и никогда бы не стала действовать импульсивно. Значит, там действительно произошло что-то экстраординарное, причем такое, что сведения даже спецсвязи не доверить.

Будь только рапорт, все было проще – отправить порученца на аэродром забрать пакет. А что с пленными делать? Решаем вопросы по мере поступления! И кстати, один час все же можно и поспать – чуется сердце, что завтрашний день будет ну очень веселым!

Это было очень хорошо, что приехал сам – поскольку посланец из СМЕРШа имел приказ, как написано на пакете, вручить самому Пономаренко П.К., в собственные руки. Что ж, товарищи из Пятой Воздушной, покараульте этих гавриков еще десять минут, пока я ознакомлюсь с донесением. Комендант аэродрома, тут есть закрытая комната со спецсвязью, и гауптвахта? И телефон в пакете – ну, обращаться с техникой из будущего Пономаренко умеет достаточно, чтобы включить просмотр изображений, а надо будет – найдется, кому и на ноут скачать, и распечатать.

Прочтя и просмотрев, Пантелеймон Кондратьевич крепко выругался. Что первый секретарь союзной республики оказался не просто дураком и куркулем, но и прямым изменником, это действительно была бомба! Хотя предположения Лазаревой похожи на правду: каким бы идиотом ни был Кириченко, но сообразил бы, что «царем украинским» ему не быть, а значит, первую скрипку в этом оркестре играет не он, а бандеровцы! Причем Лазарева, из самых лучших побуждений, ткнула палкой в осиное гнездо – и теперь в Киеве в любой час может начаться антисоветский мятеж. Действовать надо быстро!

Берия был явно не в восторге, что его разбудили в полшестого утра. Но вошел в ситуацию легко. Еще через час разговор продолжился на Лубянке, в кабинете наркома ГБ Меркулова. Помимо хозяина (человека Берии) присутствовали только Лаврентий Павлович и Пантелеймон Кондратьевич. А в десять часов утра Берия и Пономаренко ожидали в приемной Сталина, также был и начальник Генштаба Василевский (тоже посвященный в «Рассвет», еще со времен Сталинграда).

Иосиф Виссарионович не сидел за столом, а ходил по кабинету. Что было признаком – он очень беспокоен. На столе лежала папка, с содержимым которой Сталин уже успел ознакомиться. Доклад за подписью Берии (все ж обошел меня тут, подумал Пономаренко), крупно распечатанные фотографии с телефона, с заключением экспертизы, что опознаны еще двое, Бусел и Олейник, их фото нашлись у внешней разведки, также «ярые враги, на которых клейма негде ставить». И подробные показания Витковского Змеюки и прочих, полученные в ходе уже не походно-полевого, а настоящего, вдумчивого допроса здесь, в Москве. Этим в значительной степени и объяснялось, что Сталину доложили лишь спустя три часа – конечно, присутствовал и мотив не будить вождя, но главное, надо было проверить достоверность сведений. Однако первоисточник, письмо Лазаревой, в папке был тоже.

– Доигрались, – сказал Сталин, – враги, фашистские недобитки, ходят в лучших друзьях у первого секретаря. Присутствуют на совещании в ЦК, как у себя дома. Там же, прямо в ЦК, угрожают инструктору, присланному из Москвы. Плетут заговоры, и ведь наверняка не вчера это началось! Тащат с собой вооруженную банду в полторы тысячи человек, и никто ничего не замечает. А теперь готовят открытый мятеж – а товарищ Мешик, ваш ставленник, товарищ Берия, спит и не видит, что творится у него под носом. Как и командующий КВО Герасименко. Так я вас спрашиваю, кто хозяин на Украине – советская власть или Бандера с Шухевичем? И как вышло, что заговор раскрыла товарищ Лазарева, случайно приехавшая девчонка двадцати лет, а не аппарат НКГБ(У)? Вопрос – зачем тогда нужен такой аппарат, если он не видит прямой и явной угрозы советской власти?

Это была всего лишь накачка. Вряд ли товарищ Сталин имел сейчас серьезные претензии к сидящим напротив – и тем более не думал ни о каких репрессиях к ним. Но все знали, что вождь никогда ничего не забывал и мог вспомнить огрех, допущенный давно и в другой обстановке.

– Знания из «Рассвета», – ответил Берия. – Лазарева узнала Кука, случайно запомнив фотографию. Которая тоже по случайности оказалась в одной из книжек особого фонда на борту К-25.

– Допустим, – заметил Сталин, – но симптомы были налицо. Лазарева в первый же день обратила внимание и на петлюровскую символику, которой точно не место в кабинете первого секретаря, и на его колебания при исполнении петлюровского гимна, и на реакцию присутствующих. Как только заговор протянул щупальца в Москву, вы ведь сразу встревожились, товарищ Пономаренко? Так отчего в Киеве все были словно слепы?

– Национальная политика, – сказал Берия (Пономаренко чуть усмехнулся – вылез вперед, вот и отдувайся теперь!), – еще от Ленина пошло, что любое нацразвитие – это во благо. Вот и смотрели сквозь пальцы как на шалости.

– А они наших людей убивали всерьез, – сказал Сталин, – в одном строю с немецкими фашистами. Вы находите это смешным, товарищ Пономаренко?

– Нет, товарищ Сталин, – ответил Пантелеймон Кондратьевич, – я подумал, ну разве Бандера и прочие – это истинные украинцы? Если готовы Украину снова в войну, уже с нами – лишь затем, чтобы самим в паны-гетманы пролезть? Чтобы Украине не в СССР быть, а непременно самостоятельной – и плевать, что от того народу будет много хуже! Придумали: «Украина це Европа», ну а Москва, Ленинград по их думке что – Африка, что ли? Давить надо таких,

кто так думает, или на лесоповал, нехай мозги прояснятся. И вот что бы сказал Ильич, если бы увидел?

– Про наследие товарища Ленина разговор будет отдельный, – произнес Сталин, – но все же скажу: не ошибался Владимир Ильич. А просто – в другое время и в другом месте было им сказано. Но теорией займемся позже. Сейчас сделано что, товарищ Василевский?

– Приказ войскам Киевского, Одесского, Прикарпатского округов быть в полной боевой готовности, – сказал начальник Генштаба, – взять под усиленную охрану и подготовить к обороне стратегические и военные объекты. Немедленно разоружить и изолировать призывников с Западной Украины. Попытки захвата объектов пресекать самым решительным способом, не останавливаясь перед применением оружия. Подготовить мобильные резервы для скорейшего выдвижения туда, где возникнет необходимость. Конкретно же в Киев могут быть в течение суток-полутора переброшены части 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, прибывшей в Одессу с острова Крит, а также морская пехота ЧФ, получившая в ходе операции «Ушаков» опыт посадочных воздушных десантов. В настоящий момент в Крыму находятся выведенная с островов Эгейского моря и из Греции 6-я бригада и возвращенная из Италии 5-я гвардейская. Однако все упирается в возможности военно-транспортной авиации – напомним, что 8-я дивизия ВТА занята на Дальнем Востоке, 1-я целиком задействована в Германии, обеспечение потребностей ГСВГ, формирующейся сразу из пяти фронтов, 4-я обеспечивает Средиземноморье, а 2-я – северный театр, Финляндию и Норвегию. Таким образом мы можем рассчитывать лишь на одну, 3-ю дивизию, и то не полностью – и даже считая, что часть составляют не Ли-2, а четырехмоторные «Йорки», за один вылет можем перебросить не больше одной бригады с тылами и средствами усиления. Таким образом, сосредоточение всех выделенных войск в Киеве возможно не раньше послезавтрашнего утра – вот, расчеты приведены. Замечу, что десантники и морская пехота имеют высочайший боевой дух и выучку и устойчивы к воздействию бандеровской пропаганды.

– Пятая гвардейская бригада морской пехоты – это бывшая 83-я морская стрелковая, – заметил Сталин, – и если не ошибаюсь, изначально комплектовалась из уроженцев Донбасса. А также Мариуполя, Таганрога, Ростова.

– Донбасс бандеровщину не принял, – сказал Пономаренко, – все эти «кооператоры» и «просветители» от ОУН даже при помощи немецких хозяев не смогли пролезть в Донецк, Ворошиловград, Краснодар⁴³. Мариуполь, Харьков, Запорожье – было, да. А Донецк и Украиной-то так и не стал, русские там жили и живут. А уж к фашистам у морячков особые счета и короткий разговор. Как и к бандеровской сволочи. Если местные будут колебаться – эти не дрогнут, когда придется стрелять.

– Товарищ Василевский, готовьте приказ, – сказал Сталин, – срочно перебросить в Киев названные вами войска. В первую очередь обеспечить оборону аэродромов и железнодорожной станции. А какие части находятся вблизи из числа перебрасываемых на Дальний Восток?

– Сегодня днем через Киев должна проследовать 56-я гвардейская танко-самоходная бригада. Очень хорошо, что это бывший 56-й гвардартполк, тот самый «святой», что под Зееловом отличился – обычно войска без техники идут, но этим, в виде исключения, оставили машины, которые Церковь подарила. А плохо, что бригада лишь на бумаге – второй мотострелковый батальон, как и танковый, и артиллерию они должны уже на месте получить. Так что в наличии лишь пятнадцать самоходок с экипажами и батальон автоматчиков без техники. Но хоть взаимодействию с броней обучены и боевой опыт имеют, в том числе и уличных боев в Берлине. Жалко, что САУ не танки, им в городе трудно. Так ведь у бандер танков и вовсе нет. Но не хотелось бы из Киева Варшаву делать, товарищ Сталин, – наш же город, жалко!

⁴³ Исторический факт.

– Варшавы нэ будэт! – в голосе Сталина прорезался акцент. – Там все ж большинство населения было за повстанцев, оттого и жестокие бои. Но я надеюсь, что киевляне в массе – это наши, советские люди? Колеблющиеся, но не враги! И, товарищ Василевский, подумайте, кого вы отправите в Киев в штаб округа, чтобы Герасименко не спал и ворон не ловил. И вам, товарищ Берия, я очень бы советовал присмотреться, не нужна ли Мешику помощь. И очень полезно бы Кириченко в Москву живым – какие от него ниточки здесь протянутся, к кому? Если даже этот Змеюка, присутствуя пару раз при разговоре с ним Кука, слышал какие-то намеки. Кто это здесь настолько память потерял, что для своих игр явных фашистов привлек?

– Следственное дело уже открыто, – сказал Берия, – и опергруппа готова вылететь в Киев, приступить к расследованию и изъятию фигурантов.

– Лазареву отозвать приказом, срочно? – спросил Пономаренко.

– Зачем? – сказал Сталин. – Она там как раз на своем месте. Как сама она пишет, рассчитывает взять Кириченко под контроль. Может, и получится – должен же этот понимать, что и для Кука он теперь опасный свидетель? Ну, а мы, я думаю, можем пообещать ему хотя бы суд. А повесить, как положено с пособниками фашистов, всегда успеем. А Лазаревой надо помочь. Товарищ Пономаренко, у вас есть с ней оперативная связь через Борисполь? Тогда запросите ее, когда она собирается к Кириченко.

И Сталин усмехнулся в усы. А Пономаренко подумал, что очень не хотел бы теперь оказаться в шкуре первого секретаря КПУ. Или бывшего первого? После такого вряд ли останется УССР, а в автономиях не может быть нацкомпартий.

«А Лазареву награжу. Только бы жива осталась! Рад, что не ошибся в ней».

Юрий Смоленцев «Брюс».

Киев, 22 июня 1944 г.

Тихо пришли, оставили гостинец, тихо ушли. А что там все сгорело, так это после, мы не виноватые!

Честно скажу, без ребят из СМЕРШ не справились бы! Первое дело – это знание местности, подходов к объекту, хоть какая-то рекогносцировка. А если нет на это времени? И вот тут очень помогли нам двое служивых, кто родом были как раз отсюда и отлично знали Соломенку, южное предместье Киева, застроенное исключительно частными домами с садами и заборами. Именно там, по словам Змеюки, находилась база его «жандармерии». Логично – не в городской же квартире два десятка вооруженных морд держать? Хотя, по его заверению, постоянно на адресе находится не более половины людей. Там же и тюрьма для «зрадныков» (изменников), подземный зиндан – в бандерских схроновых традициях. И даже тоннель прорыт для бегства, из подполья в соседний овраг. Хорошо бы все это захватить и прошерстить вдумчиво – но будем реалистами. Змеюка и остальные говорили, что вариант их плена и ответного визита был предусмотрен, так что гарнизон в повышенной готовности, в ножи взять спящих точно не удастся.

Нас выкинули на темном повороте, почти в километре от объекта – БТР притормозил, и наша четверка быстро и бесшумно спрыгнула в ночь. Финн остался на связи, с одной из радиогарнитур – если нас обнаружат и потребует помощь, смершевцы будут прорываться нам на выручку, ну а если все пойдет как запланировано, то через некоторое время нас подберут совсем в другом месте. Слава богу, еще живы были наши ПНВ, что при темной южной ночи и отсутствии уличного освещения давало огромный плюс, ну а перемещаться бесшумно нас хорошо научили.

Отчего мы вынуждены были действовать тайно? Так мирное время, и Киев не на военном положении – а значит, СМЕРШ не имеет права действовать вне расположения воинской части и против гражданских – как минимум требовалась бы санкция прокурора и милиции. Ну, а если за бандер сам первый секретарь, то уж про ментов и говорить нечего, наверняка «кроты»

там есть. Так что обойдемся своими силами – обнаружить, уничтожить, диверсанты пленных не берут.

Чего и бандеры от нас не ждали. Все ж не довелось им побыть властью – не воевали против них по-партизански в городе. Войсковой операции они ожидали, что приедет пара взводов по адресу, окружит и пойдет на штурм – а не того, что по-тихому придут такие, как мы. Под утро, когда спать хочется пуще всего. Хорошо, что не север, ночи темные, хотя лето. Идем перекатами – одна пара залегла, страхует, вторая движется. Почти у самого места нашумели – собака за забором залаяла, нас почуяв или услышав, за ней и другая рядом залилась. И выходит на дорогу мужик с автоматом, на плече даже не немецкий МП, а «стэн», насколько можно разобрать – вроде только у британца магазин вбок торчал. Фонарик зажигает, водит по сторонам. И голос с чердака, того самого дома, по описанию:

– Гриць, что там?

И что ты там сидишь наверху, свет не зажигая? Окно во фронтоне – обзор и сектор обстрела хорош, самая позиция для пулемета. По идее, с другой стороны должно быть что-то аналогичное, обеспечить круговую оборону. А мужик открыто стоит, думает, что если он фонарь погасил и не видит ничего, то и его не видно? Однако нельзя его валить – пулеметчики поймут. А вот успокоить бандер надо.

– Мряу! Мья!

Повторять не советую – опытное ухо имитацию отличит. Но у Вальки получалось – как раз для таких случаев. На нашем коте Партизане проверяли – прямо пели дуэтом, ну а мы, отвернувшись, угадывали, когда Валин голос, а когда настоящего кошака, и ведь не выходило разобрать! Бродячие коты тут водятся – мы и о том у смершевцев спросили.

– Брысь! – мужик подбирает камень и бросает. Всего три метра не долетело – будь то граната, было бы хреново. Потому с немцами мы бы еще подумали этот трюк применить – те запросто могли бы и пулеметом причесать, и гранату кинуть, не разбирая, на любой подозрительный шорох. Но для бандер в пока еще мирном Киеве это точно выйдет перебор.

– Мааау... – обиженным тоном тянет Валька и швыряет комок земли в кусты в стороне, зашуршало. И тишина.

Мужик стоит еще пару минут. Курит – видимо, решив, что раз уж себя демаскировал, то можно. Бросает окурки и уходит, калитка хлопнула, и стукнула дверь. Подтягиваются Влад и Рябой, лежим, изучаем диспозицию. Забор по улице деревянный – а с тыла вместо него колючая проволока натянута. Дом капитальный, двухэтажный, нижний этаж каменный, верх деревянный, и еще чердак. Позади сарай, еще пристройка, вроде летней кухни, и сортир. Несколько яблонь или еще чего-то плодового, грядки с картошкой... а вот для чердачного пулеметчика прямо перед ним мертвая зона, никак не достать, если только гранату не выкинуть в окно, но для того нас еще увидеть надо. А где бы я группу захвата расположил, в ожидании нашего визита – в том сарае? Бесшумные засады бывают, тут литературный дон не прав, но лишь если там сидят настоящие спецы-егеря. Ну, неудобно это просто, долго в одной позе лежать, тело затекает, так и хочется повернуться чуть поудобнее... если не умеешь расслабляться, кто ауто-тренингу учат, нас не видели! Ну вот, слышу возню и шепот из летней кухни, слов не разобрать, но вроде двое говорят. А сектор обстрела оттуда – как раз в дополнение к чердачному пулемету. Будем считать, что и у них там МГ. Итого две пулеметных точки, и в доме, надо думать, с десяток морд с автоматами, спят вполглаза, а кто-то и бодрствует. А вот «автономных сигнально-боевых модулей системы гав-гав», как витиевато называл этих поганых тварей мой прежний командир Большаков, нет – хотя они могли бы доставить проблем не меньше, чем самая навороченная электронная система. Хотя если тут ошивается десяток посторонних, причем приходящих и уходящих, собаки бы задолбались лаять. Ну, это ваши проблемы, бандеры!

Я и Рябой просачиваемся за проволоку, Влад и Валентин страхуют. Мы все универсалы, если припрет, но специализация тоже есть, старлей Рябов наш штатный электронщик и под-

рывник, ну а я в прикрытие, если придется работать ножом и голыми руками. Ставить мину – занятие тонкое, требующее максимального внимания – и оттого обязательно нужен прикрывающий, чтобы не было как с Зоей Космодемьянской, когда «незамеченный ею часовой подкрался и схватил». А ребята с «винторезами» и ночной оптикой прикроют нас снайперским огнем, но очень надеюсь, что до того не дойдет. И Рябому облегчение наконец избавиться от опасного груза.

Минута – и мы под самой стеной дома. Кустики тут удачно – и Рябой ставит наземь мешок. Наглухо завязанный «сидор», в котором одиннадцать кило «ТГА» – остатки от охоты на фюрера. Тротил-гексоген-алюминий – рванет, как двадцать кило тротила. Взрыватель химический, на десять минут – сквозь ткань мешка снять предохранительный колпачок, вдавить кнопку до упора! Подстраховка – вытянуть леску с рыболовным крючком, пропущенную насквозь через ткань, и прицепить к загнувшейся горловине – если взять «сидор» как обычно, горло мешка распрямится, леска натянется, и рванет. И еще пара штучек – Рябой клялся, что даже сдвинуть мешок с места будет невозможно. Ну, если только бандеры найдут сапера такого же уровня, и всего за десять минут. Теперь делаем ноги!

Твою мать! Снова открывается дверь, и выползает мужик, что на дороге был. Один он тут, что ли, дневальный, а прочие спят? «Стэн» кладет на перила, а сам в стороне от крыльца спускает штаны и гадит. Дикие они тут совсем, или вчера из схрона выползли? Вон же сортир, дойти туда лень? Сука, ну что же ты еще чуть не потерпел, счас же рванет, кислота уже мембрану разъедает, и это не часы, точность может быть плюс-минус двадцать процентов! И не отползти – заметит шевеление, гад! Хотя он со света вылез, в доме лампу зажигали, зрение сразу к темноте не приспособливается. А ведь вариант, этого валить из бесшумки, и в дом, в ножи спящих, с немцами такое сходило не раз. Но мина уже время считает... и не будем рисковать. Мы фрицев в их сортирах брали (излюбленное место «языка» упаковать), так опыт говорит, что дольше десяти минут сидят считанные единицы. А чувство времени говорит, что минуты две прошло, не больше. Ну вот, встает и уходит в дом. Убираю ПБ (пистолет бесшумный). Спас ты, бандера, свою никчемную жизнь еще на несколько минут, ведь дом полностью разнесет, даже при том, что заряд без забивки. Валим отсюда, живее!

Уходим так же, как вошли. Валька радирует – подбирайте нас в «точке два». Успеваем отойти на полкилометра, когда позади взрывается. Е-мое, сила явно побольше, чем двадцать кило, у бандер там еще свой арсенал был? Кроме тюрьмы – Змеюка клялся, что наших пленных там не было, хотя его «жандармы» могли из бандер же нарушителей дисциплины и недостаточно лояльных привозить. Ну и черт с ними, нехай в аду по котлам сортируют – а нам с патрулем и ментами пересекаться неохота. А ведь могут нагрянуть на шум!

Так что оставшийся отрезок, метров триста, преодолеваем бегом. Предположив, что если тут и есть бандеровский секрет, то сначала окликнут, приняв за своих. Ну, а дальше у нас превосходство в ночном зрении и огневой мощи, а бандер никак не может быть много – двое-трое, так что справимся. Хотя более вероятно, что у них просто маяки в соседних домах: все вижу, слышу, запоминаю, кому надо передаю. Но вряд ли они успеют что-то заметить и понять, ночь же! Хотя небо на востоке уже светает.

Едут наши! В темпе запрыгиваем в кузов. Ну вот, теперь мы просто мимо проходили и едем по своим делам, а что там взорвалось и, судя по отблескам, неслабо горит, понятия не имеем. Но дом точно должно было снести ко всем чертям, вместе со всеми, кто внутри – а вот залегшие в летней кухне могли и уцелеть. Вид у нас, однако, как у солдат саперного батальона после земляных работ, а не офицеров в тылу – срочно стягиваем разгрузки, маскхалаты (надеваемые не столько для камуфляжа, как затем, чтобы форму не сильно замарать). На блокпосту у переезда нас останавливали, и капитан из СМЕРШ объяснил, что следуем по службе от аэродрома Жуляны в Борисполь. Уже светало, когда мы десантировались у «Националя», скинули в наш «додж» лишнее снаряжение. Когда же спать? Вот чувствую, что будет следующий день

еще более веселым. И тем же черным ходом в номера – а дежурной по этажу нет, интересно, как ее исчезновение ментам объяснят? А ведь она точно при делах была – ну, и получишь теперь по закону!

Стучу в дверь, как условлено. И попадаю в объятия Люции. Она так и сидела на диване с пистолетами наготове? Затем появляется Лазарева, едва проснувшаяся, в халате – и командует:

– Мальчики, умойтесь, а то на героев на отдыхе совсем не похожи. Пока я вам горячий чай сделаю.

Преимущества номеров люкс – это ваннные комнаты с душем. Иду первым, по-быстрому – горячая, холодная – здорово усталость снимает и бодрит. А как выхожу, в самом благодушном настроении, все ж хорошо поработали ночью, Люция тянет меня в спальню:

– Мой кабальеро, Анна разрешила, кровать свободна пока.

Ну прямо за руку меня взяла и потащила, а после... подробности умолчу! Может ли женщина мужика изнасиловать – теперь скажу, что да, может, если сильно захочет. Галчонок, но орать-то было зачем?

– Мой кабальеро, но ты был такой... а мне было так хорошо! И думаю, в этом отеле не удивятся – иначе зачем здесь такая роскошная кровать?

А ребята смотрят с понимающей ухмылкой. И Лазарева улыбается, помешивая сахар. Взглядом и грацией на пантеру похожа – сейчас клубком свернулась и млеет, такая мягкая и пушистая, а завтра может без усталости за добычей по лесу и клыками горло рвать. А Люция на нее смотрит с восторгом – представляю, в какую жар-птицу вырастет мой галчонок лет через пять!

В двенадцать спускаемся в ресторан. Лазарева сказала, сегодня будем «удельного князя» Кириченко ставить на место.

– Ну, а вы для подстраховки, если будет свою линию гнуть.

А пока завтрак по расписанию. Мы все чистые, отглаженные, благоухающие одеколоном, но оружие с собой, и в кобуре, и в карманах. Лазарева в том же платье в горох – в войну нормой было, что у людей один лишь костюм или платье «на выход» – интересно, а где она свой пистолетик прячет, что я у нее вчера в руках видел? А еще интереснее, что когда мы по рации выходили на связь со СМЕРШ в Борисполе, а те по ВЧ с Москвой, то оттуда нас прямо спросили, когда предполагаем быть у первого секретаря, и окончательно утвердили: в тринадцать сорок. И что должно в этот час произойти?

Едим не спеша. Тут ехать недалеко, даже пешком бы успели – вдоль Крещатика и поворот на Банковую (которая в этом времени носит имя Орджоникидзе). А если грянут какие-то события, надо пользоваться последним спокойным временем для отдыха и еды – вдруг придется сутки на ногах и не жравши? Может быть, ночью опять придется кого-то зачищать, на кого Лазарева укажет или ситуация потребует.

И тут в зале нездоровое шевеление. Четверо от входа идут к нам целенаправленно, оценил я уже их вектор движения и внимания. Двое в штатском, оружия не видно, двое в нашей форме, с автоматами ППС. И еще трое у входа, эти все обмундированные, автоматы у двоих. Кук что, реванш решил взять за ночное побоище? Так прямо в ресторане устраивать такое – это уже открытая война, а главное, неэффективно – я бы на их месте подождал, когда мы выйдем, и из мимо проезжающей машины очередями накоротке и гранатами добавить. А так, неизвестно еще, чья возьмет!

И лопухнулись вы – Влад и Рябой от нас в отдалении сидят, к входу ближе, а вот их вы явно не срисовали! Влад смотрит на меня, я чуть заметно показываю взглядом на тех в дверях, он так же отвечает, понял. «Удар спецназа» – это когда каждый валит своего противника, не отвлекаясь на прочих. А та троица даже оружие наготове не держит, ресторан все же, а не лес – и когда начнется, они покойники с вероятностью процентов девяносто девять. А вот мне и Валентину потребуется выложиться – хотя знаю, что даже элита, боевики СБ, рукопашкой владели на уровне среднего опера гестапо, то есть на голову ниже нас.

– Галчонок, работаешь лишь огнем, от свалки тебя прикроем. Бьешь тех, до кого мы не можем достать. Но не раньше как я начну.

Подходят. Первый штатский, средних лет, на уркагана похож, второй молодой, с усиками, и выправка заметна – офицер? Ну, а двое просто массовка, пехота. Форма, кстати, у них не военная, а милиции. В отличие от тех, кто у дверей.

– Милиция, – скалит зубы уркаган, – старший оперуполномоченный угро Кныш. Документики предъявляем!

Смотрит на Аню. И сам показывает ксиву НКВД.

Для тех, кто не понял. НКВД уже год как разделилось, госбезопасность теперь отдельный наркомат. Хотя на местах у многих еще корочки старые, ГУГБ (главка при НКВД), но у этого была именно милицмейская, не гбэшная, отличить легко по красной диагональной полосе на правой странице. Лазарева предъявляет удостоверение ЦК, – а ведь уркаган, похоже, удивился, в глазах что-то промелькнуло. Странно, если это бандеры, то не знали, на кого охотятся? Но быстро совладал...

– Встаем, проходим, вы временно задержаны до выяснения, – и уже мне, взглядом лишь по моим смершевским корочкам скользнув: – А это уже не ко мне, а к товарищам из комендатуры, – и кивнул в сторону троих, подходящих от двери.

И тут мне стало все ясно. С вероятностью так процентов на восемьдесят. Поскольку за два года здесь не только на фронте воевал, но и в тылу крутиться пришлось достаточно.

Какая контора в сталинском СССР была самой крутой? Не ГБ, как ни странно – прокуратура! Плюньте в лицо писателю Войновичу, у которого в «Чонкине» капитан НКВД, выезжая на арест, сержанта посылает: «Зайди к прокурору, пусть ордер выпишет». Нет, в тридцать седьмом всякое бывало – но после было обычным делом, что прокуратура опротестовывает действия «кровавой гбни», усмотрев нарушения законности, и чекисты лишь исполняют и под козырек берут. А уж арестовать прокурора равного уровня гбешник не мог по определению – даже если, к примеру, районный начальник НКВД жутко ненавидел районного же прокурора и жаждал его сгноить, он имел право лишь написать рапорт своему областному начальству, которое выходило с просьбой уже на областного прокурора – после рассмотрения обвинения, отнюдь не формального, и если обнаруживался поклеп, участь гбешника была совсем незавидной, палка оказывалась о двух концах. Прокуратура занималась наиболее серьезными делами – помните, в «Месте встречи», как Жеглов говорит Маньке Облигации: «Попала ты, дура – мы всего лишь убийный отдел, а подрасстрельное – это уже в прокуратуру». При этом своих оперов прокурорские не имели, только следователей, черную первичную работу по их поручению делала милиция или опера угро – но не ГБ. И в случае, когда менты шли по прокурорской ориентировке, не действовала презумпция невиновности, наоборот – опера ни за что не отвечали, уже настропаленные, что идут брать того, кого надо. И еще одна особенность именно этого времени: здесь действительно было меньше коррупции, но зато был культ «при исполнении» – если ты исполняешь свои обязанности, то неважно, кто перед тобой. И кстати, еще вопрос, это хуже или лучше того, что стало позже – поскольку очень часто рождало принцип «без бумажки ты букашка», а также сугубо формальное, абсолютно безжалостное выполнение закона. В сухом же остатке – если году в 2012-м менты в провинции и голос не смели бы повысить, например, на представителя Администрации Президента в сопровождении столичного же майора ФСБ, то здесь им глубоко фиолетово все, если получили ориентировку на конкретных лиц. «Пройдемте, разберемся!»

И кто же это все запустил, и зачем? А роман Бушкова вспомнился – где начальник службы безопасности какой-то фирмы разбирается, новый киоск у проходной – это слежка чужой Конторы, или конкурентов, или в самом деле торгаша. И посылает своих гоблинов самого бандитского вида наехать на продавца – «меня интересует лишь его реакция, что он скажет и кем будет прикрываться». И если здесь кто-то решил узнать, кто же такая Лазарева и ее будто бы

случайно встреченные «фронтовые друзья»? Бандеры или первый? Вот что-то мне кажется – невыгодно Кириченко открыто ссориться с Москвой, если даже и он по дури послал, то раздувать не будет и от всего отойдет. А вот Кук – тот вполне мог иметь своего человека и в прокуратуре!

То есть это все же могут быть и переодетые бандеры. А значит, никуда нам идти, ехать, а тем более разоружаться – нельзя! Паранойя иногда очень способствует выживанию. Валить, что ли, придурков, хоть они, возможно, свои? А комендантские подходят от двери с лентой, не спеша. Привлеченные лишь затем, что, по закону, военные, то есть мы, не в компетенции ментов, ну если только с поличным на месте преступления не застали. Вот только если я прав, то прокурорские задачу ставили ментам, а уж те привлекли комендачей, объяснив им ситуацию лишь в общих чертах. Потому комендачи рвением и не блещут: мы для них более «свои», чем милиция. На чем и сыграем.

– Ты сначала гавриков своих убери, – говорю я, – и пусть за стволы не хватаются, не поможет!

И достаю из-под салфетки... Миг – и у пуза урки, или старшего мента, моя левая рука, сжимающая гранату Ф-1. А выдернутое кольцо у меня в правой, бросаю на стол. Краем глаза замечаю, что комендачи так же неспешно, не показывая страха, оттягиваются назад к дверям. Понимаю ход их мыслей: «Этого сумасшедшего после под трибунал, ну а нам в чужом пиру похмелье – нехай милиция сама разбирается».

– Ты это не дури, майор, – говорит урка, на вид не испугавшись, – люди тут. Если что хочешь сказать – давай поговорим.

Комендантские исчезают за дверью. Может, они и вернутся с подмогой – но несколько минут у нас точно есть. У Лазаревой глаза плошками, на меня смотрит, как на психа. А вот Валька, кажется, понял. Лючия нет, но она убеждена, что если я так делаю, то это надо. И за соседними столиками движение – людей в ресторане не слишком много, но под осколки попадать никому не хочется, народ за войну всякое успел повидать, и что такое «фенька» знает.

– Поговорим, – соглашаюсь, – товарищ Ольховская (тьфу, чуть не ляпнул «Лазарева» не при своих), у вас есть что ему сказать?

– Есть, – отвечает Аня, – уж простите, товарищ как вас там, фамилии вашей не разглядела, поскольку вы свое удостоверение мне вверх ногами показали...

Вообще-то мент ксиву показал правильно. Но по психологии полезно – хоть чуть его внимание на себя переключить. Ну, и опустить малость и вежливо – ты для меня лишь третье безымянное лицо.

– Через час с четвертью мне надлежит быть у первого секретаря ЦК КПУ товарища Кириченко, – продолжает Аня, – в комнате администратора я видела телефон, номер секретариата ЦК известен. Позвоните и спросите. А затем я сама попрошу подойти к аппарату товарища Кириченко, который ждет меня по очень важному делу и наверняка захочет получить объяснения и от вас, и от вашего начальства. Он видел мои полномочия и может подтвердить мою личность. Надеюсь, вы не будете подозревать первого секретаря?

– И этих убери, чего им головы класть, если что, – добавляю я, – или пусть у дверей снаружи постоят, покараулят, пока беседовать будем. Ну что, опер, договорились мы, или война?

И разгибаю один из пальцев на руке с гранатой.

– Ты что, контуженый, майор? – шипит опер. – О людях подумай! Кончилась уже война.

– А это как товарищ из Москвы скажет, – киваю на Аню, – мне Звезду за четыреста лично убиенных мной фрицев дали, ты столько жмуров в жизни не видел, опер.

И разгибаю второй палец. Держа руку так, чтобы Ане не видно, зачем в ее положении излишне нервничать, тут и так стресс. Зато менту видно очень хорошо.

– Черт с тобой, пошли, – отвечает он, – но когда разрулим, после ты мне лично за все ответишь!

Это зря он сказал. И взгляд его мне не понравился – так что, встав, взял я своей правой рукой за его левую и провернулся, как в танце. Сложно этот прием с одной руки делать, не уверен, что, например, у Вальки бы получилось. Зато в итоге – у мента локоть в потолок, ладонь вперед, а сам он на цыпочках семенит и лишь кряхтит, даже зыркнуть на меня зло не может, и это при том, что я его кисть лишь двумя пальцами держу. Милицейское самбо этих лет – «раз-два, и руки за спину» – больше на заламах основывалось, на принципе рычага, а это техника айкидо, где болевые в основе, чуть сильнее повернешь – и перелом. Ввалились мы такой толпой в комнату администратора, тут уже Валентину пришлось смершевские корочки показывать – вот вбито за войну уважение к этой конторе, которая тогда могла любого без суда... и не сообразил никто, что в мирное время СМЕРШ гражданских права не имеет тронуть. Телефонный справочник нашелся – и номер, конечно не того телефона, что на столе у первого, но в его приемной у секретаря. Лазарева менту показала, сама набрала, представилась и попросила переключить на Кириченко. А затем с ядом в голосе сказала, что не может быть у него в назначенное время, «так как ваша прокуратура сейчас пытается арестовать меня и моих друзей по совершенно непонятному обвинению и без всяких разъяснений». И поинтересовалась, не по его ли, товарища Кириченко, приказу это происходит – и если так, то разговаривайте с Москвой сами, там будут в курсе в самые ближайшие часы.

– Ах, не вы? Ну, тогда убедительная просьба – разберитесь как можно скорее, что за дела творятся в вашем хозяйстве у вас под носом. Мы пока в «Национале» ждем. Номер тут какой? Ну, так вы, – это Лазарева к младшему из ментов, – выйдите, администратора спросите. Минуту, товарищ Кириченко. Диктую... ждем!

И ко мне уже – гранату теперь можешь убрать. Да, ну и жену же нашел себе наш адмирал – впервые увидел ее в роли большой шишки, кто даже первого секретаря строит. И ведь получается у нее! А если мой галчонок, ей подражая, вырастет в такую же? Ну, а с гранатой – да никаких проблем! Вот честное слово, если бы женщин с нами не было, да еще в положении, похулиганил бы, отплатив менту за хамство! Ну а так – лишь изобразить? Делаю вид, что хочу сунуть «лимонку» оперу за пазуху и разжать руку. Мент белеет и разевает рот. Блин, нам тут берсерка не надо!

– Да успокойся ты, не рванет! Она ж пустая и без детонатора. Как раз для такого случая таскал.

Как, например, в помещение входя, бросить – чтобы все там залегли, а особенно те, кто двери на прицеле держит. Валентину этот фокус был хорошо известен, потому он и был спокоен. Да и Лючия вроде знала, но не сообразила.

– Ну, ты и гад, Юрка! – с облегчением говорит Лазарева. – Меня напугал до смерти. А если бы... а, ладно!

Мент раздражается отборной бранью. А затем говорит:

– Падла ты, майор. Я в органах с двадцать шестого года. И ошибаешься ты – трупов, а также всего прочего, я навидался побольше тебя. А что на фронте не был, так вины моей нет, трижды рапорт подавал. Зато в тылу погани извел немерено. «Фриц должен быть в земле, а вор в тюрьме» – это правило ты слышал? Чтобы вам, таким вот... было куда возвращаться.

Снаружи какой-то шум. Опер кричит:

– Эй, Кононов, что там?

Младший мент рапортует – товарищи из местного отдела подъехали, вместе с комендантским взводом, и спрашивают, где тут бандиты, что товарища из Москвы захватили. Мент распахивает дверь и орет:

– Какие, к чертям, бандиты? Это я, Кныш.

– А ну, старшего сюда!

Да, Кириченко не тормоз – быстро за собой хвосты подчищает!

В дальнейшем выясняется, что менты приехали всего лишь по сигналу кого-то из бдительных граждан. Кто, вот везение, был в зале в тот самый день («еще не вмерла») и запомнил Аню, сидевшую рядом с первым секретарем. Мало того, как тут же выяснил Кныш, еще и среди новоприбывших ментов оказались те, кто «товарища инструктора ЦК» тогда видели и сейчас узнали. Кныш снова матерится, уже неясно в чей адрес. И в завершение звонит телефон. Трубку снимаю я – начальственный голос требует срочно позвать старшего из угро, прокуратура на проводе. Кныш представляется – и даже я, стоя рядом, слышу вопли с того конца.

– Падлы, – говорит мент, – ладно, в звании понизят, переживу. Не выгонят – кому тогда работать? Но ты, майор, мне должен – за угрозы и насилие по отношению к представителю власти. Или я тебя сейчас комендатуре сдам, хоть на гауптвахте посидишь. Что за прием ты на мне сделал, покажь. Только руку не сломай ненароком.

Я показываю в варианте двух рук – айкидошное «санке». Менту не нравится, что надо проворачиваться под рукой, пусть на короткий миг оборачиваясь к противнику затылком. Ну, тогда попробуй вот это – «никке» (конечно, названий я не говорю): болевой на кисть и руку за спину, мордой в пол. Это выходит лучше. Хотя без базовых основ...

– Мальчики, – вмешивается Аня, – нам уже ехать надо, Кириченко ждет. А я бы хотела товарищу Кнышу еще пару вопросов задать. Какие претензии к нам были от прокуратуры?

– Сигнал был от граждан, – отвечает опер, – что тут ночью офицеры пьяные буянят. И постановление было насчет того, что фронтовики и демобилизованные склонны решать свои дела кулаками, а то и оружием, что надо решительно пресекать. Причем следователь прокуратуры Цуцкарев, давая указания, прямо мне сказал, что подозреваемые могут выдавать себя за высокопоставленных командировочных из Москвы и иметь на руках поддельные документы высокого качества. Ну, а дальше наше дело подчиненное: провести проверку фактов и принять меры к задержанию с последующим возбуждением уголовного дела.

Ага, вот только сдается мне, здесь Кныш дурку валяет. Не может опер с почти двадцатилетним стажем быть таким дубаком, это все же не патрульно-постовой мент. И думаю, был ты рад случаю на законном основании попрессовать столичных, – но свои мысли держу при себе, не время сейчас для разборок. А вот этому Цуцкареву я теперь не позавидую – если бы не его уточнение, можно было бы списать на инициативу дурака, а так сразу видно, что заказное. И будет прокурорскому – если он от Кириченко кадр, то лететь ему в самую глухую жо... ну, а от бандеровцев – тогда строго по закону, вышак.

– А мы-то тут при чем? – допытывается Аня. – Или от пострадавших заявления поступили?

– Так вы, товарищ Ольховская, вот только без обиды, ну совсем не похожи на партийную, – оправдывается Кныш, – на вид, простите, как профурсетка, ну не бывают такими товарищи из Москвы, строгости никакой. И простите еще раз, я-то все понимаю, война, но раз вы коммунист и замужняя, судя по кольцу, ну нельзя так авторитет партии ронять. Ладно, фронтовые товарищи, но неприлично шуметь-то зачем? Люди же слышат, в соседних номерах!

Аня посмотрела на Лючию. Та смущенно спряталась мне за спину.

– ...и свидетели прямо на ваш номер указывали, как в вашу дверь стучали, и слова «товарища Ольховскую вызывают в штаб округа», а после шум драки. И коридорная куда-то пропала. Мужики, при всем уважении – сейчас не война уже, и это наша епархия, а не СМЕРШ. Даже если вы тут шпионов ловите – мы в курсе быть должны.

А, была не была! Ведь если завтра начнется, то именно таких, как этот опер, в первую очередь убивать будут!

– Кныш, в ближайшие дни будьте наготове. Когда тут начнется кипеж, запомни: главная опасность не в толпе. А малые банды, хорошо вооруженные и обученные, будут под шум нападать на выбранные объекты и убивать по списку. Это враги хуже фашистов. Больше сказать не могу, но после буду рад позаниматься с тобой русбоем. Если останемся живы.

Кириченко Алексей Илларионович, первый секретарь КПУ.

Киев, 22 июня 1944 г.

Вот мерзавцы! С таким трудом налаживалось – и все под откос! Ну, какого рожна им это было надо?!

Политика – это дело тонкое. Мало ли кто кем раньше был? Дружок, что в тридцатые в Средней Азии служил, рассказывал, как там устраивалось: «Ну что ты, курбаши-юзбаши, стреляешь из-за дувала, лучше к нам иди, вступай в партию, сделаем секретарем райкома». А в Грузии, я слышал, бывшие князья в коммунисты подались и жили как раньше, крестьян плетью секли. И что – да ничего, ведь главное, чтобы спокойствие, и в Москве довольны!

Так и эти. За ридну самостийну, и что с того – раньше ведь союзниками считались против панской Польши, как месть наша за Варшаву двадцатого. И если бы Гитлер на нас не напал, так, зуб даю, Бандера и сейчас бы своим числился, как какой-то там Барзани в Ираке. Москва всех превыше, ну так далеко она, я здесь за нее, меня и слушайте, как раньше немцев, будете хорошо вести себя, забудем про ваши грехи – например, как панам на Волыни кровь пустили. Кого Пилсудский на «крессах всходних» селил – «осадников», отставных солдат, чиновников, жандармов и тому подобную сволочь, для которой украинцы были как для фрицев унтерменши – ну вот и получили паны по справедливости. Зверство, конечно, кожу заживо драть или детей в котле варить, так народ простой и шибко на ляхов озлобленный. Мы в той войне победили – значит, слушайте нас! И ведь слушали поначалу!

Даже на то согласился, чтобы на их землях их люди во власти. Пошлешь туда человека с востока, так обязательно что-то с ним там случалось, а то и просто сгинул, и нету! А так покой и порядок: какие бандиты, мы все мирные граждане УССР, за Сталина, все исправно работаем и налоги платим... пока нас не обижают, конечно! Так я их и не трогал, чего еще им надо было?

Пономаренко, гадюка, ну что стоило тебе самому приехать? Договорились бы как-нибудь, по старому знакомству. Нет, эту прислал – и ведь как прислал! По распорядку ведь положено, чтобы не одна приехала, а с сопровождением, и из адмтдела кто-то, и фельдъегеря, для охраны и поручений, но это если именно официально, «иду на вы», а так, в одиночку, – значит, доверенное лицо. И такое бывает, хотя и нечасто. Ну, а что ППЖ, зная мое отношение к женскому полу на рабочем месте, так это тоже намек, что правила устанавливает он, вышестоящий, плевав на мое мнение – что ж, это его право. Пока. Ничего, я ведь не забуду, припомню, когда карта моя ляжет.

Мы ведь тоже не пальцем деланные, все понимаем. Хозяин сожрет, не подавившись, каждого по отдельности – а если сразу многие ответственные товарищи, особенно первые в республиках, скажут – нет, не против вас, товарищ Сталин, а исключительно в интересах дела, партии, по своей совести коммунистов и ленинским заветам? А главное, народ не хочет, который, по Марксу – Энгельсу – Ильичу, всегда прав! И в подтверждение – беспорядки, и не где-то в Туркестане, а на Украине. Не желают простые люди новых границ, а заодно неплохо было и вольностей прибавить, чтобы своя внешняя торговля и представительства за рубежом, и ресурсов побольше у себя, а не в центр. Ну и конечно, чтоб нового тридцать седьмого не бояться – чтобы, к примеру, члена Политбюро снять с должности, не говоря уже об аресте и приговоре, можно было лишь с согласия Политбюро, а не по единоличной воле Хозяина. Нам на местах, значит, отдуваться, а таким, как Пономаренко, все сливки. Погоди, еще неизвестно, кто лет через десять будет кем и где!

Прислал свою б...ь, не для того чтобы передать мне что-то, а лишь чтоб «она посмотрела». И доложила тебе и кто там за тобой стоит, насколько мы тут готовы? Чтобы вам там наверняка! Ей и показали, даже сверх того – хотя мне уже тогда, после того обеда, надо было насторожиться, отчего перестарались, я ведь подумал, заставь дурака богу молиться... Сидоренко, или как там тебя по-настоящему, ты не понимаешь, идиот, что без меня долго еще

будешь по схронам прятаться, я же тебе пусть пока место за кулисами предлагаю, но все же... Зачем тебе со мной бодаться, кто первый, кто второй? Ты всю игру портишь своими амбициями, и мне, и очень серьезным людям! Зачем было московских злить?

Мы, может, академиев не кончали, но понимаем, что к чему, без этого в аппарате никак! Черт с этой московской дурой – но трогать ее сейчас нельзя! Сидоренко грозился мне ее голову подкинуть – а то, что они устроили, еще хуже, ведь тут уже я непосредственно виноват! Драка с оргией в «Национале», чтоб я поверил, ищите дураков! А в итоге выйдет, что и московские со мной на ножах, и я уже не смогу, если что, назад открутить, повиниться, «разоружиться перед партией, признав политическую ошибку». И ведь самое худшее выйдет, если московские примут за объявление войны с моей стороны и решат срочно меня убирать. Я, конечно, тоже кое-что про них знаю, но у меня никаких доказательств, а у них на меня, если будут всерьез копать, окажется много. И полечу я отсюда если не в Ашхабад, то в какой-нибудь Сталинабад⁴⁴, богом забытую дыру, и если и выйду когда, то место будет занято, связи утеряны, у рычагов власти совсем другие люди. Нет, не хочу!

Надеюсь, что товарищ инструктор мне еще и благодарна будет – за восстановление законности? А с прокуратурой я еще разберусь, кто это там такой ретивый или засланный – и без всякой пощады, строго по закону. Пока же, интересно, что у московской штучки за срочное дело, о котором она еще до того сообщала, требуя встречи? По регламенту, у нее сегодня значатся визиты с инспекцией, список мест не вспомню сейчас – и лишь вечером сюда, на заседание. Ну, ко мне у нее никаких претензий быть не может – вчера нормально расстались. Мне доложили, Сидоренко с ней после неприятно пообщался, ну так я-то при чем? Да и после она связывалась с Пономаренко, при мне, ничего такого не говорила. Так что пусть приходит – выслушаем. А после можно на часок и домой съездить, отдохнуть.

В приемной шум, возмущенный голос секретаря. Дверь распахивается, и врывается Ольховская в сопровождении каких-то военных. Что происходит, что они себе позволяют! А она не отвечает, подходит, смотрит на меня, первого секретаря Украины, совершенно неподобающе, как на ничтожество, и спрашивает:

– Гражданин Кириченко, вы знали, что тот, кого вы мне вчера представили как Сидоренко, на самом деле Василь Кук, генерал-хорунжий УПА, второй по весу человек в ОУН, опаснейший враг Советского Союза, виновный во множестве преступлений?

Я знал? Зачем мне это? Конечно, я знал, кого он представляет, и что он, судя по всему, занимает там достаточно высокое положение – и этого мне было достаточно, чтобы решать с ним свои дела! Но все же я полагал его связником кого-то главного, не больше. Так что могу с чистой совестью ответить – нет. Я ведь действительно не знал точно, кто выступает под личиной зампреда Житомирского потребсоюза?

– Вчера мы не сошлись во взглядах, – говорит Ольховская, – настолько, что ночью Кук прислал в «Националь» своих головорезов, чтобы убить меня или похитить. Кстати, тот, кто командовал ими, тоже вчера присутствовал здесь. Спасибо товарищам из СМЕРШ, что я вообще осталась жива. А пойманные бандиты рассказали много интересного, в том числе и про вас. Сейчас все арестованные уже в Москве, вместе с моим подробным рапортом. Товарищ майор, – это она к одному из своих спутников, – удостоверение покажите: СМЕРШ Пятой воздушной армии, что в Борисполе. Самолет на Москву еще ночью ушел. Заигрались вы, гражданин Кириченко. Аппаратные игры – это одно, а прямой сговор с врагами СССР – это уже на измену Родине тянет.

Так, значит, была все же драка? Сидоренко или Кук, ты что, идиот? Что он там с ней не поделил – или на ее прелести польстился, захотел, чтобы непременно московскую и партийную – воистину от баб все беды! Или все-таки решил мне ее голову прислать? Учтем! А вы, товарищ

⁴⁴ Тогда так называлось Душанбе.

инструктор, блефуете. Мне доложили, что в «Национале» вы встретили случайно каких-то друзей-фронтовиков (хотя странно, что такая фифа могла делать на фронте?). Может быть, кто-то из них и оказался из бориспольского СМЕРШ. Но Москва ничего знать не может, это не в ваших интересах, я же и Пономаренко утоплю!

Ольховская усмехается и смотрит на часы.

– Тринадцать сорок. Позвоните по ВЧ Пономаренко. А я послушаю, что вам скажут.

Долго не соединяют. Наконец абонент у аппарата. Ору с матюгами: какого черта, Пантелеймон, что за штучки? Что себе позволяет твоя прошмандовка? Из-за нее одни проблемы – а расхлебывать придется мне, не тебе!

И тут пол уходит из-под ног, и выступает холодный пот. Потому что в ответ в трубке голос вовсе не Пономаренко.

– Гражданин Киричэнко, вы измэнник или просто дурак? И считаете бандэровский мятеж в Киевэ всего лишь проблемой? Впрочем, кто вы, товарищ... Ольховская разберется. И послэ доложит, вы все еще товарищ Киричэнко или ужэ нет.

Перед глазами все плывет. Чей-то голос рядом:

– Аптечка есть, а то его удар сейчас хватит?

– Что ж вы молчите, гражданин Киричэнко? Нэ желаете признать свои ошибки, разоружиться перед партией?

– Никак нет, товарищ Сталин! – ору в трубку. – Готов исполнить все, что Родина и партия укажут! А также признать и исправить любые отклонения от генеральной линии!

Еще не все потеряно. Хотели бы арестовать – здесь бы уже были люди из НКГБ с предписанием. И сам бы со мной не говорил – зачем?

– Тогда мой совет: слушайте товарища Ольховскую. Она дурного не скажет. А уже после будем решать, товарищ вы нам или уже нет. И надеюсь, вы понимаете, что с ней ничего слушаться не должно?

Так точно, товарищ Сталин! Что еще ответить? Господи, если бы время вернуть назад! Хоть на пять минут – кого обматерил?! Или на день – знал бы, на километр не подпустил бы к московской инструкторше этого Сидоренку! Или на месяц – нечего было влезать в московские дела, и в автономии нашлось бы место. Или на полгода – зачем связался с этими, выжигать их из схронов «адским студнем», газами травить, чтобы все передохли! Обращение «гражданин» от Самого мне – это однозначно или вышак, или в лагерную пыль, двадцать пять лет, по новому указу!

– А у вас, товарищ Пономаренко, есть что сказать? – слышу приглушенный голос с того конца провода.

И голос Пантелеймона в ответ:

– Ну, если только привет передать, от товарища Бери. Или вы позволите, товарищ Сталин, прямо сейчас ей краткие инструкции дать?

Так вот, значит, чья она ППЖ? То-то слухи ходили, что Лаврентий Палыч за молоденькими красотками увивается, даже на улицах ловят и доставляют! А ему, выходит, не только красивые, но и умные нужны, вот эта Ольховская удачу за хвост и схватила. А Пономаренко меня слил с потрохами. Сам «товарищем» остался, а меня под статью? Падла, жив останусь, не прощу! Но сейчас мне деться некуда. Смотрю, как эта б...ь по телефону указания принимает. Ненавижу... и не дай бог сейчас хоть один волос с ее головы! Она после мою судьбу решать будет, не единолично, конечно, но на основании ее доклада. И если с ней что-то произойдет – я не отмоюсь никак! Тогда останется лишь с Сидоренкой в схрон, а я ж коммунист, а не бандит из села Голозадовка! Да и нужен ли я теперь Сидоренку? Убьет и не поморщится – да еще прикажет своим с меня кожу содрать, или пилой распилить живого, как с панами на Волыни. Разыграет перед своими казнь пойманного первого секретаря, «дело Бандеры живет и побеждает».

Закончила, мне трубку протягивает. Ору, вытянувшись по стойке смирно:

– Слушаю, товарищ Сталин!

И смешливый голос Пантелеймона в ответ:

– Алексей, прими совет напоследок. Товарища Ольховскую слушайся, как... ну, ты понял. И бога моли, чтобы твой приятель Кук в итоге болтался на виселице, для тебя это лучше всего. Шанс оправдать доверие у тебя есть, хотя, честно, не слишком большой – но в твоих руках, и как Ольховская оценит. Все!

Слушайся как – самого товарища Сталина, хотел сказать? Из-за нее все – как бы я хотел, чтобы она живой попала бы в схрон к Сидоренке, и чтоб с ней там, как со всякими присланными комсомолочками или учительницами... После чего мне самому лучше сразу застрелиться. Нет, жить хочу! Но после я все припомню, если не упаду, а еще поднимусь!

– Товарищ Ольховская, какие указания будут? Жду ваших распоряжений.

Анна Лазарева (по документам Ольховская).

Киев, 22 июня 1944 г.

Сажу во главе стола. А Кириченко от меня по левую руку, весь сжался, как будто воздух из него выпустили, вальяжность потерял. Факт измены первого секретаря решили не обнаруживать, по понятным причинам. Пономаренко в инструктаже настоятельно рекомендовал мне, чтобы бывший первый в Москву попал живым, ему еще надо на интересные вопросы ответить, что он знает о заговоре в центральном аппарате. То есть Кириченко, сейчас низведенный до уровня простой передаточной шестеренки, стал опасным свидетелем, и не только для Кука. Мне еще охрану к нему теперь приставлять?

За столом около тридцати человек – ключевые фигуры ЦК КПУ, Киевского обкома и горкома. Все гораздо старше меня, биографии вспоминаю: иные в Гражданской поучаствовали, заслуженные коммунисты, на меня поглядывают с недоумением... но я-то уже не студентка Анечка, какой была всего три года назад! А голос самого Сталина и проводник его правильной воли – а вы, почтенные, у себя под носом заговор просмотрели, ведь наверняка кто-то догадывался, но предпочел не видеть? Так что после будут еще разбираться, те, кому надо, на ком еще вина лежит. С учетом вашего поведения при подавлении мятежа – так что шанс реабилитироваться у каждого есть.

– Ну, ты прямо ежовский палач в тридцать седьмом, – шепотом ответил мне Смоленцев, с которым я перед началом поделилась мыслями, – без всякого уважения к благородным сединам: виноват – на плаху. Нет, кто явно и сознательно, к тем строго по закону. А кто перестроиться не успел, когда мир изменился? Анекдот про «колебался вместе с линией партии» я рассказывал когда-то, помнишь?

– Юрка, ну ты все в балаган превращаешь! – возмутилась я. – А тут серьезные люди, и война на носу!

– Тебе напряжение снимаю, – сказал он в ответ, – а то ты натянута вся, как тетива. А так лишь в момент удара надо – иначе или лопнешь, или перегоришь. А нервные клетки не восстанавливаются – ты вон на тех двух теток за столом посмотри, по анкете им и сорока нет, а выглядят обе как под шестьдесят! А я хочу, чтобы ты до старости радовала нашего адмирала, и нас заодно, своей красотой.

– Типун тебе на язык! – говорю. – До старости дожить надо!

– А куда ты денешься: я Пономаренко обещал, а он твоему Михаилу Петровичу, что с тобой ничего не случится, – усмехается Юрка. – И вот те тетки так же думали, наверное, вот сейчас сделать вот это, любой ценой, ну а прочее по боку. Ты пойми, Ань, что нам теперь до пенсии покой лишь снится будет. И если на повышенных оборотах там, где это в данный момент не надо – сработает свой ресурс в ноль. Ты, главное, не бойся – все будет хорошо.

Всего-то полторы тысячи бандерлогов прискакали, без всякой поддержки – у нас же руки развязаны, если мы всех их завтра танками в асфальт, да ни одна собака в мире и не гавкнет.

– Нет здесь танков, – отвечаю, – я уже справки наводила. Есть по несколько БТР у полка охраны штаба округа, в 41-м городке и в батальоне аэродромной охраны Борисполя. А отчего «бандерлоги» и «скачут»?

– Да сон я видел, – отмахнулся Брюс, – эта же самая площадь, что за окном, где сквер и фонтан. Страшное там было – после расскажу. Ну что, в сборе все – начинай!

Смоленцев, в вычищенном мундире с майорскими погонами и Золотой Звездой на груди, сидел от меня справа, как в президиуме. А от нашего короткого стола отходил длинный, Т-образно. Вот интересно, товарищи за ним по рангу рассаживаются, кто ближе к первому, кто дальше – как бояре при царях, как нам в университете рассказывали?

Кириченко уже вопросительно смотрит на меня. Я киваю – начинай! Он стучит по столу – тихо все! Гул мгновенно смолкает.

– Товарищи! – начинает первый секретарь хорошо поставленным голосом. С таким бы со сцены выступать или дьяконом в церковь. – Мы собрались здесь по чрезвычайной причине! Как удалось достоверно установить, в Киеве готовится бандеровский вооруженный мятеж. Пригтели, понимаешь, змею на груди – выводы еще будут сделаны, персонально, по всем, кто эту линию поддерживал! Но мудрое руководство товарища Сталина...

Он говорил и говорил. Воля партии... Великая Победа... нерушимое единство республик СССР... Очень старался показать свою лояльность новому курсу. А я обдумывала слова Юрки-Брюса, сказанные мимоходом. Он прав – вон, Карин-Даниленко, заместитель наркома ГБ Украины, и главный советник наркома Савченко (который тут человек новый) по «бандеровским» вопросам. Упирая на свой давний опыт – еще с двадцатых он, вместе с ОУН, работал, и неплохо, против панской Польши. Когда боль от нашего разгрома под Варшавой и отторжения западных земель была еще свежа, а с той стороны границы толпами лезли шпионы всех разведок, диверсанты, бандиты, контрабандисты. И бандеровцы так и остались для него своими, братьями по оружию – нет, Карин-Даниленко не был их прямым агентом, но всячески старался свести борьбу с ними к соглашательству, спустить дела на тормозах, закрывал глаза на убийства советских людей, клал донесения под сукно. Хотя он, безусловно, был зубр, крепкий профессионал – загнать его, например, на китайскую границу, цены бы ему не было. А это мысль – не знаю, оправдают его в итоге этих событий или обвинят, но в первом случае он на Украине не останется, я о том особо Пономаренко доложу.

Или сам Кириченко. После Атоммаша (работы с командой Курчатова) и Севмаша я стала остро замечать в людях недостаток образования и культуры. Не отсутствие витиеватых политезов и кулуарного обхождения, а простоту мысли – как детская игрушка, автомобиль или паровоз, четыре колесика, прилепленных к бруску, отличается даже внешне от настоящей машины, так и образ мира, которым оперируют необразованные люди в своем мышлении (вот слов от академика Александрова я нахваталась!) не соответствует реальности, в которой эти люди живут. Что особенно страшно, когда такой человек становится властью, его приказы, даже отданные из самых лучших побуждений, часто приносят лишь вред, как Хрущев в той линии истории. Так и Кириченко. Его максимальный уровень – это директор МТС или председатель колхоза! А ему довелось быть главой республики размером и населением с Францию. Ой, а как же мое «незаконченное высшее», два курса всего, ну и что-то по верхам нахваталась от общения с умными людьми, в том числе и из иного времени? Может, придется доучиться после, в спокойное время, если оно будет.

– Товарищ Кириченко, – прерываю оратора, – вы, конечно, здорово сказали про гнездо скорпионов и ехидн, – (ой, а что там в речи было, до этих последних слов, прослушала?), – но время уходит. Напомню, что уже половина четвертого, и до конца рабочего дня на заводах осталось не слишком много. А собрать и оповестить людей после смены будет гораздо труднее.

Все же слишком мягкий я человек. Иначе сразу бы одернула, время не теряя – ты о деле давай!

– Простите, товарищ Ольховская, – переключился Кириченко. – Товарищи, есть предложение сформировать на крупных промышленных предприятиях отряды рабочей самообороны. Дать указания заводским парткомам, военкоматам, милиции. Предлагаю назначить ответственных по списку...

Правильно, это самое срочное дело сейчас. На той же «Ленинской кузнице» уже перешли на режим мирного времени, восьмичасовой рабочий день. Ночная смена тоже есть – но днем народу работает побольше. И порядок уже отработан войной – надеюсь, не забыли еще? По сути это как объявление военного положения, раз дошло до истребительных батальонов – райком дает команду, дирекция завода говорит «есть», сейчас уже не до перевыполнения плана, заводской партком организует оповещение людей (и запись добровольцев, а при их нехватке – мобилизацию), собранные люди получают инструктаж, куда выдвигаться и каким порядком: пешком, или машины найдут. Оружейка на крупных заводах, как «Ленинская кузница», должна быть своя – а если ее нет, люди спешат к военкоматам или отделениям милиции, где по уже поданным спискам и под личную роспись получают оружие. Эта система была еще в сорок первом, на случай борьбы с немецкими диверсантами или десантом, и никто ее еще не отменил. Списки бойцов истребительного батальона по распоряжению должны быть на каждом предприятии, и копии в ближайшем военкомате, уже готовые. А если по разгильдяйству упустили – придется кому-то побегать и поскрипеть пером. Хуже с оружием – но повторяю, на «Кузнице» или «Арсенале» что-то должно быть запасено именно на такой случай, положено! Пусть даже будет одна винтовка на двоих, с четырьмя обоймами на ствол – этого хватит, чтобы отбиться от мелких групп бандер или продержаться, пока не подойдет помощь! Прикрыть «Ленинскую кузницу» и, пожалуй, район Подола – там дома и семьи у многих с завода, так что рабочие будут насмерть стоять.

– ...есть дополнения, возражения? – спрашивает Кириченко.

– Есть, – говорит Юрка, – во-первых, рабочие отряды – это хорошо, и я надеюсь, там и бывшие фронтовики есть. Но все же не помешает дать им в командиры настоящих офицеров. Не изымать из частей гарнизона – а хотя бы тех, кто в Киеве по личным делам, через военкоматы их можно найти. Во-вторых, а что ж вы флот упустили? Днепр же! А на той же «Кузнице», я знаю, тыловая рембаза Днепровской флотилии. Но даже если у них ничего спецпостройки нет, так помните, как в Гражданскую было: на любой пароход, баржу, буксир ставили защиту из котельного железа и мешков с песком, пару пушек на палубу, в нашем случае и пулеметы сойдут, хотя хорошо бы, чтоб ДШК – получим действительно силу, способную и прикрыть Левобережье, и пресечь маневр врага на тот берег, и поддержать наших у мостов, и перебрасывать войска. И противопоставить ей бандеры ни черта не смогут!

– Принято, – подтверждает Кириченко, – включить в указания парткому.

– И еще важно, – говорю я, – организация – это хорошо, но людям и разъяснить надо, не винтики. Сказать, что недобитые фашисты из УПА – надеюсь, здесь хорошо знают, кто это такие – задумали устроить провокацию, контрреволюционный мятеж против советской власти под петлюровским лозунгом «ридной самостийной». А попросту – убивать русских и коммунистов. Также возможны беспорядки уголовного элемента, погромы и грабежи. Так что оповестите угро – и чтобы все были готовы и вооружены, их же в первую очередь убивать будут! Вообще дать милиции подробный инструктаж – даже не по телефону, а фельдкурьером с пакетом. И я пленных видела на работах – завтра их не выпускать, разбегутся, еще этого нам не хватает! Милиции перейти на усиленный режим несения службы, выставить вооруженные посты у радиостанции, телефонной станции – список уточните! Вооруженные – значит, с авто-

матами, а не одними ТТ. И прикажите особо собрать бригадмилейцев⁴⁵, с ними я инструктаж проведу сама.

– Все записали? – спрашивает Кириченко у секретаря. – Ответственных назначили? Тогда пока на этом закончим.

Скрип отодвигаемых стульев. Всем все ясно – приступить к исполнению!

– Да, товарищ Кириченко, а что же вы упустили: вывести семьи ответственных работников и активистов в безопасное место? – вдруг вспоминаю я.

Хотя да, знать бы, где оно, это безопасное место.

– Успеется, – машет рукой первый секретарь, – а если дать указания сейчас, так все бросится первым делом своих вывозить, когда надо делом... Сначала работа – а прочее потом!

Не могу вспомнить, есть ли у него семья? Жена вроде есть – видела ее вчера на обеде. А квартиры, закрепленные за партноменклатурой, тут неподалеку, на Институтской, в новых кварталах, построенных перед самой войной.

– По-вашему, лучше, если они будут делом заниматься, думая, что их близких сейчас убьют? – спрашиваю я. – У бандеровцев точно есть и списки, и адреса! Сегодня же выделите транспорт и доставьте людей... да хоть сюда. Тут охрана, так просто не взять.

– По мне, так горком лучше, – вмешивается Юрка, – на Владимирской горке, как крепость, оборонять гораздо удобнее, и вокруг все простреливается, я уже смотрел. И Днепр рядом, и до Подола, за которым «Кузница», рукой подать. Я бы там взялся с ротой против пары батальонов держаться, если только они без гаубиц на прямой наводке – со стрелковой там нечего и думать штурмовать. А вот здесь я не уверен – застройка вокруг, могут вблизи накопиться и рывком на первый этаж, а дальше внутри просто мясом задавят.

– Товарищ Ольховская, вы тоже так считаете? – спрашивает Кириченко. – Не сочтут ли за трусость, если ЦК покинет свой пост?

– Да, считаю! – решительно отвечаю я. – Долг наш – принести Родине успех, а не бравировать под пулями, глупо погибнув. У товарища Смоленцева боевой опыт куда больше моего, я полностью ему доверяю. Сегодня же проработайте вопрос эвакуации и размещения в горкоме семей партийных товарищей. И возможного временного переезда ЦК туда.

Хотя какое ЦК – наверное, имеет смысл говорить уже об объединенном Чрезвычайном штабе? Чтобы не тратить время на согласование между ЦК, обкомом, милицией, прокуратурой, а также совнаркомом и горисполкомом. Все упирается лишь в одно – позицию военных и ГБ. Уверена, что в Москве не согласятся оставить на округе генерала Герасименко, замаравшего себя подозрением в сотрудничестве с врагом. И что войска уже идут – ведь Пантелеймон Кондратьевич мне поверил, раз сам товарищ Сталин был на проводе?

– Прорвемся! – сказал Смоленцев. – Не дрейфь, хуже бывало. Вот только, Ань, отныне Лючия будет при тебе персональным телохранителем. Галчонок, это приказ – будь в эти дни для товарища Лазаревой как тень, ходи с ней всюду, даже, пардон, в туалетную комнату. Не смейся, там вполне может кто-то ждать! И при враждебных действиях стреляй немедленно, у тебя это очень хорошо получается. А ты, Аня, помни о «дожде» – не стой неподвижно на открытом месте или у окна. Работать по движущейся или внезапно появляющейся цели – это для снайпера куда труднее. Я через Борисполь тоже с Пономаренко связывался – просил, если можно, ребят из нашей команды ловцов фюрера прислать. Подрывники-саперы тут вряд ли потребуются, хотя как знать – а вот пару Пилютин с Булыгиным я хотел бы иметь рядом.

– Спасибо, Юр, – говорю, – не знаю, как бы я без тебя и твоих справилась. А ты что, ехать куда-то собрался?

– Да в «Националь» сметаюсь, и назад, – машет он рукой, – там Финн на хозяйстве остался, и имущество наше в номере, которому в чужие руки лучше не попадать. Вот наташили

⁴⁵ В то время: комсомольцы, помощники милиции.

же с запасом взрывающегося, стреляющего и прочего, как на автономный выход к немцам в тыл! А думаю, что в гостинице сейчас опасно будет, если начнется.

– Юрка, тогда будь другом, у меня из номера мои вещи возьми – а то у меня сейчас лишь то, что на мне! Сумку мою – ну, ты видел. И из шкафа, и что на кровати лежит. Может, лучше мне с тобой съездить, если быстро?

– Да ладно, – Смоленцев машет рукой, – ты лучше на улице не светись, мало ли что. Указание понял – сгребу все, что не гостиничный инвентарь. Да, если что, имей в виду – могу тебе и армейское выделить, полный комплект, с запасом брали. Если бой начнется – тебе будет удобнее, чем в этом платье. Хотя твое оружие сейчас – это не ствол, а слово и партбилет. Я умоляю тебя, Ань, ты на линию огня не лезь, ну только если совсем не прижмет. Не хватало еще тебе как Альенде в Ла Монеде.

– А кто это? – пытаюсь вспомнить. – А, ты рассказывал. Так надеюсь, у Кука авиации тут нет?

– Хуже, – тихо говорит Юрка, – тебе ж Пономаренко объяснил. Если я правильно понял. И ничего не попишешь – политика.

Я киваю, вспоминая последний разговор по ВЧ с Пантелеймоном Кондратьевичем. Товарищу Сталину нужен не предотвращенный – а вскрытый, прорвавшийся и вычищенный нарыв. Чтобы разобраться не с одним Кириченко, а еще с кем-то в Москве. Ой, мама, неужели опять, как в тридцать седьмом – старые большевики, чьи портреты на стенах и имена в учебниках – и вдруг враги? А если и в самом деле – люди, имеющие заслуги в прошлом, но сейчас тянущие всех нас на неверный курс? По крайней мере Кириченко мне точно не жалко!

А значит, войска сейчас не придут. Мятеж должен начаться, гной вытечь на поверхность – и вот тогда, когда враг выступит, мы ударим, решительно и беспощадно. А первый день будет страшным – держаться придется своими силами. Хотя может быть, они не решатся выступить, а уползут в свои норы? Я выглянула в окно. Было еще светло, открывался отличный вид на Киев – красивый город в зелени садов, нанесенные войной раны были почти незаметны. И отдать это беснующейся бандеровской сволочи – чтобы здесь, на этой площади (надо будет спросить у Юрки, что за вещий сон он видел) бесновалась орущая толпа под черный дым пожаров? Затем я представила Бандеру-победителя, входящего в этот дворец, развешенные повсюду петлюровские желто-блакитные тряпки, марширующих по Крещатику бандеровских солдат со свастикой на мундирах, и рассмеялась. Какая чушь, этого не может быть никогда! Мразь, посмевавшая выползти из галицких схронов, будет уничтожена без всякой жалости. Как и все, кто посмел их поддерживать.

– Аня, отойдите, – Лючия потянула меня за руку, – мой Юрий сказал, что вам нельзя у окна!

Завтра – может быть. Но сегодня еще наш день. Откуда снайпер, если он и найдется у Кука, будет знать, что я выгляну в это окно в эту минуту? Да и стрелять снизу вверх – тут есть свои тонкости. Я, конечно, не Петр Егорович Пилютин, лучший снайпер Ленфронта, о котором рассказывал мне Юрка, но кое-что тоже умею, три десятка фрицев на моем счету есть. Так что, Люся, дай пока еще на этот мирный город полюбоваться. Моя воля, я бы вообще окно сейчас распахнула – вот нравятся мне свежий воздух, ветер, простор! Съездила на три дня – а впрочем, Пономаренко сказал, максимум неделя, так ведь еще может быть, я в этот срок уложусь? И своего адмирала в Москве застану – а если нет, то вытребую из Пантелеймона Кондратьевича еще неделю отпуска, чтобы только со своим, единственным и любимым вместе – уж никто не посмеет сказать, что я не заслужила!

– Товарищ Ольховская!

Одна из тех теток. Вспоминаю, как ее – Домра, или Домна Герасимовна, фамилия смешная: Брекс. «Товарищ Брекс» – не только когда читаешь, но даже когда видишь и слышишь, не сразу поймешь, это он, она или вообще оно. Голос низкий, почти мужской, лицо кирпичом,

стрижка короткая, фигура квадратная, одевается – ну только по юбке и отличишь от мужика. Кажется, тоже инструктор ЦК, только КПУ, точно анкету не помню, но поверю Юрке, что ей меньше сорока, хотя на вид и впрямь не дашь. Увидев ее, так и хочется говорить канцеляризмами.

– Вы по какому вопросу?

– Товарищ Ольховская, вынуждена сказать вам, как коммунист коммунисту. Невзирая на вашу должность. Ваш внешний вид и поведение ну совершенно не соответствуют коммунистической морали! Простите, но я обязана была вам это сказать.

В первый миг я даже не нахожу, что ответить. Затем представляю – если она говорит такое мне, то что было бы с какой-нибудь девчонкой-секретаршей, посмевавшейся отклониться от нормы? И наконец, мысленно оглядываю себя, сравнивая с тем, что видела в фильмах потомков (знаю теперь, что такое «мини» – вот не надела бы никогда!). Закрытое платье с длинным рукавом, юбка-солнце до середины голени, ткань – светлый крепдешин в горох... что тут «не соответствует»? Ладно, сама напросилась – тем более что несколько минут есть!

– А напомним мне, товарищ Брекс, где в уставе партии сказано, что коммунистки должны выглядеть и вести себя, как монашки? И каким документом регламентируется ваш и мой внешний вид?

– Это должно быть понятно и так! – Брекс воинственно вскинула подбородок. – Если женщины буржуазно-помещичьих классов должны продаваться мужчинам, привлекая их внешне, то коммунистки в этом не нуждаются, так как их духовный мир и убеждения являются высшей ценностью для того, с кем надлежит вместе идти по жизни и бороться с трудностями. А вести себя так с посторонним мужчиной, как вы сейчас, это просто позор!

– А я понимаю линию партии как все, что идет во благо нашей Советской стране, – вкрадчиво говорю я, – и не так давно я носила военную форму. Но сказал один очень заслуженный товарищ мне и другим присутствующим: «Женщины, будьте красивыми и нарядными, поскольку это наших мужчин вдохновляет побеждать». И как я могла не исполнить указание такого человека – или мне передать ему, что вы его в моральном разложении обвиняете? И вот не пойму, а чем ваш вид, товарищ Брекс, помогает победе коммунизма? Тем, что враги, вас увидя, в обморок упадут от страха?

– Она что-то имеет против моего мужа? – говорит Лючия. – Аня, мой Юрий сказал: «при любых враждебных действиях», а она ведет себя не как друг. Мне ее пристрелить?

Брекс, что-то бормоча, спасается бегством. Я и Лючия смеемся.

– Аня, я не знала, что коммунизм – это что-то вроде нашей Церкви. И что в нем тоже есть монашество. Прости меня, мадонна – дело почтенное, но лучше в старости, когда красоты уже нет.

– Пустое, Люся, – машу рукой, – эти конюшни тоже придется вычищать. Дайте лишь с текущим разобраться.

Подходит секретарь.

– Товарищ Ольховская, вас к ВЧ. Штаб округа на проводе.

Наконец-то военные проснулись! Подхожу, у аппарата скучает Кириченко. Услужливо протягивает мне трубку. Представляюсь и слышу в ответ:

– Генерал армии Ватулин. Назначен новым командующим КВО, только что прибыл. Прошу принять группу офицеров связи для оперативного взаимодействия. И объясните, что за х...ня тут творится – простите, товарищ Ольховская! Где тут бандеры, их численность, вооружение, активность – самые последние сведения?

Командующий не может прибыть один. Значит, армия все-таки пришла. Кук, стреляйся – поймал, повесим!

Василь Кук Лемех, генерал-хорунжий УПА.

Киев, вечер 22 июня 1944 г.

Фигуры расставлены – партию можно начинать. Или отказаться?

А по ту сторону доски такие гроссмейстеры, как Сталин и Черчилль. Пусть сами они думают, что играют друг против друга. А вот у фигур иной интерес, чем быть пожертвованными ради чужой победы. И тот, чья рука ставит пешку на поле для размена – если подумать, для этой пешки такой же враг, как противник. Так можно ли сделать, чтобы проиграли оба игрока, а выиграл тот, кто на доске?

Он, Кук – белый король. Отчего белый – ну так они же начинают в этой английской партии! Ну, а Кириченко – это король черный, хотя себя воображает игроком, надутый дурак! На первый взгляд, позиция безнадежна, потому что у черных колоссальный численный перевес – и по замыслу Белого игрока, его силы должны в итоге героически погибнуть, нанеся Черному игроку максимальный урон – чтобы использовать уже в других партиях, на других досках. Вот только, к изумлению гроссмейстеров, мало того что фигуры самочинно двигаются не так, как им предписано, так еще и черные в этом подчиняются ему, белому королю! Считаете ли вы партию безнадежной – теперь?

Белые играют тем, что на доске – черные могут выставлять дополнительные фигуры, смешно сравнивать мощь УПА и РККА, ОУН и всего СССР! Но во-первых, Сталин не может выделить все свое внимание и силы лишь этой игре, а во-вторых, черным не нужна в итоге абсолютно пустая доска, выжженная земля и трупы вместо богатой провинции, и так уже изрядно пострадавшей от немцев. И белые играют на своей доске – пока и в планах нет похода на Москву, что не удалось германцам, – а вот у черных множество иных задач в других местах. То есть ничья в этой партии – это тоже наш выигрыш!

Сила ОУН(Б), отвергавшей всякое соглашение с властью, была именно в большей боеспособности в сравнении с ОУН(М). Но эта сила, перевес в чисто военную и конспиративную сторону, оборачивалась слабостью, принципиальной недостижимостью победы. Мало захватить власть, ее после потребуется удержать – а вот тут отсутствие политических навыков становилось роковым. Больше того, и чисто военная победа была недостижима. Не грех знать учение врага, если когда-то он был идейно близок. Маркс писал, что чисто военная победа повстанцев над войсками была невозможна даже в эпоху баррикад – успех достигался, когда солдаты были морально на стороне восставших, отказываясь стрелять в народ, а если армия видела перед собой просто толпу, сброд, взбунтовавшуюся чернь, исход всегда был очевиден. «Тем более невозможна победа народного восстания в индустриальную эпоху, когда гарнизоны, благодаря железной дороге, могут быть в кратчайшее время доведены до размеров огромных армий, а войска имеют громадный перевес в вооружении и организованности». Но в этой игре все должно быть совсем не так!

Война – это мир. Можно воевать тридцать лет, с австро-венгерских времен, и не проиграть, но быть так же далеко от победы. А мир – это война: а чем плохо «Украина це Канада» – была когда-то колонией, стала доминионом, с чисто номинальной властью бывшей метрополии? Вот только дипломатия всегда должна подкрепляться кулаком, чтобы показать свою силу: со слабым не разговаривают, тем более не уступают! Пусть в Лондоне велят «драться до последнего украинца» – примем тактику, которую они хотят, мятеж жестокий и кровавый, но с совершенно иной целью! Добиться от Москвы признания за Украиной права доминиона, с альтернативой долгой и изнурительной войны – мы-то стерпим, как уже тридцать лет под тремя державами, да и под москалями тоже два года после тридцать девятого, а вот Сталину вовсе не нужна дорогостоящая смута в свете будущих осложнений с державами. Довольно прятаться по схронам – пора уже и выходить во власть. Шухевич понял это первым.

Начать планировалось осенью. Воевать легче, когда уже собран урожай. К тому же были сведения, что в это время какие-то события начнутся и в Москве, и Сталину будет уже не до Украины. Киевская операция задумывалась первоначально лишь как частное улучшение пози-

ции перед решающей битвой, ну и конечно, разведка боем. Ее причинами были совпавшие по времени начало административно-территориальных реформ, в результате чего появился уникальный шанс подчинить себе первого секретаря, и «кооперативные» дела на востоке, требующие немедленного ответа. Демонстрация не только Киеву, но и Москве, что может начаться по всей (не только Западной) Украине, если не прислушаться к голосу украинского народа. Сохранение УССР, прекращение преследования кооператоров – и, о чем не будет сказано вслух, резкое усиление влияния ОУН на органы местной власти и рост авторитета среди населения. Что придется кстати осенью, когда настанет пора требовать фактической независимости – а как еще назвать право собственной внешней политики с посольствами и торгпредствами? Своя национальная армия, лишь номинально подчиненная Москве, свои органы внутренних дел и госбезопасности, лишь своя национальность во власти, свое право устанавливать налоги и решать, сколько отсылать в центр, свой государственный язык, поддержка своей национальной культуры⁴⁶. А если в столице откажутся – угрожать восстанием и, возможно, даже начать его и сражаться до того дня, когда эти требования будут удовлетворены. И да здравствует самостийна Украина – чем это хуже Польши, Чехословакии, Венгрии, так же появившихся после той, прошлой войны? А он, Кук, конечно же, будет премьером, или президентом – ну, с Шухевичем они договорятся, кто будет первым, кто вторым. А этот неудачник и трепач Бандера – да кому он будет нужен тогда? Заодно придется почистить кое-кого из своих, если, конечно, они доживут, – а то уже сейчас слышны голоса: «предатели, соглашатели», – видят уже, что мест у кормушки наверху выйдет меньше, чем желающих их занять. Но это уже вопрос будущего. Чем я хуже Пилсудского, кто начинал так же, как я, боевым командиром?

И вдруг все пошло кувырком. Началось с приезда московской сучки – Кук мог поклясться, что она его узнала, но не мог ее вспомнить, как ни напрягал память. А предмет, которым она манипулировала, был отдаленно похож на микрофотоаппарат. Может, то и впрямь была пудреница, или что там женщины таскают, – но Кук был убежден, что излишняя предосторожность не помешает. Потому и озадачил Витковского, дело казалось не таким сложным. Особенно когда в «Национале» есть свои люди, пусть не для силовой поддержки, но наводчики и наблюдатели из персонала. Все должно было произойти, как много раз до того – машина чуть поодаль, двое с автоматами для прикрытия, трое идут в номер, причем двое из них – это хорошо обученные боевики. Сам Витковский появляется на месте позже, но обязательно – лишь он знал объект в лицо, а вдруг там каким-то образом окажется другая? Изъять предмет, и если окажется фотоаппаратом, тащить сучку на базу, после Кук сам допросит и решит, что с ней делать... может, и отпустил бы, в каком состоянии – вопрос. А если пудреница, то просто наказать за строптивость – привязать к кровати, оприходовать вчетвером, и в завершение бритвой по лицу, на память. Ай-ай, сколько в Киеве бандитов развелось, а вы и не знали?

Неожиданностью были «фронтовые друзья», о встрече с которыми доложил агент из уголовных, кому поручалось встретить сучку по приезде и попытаться незаметно вытянуть подозрительный предмет или просто вырвать сумочку и убежать. И не было уже времени и возможности переиграть – группа Змеюки вышла на исходные. Оставалось лишь надеяться, что товарищи офицеры, нагулявшись, разойдутся по своим номерам. И был условленный сигнал, и группа вошла – что случилось дальше, агент-контролер, наблюдавший с улицы и издалека, понять не мог. Но выстрелов не было, ни одного. Группа не вышла, а пройдя мимо машины, агент увидел, что сидящие в ней мертвы, хотя он мог поклясться, что к автомобилю никто не подходил. Тут контролеру стало страшно, и он убежал и не видел, что происходило дальше – будет наказан за трусость! Но после видели, как к «Националю» подъезжали грузовик и бро-

⁴⁶ В нашей истории все это предполагал осуществить Берия после смерти Сталина. Слава богу, не успел.

нетранспортер, стояли очень недолго. Шесть человек исчезли бесследно, и машина, и женщина-агент из гостиницы. И это было еще не все!

На базе в Соломенках, куда должны были доставить сучку, ждали, что, возможно, вместо Змеюки придут энкавэдисты. Эта предусмотрительность не раз спасала прежде, тактика была отработана – пулеметчики на позициях, управляемый фугас на подъезде, прорыт подземный ход, а сам дом подготовлен к взрыву. Этот метод применялся еще в тридцатых против польской дефензивы. Никто ничего не видел, хотя и в соседних домах были «маяки» – и вдруг база взлетела на воздух, шестеро убитых, пятеро раненых, причем трое – тяжело. Итого в боивке «полевой жандармерии» осталось всего семь человек в строю. А это было очень плохо, поскольку сгинувший Витковский и его люди были последним козырем Кука на случай, если Козак, СБ, замыслит недоброе. Его головорезам ведь плевать, ты генерал-хорунжий, рядовой боец или вообще крестьянин – на кого укажут, тому и накинут удавку, «ты зрадник, боивка приговорила тебя к смерти как врага украинскому народу», и все – Кук сам не раз видел эту процедуру. Хотелось верить, что на базе произошел несчастный случай, сдетонировал подготовленный заряд, – но паранойя отвергала эту возможность напрочь. Слишком опытен был Витковский Змеюка, как и его люди, чтобы допустить ошибку – а значит, против играет кто-то более умелый?

Катастрофически не хватало информации. Вернее, она была, но безнадежно запаздывала. Основой «всезнания» ОУН в городах были «маяки» – люди, занимающиеся своим обычным делом, но обязанные тотчас же передать информацию, сообщенную им или замеченную лично, очень часто – женщины или подростки. И если в Галичине они работали за страх, хорошо зная, что с ними сделают за неусердие или сознательное умолчание, то на востоке часто приходилось прибегать к прянику, к помощи тех, кто кормились вокруг созданных ОУН-артелей и кооперативов, не все из них были сторонниками УПА, но отчего бы не помочь хорошим людям, если они платят тем или иным способом, в это трудное время – кто-то даже не знал, на кого работает, кто-то предпочитал не знать, кто-то полагал, что речь идет о коммерческих и личных интересах. Сеть получалась густая, обязательно кто-то что-то где-то видел или слышал, и неуловимая, как отличить передаваемую информацию от обычных слухов, трепотни соседок – но вот скорость передачи сведений оказывалась недопустимо медленной. Лишь сейчас, уже поздно вечером, Кук узнал о приказе, пришедшем из Москвы в штаб Киевского военного округа – с завтрашнего дня, 23 июня, ввести в Киеве и окрестностях военное положение! И что из Крыма уже перебрасывают самолетами дивизию морской пехоты, и что во всех частях гарнизона объявлена повышенная боеготовность, а солдат с Западной Украины приказано поголовно арестовывать. Приказ был секретный, как положено – но один из офицеров, заглянув домой, сказал жене: «Меня не жди, ночью в казарме», и также по секрету объяснил ей все, жена никому и не сказала, кроме как лучшей подруге-соседке, к которой зашла погоревать, что опять остается одна... дальше пошло, как у Пушкина, докатилось и до Кука, через шесть часов. А это значит, что в штабе КВО уже давно телефонировали во все подчиненные части, в то время как ему, Куку, требовалось послать связных, пеших или на велосипедах, к тем же воинским частям, проникнуть в расположение, разыскать там доверенных людей. Оставалась еще надежда, что где-то на приказ могли забить, в обстановке мирного послевоенного времени, исполнить лишь отчасти или формально, – но было ясно, что надежда на помощь от восставшего гарнизона уменьшилась в разы! И не успеть уже поднять введенные в город курени, морская пехота будет тут, как сказал этот, из штаба, уже завтра к утру – а вступать в уличные бои с этими головорезами, с которыми при равном числе боялись драться даже ваффен СС – придумайте более гуманный способ самоубийства! И в отличие от местного гарнизона, который еще можно как-то распропагандировать, эти, фанатичные «за Родину, за Сталина», даже слушать не станут – «бандеровец? к стенке!» И приказы могла отдать лишь Москва, не Киев! Значит, случилось худшее – там все знают и сыграли на опережение!

Пять, шесть, восемь тысяч морских пехотинцев – против полутора тысяч хлопцев в трех курнях. И эта дивизия не может быть единственной. Наверное, идут и еще войска, через сутки тут будет уже не протолкнуться. И восстание утопят в крови. Срочно отменять операцию, потому что на победу шансов нет?

И что тогда? Если москали знают – то и о курнях, введенных в город, им известно. А значит, хлопцам уже не вырваться никак. Организованно – не выпустят. Рассредоточиться, укрыться по квартирам, выбираться поодиночке – так весь Киев будут прочесывать частым гребнем: облавы, проверки документов, задержание всех подозрительных. Точно так же закроют все дороги, входы-выходы, а ведь это не Галичина или Волынь, хлопцы здесь чужие! Не говоря уже о том, что, с высокой вероятностью, будут хватать просто за западенский вид или говор, а тем более местожительство по документу. Кто-то, конечно, пробьется, но немногие – если спасется четверть, то это будет дьявольским везением. И курени все равно погибнут – но бесславно, как бараны на бойне. И он, Кук, тоже не заживется – в любой миг, в любом месте подойдут хлопцы друже Козака с удавкой, и «ты зрадник», и ведь не скроешься нигде!

Выходит, что терять нечего. А если мы будем играть? Ведь фигуры в этой партии меняют цвет! Не все. Но вот сделать, чтобы наши потери стали потерями врага – вполне реально! В открытом бою нас раздавят. Значит, надо, чтобы стреляли не в нас.

Все как было задумано. Дьявол, не хватит времени – предполагалось, что будет дня три, а то и неделя на нагнетание обстановки, на разогрев толпы! Но теперь придется начинать немедленно – хватай чемодан, вокзал отходит! – завтра днем в Киеве будет уже полно москальских солдат. Значит, толпа на улицах уже должна быть – мясо, в котором увязнут даже морпехи. И чем больше будет трупов, тем лучше для нас! Пешки и должны жертвоваться для выигрыша партии. Если завтра, в кооперативах, собрав актив, даже не соврать прямо, а предупредить, что вот, мол, московские жизни не дают и вообще Украину с грязью мешают за то, что под немцем были – намекнуть, что во столько-то будет вынос «гумаг» из партийных домов, мол, свои-то против, но против Москвы как попереть? И вообще, слышали, что на востоке творится – вот и у нас готовят то же самое, голод будет, цены вдвое-втрое, поскольку нас в автономные хотят из союзных, там другой порядок снабжения и нормы. Кто там будет с цифрами и законами доказывать – главное орать погромче, горлом брать, ну тут агитаторов найдем! И побольше горилки – покупай, пока дешево, потом лишь москальская водка будет, а ее не купишь, грошей не хватит! И стотысячной толпы собирать не надо – двадцати тысяч хватит за глаза!

И никаких «ще не вмерла» или даже упоминание Бандеры в первые часы! Флаги – а пожалуй, можно и желто-блакитные, но обязательно рядом с красными, как символ единства! Пусть в толпе до конца не верят, сомневаются – но чтобы встревожены были и с подозрением. И это даже хорошо, что войска уже ждут, проинструктированные про «бандеровцев», уже палец на спуске. Впрочем, если кто с той стороны и выйдет, поговорить, успокоить – на то снайперы есть. А дальше дело техники, пара выстрелов и по солдатам, и по толпе, чтобы началось! Если ограничатся малой кровью – то завести майдан, чтобы публика решила – не расходимся, «пока Москва не отменит все». А вот если будет кровавая баня, пулеметы в упор и сотни трупов – тогда можно и «ще не вмерла», и «Степан Бандера наш защитник», и «бей москалей» – по обстановке решим! Да, еще и пленных привлечь, мясом. Ради чего их намеренно кормили гнильем и одевали в рванину, чтобы озверели на весь свет и за перспективу на свободе погулять гулянку поддержали. У них конвой – на всю толпу двое-трое, их убить минутное дело – и кто на свободу желает, а кто назад в барак, тухлую брюкву жрать?

А пока войска разбираются с толпой, ударные группы из всех трех курней штурмуют выбранные объекты и проходят по адресам. Даже морская пехота не может быть вездесущей, и на весь Киев ее не хватит! Очень хорошо будет документы захватить партийные, ГБ и НКВД. Идеал – если удастся поймать кого-то из верхушки, например наркома ГБ Савченко или его заместителя Карина-Даниленко, чтобы они озвучили нашу позицию перед москвичами. Или

же придется отходить с трофеями лично мне и тем, кого выберу – кому жить. Пока советские будут добывать тех, кто остался в городе, и укладывать штабелями трупы мирняка. Три куреня по-всякому придется списать, если и вырвутся, то одиночки. Не страшно – в УПА их еще числится больше двухсот! Но зато какой резонанс – Киев был взят, пусть всего на день-два! Это можно считать победой?

Фигуры расставлены – играем. Начав завтра, с утра.

Кук повертел в руке черную королеву. Все же интересно будет поймать эту, москальскую, и поспрашивать, откуда она такая взялась. Признаюсь, что ошибся, недооценил.

Хотя – у нас против нее своя, белая королева есть...

Москва, вечер 22 июня 1944 г.

Как и обычно, великая страна отходила ко сну. А чего бы, собственно, и не отойти – Великая война выиграна, всяческие авралы и перевыполнения плана («взаимоисключающий параграф», по словам гостей из будущего... хорошее выражение, чего уж там) можно временно оставить в стороне и крепенько отдохнуть. Но, как водится, одно из окон в Кремле... а вот фиг вам – вот как раз эти окна, за которыми скрывался кабинет Сталина, и не горели вовсе. А как раз наоборот, были надежнейше закрыты и шторами, и бронестеклами, чисто на всякий случай. Вероятность обстрела, например, из хитро затащенного на какую-нибудь крышу ДШК, конечно, исчезающе мала, но зачем давать лишний шанс какому-нибудь «шакалу», деда шено... Кстати, этот Форсайт интересно пишет.

Хозяин кабинета, Кремля и по большому счету теперь почти половины Евразии, по шаблону, должен был не дремать и мудро бдеть над какой-нибудь картой. Ну, или в крайнем случае над какой-нибудь мудрой докладной или хитрым меморандумом – тот же наш ПэКа в последнее время повадился этикие выжимки писать. Ну, тут уж сам хозяин кабинета и Кремля виноват – именно такое распоряжение Пономаренко он и отдал в свое время. Освоить весь материал, притащенный собеседниками из будущего, было мудрено, и, как всякий хороший начальник, товарищ Сталин решил не делать за своих подчиненных свою работу.

Однако изрядно забросивший курение Сталин, вопреки вышеозначенному шаблону, над документами не бдел, ибо все желаемое уже прочитал. Он спокойно, неторопливо потягивал любимое вино, усугубляя его свежими фруктами, и вообще был весел и почти безмятежен.

Эх, молодняк у нас, конечно, перспективный, хоть Берию возьми, хоть того же Пономаренко, хоть Меркулова, хоть Малышева... но что ж они все пугливые-то такие? Первые двое сегодня так были озабочены положением дел в Киеве, прямо из штанов выпрыгивали и волосы на себе рвали. А толку-то? Чего переживать, ежели взглянуть на ситуацию вооруженным, хе-хе, взглядом?

Вот когда гитлеровские твари рвались к Москве – было страшно. Чего уж там, реально страшно было. Выражаясь словами одного детективщика из будущего, «песец подкрался незаметно». Все висело на волоске. На соплях висело, чего уж там, чинуши изрядного ранга ноги уносили, ощутимо воняя дерьмом. Причуды памяти – Сталин совершенно не помнил, был ли разговор с Жуковым об эвакуации Ставки Верховного Главнокомандования. Но зная Жукова, допускал, что разговор этот все же был, просто забылся за ненужностью. Слишком уж все было страшно, слишком большая опасность грозила стране с потерей Москвы. Это вам не 1812 год, когда столицей был, понимаете ли, совсем другой город.

А Киев сегодня... подумаешь, полторы тысячи отморозков Кука! Ну да, какие-то потери они нанесут, что-нибудь этакое, важное и дорогое, взорвут, какого-нибудь потерявшего бдительность партийного чина, позабывшего, как порох пахнет, прикончат. Но – они, поди, не головорезы Большакова из будущего. Вот полторы тысячи таких бойцов вполне могли бы парализовать крупный город до появления аналогичных головорезов (и даже после появления таких прошла бы уйма времени). У этих – не выйдет.

Майдан, говорите? «Ну – не говорите, думаете!» – вспомнился хозяину кабинета «Тот самый Мюнхгаузен». Хм, а ведь всего час ночи, если так подумать. Вполне можно «разбудить» ноутбук и запустить хотя бы вторую серию. И дополнить еще одним бокалом вина – благо действительно хорошее вино в количестве пары бокалов человеку повредить не в состоянии. Вот в количестве пары бутылок...

Не будет никакого Майдана – ну, в смысле такого, какой засранцы-потомки устроили в 2004-м. Не поднимется народ в товарном количестве против Москвы. На данный момент Киев – город совершенно не русофобский, а уж после Великой Победы... сейчас русские, украинцы, казахи, грузины, даже многие прибалты считают себя братьями, братьями по крови и победе. Какое-то количество людей можно вывести на улицы, сообщив им что-то этакое, наподобие Константина и его Конституции, но это – до первого партийного инструктора, сориентированного Кириченко. Вот кабы украинский первый играл на стороне Кука – кровушки бы пролилось... но спасибо товарищу Лазаревой, от нее пользы на сей раз вышло не меньше, чем от ее мужа во время потопления «Тирпица».

С некоторыми инструкторами такими, конечно, случится то же, что и с генералом Милорадовичем в том же 1825-м. То бишь выстрел из пистолета, а то и очередь из ППШ, и все, со святыми упокой. Но... это война, если кто-то придумал, как на войне обойтись нулевыми потерями – поделитесь, народу будет интересно. В любом случае по-настоящему раскатать по-настоящему здоровую толпу в Киеве под лозунгами «бей русских» или там партийных...

Вождь, учитель, верховный, Хозяин совершенно не по-верховному ухмыльнулся. Ну – попробуйте, флаг вам в руки, Т-54 навстречу, хе-хе, хе-хе.

А что – пожалуй, можно и фильм запустить, удобно все же, что не надо спускаться в кремлевский кинотеатр, всего-то пару движений мышкой выдать. Дела пока что идут настолько неплохо, что можно позволить себе и слегка умственно отдохнуть. Ведь самое главное...

Самое главное – отборные, вышколенные уж как получится (не САС, конечно, не САС, да и уж тем более не наши спецназ и ОСНАЗ... но всяко крепче новомобилизованного срочника) боевые группы ОУН, общим числом до полутора тысяч штыков... хм, лучше все же рыл... или даже харь... Так вот, общим числом до полутора тысяч мерзких харь с редкими вкраплениями рыл и рож таки вылезли из своих лесов и заимок. Вместо того чтобы тихо, темной ноченькой потихоньку пугать и убивать партийных, активистов, а еще того хуже – школьных учителей, агрономов, инженеров, не желающих вредить «злочинной владе» – они сами, добровольно, приперлись в Киев. Сами бы себе еще могилу, что ли, выкопали, чтоб время не терять. Каждый из них мог бы стать таким «играющим тренером» небольшого «пидраздила», способного запугать средненькую деревеньку – а станет всего лишь трупом. А ведь среди них, по показаниям этого Змеюки Витковского, были кадры с выучкой еще немецкого довоенного «Бранденбурга» – не все, конечно, и даже не большинство, но достаточное количество в «ударных боивках».

Что тут скажешь – умен, умен вскрытый Лазаревой товарищ Кук. Но что ж поделать, если такая умная голова идиоту досталась? Он, конечно, молодец, коли протащил в столичный город столько головорезов разом. Вот бы его вместо этого дуболома Кириченко да поставить первым на Украину, хорошенько замотивировав – он бы там всех врагов к ногтю прижал и идеально дела наладил.

– Мэчты, мэчты, гдэ ваша слааадасть... – негромко пропел Верховный и совершенно житейски высморкался. Что поделать, у обычно идеально говорящего по-русски «русского грузинского происхождения» в минуты сильного треволнения просыпался небольшой акцент.

Так вот – умен тот Кук, но все равно дурак. Прав Пономаренко, сила ОУН – это сила мафии. Которая плюет на дневную власть, приходит ночью и заставляет простого гражданского бедолагу делать так, как она скажет. Иначе пасть порвем, моргалы выколем, голову открутим. А вот показавшись на свет, решив пободаться с дневной властью в открытую... тяжело было в

Италии того будущего, но и она самые наглые мафиозные кланы скрутила и уничтожила, когда те вовсе уж края и берега потеряли.

Поставив запущенный фильм на паузу, Сталин вновь вернулся к общим чертам плана, который таки продал для своих соратников. Нет, он всерьез слушал возражения и кое-что для себя таки почерпнул и скорректировал. Пономаренко с Берией тоже правы – некоторых из ОУН можно и амнистировать будет, или выслать к черту вместе с семьей в обитаемые места куда-нибудь подальше. Но вот те, кто пришел в Киев убивать, те, кто станут им помогать, и даже те идиоты, которым не хватит ума убраться с дороги со своими сраными демонстрациями... никто, никто, никто из них из Киева не уйдет. Всех закопаем за церковной оградой, где-нибудь поближе к дерьму, нашлись бы мусульмане – свиной шкурой обернули бы.

И – снесем самую активную часть ОУН. Потом уже будет легче – добить оставшихся фанатиков, хотя бы и с помощью тех, кто захочет переметнуться или воспользоваться амнистией. Амнистией? Да, вот после этого кое-какие идеи Пономаренко можно будет и применить. Кто сам бросит оружие и выйдет из леса, тот будет жить. Без права избирать и быть избранным – но все же нормально жить, не в тюрьме, не в камере смертников. А кто не сдастся – что ж, у вас был выбор, и вы сделали его сами.

В общем, чего печалиться-то? Чай, не Москва-1941. Мы накануне очередной значимой победы – не столь уж грандиозной, но важной. И даже если все пойдет не совсем так, как мыслится и хочется – ну и что, в конце концов? Москву всяко не отдадим.

– А тэпэрь вопрос на миллион чэрвонцев: зачэм это все Саветскаму Саюзу и таварицу Сталину? – ткнул вождь трубкой в воображаемого собеседника напротив. И придвинул к себе одну из папок – всерьез оно уже читано, пометки расставлены, но пробежаться взглядом можно и еще раз.

Один из планов, если так можно выразиться, мирного строительства в послевоенном СССР. По большому счету – выиграть-то мы выиграли, но сколько ж дерьма еще придется разгребать, сколько разрушенного восстанавливать, сколько голодных накормить. Проще Мюнхгаузену себя из болота за волосы тащить было.

И теми волосами, которыми будем по этому плану тащить себя из болота, должна стать Украина. Которая теперь – южная РСФСР и УАССР. В целину мы тоже будем вкладываться, но там одних исследований и разведки местности лет на десять – пятнадцать, а вот вложиться как следует в украинское сельское хозяйство и промышленность – идея куда как более краткосрочно реализуемая. Здесь можно получить серьезную отдачу. А заодно и попробовать перспективную идею, которая раньше как-то проходила мимо.

Мы всегда говорили: рабочие и крестьяне. А не ошибались ли мы? Не попробовать ли рассмотреть крестьян как «тоже рабочих»? А сельское хозяйство – как отрасль промышленности? Вот и попробуем – если решим играть этот вариант. Больше МТС, возможно и артельных, то есть частных, больше элеваторов и зернохранилищ, последние достижения вопросов снабжения от товарища Канторовича⁴⁷.

И – новые культуры, конечно. Та же самая кукуруза – не за то Никитка мудака, что ее притащил в СССР, а за то, что внедрял повсюду через жопу, которой по совместительству и думал. Полезнейшее растение – тут тебе и урожайность, и кукурузная мука, и этанол для топлива, и кукурузные початки в корм скоту... вот только куда более капризное в, так сказать, эксплуатации, штурмовщины не терпящее, дилетантов и идиотов сурово карающее. А там и по сие надо думать, и по много чему еще.

Вполне реально Украину сделать и житницей, и кузницей. Кстати, и здравницей. И все это, господа гуманисты Пантелеймон наш Кондратыч и Лаврентий наш Палыч, возможно

⁴⁷ Один из основоположников логистики в современном виде, много занимавшийся вопросами снабжения в войну. Увы, далеко не все наработки пошли в реальную жизнь, и далеко не сразу.

только при одном условии: если на самом начальном этапе строительства всей этой благодати, которая и остальной Союз за собой локомотивом потянет, никакая сука не будет слишком уж часто взрывать элеваторы, поджигать и травить поля и убивать грамотных агрономов, которых, откровенно говоря, и так с гулькин хер по сравнению с потребным количеством. Нам еще одного тридцатого года, года раскулачивания, когда на той же Украине лишь ленивый с обрезом не бегал и в райкомовские окна не палил – не надо!

И вот ради этого – товарищ Кук и елико возможно большее количество радикально настроенных товарищей должны служить нашей советской Родине, исправно удобряя своими телами ее почву. Так-то можно бы было и найти разумный компромисс, и Куку позволить тихо себе доживать жизнь кооператором и средней руки чинушей, и всех оуновцев, согласных попросту не стрелять, простить и отпустить. Можно даже и присоединить к Украине что-нибудь большое и вкусное – чего уж там, пока все это будет в составе СССР, вполне можно было бы и потерпеть.

Но – не сейчас. Впереди – серьезные, страшные, выматывающие бои на восемь сторон света. Чтобы приступить к ним во всеоружии, придется рисковать.

Товарищ Сталин был спокоен. Ведь работа стратега – это грамотно расставить фигуры на доске. Вывести свои войска на выгодные, в сравнении с противником, позиции, снабдить всем необходимым, и чтобы со стороны никто не вмешался, фигуры не смешал. А дальше – уже дело командиров поля боя победные планы реализовать.

Анна Лазарева (по документам Ольховская).

Киев, вечер 22 июня 1944 г.

Это война. И никто пока не придумал, как на ней обойтись без потерь.

Но совсем другое дело, когда ты видишь тех, кого посылаешь, возможно, на смерть. А они идут, потому что верят тебе – сказавшей: так надо. Верят, что ты знаешь путь к победе. А ты, по большому опыту, знаешь – что вернутся не все.

Бригадмильцы – добровольные помощники милиции. Читала, что после были дружинники, кто ходили с красными повязками по вечерним улицам, умиряя хулиганов. Бригадмильцы же могли, вместе с милицией, идти и против опасных преступников, участвовать в дознании, наружном наблюдении, опросе свидетелей – конечно, лишь наиболее подготовленные из них. Но передо мной сейчас стояли шестнадцати-, семнадцатилетние мальчишки – более взрослые парни, среди которых были и фронтовики, ушли на пополнение отрядов самообороны.

Хотя шестнадцать-семнадцать – это возраст героев «Молодой гвардии». Фильм, снятый максимально близко к реальным событиям, ну может, чуть приукрашенный, был показан народу в мае, всего через несколько дней после Победы. Этим же мальчикам не довелось воевать, им в армию идти еще через год-два. Но они жили в Киеве и еще недавно видели оккупантов на улицах, облавы и расстрелы – на себе испытали, что такое фашизм.

Они несмело входили в комнату мимо охранявших двери Вальки и Рябого в полном боевом облачении – в комнату, даже целый зал, выделенный для размещения нашей команды и персонально мне. Не номер «Националя», но уж точно безопаснее! Мы с Люцией можем и занавеской отгородясь – как еще на моей памяти, в двадцатые, в Питере бывало, в одной комнате жили несколько семей. А вместо кроватей на выбор – или сдвинутые стулья, или брошенные на пол матрацы. Куча снаряжения у стенки, там возились Влад и Мазур. Люция незаметно сидела в углу. А я и Смоленцев стояли перед строем выбранных для нашей задачи. Еще присутствовал опер угро Кныш, производивший отбор – на его привлечении настояла я, изучив его биографию и решив, что мнение опытного человека лишним не будет.

Как объяснить мне этим ребятам, год назад встречавшим здесь Красную армию и поверившим, что советская власть отныне навсегда – отчего эта советская власть не сумела защи-

тить их родной город от вторжения бандеровцев, тех же фашистов, лишь с желто-блакитным флагом? Львовский погром, Волынская резня, да и к Бабьему Яру не одни немцы, но и их бандеровские прислужники хорошо руку приложили. Победа уже – и опять, как это стало возможным?

– Так и скажи: немецких фашистов разбили, а украинские остались, – шепнул мне Юрка, – овечками притворились, гады, а как случай представился... Фашизм ведь национальности не имеет. Где есть «одна нация – это высшая раса, а все вокруг недочеловеки» – это фашизм. Хоть фрицевский, хоть хохляцкий, хоть даже еврейский или цыганский. А что, могу представить! Или негритосский – вон, в этой Африке что-то уже всерьез есть!

Я чуть заметно улыбнулась, вообразив фюрера с пейсами или чернокожим. А ведь Смоленцев прав – истребляя немецкий фашизм, мы были слишком добры к его прихвостням, особенно к близким нам по крови. Но сказано ведь – змею в живых не оставляй, а отрубай ей голову, не то укусит снова.

И я нашла нужные слова. Но это была лишь присказка. Теперь мне надо было объяснить этим мальчишкам, что требуется от них – вовсе не встать в строй с оружием в руках, как они надеялись!

– Вы слышали, что в штабе округа на Воздухофлотской уже сидит генерал Ватутин, который освобождал Киев от немцев год назад. Красная армия уже здесь, рядом – вы хотите знать, отчего она не раздавит бандеровскую сволочь, как фашистов? Так я отвечу. Бандеровцы прячутся за спинами населения – ваших отцов и матерей, братьев и сестер. Вы знаете, что бывает с городом, который берут штурмом с применением танков и артиллерии – так спросите у товарища майора, он был среди тех, кто добивал фашистского зверя в Берлине. Кроме бандер, которых не жалко, на улицах будут наши люди, вышедшие туда по неразумению. И это ваши родные и друзья – так уговорите их уйти по домам. А когда останутся одни фашиствующие мерзавцы – Красная армия придет с возмездием!

Дальше было легче. Всего лишь отвечать на вопросы. Это не так сложно – если говорить правду.

– Откуда тут бандеровцы? Достоверно установлено, что в Киев вошло их больше тысячи, все хорошо вооружены. Вряд ли они пришли просто погостить, посмотреть и уйти назад.

– Они рассчитывают на вашу несознательность. Тысяча боевиков – и еще десять тысяч присоединятся по глупости. Помните, какое у них знамя – «самостийна Украина»! Про перевод в АССР в газетах читали – так знаете ведь, то вся разница, это что союзная республика теоретически может выйти из состава СССР, а автономная уже нет. Для вас это имеет значение – да еще такое, чтобы идти под пули? Смех – хорошо. Но бандеровцы и будут орать: «Не отдадим, не позволим» в автономные – а по сути это тоже «за самостийну Украину». И ради того, чтобы вы им поверили, они будут врать о чем угодно. Что Москва хочет весь хлеб забрать, что цены вырастут вдесятеро, что украинский язык будет запрещен – откуда я знаю, на что хватит их злобной фантазии, если они врать у Геббельса учились?

– Цены – так подумайте сами. Все началось с того, что обнаружилось, некоторые кооперативы и артели на востоке – наверное, не только там, но пока узнали про эти – передавали часть выручки бандеровцам. В лесных норах ведь тоже хочется есть? НКВД пресекло это безобразие – вот бандеровцы и притащились в ответ в Киев, желая отомстить. Так я спрашиваю, какие будут цены завтра, если в новых кооперативах никому ничего лишнего отдавать не придется? Арифметику в школе все учили? Хотя по-честному, в самом начале цены могут и чуть вырасти – пока дело по-новому не наладим.

Разговор шел по накатанной колее. И вот вмешался Юрка.

– Практический совет, – сказал он, – не пытайтесь агитировать по-коммунистически. Вас слушать не будут, а то и просто убьют – там будут ведь кроме обманутых самые настоящие враги! Притворяйтесь «такими, как все» и разговорами тоже. Ленин вас упаси напираться на

сознательность – если человек пошел на такое сборище, ясно, что с сознательностью у него туго. А вот если сказать ему: «А что мы тут забыли, что конкретно будем иметь», «Лучше уйдем, а то прибить могут», «Пока ты тут, другая такая же толпа твой дом грабит», «Кто-то в рай на наших спинах хочет влезть, ну его» – и дальше такого типа, ну вы поняли! Результат будет куда вернее! Всем слушать, морды не воротить! Чехов писал, что он по капле из себя раба выдавливал. Ну, так я скажу: в каждом человеке есть столько-то коммунара и сколько-то от старого мира – раба, куркуля, фашиста! И вопрос лишь, сколько и что во главе.

Кто сказал: «так это к куркулю обращаемся»? Правильно, так что я только что говорил, раз кто-то туда сам пошел – значит, куркуль. И только таким ломом вы этот камень сдвинете – не подействует иное. А уж после перевоспитывать будем – но для того нужно как минимум чтобы человек был жив.

Запомните все: против такого врага, как фашисты – хорошо все, что к победе, и никаких других правил нет. Как философ один изрек, «а на войне одна победа лишь важна. Победа спишет все – война на то война». И никакой честной драки тут быть не может!

И конечно, смотрите, слушайте, запоминайте. Где враги, сколько их, чем вооружены, куда идут, кто командиры. И, у кого есть выход на телефон – звоните вот по этому номеру, на доске записан. Или подойдете к любому нашему патрулю, пароль «Крым», или просто скажете, крымский я – старшие патрулей с завтрашнего дня будут знать, что это значит, можете дальше передать все, что увидели и запомнили.

Вопросы есть? Тогда – удачи вам, ребята!

Когда все завершилось, к нам подошел Кныш.

– Майор, а скажи, тебе старшие не подойдут? Знаю я тут кое-кого, из бабков и дедков, наши, советские, зуб даю, и в авторитете, все соседи их слушают. И если они будут не за советскую власть агитировать – тут ты правильно сказал, не услышат, – а просто сомнение выражать, к этому прислушаются многие!

– Таки какой разговор? – ответил Юрка. – Зови своих стариков. Или лучше сам проинструктируешь, ты ведь линию партии понял?

– Свой интерес имею, – сказал опер, – уголовные ведь тоже распоясаются, и чем больше шума, тем сильнее. Так что лучше бы завтра все расходились по домам. И пошли бы танки бандер в брусчатку закатывать – слышал я, на товарной какая-то бронечасть уже разгрузилась. Бывай, майор, но не забудь: ты мне должен, так что после я тебя найду, если живы будем.

В парке снаружи пел соловей. Красивейшее место Киева: Владимирская горка, зеленые аллеи, спуск к Днепру. Здесь бы влюбленным парам гулять... как я и Михаил Петрович, по Первомайской. А мы воевать готовимся. Ночь тихая и теплая, наверное, звезды на небе хорошо видны. А в горкоме – как в Смольном в ночь на двадцать пятое. Вот только кто в роли Ленина – ой, мама, неужели я?

– Я сделал открытие, – говорит Юрка, – оказывается, для интернет-троллинга и инет вовсе не нужен.

Из протокола допроса (уже после событий)

Гражданин начальник, я ж не предатель какой, не полицай! В сорок первом, как все, мобилизован был, ранило меня в октябре, и наши, как из окружения выходили, меня у дивчины оставили, оженились мы с ней после, она немцам сказала, что никакой я не боец, а мирный, случайно под бомбежку попал. Так почти два года и перекантовался, к партизанам не пошел, поскольку не было их под Киевом, а когда наши пришли, то меня к службе признали негодным. И в колхозе нашем я на хорошем счету, у кого угодно спросите!

Мы люди мирные. Нам неприятности не нужны. Против самого Сталина бунтовать, да как же это? А вышло – не иначе бес попутал. И горилка проклятая. И еще эти, чтобы бис их побрал!

Слухи еще до того ходили. Самые разные – но даже поганые все. Что война – и сеяли мало весной, и мужиков побил, раньше нам англичане хлеб и тушенку слали, союзники все ж, а теперь им не по нраву, что мы почти всю Европу себе, и больше ничего они нам не дадут, а еще и вернуть отданное потребуют, заплатить за помощь. Что будет сейчас с хлебом трудности, и нормы по карточкам урежут, и план заготовок колхозам сильно повысят, а рынки и вовсе запретят, или будет вдесятеро дороже. И что это все в России введут в первую голову, а Украину пока не тронут – вот только от Украины половину отрезают и в РСФСР передают, чтоб на кормежку народа не тратиться. И будто бы своя власть в Киеве против, но Москва настаивает, а против ее власти не попрешь. Кто говорил – ну, разные люди, бабы, конечно, больше всего – но и председатель наш тоже нам пересказывал, что слышал от кого-то в районе. Слухи оно, конечно, не то, что в газете напечатано, но ведь дыма без огня не бывает – сомнение в души запало, еще с весны.

Жинка меня и погнала в Киев на колхозную ярмарку – мало ли что говорят, но закрома надо набить, запас всегда полезен. Аккурат двадцать второго приехал – а на следующий день утром такое на рынке творится! Смотрю, кооператоры свой товар за бесценок спускают, да не один, по дури, а все, себе в убыток! И говорят – завтра указ в газетах будет, что мы теперь Россия, так что будет как в двадцатом году – никаких излишков, никакой торговли, запасы отберут и будут по карточкам с гулькин нос выдавать, чтобы с голоду не подохнуть. И тут же горилку бесплатно наливают, по стакану, всем желающим – «завтра сухой закон введут, как в Гражданскую, так что гуляй, народ, в последний раз».

И тут выскакивает какой-то, в военном, медали на груди, и орет: «Братцы, за что сражались? Мы, значит, против немцев себя не жалели, а нам такое в благодарность? Мы еще стерпим, привычные – ну а дети-то наши отчего с голоду пухнуть должны?» И еще кто-то – ораторов таких по всему рынку повылезало, как чертей из бочек! Что мы не быдло и не рабы – «Айда все на Крещатик и к партийной власти – покажем ей, что народ хочет! Власть нас послушает, поскольку и сама она желает Украиной остаться, это московские требуют к себе подгрести! Кто хочет, чтобы по-прежнему все было, давай за мной, сюда – ну, а кому охота, чтобы завтра и они сами, и их семьи с голода дохли, те останутся, пускай о них московское начальство и дальше ноги вытирает!»

Многие остались, в основном городские. Кто-то даже про бандеровскую провокацию кричал, мол, предупреждали их – так этот, с медалями, того крикуна за грудки: «Это я-то бандеровец? Только что из Берлина, демобилизован, от Сталинграда прошел? Какой, к чертям, Бандера – мы хотим лишь, чтобы нас в Россию не передавали!» Смотрю, тут же мигом откуда-то и флаги красные появились, и портреты – Ленин, Сталин. Я и успокоился – ну, значит, все законно! И подумал даже – а может, это местные, киевские партийные, открыто с Москвой спорить боятся и хотят, чтобы мы им подмогли? Да еще и горилка проклятая – сказали, что те, кто пойдут, будут получать наркомовские сто грамм еще и еще, как на фронте перед атакой – ну, а кто по домам, так для них сухой закон уже сейчас и начнется. Ну кто ж откажется?

Я уж после заметил, что и орут, и горилку разливают, и флагами размахивают, и нам указывают, куда идти – какие-то одни и те же, иные даже со зброей, и все с красными повязками на руке. Как красногвардейцы в семнадцатом, из фильма про Октябрь. И ведь командовали привычно – я уверен был, что это райкомовские! А уж когда все по команде грянули «Вихри враждебные», так и вовсе никаких сомнений не осталось! Так по улицам строем и шли, с флагами и песнями, как на Первомай, и никаких бесчинств, господь упаси, это после уже началось!

Пришли к дому на Орджоникидзе, где самая главная партийная власть в Киеве сидит, всю площадь запрудили. И кто-то из этих, с повязками, орет в рупор, громко так: «Кириченко, выходи! Или ты трус народу в глаза смотреть?» А там лишь милиция с дверей, нам кричат: «Расходитесь, не нарушайте!» А этот с рупором: «Видите, люди, не хочет нас власть слушать,

за скотину считает, с которой и говорить западло! Пусть московские выйдут и скажут, будет завтра у нас еда или нет?»

Что после было, я не видел, не в первом же ряду стоял! Вдруг выстрелы откуда-то, и вопли: «Убили!» А затем все как-то вперед ломанулись, и я тоже, ну нельзя было никак – в толпе! Вой, крики, кого-то ногами топтали – клянусь, гражданин начальник, я к тем милиционерам не притронулся, я их даже не видел! И камни в окна не я швырял, а уж бутылок с горючкой вообще в руках не держал, и не знаю я, откуда они появились! И внутри я никого не тронул – просто, раз уж пришли, любопытно было, никогда я раньше в том дворце не был! И я, опять же, в задних рядах был – я там вообще ни с кем из партийных лицом к лицу не встречался, да там только милиция была, и говорят, едва десяток тех коммунистов, и то не из власти, а мелочь. И я не знаю, кто там кого из окон выбрасывал – мы оттуда быстро убежали, потому что в первом этаже пожар разгорался, дым валил, страшно было, а вдруг сторим – и еще снаружи бутылками пуляли в окна, даже когда мы внутри уже вошли!

А после на площади нам горилку раздавали. Машины подъехали с бочками – и в рупор: получите свои наркомовские! Очередь сразу, и каждому честно налили. А затем какие-то, с красными повязками, вылезли на ступени, чтобы их видно было лучше, и сказали, что раз власть сбежала, а без власти никак нельзя, то объявляем о создании Временного революционного комитета, которому принадлежит вся власть в Киеве. И что это никак не против товарища Сталина и дела коммунизма, а всего лишь чтобы Украине быть, а мы все были сыты. И что будет создана народная милиция – кто желает, подходите, записывайтесь, сразу оружие выдадим. А позади этой гоп-компании дворец горел, все шибче, пламя и дым из окон.

Тут уж я сообразил, чем дело пахнет, и бочком, бочком в задние ряды. Хотел деру дать – а там эти, красноповязочные, цепью стоят, и все со зброей. Ну, совсем как фрицы, которые меня в сорок втором на работы гоняли – только овчарок нет. И никуда с площади не уйти! Что делать – пошел еще за горилкой! А дальше помню плохо, вот верите, гражданин начальник, как хорошо выпью, то память отрубает напрочь. Но вроде бы никого я не прибил, поскольку был лишь как все, в первые ряды не лез, не геройствовал. Стрельбу помню, то вдали, то совсем близко – но не бой настоящий, а короткие перестрелки. Еще помню, били кого-то толпой, не знаю кого и за что. А тогда нам главные сказали не расходиться, пока Москва ответ не даст – а пока, для порядка, разбиться на сотни и взводы и слушаться тех, кого старшими поставят. И очень понравилось, когда наша сотня в какую-то ресторацию закатилась и наелись от пуза, ничего не заплатив – старший сказал, революция за все заплатит.

Гражданин начальник, верите – вот будто не всерьез все казалось! Не знаю, как те, кто зброю получил – а наша сотня, к примеру, лишь по улицами болталась, как неприкаянная, ну хулиганничали, конечно, брали, что плохо лежит, но чтобы против СССР и Сталина? У нас и зброи ни у кого не было, разве что у сотенного и двух взводных, по пистолету. Мне даже весело было на второй день – поскольку никто нам не мешал, милиция куда-то пропала, а армейские... ну, проезжали иногда машины, и все! Как майдан в праздник – думал, погуляю, и домой, будет, что жинке рассказать, чтоб не ругала шибко за то, что без покупок приехал! Ну, и горилка, конечно – это было свято, кормились мы сами, что бог, вернее революция-реквизиция пошлет, но вот горилку на площади выдавали регулярно, по чарке на человека, три раза в день!

Гражданин начальник, за что? Мы же ничего не сделали, как же можно живых людей и танками давить, как фашистов? На Шевченко ужас что было – мы идем, и танки навстречу, из пулеметов поверх голов, и крик: «Всем лежать, не вставать, не шевелиться!» Лишь те, кто в задних рядах были, успели в переулки утечь – кучка нас в кабак от такого, сидим, мирно горилку пьем. И тут нас всех и повязали. Кто озброенный, тех сразу к стенке, даже слушать не стали – а прочих всех, как стадо, погнали какие-то конные с нагайками, ну прямо как царские казаки! И хлестали нас по головам, даже за слово, без дозволения сказанное – а после обыскивали, раздевали, плечо зачем-то смотрели. Гражданин начальник, там офицер из СМЕРШ

говорил, что нам всем по «четвертному» за попытку свержения советской власти – Параську мою пожалейте, она ж родила в году прошлом, и снова на сносях, дети ведь отца даже не узнают! А когда я это сказал, тот офицер лишь смеялся – что если она сообразит развод потребовать, то и сама, и дети во всех правах останутся, ну а если не захочет или окажется, что знала и соучаствовала, то ее тоже... Гражданин начальник, я же никого там и пальцем не тронул, за что мне двадцать пять лет?

– Гражданин Пацюк, вы подумайте лучше, как вам повезло, что вообще живы остались. Теперь же у вас шанс есть пустяком отделаться – от пяти до восьми лет, и всего лишь исправительных работ – выплачивать за все, что в Киеве сожгли и погромили. Поскольку синяка на плече у вас нет, и следов горючего на одежде тоже. Разумеется, при условии активного сотрудничества со следствием – иначе участником организованного вооруженного выступления поймешь, а это по закону уже лагерь, от десятка до двадцати пяти. Так кто конкретно вам про будущие бедствия и голод говорил? Ваш председатель – когда, какими точно словами?

Ватутин Н.Ф.

Записки командующего фронтом. Изд. 1964 (альт. – ист.)

В июне 1944 г. я был вызван в Москву вместе с группой офицеров штаба Первого Украинского для доклада в Генштабе по обобщению боевого опыта, а также решения текущих вопросов о переброске части войск на Дальний Восток и переводе вооруженных сил в режим мирного времени.

Двадцать второго июня я был срочно вызван к Сталину. Присутствовали Берия, Василевский, Антонов, Пономаренко, Абакумов. Там я, с гневом и возмущением, узнал, что в Киеве готовится вооруженный бандеро-фашистский мятеж. Причем товарищи из ЦК КПУ, а также командующий Киевским военным округом Герасименко проявляют преступную пассивность. С 24 часов указом Верховного Совета в Киеве будет объявлено чрезвычайное положение. «Вам же, товарищ Ватутин, надлежит немедленно вылететь в штаб КВО, приняв командование у Герасименко, вы готовы?»

Вопрос Верховного Главнокомандующего был чисто риторический. Как любой из полководцев Советского Союза, я видел свой долг в том, чтобы, не жалея себя, устранить любую военную угрозу СССР, откуда бы она ни исходила, извне или изнутри. Фашиствующие недобитки еще не навоевались, не извлекли урок и жаждут нашей крови? Так уничтожить их без пощады!

– Товарищ Ватутин, я не сомневаюсь в вашей способности взять Киев штурмом, как Берлин, – сказал Сталин, – но это все же наш советский город. И наши советские люди там – которых, я надеюсь, куда больше, чем фашистов. Товарищ Пономаренко, объясните политическую сторону дела.

Напомню читателям, что сорок четвертый был годом территориально-административной реформы СССР. В частности, довоенная УССР должна была разделиться на Украинскую АССР, с западной границей на 1939 год, и Галицко-Волинскую ССР. Что вызывало у отдельных товарищей на местах недовольство, поскольку влекло за собой упразднение, расформирование некоторых учреждений и органов. Это усиливалось прежде проводимой национальной политикой, согласно которой любое национальное развитие всячески поощрялось, даже невзирая на перегибы, влекущие откровенный сепаратизм. Летом 1944 г. наконец приступили к практическому осуществлению реформы, реорганизации органов власти, смены их подчинения (прежде даже госбезопасность и ОВД на Украине замыкались на свои НКВД(У) и НКГБ(У) в Киеве, которые в свою очередь были подчинены общесоюзным НКВД и НКГБ – что в значительной степени объясняет, отчего заговор не был своевременно раскрыт). Проводилась политика открытого примирения с ОУН, «ради спокойствия и мира», всякие подозрительные личности, даже служившие при немцах, пролезали на ответственные советские посты, при этом

не скрывая своего прошлого. И реформа вызывала у них обоснованное опасение, что дальше так не будет!

С другой же стороны, и ОУН была умным и опасным врагом. Если в западных областях бандеровцы предпочитали действовать угрозами и открытым террором, то проникая на восток Украины, они, как правило, натягивали овечью шкуру защитников истинно украинских интересов. Именно их пропаганда, проводимая весьма умело и при попустительстве местных органов советской власти, привела к тому, что даже часть населения поверила, что в РСФСР будет хуже, что придут москальи, повысят цены, отберут хлеб. В сельской местности эти настроения были довольно заметны.

— ...таким образом, товарищ Ватутин, главная опасность вовсе не в каких-то трех батальонах УПА, скрытно проникших в Киев, — говорил Пономаренко, — а в том, что к ним готова примкнуть часть населения, и не только. У нас нет уверенности в надежности даже части киевской милиции и гарнизона, а также местных товарищей, сидящих на ответственных постах. Достоверно установлено, что сам первый секретарь КПУ Кириченко вчера прямо в здании КПУ вел переговоры с неким Василем Куком, генерал-хорунжим УПА, причем на встрече присутствовали еще минимум четверо высокопоставленных бандеровцев и товарищи из КПУ — о чем они договаривались, догадайтесь сами. Кириченко, кажется, всерьез вообразил себя если не царем украинским, то вотчинным боярином, удельным князем, которому и Москва не указ. Не фашист, а просто дурак, вообразивший, что можно заключить с фашистами сделку. Нам удалось раскрыть его подлую игру буквально в последний день — и кажется, это послужит детонатором для очень быстрого развития событий. Теперь у Кука нет выбора, кроме как начинать немедленно. И опасаясь, что завтра уже начнется.

— Не так все плохо, товарищ Пономаренко, — усмехнулся Сталин, — уникальный случай, когда мы начинаем действовать, не узнав о начале событий уже через какое-то время, а заранее! Товарищ Ватутин, вы поняли, что от вас требуется? Нам не нужно, чтобы из Киева была вторая Варшава, которую сейчас проще отстроить заново в другом месте, нам не нужна выжженная земля и трупы на месте, где когда-то была столица Советской Украины. Беспощадность к врагам и изменникам, но милосердие к заблуждающимся — дадим им после исправить свои ошибки трудом на благо СССР.

Я спросил, кто же сейчас в Киеве вместо предателя Кириченко. Сталин взглянул на Пономаренко, тот сказал:

— Товарищ Ольховская, инструктор ЦК. В раскрытии заговора ее прямая заслуга. Бывшая партизанка, разведчица и снайпер, имеет на счету несколько десятков лично убитых фрицев. Умная, энергичная, хороший организатор, можете полностью на нее положиться. Из недостатков: всегда имеет свое мнение, которое отчего-то часто оказывается правильным — так что иному начальству очень трудно товарищем Ольховской управлять. Можете считать ее исполняющей обязанности первого секретаря ЦК КПУ. Хотя замечу, что формально Кириченко (для масс) остается на своем посту, однако по факту все решает Ольховская. И отвечает перед ЦК ВКП(б) за все политические вопросы.

В 16:15 четыре самолета с моим штабом — товарищами, которых я знал еще по Первому Украинскому, в опыте, умении и надежности которых был абсолютно уверен — опергруппой НКГБ и охраной приземлились на аэродроме Жуляны. Еще через полчаса я принимал дела у Герасименко, тут же арестованного и до выяснения отправленного в Москву. Ситуация действительно была критической. Было уже мирное время, и Киев находился глубоко в тылу — об этом забывают те, кто много после осмеливаются ставить мне в упрек, отчего мятеж не был подавлен в самом начале! Численность Киевского гарнизона составляла три с небольшим тысячи военнослужащих, и это были в большинстве тыловые и технические части! Причем до четверти личного состава составляли призывники с Западной Украины, которые, приказом Генштаба, должны быть немедленно разоружены и изолированы. Наиболее боеспособной в/

ч был полк охраны штаба КВО, но и там внушало беспокойство расположение его парков с техникой и артиллерией в Соломенке, где они могли быть захвачены внезапным нападением. В целом несение службы в Киевском гарнизоне было направлено на охрану, а не оборону объектов – что являлось категорически недопустимым. Притом что в одном лишь западном секторе следовало любой ценой удержать очень неудобный участок, «кишку» вдоль Воздухофлотского проспекта от Жулян до штаба КВО, и товарную станцию рядом. А ведь еще оставался 41-й военный городок на севере, в Оболони, центр правительственной связи, прикрываемый всего лишь ротой охраны, и как мне доложили, никаких дотов и вышек, один лишь деревянный забор! И мосты через Днепр, которые отдавать было никак нельзя!

Первые самолеты с подразделениями 1-й воздушно-десантной дивизии прибыли в Борисполь в 17:20. Возможности военно-транспортной авиации тогда были далеко не те, что в более позднее время, лишь с конца пятидесятых, с принятием на вооружение Ан-12, части ВДВ обрели наконец истинную аэромобильность. Приводящие в пример посадочные десанты на островах Эгейского моря в ходе операции «Ушаков», как и после в Маньчжурии, забывают, что они проводились после гораздо более серьезной и длительной подготовки и не были столь масштабны, имея численность роты, редко батальона. К тому же, для удобства управления, планом было предусмотрено, что 1-я ввд садится в Борисполе и действует в восточном секторе, а в Жуляны должны были прибыть две бригады морской пехоты – однако же десантники, имея большой опыт взаимодействия с ВТА, умудрились перетянуть одеяло себе, забрав, например, все четырехмоторные «Ланкастер-йорки» тяжелого транспортного полка с аэродрома Бельбек. В результате морская пехота начала прибывать отдельными подразделениями лишь с утра двадцать третьего, а полное сосредоточение 5-й гвардейской и 6-й бригад было завершено только двадцать четвертого во второй половине дня.

Хорошим подспорьем оказался прибывший после шести часов вечера 56-й гвардейский Зееловский танко-самоходный полк, имеющий опыт уличных боев в Берлине. Тяжелые САУ в сопровождении автоматчиков заняли оборону в районе вокзала, товарной станции, штаба КВО, а также оказали большую помощь в разоружении ненадежных частей гарнизона, по указанию товарищей из НКГБ. Также на второй-третий день ожидалось прибытие 4-го гвардейского кавкорпуса из состава конно-механизированной группы Плиева, перебрасываемой из Австрии на Дальний Восток (успела принять активное участие в подавлении мятежа лишь 9-я гвардейская Кубанская кавдивизия, с 25 июня). Однако в ночь на двадцать третье положение было очень опасным, и при начале бандеровцами активных действий, могла создаться достаточно неприятная ситуация.

Мы вынуждены были действовать поначалу сугубо оборонительно, поскольку не имели точных сведений о силах и намерениях противника. Сейчас, оглядываясь назад, нахожу, что какие-то меры были явно избыточны – в расчете на выступление гораздо более сильного врага, как, например, немецкого «Бранденбурга», имеющего четкий план действий. В сорок четвертом в РККА к возможностям малых групп спецназа уже относились достаточно серьезно – а из показаний пленных, уже допрошенных в Москве, было известно, что бойцы с бранденбургской подготовкой в составе батальонов УПА, вошедших в Киев, есть. Не было принято во внимание, что бандеровцам также необходимо было время, чтобы сорганизоваться, поставить в свои ряды тех, кто скрытно проник в Киев раньше, раздать им оружие, договориться о связи. А главное – что командование ОУН решило задействовать живой щит из обманутых советских граждан.

Полной неожиданностью для нас было шествие по Крещатику под советскими флагами и с нашей символикой. Создалось впечатление, что враг имеет в Киеве десятитысячную армию – и это в момент, когда 1-я ввд еще не завершила сосредоточение (окончательно – лишь к вечеру 23 июня), а первые «дугласы» с морской пехотой лишь начали приземляться в Жулянах. Сведения о противнике были крайне противоречивы – так до вечера 24 июня считалось, что один

из вражеских батальонов сконцентрировался в Дарнице, готовясь к атаке на Борисполь (в действительности, там действовали лишь разведывательно-диверсионные группы УПА). Батальон десантников был спешно послан в Вышгород, поскольку и там ожидалось выступление бандеровцев – в дальнейшем, не обнаружив противника и оставив там одну роту оборонять мост, парашютисты прибыли наконец в 41-й городок, усилив его оборону. Лишь к вечеру 23 июня были получены сколько-то достоверные сведения о реальных силах и возможностях врага от первых взятых пленных и нашей агентуры.

Ольховская, с которой я связался сразу по прилете, успела организовать на крупных киевских заводах отряды рабочей самообороны. А также, что позже сыграло важнейшую роль в подавлении мятежа, развернуть разведсеть из надежных коммунистов и комсомольцев, – которые докладывали о силах, расположении и передвижении противника, а в дальнейшем служили проводниками для армейских подразделений и помогали выявлять затаившихся врагов и их пособников. Из слов Пономаренко я представлял себе женщину моих лет и позже был удивлен, при встрече увидев, что она ненамного старше героев «Молодой гвардии» – что ж, на войне люди взрослеют очень быстро. Но сразу чувствовалось, что она умеет командовать и держит руку на пульсе событий, даже первый наш разговор по телефону был предельно сжатым и деловым.

Первые боестолкновения были еще в ночь на 23 июня. Около полуночи свыше сотни бандеровцев пытались захватить вещевые склады, охраняемые неполным взводом курсантов НКВД (присланы из Васильковских казарм на усиление охраны, вечером 22 июня). Ребята понесли тяжелые потери, из восемнадцати человек пятеро были убиты и восемь ранены, но они сумели продержаться до прибытия подкрепления, не дав националистам захватить военное имущество. Что имело серьезные последствия – так как бандеровцы рассчитывали напасть, массово переодеваясь в нашу форму, теперь же они были в этом сильно ограничены. Для событий первых суток было характерно, что ОУН еще старалось скрывать свое истинное лицо, не ввязываясь в настоящие бои – лишь внезапные короткие нападения и немедленный отход при неудаче. Или же маскировка под народный гнев, если присутствовала толпа. Следует отметить, что в ряде случаев милиция не только не препятствовала «народной демонстрации», но и сама присоединялась к митингующим, с оружием руках. Также имело место, когда военнослужащие Киевского гарнизона (не уроженцы Западной Украины) вели разлагающие разговоры и пытались саботировать выполнение моих приказов, ссылаясь на «там же свои».

С утра, а особенно к вечеру 24 июня, бандеровцы показали наконец свое истинное лицо. Поняв, что основная масса населения не поддержит их крики про «Украина не АССР», и считая, что привлеченные обманом уже замарали себя перед советской властью, участвуя в шабаше, фашисты начали открытые убийства, погромы и грабежи. Убивали не только за принадлежность к партии и комсомолу, но и просто по подозрению, а также угрожали колеблющимся из толпы, что придут за ними и их семьями в случае дезертирства. К тому же большая часть рядовых в батальонах УПА шла в Киев за обещанной добычей и теперь грозили своему же командованию бунтом, если оно и дальше будет запрещать им проявлять свою бандитскую суть. В то же время непринятие ответных мер с нашей стороны создало у руководства ОУН иллюзию нашей слабости и готовности к уступкам. В ночь на 25 июня бандеровцы массированно атаковали объекты, удерживаемые советскими войсками. Эти атаки были отбиты, с большими для противника потерями.

К этому времени мы уже имели достаточную информацию о численности мятежников, расположении их сил и штабов. С утра 25 июня началось наше решительное наступление, поддержанное свежеприбывшей 9-й кавдивизией (имеющей в составе не только конницу, но и танковый полк на Т-54 и батальон мотопехоты на БТР). Мятеж, окончательно потерявший поддержку киевлян, был подавлен уже к вечеру, еще несколько дней шло вылавливание укрывшихся и бежавших.

*Еще один протокол допроса
(после событий)*

Я вообще не украинец, курские мы. Работал на «Ленинской кузнице» с тридцать седьмого года, квалифицированный слесарь-корпусник, пятого разряда, техникум закончил. В сорок первом эвакуация, Сталинградская судовой верфь, затем Сормово, так на фронт и не попал, в тылу ишачил как проклятый, за койку, пайку, бумажки госзайма и спасибо от Родины. Как Киев освободили, стал хлопотать, чтобы меня назад, дом тут у меня был, и родители остались, и сестра – меня с заводом эвакуировали, а их бросили под немцем. А мне говорят, шиш тебе, работай, где ты нужнее – если каждый будет там, где сам захочет, это полная анархия получится. Так мне начальник цеха и сказал.

Пока война, терпел. Понимал, что для Победы – надо. А как мир настал, снова пошел, а мне опять то же самое. А дом у меня здесь, меня из деревни под Курском совсем малым увезли, не помню уже ее. Ну, плюнул я на все и сам рванул из Горького в Киев. Как добирался, это своя история. И не нашел тут никого, дом разрушен, отца немцы повесили в сорок втором, мать умерла, сестру в Германию угнали – из всех, кого знал я прежде, в нашей Куреневке двоих лишь разыскал, они и рассказали. Ну, куда мне дальше – снова на «Кузницу» устроился, именем настоящим назвался, документ ведь прежний, да и на заводе нашлись, кто помнили меня. Спрашивали, как из Сормова уволился – сказал, что, наверное, бумаги при пересылке потеряли. И вроде все как до войны – в конце мая это было.

А тут разговоры, что из заводских набирать будут и куда-то в помощь послать. Не добровольно, а кого укажут, и на столько, сколько потребуется. Семья, не говоря уже о зазнобах – плевать, как в песне, дан приказ ему на запад, ей в другую сторону. Как при крепостном праве, будто мы скотина бессловесная. А я не хочу, здесь мой дом, заново отстрою! А на меня уже начальник поглядывает – учетчик шепнул, меня в списки первым внесли, ведь жалко тех, кто уже укоренился, ну а я бобыль перекасти-поле, и лучше меня, чем кого-то из семейных.

Стал я думать, как быть. А тут участковый ко мне и говорит задушевно: «Что ж ты, Петруха, советскую власть обманул? Пришел на тебя ответ из Сормова – не уволенный ты, а дезертир с трудфронта. А это, по закону, семь лет – ты уж прости, это не прогул по пьянке, такое бы покрыли, а теперь делу уже ход даден. Так что собирайся, пойдём».

А это не по правде. И ножик мне под руку попался. И осталась после мне одна дорога – в бега. Сосед помог, один из тех двоих, с людьми добрыми свел. А после сказали мне, что хотят они, чтобы кабалы после не было – неправильно это, в такой войне победили, а жизнь как при царе, никакой свободы, куда укажут, туда и иди. А чтобы больше не было такого – начальству слов одних мало, ему силу надо показать. Лучше – вооруженную.

Бандеровцы? Так это не те, что с немцами ушли. В ОУН, оказывается, тоже народ самый разный – фашистские прихвостни с Гитлером до конца оставались и в Берлине все сдохли, а это совсем другое крыло, ну как большевики и меньшевики. Которые совсем не за фашизм, а за Украину. И сказали мне, у них тех, кто раньше в КПЗУ был, много. И вот не видел я у них свастики, не слышал «хайль» и про русских недочеловеков. А говорили все вежливо и складно, что лучшей жизни для народа хотят – и для того готовы на тактический союз с кем угодно, ну как Ленин с теми же немцами в восемнадцатом, когда Брестский мир заключал. И что они за Украину – где место будет всем: и русским, как я, и хохлам. Никакую не «самостийную», а Украинскую ССР, где будут новые справедливые законы. Что рабочему человеку восемь часов, никаких госзаймов в половину зарплаты и никаких посылов, куда Макар телят не гонял, если ты сам не захочешь. Вот только за это счастье сражаться нужно – даже если сам не доживешь, так другие при нем жить будут. Наша же идея, коммунистическая!

Да, оружие брал – нашу же трехлинейку, какую до войны изучал. Да, стрелял – а как иначе? Да, убивал – офицера, на углу Шевченко и Вокзальной, а что он грозил: «Разойдись,

иначе танки вас будут давить»? И еще было, ну это как на войне, ты стреляешь, в тебя стреляют. Чтоб по правде дальше было – а откуда эта правда-справедливость, так ли важно? Да хоть от черта. Ни о чем не сожалею. Сестре лишь передайте, если вернется из Германщины живой, что я ей счастья желаю, и перед советской властью ни в чем не виноватая она.

С моих слов записано верно. Рядовой второй сотни 444-го куреня УПА Петр Крякушин.

Резолюция на документе: Сведениями, имеющими ценность, не располагает – мерзавца расстрелять. Следователь СМЕРШ Сидюк.

Анна Лазарева.

Киевский горком, 23 июня 1944 г.

Вот кто я сейчас – Ленин в Смольном или Керенский в Зимнем?

Внизу под горкой стоит толпа. С красными флагами, даже портреты вождей вижу. А слов не разобрать – кричат недружно. Но можно понять, что требуют партийных выйти и говорить с народом.

А выходить нельзя – убьют. Не толпа, а снайпер, как рассказали, было перед ЦК КПУ на Орджоникидзе, неизвестные снайперы с чердаков стреляли и по милиционерам у входа, и по толпе.

– Мы так в Будапеште делали, – сказал Юрка, – когда немцы пытались Хорти-младшего похитить, а мы помешали. Теперь и рагули додумались, ворье! И флаги тоже украли.

– Может, народ все же успокоить? – спросил первый горкома. – Не все же там бандеровцы. Наш же, советский народ, лишь с завихрениями в мозгах.

– А всех и не надо, – ответил Юрка, – одного довольно, с оптической винтовкой.

А сколько их там всего? На глаз, человек с тысячу – хотя те, кто в задних рядах, возможно, лишь зеваки. И сколько среди них активных бандеровцев? Пока лишь стоят за спешно натянутой колючей проволокой, что-то орут, плакатами машут, оружия не видно.

Нас же тут в огромном здании на Владимирской горке, как показал учет, утром было двести шесть человек – и ЦК, и обком, и горком, вместе с техперсоналом и охраной. Вооружены почти все, но в большинстве пистолетами. Но есть четыре пулемета, включая МГ у ребят. Причем один «крупняк» ДШК, невесть как оказавшийся в горкомовской оружейке. Там же, в закромах – три десятка мосинских винтовок и одиннадцать ППШ, и еще четыре десятка автоматов у милицейской охраны. А вот гранат не оказалось, и патронов не слишком много, – но, как сказал Юрка, один штурм, пусть даже очень хороший, отобьем – и вообще, президенту Альенде хуже было. Ну а после придется прорываться по Владимирскому спуску к Речному вокзалу, а там уже Подол начинается, с заводской дружиной.

– А если пойдут? – спросил первый горкома. – Из пулеметов косить, как фрицев под Керчью? А ведь придется. Эх, мужики!

– Я вот с их фельдмаршалом Роммелем ручкался, – сказал Юрка, – теперь он главком их фольксармее... будет. И что с того – сколько я до того фрицев положил? Война – тут уж, если ты по эту сторону мушки, а враг по ту...

– Да я все понимаю, – махнул рукой первый горкома, – просто думаю, товарищ Сталин сказал, что в этой войне мы двадцать миллионов народа потеряли, еще цифра уточняется. И выходит это больше, чем у нас, России, было убитых за Гражданскую, Империалистическую, Японскую, Балканскую, Крымскую и прочие войны, вместе взятые – жуть! А мы еще туда добавляем.

– А еще товарищ Сталин сказал, что это все же меньше, чем умерло от голода и болезней в русских деревнях за один лишь девятнадцатый век, – отвечаю я, – и если мы хотим, чтобы жизнь пошла совсем по-новому... Вы, Леонид Ильич, говорили, что сельское хозяйство и крестьянскую жизнь знаете, и землеустроителем начинали в Белоруссии, и заводилом землеустройства на Урале – в отличие от меня, городской. И слышали, наверное, что народ говорит

и о чем вспоминает. И вот представьте, что крепостной крестьянин из прошлого века попадет в наш колхоз – ему ведь эта жизнь мужицким раем покажется! За то, чтобы этот рай на земле и дальше был – стоило сражаться и умирать?

Да, вот только увидев его лично, сообразила я, что первый Киевского горкома товарищ Брежнев Л.И. – это тот самый, который в будущем ввергнет страну в застой! Юрка Брюс, о том услышав, лишь взглянул удивленно – «я думал, ты сразу поняла, а я уже пообщался, нормальный мужик». Сейчас ему тридцать семь еще, и считается молодым и растущим, хотя имеет уже звание генерал-майора и орден, полученный за Керченский плацдарм. К чести его, в Киев он попал не как кириченковский кадр, а совсем наоборот, кто-то в Москве незадолго до событий решил заменить Сердюка, личность совсем уж слабую и смотрящую Кириченке в рот. Организатор, администратор он толковый – но не политик совершенно, сам признавался, что даже набор положенных догматических установок наизусть не заучил.

– Так это и прекрасно, – отвечаю, – а зачем учить? «Марксизм не догма, а руководство к действию», – а вот сомневаюсь, что даже Ленин поступил бы сейчас по своему же рецепту из совсем другого времени и условий. А товарищи рабочие от вас точно не лозунгов ждут, которые они могли бы и сами в газете прочесть.

– У вас зато это хорошо получается, Анна Петровна, – буркнул Брежнев, – ну, вы же московские, все первыми узнаете.

Это он про сегодняшнее утро. В горком целая делегация пришла от рабочих «Кузницы» – доложить и договориться о взаимодействии. А вышло, свернули на обсуждение политического момента. Разговор был, что вот как предупреждали, так и началось – вот только к митингующим не только пришлые рагули, но и отдельные заводские присоединились. Поскольку бандеры оказались умнее, чем мы ждали – никаких «ридной самостийной», а о самом насущном наобещали. Про новое трудовое соглашение на пять лет, которое в народе уже прозвали крепостным правом, сам уволиться не можешь, так еще и ехать обязан, куда пошлют, «а мы не армия, чай, а счас не война уже». С первого июня на восьмичасовой рабочий день перешли, отпуска и выходные, как до войны – а вот что с зарплатой делать, если почти половину облигациями госзайма выдают? А отчего эвакуированные вернуться не могут – кого в Сибирь вывезли, и так там и заставляют на новых фабриках работать, а домой не пускают? Или случай совсем вопиющий – вот муж и жена, до войны в разных местах работали, но здесь, в Киеве, эвакуировали же одного в Красноярск, другую в Челябинск, и друг к другу не разрешают? А слухи ходят, что и с «Ленинской кузницы» будут куда-то в помощь посылать. А кто-то и про колхозы спросил – а правда, что после Победы их распустить обещали, и где?

Ну, я и ответила. Попыталась объяснить простыми словами, отчего эвакуированные и прикрепленные к эвакуированным заводам не могут пока вернуться в родные края. Потому что часто и возвращаться некуда – дома сожжены, предприятия разрушены, работа только с лопатой или мастерком в руках. Те, кто вынесли на своих плечах всю работу в тылу, нужны там, где работают сейчас – иначе будет, здесь люди на пепелище, там заводы без людей. Война нам так дорого обошлась, что работа по восстановлению предстоит просто гигантская – и никто, кроме нас, ее делать не будет. Но вот про тот случай персонально я фамилии записала, разберусь, это непорядок, чтобы семьи разъединять – временно можно, вот я сейчас здесь, с вами разговариваю, а мой муж на Северном флоте служит. А насчет зарплаты – так сами подумайте, куда деньги ваши идут, у нас ведь нет капиталистов, которые то, что вы заработали, проедят, в карты проиграют, себе дворец купят – все на восстановление страны! Вы же хозяева своего труда – все, что вы сделаете, к вам же и вернется! Ну, увеличим вам зарплату вдвое – значит, в народное хозяйство меньше пойдет, дольше из руин восстанавливаться будем, кому от этого станет лучше? А про роспуск колхозов – это кто такой умный сказал, кому хочется себе по паре десятин и снова землю сохой пахать, ведь тракторов у каждого точно не будет! Война кончилась, и заводы наши вместо танков снова начинают делать трактора, комбайны, другую

технику для колхозов. А школы, больницы в селе содержать, а о стариках и детях заботиться, что сейчас в колхозный бюджет входит – каждый тогда сам по себе будет? А ученого агронома приглашать, а удобрения покупать, а мелиорацию проводить – тоже из своего кармана? Леонид Ильич, я ничего не упустила, а то городская все ж?

Еще поговорили о заводских делах. Тут их удивило, что я и в судостроении разбираюсь, – а что, если на Севмаше в цехах бывала почти каждый день, и в филиале Корабелки все знакомые. Десантные катера нашей работы здесь на юге знали прекрасно – вот только мы по военной части так и останемся, а «Ленинская кузница» большой заказ на буксиры и баржи речфлота сейчас исполняет. Спросили в завершение и про мой вид – ну, я и ответила, что у нас на севере принято так, потому что мужья наши считают, что когда мы красивые и нарядные, это их вдохновляет лучше воевать и возвращаться с победой. И наши девушки, конечно, в цехах все в спецовках – но когда можно, то в ярких цветастых платьях, хотя погода у нас куда холоднее. Много чести фашистам, из-за них нам унылое серое носить!

На том и закончили. Ушли заводские в раздумьи – как Леонид Ильич сказал, это и есть истинная политработа, когда словом можно человека заставить с новой силой, хоть в бой, хоть на труд. И уже после привозят нам свежую «Правду», а там речь товарища Сталина, произнесенная вчера вечером, в годовщину 22 июня – и те же самые мысли, и похожие слова! После чего Брежнев утвердился в мысли, что я заранее знала, а поскольку из Москвы приехала еще за две суток до того... в общем, стал Леонид Ильич куда менее болезненно относиться, что я – и женщина, и годами младше – ему приказываю здесь.

Нет, пообщавшись с товарищем Брежневым, я свое первоначальное мнение о нем изменила. Он не враг, ни в коем случае – а человек добрый и служака исправный. Вот только кажется мне, что удайся Кириченко его план удельного княжества, и останься Леонид Ильич на своем посту, он бы так же исправно служил. Ну да, о людях бы заботился, «не допущу, чтобы хлеб дорожал» – так и служил бы, что СССР, что фактически самостийной Украине. А я бы себя в такой роли представить не могла никак!

И тут грохот пулемета, да не со стороны Житомирской, а от реки! И выстрелы в ответ. По звуку, наш МГ, то длинной очередью, то короткими, прицельными. Затем и с нашей стороны добавляются винтовки и ППШ. Через пару минут стрельба стихает. Оказывается, пока от Крепчатика красными флагами махали, с полсотни бандитов зашли от реки! И ведь у них могло получиться, если бы сообразили идти колонной, как будто подкрепление нам от заводских, – но они рванули через парк, развернувшись цепью и держа оружие в руках, как в атаку шли, хотя и не стреляли. Но тут Валька, поставленный следить за этой стороной, не зевал, сразу распознал врагов. Штук двадцать так и остались лежать, остальные бежали – может, у них и получилось бы подойти на бросок гранаты, но при этом на ровном простреливаемом месте легла бы еще половина оставшихся, а умирать бандеровцы очень не хотели. Юрка уже распоряжается пойти и трофеи собрать, нам два десятка стволов с боеприпасами точно лишними не будут.

– А толпа, смотрите, тоже уходит! – сказал Мазур. – Не бежит в панике, а как по команде, не слишком спеша.

И знамена красные видны. И портреты Ленина и Сталина над головами. Сволочи – символы наши украли, чтобы внимание отвлечь, пока сзади втихую подкрадываются и убивают! Вот интересно, что будет, если врезать из крупняка – Юрка говорил, пуля ДШК сразу нескольких человек навывлет пробивает?

– Не надо, – отвечает Смоленцев, – главари нам еще попадутся, поймаем – повесим. А массовка будет искупать свою вину ударным трудом на Колыме.

Иван Кныш, оперуполномоченный Киевского уgro.

23 июня 1944 г.

Прав оказался тот майор – а я верить не хотел в такое! В Киеве – военное положение.

Читаю приказ – все как подобает. Поддерживать, обеспечивать, пресекать, а «бандитов, грабителей, мародеров, паникеров, шпионов и диверсантов – расстреливать на месте». Ну, со шпионами загнули, какие они тут могут быть, английские, что ли, вон консульство открылось на Житомирской? И – «шпионажем не занимаемся», как тот герой-сыщик у Чапека сказал (есть за мной такой грех, детективную литературу почитаю, даже заграничных писателей, которые у нас выходили – ну, а этот чех прогрессивный, он против фашизма выступал).

С утра, конечно, все было в непонятках. Идет толпа по Крещатику, с красными знаменами и портретами вождей, революционные песни поют – что за чертовщина, давно уже ни царя, ни капитала нет, против чего протестовать? Но порядок вроде не нарушают, если только не считать помех уличному движению. Это уже после, на площади Калинина, безобразие началось – милиционеров, что здание ЦК охраняли, растоптали и буквально разорвали в клочья. А нашу бригаду в это время на Чкалова вызвали – там тоже было страшно.

Я за восемнадцать лет службы – до сорок первого здесь, в эвакуации в Саратове был – на всякое посмотрелся. Вот только уголовные так не убивают – всю семью и ничего не взято. Инженер с «Арсенала», коммунист, его жена и двое детей – всех кончили, удавками и ножами. Соседи не слышали ничего, но видели, как в квартиру трое военных заходили, с раннего утра. Не успели с осмотром закончить – милиционер бежит, нашу машину увидел. Через два дома – учитель, он в коммунальной квартире жил, к нему с утра военные пришли, а затем вышли, за собой дверь заперев и опечатав, и лишь через час соседи спохватились, что Михалыч с ними не уходил, так значит – в опечатанной комнате остался? И в этом же доме, лишь в другом подъезде – еще два трупа, служащий горисполкома с женой. В общем, на один квартал пять эпизодов, одиннадцать человек. И ничего не взято – лишь убивали! Сволочи – детей-то за что? Уголовные так себя не ведут – только фашисты!

И в ориентировке, что успели получить – по всему городу нападения на постовых милиционеров. По показаниям свидетелей и рассказам тех, кому повезло отбиться – подходят сразу четверо или шестеро и сразу, молча, пускают в ход ножи или стреляют. Внешне на митингующих совершенно не похожи, но и на уркаганов тоже – а ведь далеко не всякий урка вот так легко решится на милиционера руку поднять, зная, что за такое расстрел без вариантов! А отбиться удалось посту у телефонной станции, там двое стояли, с автоматами, и к ним еще комвзвода подошел. Но что делать, если идут люди мирно и вдруг выхватывают стволы? Один из милиционеров успел очередь дать, веером, нецельно, – но хватило, чтобы четверых положить, еще трое убежали – комвзвода раненый, но сумел все внятно рассказать, а других наших – одного сразу насмерть, второго до госпиталя не довезли.

Значит, прав оказался тот майор из СМЕРШ – фашисты в городе! Бандеровцы – это те же фашисты, немцам в услужение шли и нехай не вякают, что за «ридну самостийну». Пока толпа шумит, эти убивают. Наверное, списки заранее у них были заготовлены – кто тут коммунист, кого в расход. Война.

Ну, и обычные мазурики распоясались. Сперва с осторожностью, затем и вовсе разошлись – воруют и грабят среди бела дня. Парочку схваченных с поличным мы сначала в отдел сдали, трудно все же вот так сразу в режиме военного времени на месте в расход. А пришлось. Где армия, черт побери, мы же не справляемся, даже в одном районе – нас, оперов, всего восемь человек в бригаде, прочие же не сыскари, лишь улицы патрулировать могут.

Что в нашем деле главное? Правильно – опрос свидетелей! Кто тут про бандеровцев больше всего знает? А тот, из СМЕРШ, и те, кто с ним был. Так что соколом лечу в горком, где сейчас, как мне сказали, штаб. Успел как раз когда толпа расходилась, что возле шумела. На входе там наши, милицейские стояли, меня узнали, пропустили без проблем, еще и подробно рассказали, на какой этаж и в какую комнату. Внутри – ну прямо Смольный из фильма «Ленин в Октябре», кто-то бежит с очень занятым видом, а кто-то на диване прилег и спит. С тем майором я прямо в коридоре и столкнулся – он тоже меня узнал. И попал я не на приватный

разговор, а на заседание – правда, обстановка там была самая бурная. Председательствовала та самая инструкторша из Москвы, Анна Ольховская, еще были какие-то военные, как я понял, присланные из штаба округа для связи, еще товарищ Брежнев, и все! А где НКВД и госбезопасность? Что тут происходит, черт побери, как вышло, что в Киеве хозяйничает непонятно кто?

– Не хозяйничают, – ответил майор, – все ключевые объекты удалось удержать. И нам теперь надо «лишь ночь простоять и день продержаться», пока армия в достаточном количестве не подойдет. Что до отсутствия здесь товарищей (а может быть, уже и граждан) Рясного, Савченко, Слоня и даже Кириченко, то они оказались слишком сочувствующими украинской самостийной идее, а потому их деятельность в предшествующий период будет предметом разбирательства. Хотя пока решено предоставить им возможность искупить свою вину, да и массам это знать вовсе не обязательно. Особенно тем, кои вовлечены в события как статисты. А привлечение к своей игре бандеровцев – это вообще разговор особый и беспощадный. Дня через два-три будет в Киеве «утро бандеровской казни» – но эти дни надо не только прожить, опер, но и себя не замарать. Поскольку разбирательство будет лютое и доскональное – кто и чем занимался, и на какую статью потянет. Я понятно объяснил?

Я ответил матом. Поскольку наполовину русак, наполовину одесский еврей – и к ОУН мне ну никакой стороной не обломилось. И мне глубоко по барабану, ССР там или АССР – но вот сейчас здесь, рядом, людей убивают, я ж все вам рассказал!

– Ответ неверный, – сказал майор, – и по существу, уже если сам товарищ Сталин сказал, что АССР, кто мы такие, чтобы с этим спорить? И по форме, опер – понимаю, что крепкое словцо иногда очень помогает, но при женщинах лучше сдержись. Хотя Анна Петровна, по прежней флотской службе, от морячков и морпехов и не такого наслушалась, а «товарищ Люся» по-русски еще не все специфические слова понимает. И если ты не понял, позвал я тебя не только чтобы узнать из первых рук, что в городе происходит, но и для вполне конкретного дела. Нет у нас сейчас под рукой оперчекистских групп – не оттого, что там все предатели, а оттого, что там есть таковые, а значит, велика вероятность, что информация куда не надо утечет. Через сутки обещают прислать – но вот сегодня придется обходиться тем, кто в наличии. Сколько людей, годных к спецоперациям, может дать киевское угро? Возможно, что ночью будет работа. А насчет убийств – есть одна мысль. Кстати, нам рекогносцировка не помешает – составишь нам компанию, опер?

Да, сделал меня этот майор, как ребенка. И главное, на моем же поле! Это ведь я должен был сказать ему то, что он мне:

– Убивали на месте, а не уводили с собой. Значит, машины у убийц нет, пешком ходили, по адресам. Отчего утром – чтобы дома еще застать, пока люди на работу не ушли. Тогда днем будет затишье, а вечером займутся снова. И большим числом. Судя по почерку, работала не простая «пехота», а ихнее СБУ, мы знаем, что в Киеве их всего взвод, тридцать человек. Утром работали, судя по сообщениям из районов, всего три группы, в этой трое, в других примерно по столько же. Вот, на карте отмечено. Скажи, опер, куда они вечером пойдут, если пока отработали они вот здесь, на Чкалова? И когда – я бы на их месте начал часов с семи. Хотя кто знает, как сегодня предприятия и учреждения работают – но рассчитывать должны на норму, если нет другой информации. Как раз интересующие их объекты успеют вернуться, и в то же время на улицах еще достаточно народу, чтобы затеряться, и уже темнеет. Поохотимся, опер – есть шанс!

Едем вшестером, не в «додже», а на полуторке, оказавшейся во дворе горкома. Как сказал майор Смоленцев, чтобы меньше на военных походить. В кузове у бортов мешки – не с мукой или сахаром, а с обычным песком, хоть какая защита сойдет. Оружия на виду нет, но при нужде из кузова ударят четыре автомата. Я в кабине рядом с шофером, откликающимся на прозвище Финн – и отчего у смершевцев какие-то клички вместо имен?

– Так позывные, чтобы было коротко и ясно, – ответил майор, которого называли Брюс. – Отчего мое, скажу лишь, был такой персонаж, ты его не знаешь. И другие – Рябой, Влад, вот Валентин долго без имени ходил. Теперь он – Скунс, от друга позывной взял.

Едем не спеша. И вот – свезло, не иначе! Ведь район нашего патрулирования не слишком велик, а на улицах уже пустовато, долго мы круги нарезали, или же, остановившись, имитировали поломку. Проезжая перекресток Чкалова и Ворошилова, Брюс заметил трех офицеров, входящих в подъезд соседнего дома. Отчего офицеры – так в фуражках и с кобурами. Входили, когда мы только вывернули из-за угла, на нас внимания не обратили.

– Финн, чуть не доезжая притормози, мы спрыгнем, – шипит из кузова Брюс, едва не всовывая голову в снятое заднее окошко водительской кабины, – и дальше останови.

Понятно – чтобы те, поднимаясь по лестнице, не увидели через окошко нашей высадки. И не насторожились шумом ехавшей и вдруг вставшей рядом машины. Однако ловко это у них получается, в одну секунду оказались снаружи, вдвоем, одного в машине оставили, вместе с Финном – понятно, если те из подъезда вырвутся, их встретят в два «калаша». Я успеваю прыгнуть с подножки. Ммать, чуть ногу не подвернул! Но успеваю в подъезд вместе с осназовцами.

И слышим наверху, этажа с третьего: «Откройте, СМЕРШ». И стук захлопнувшейся двери. Судя по звуку, слева по площадке.

– Они! – шепчет мне Брюс. – Не может тут быть СМЕРШа, я бы знал!

Взлетаем по лестнице. Интересно они бегают – быстро, но бесшумно. На площадке три двери – правая точно отпадает, левая или посреди? Мокрый след перед левой и свежий комочек грязи! Вчера ясно было, а сегодня днем затучило, и даже дождь был, вот кто-то в лужу и вляпался!

Проще всего было брать их, когда станут выходить. Но там за дверью кого-то убивали. А дверь захлопнули на замок. Рябой достает отмычку, замок предательски щелкает. В квартире никто не спрашивает, «кто там», но ясно слышу в тишине осторожные шаги, кто-то идет к двери, один.

Брюс делает рукой какой-то знак, Скунс и Рябой чуть кивают – поняли. Затем Брюс вдруг кричит: «Атас, валим!», Рябой топает ногами, будто убегая по лестнице вниз. Дверь резко открывается, и появляется офицер, держа перед собой ТТ. Как только его рука оказывается за косяком двери, Брюс, до того невидимый изнутри, резко хватается сбоку и, оказавшись плечом к плечу, выдергивает лжесмершевца на площадку. Раздается выстрел, пуля бьет в стенку напротив, еще через полсекунды задержанный уже лежит на площадке лицом вниз с рукой за спину, его пистолет у Брюса, в это же самое мгновение Скунс в приседе, почти в падении, у самой земли, стреляет куда-то внутрь квартиры, затем они вместе с Рябым ныряют за дверь, за ними и Брюс, кивнув мне на лежащего бандита – охраняй. Еще один выстрел внутри – и выглядывает уже спокойный Скунс, делает знак «тащи этого».

Квартира отдельная, не коммуналка. В одной из двух комнат сидит на стуле уже пожилой мужчина, его все еще бьет дрожь. Как оказалось, спасли мы главврача больницы имени Павлова, присланного из Москвы неделю назад – должен был с семьей, но счастье, что они задержались. Двое бандитов были убиты – одного Скунс застрелил в коридоре, второй в комнате с приговоренным оставался.

– Попался на фокус с гранатой, – сказал Брюс, – не лег, но все ж отвлекся на нее, в двух метрах упавшую, ну и Рябой успел выстрелить раньше. Целил в плечо, попал в сонную артерию – труп! Водички выпейте, доктор, для успокоения. Опер, сними у товарища показания – чем он так бандерам насолил? А этого в ванную тащите, мы его сейчас расспросим.

Да, методы же у товарищей военных... Как мне популярно майор разъяснил тоном, абсолютно не терпящим возражений – раз Киев на военном положении, то это самая настоящая война. А как на войне надлежит быть с врагом, если от его слов зависят наши жизни, а вражина молчит, понимая, что терять ему нечего, все равно смерть?

– Кто-то ножом тычет, так зачем грязь разводить? Этому вот руку доломали, каждую кость и каждый сустав. Когда начали с пальцев на левой, он наконец запел. Услышав, что когда мы это со всеми его конечностями сделаем, то медицина будет бессильна, всю оставшуюся жизнь лежать тебе бревном. А так всего лишь однорукий – хрен там все срастется правильно, и он в этом хотя бы ложку удержит и ко рту поднесет. Есть возражения, опер?

Возражений нет. Володьку Кононова бы сюда, он у нас гуманист и законник, еще не пообтертый реалиями угро – хотя вроде бы бывший боевой офицер. Мне говорил на прошлой неделе, что-то про «эру милосердия», что должна наступить после этой, самой страшной войны. Может, и наступит – когда мы всю погань на земле изведем. А пока – рано еще отказываться от старых методов. Лишь бы невинные не пострадали – а против этих дозволено все!

В завершение является милиция из ближайшего отдела. Кто-то из соседей вызвал, услышав стрельбу. Меня опять же узнали, так что проблем не было – зато решился вопрос, куда деть трупы. Покалеченного же бандита майор, показав корочки СМЕРШ, забрал с собой. Как и ожидалось, вражина оказался из бойки СБ, так что, как заметил Брюс, «мы уменьшили число наиболее подготовленных гадов на одну десятую, трое из тридцати». К сожалению, он ничего не знал о задачах других групп. У старшего этой тройки – которого убили в коридоре – в кармане нашли список, там было еще семнадцать адресов! Не считая первых четырех, аккуратно зачеркнутых – ну, с четвертым бандеры поторопились! Однако надо же всех упомянутых срочно вывезти в безопасное место. Майор сказал, что завтра с утра транспорт обеспечат – ну, а товарищу доктору можно ехать с нами сейчас.

Тем более рассказал нам главврач очень интересные вещи. Вот до чего подлый народ, бандеровцы – а впрочем, чего еще от фашистов ждать?

*Подполковник Цветаев Максим Петрович,
56-я гвардейская самоходно-артиллерийская бригада.
Киев, 22–23 июня 1944 г.*

Ехали с одной войны на другую войну – и на третью войну попали!

Девятнадцатого мая был парад в Берлине. Еще разрушенном, но уже налаживающем повседневную жизнь. Как говорили политработники, чтобы наши солдаты, дошедшие сюда от Волги, Подмосковья и Ленинграда, запомнили навек и гордились Победой. В самом скором времени большая часть армии будет демобилизована – Советской стране нужно много рабочих рук, чтобы восстановить разрушенное фашистским зверем. А потому – пусть вернувшиеся домой фронтовики запомнят этот парад.

Некруглая дата? А хоть в честь годовщины советской пионерской организации! Пусть Европа, до того послушно легшая под Гитлера, теперь подстраивается под нас. И как сказал товарищ Сталин – так и будет!

Не было парадных мундиров. И не было свежей краски на броне. Лишь все, что можно, дочиста вымыто, надраено, отглажено до блеска. Шли, печата шаг – пехота в касках и разгрузках, с машин не снимали «нештатные» пулеметы, приделанные на люки и борта. Шла боевая, не парадная армия, только что взявшая на штык две трети Европы (и никто не сомневался, что дошли бы и до Гибралтара, если бы немцы там не поспешили сдаться нашим союзникам). Пусть весь мир запомнит эту картину – до того, как вновь решится с нами воевать!

А с тротуаров и из окон смотрели немцы. И даже приветливо улыбались. Не помню я в Берлине ни одной вылазки «дойче партизан» – слышал лишь, что единичные случаи были. Но возможность провокации следовало учесть – вроде фаустпатрона, влетевшего в парадную колонну из подворотни или из окна. По крайней мере, о том нас предупреждал СМЕРШ, да и народ в строю был опытный, выживший в мясорубке уличных боев – так что шли с боекомплектom, и пулеметчики внимательно следили за всеми опасными местами (вы думаете,

фаустом нельзя стрелять из помещения? Можно, если комната достаточно большая и стрелок совершенно не озабочен последующим пожаром). Но никаких происшествий не случилось.

В парадке, сверкая новенькими погонами, были лишь комендачи, играющие роль регулировщиков. И немцы из фольксжандармерии, замыкавшие наш строй – батальон или два их тоже принял участие в параде. Где только форму нашли, совершенно новую и необмятую – может, наши с захваченных интендантских складов поделились? Мундиры все того же цвета фельдграу были приведены к виду «фолькс» путем спарывания орлов и свастика и нашивания трехцветных эмблем. А были ли заряжены их «штурмгеверы», я не знаю.

Возле Бранденбургских ворот с наскоро сооруженных трибун на прохождение смотрели наши маршалы – слышал, что тут должны были быть Жуков, Конев, Рокоссовский, а также командующие армиями и штабные. Еще там были какие-то штатские, наверное, по партийной и хозяйственной линии, а может быть, и немцы-антифашисты, освобожденные из тюрем (а кого еще можно было поставить во главе ГДР?). И представители союзников – американцы, англичане, французы.

Уже после ко мне подошел их журналист, Хемингуэй. И на груди у него сияла наша медаль «За отвагу» – представление на которую я писал всего четыре месяца назад после памятного боя на Одере⁴⁸. С ними был американский офицер-танкист, моих лет – после обмена приветствиями, Хемингуэй представил его: «Том Ренкин, тот самый парень, кто лично подбил шесть «королевских тигров», и его экипаж остался единственным выжившим из всей роты». Американец показался мне слишком самоуверенным – помню удивление на его лице, когда я сказал, что в том бою на Одере (мистер Хемингуэй не даст соврать) каждый из моих восемнадцати экипажей сжег по два «короля», на нас шел их полный тяжелотанковый батальон, и еще «пантеры» дивизии «Викинг».

– А расскажите про свой бой, мистер Ренкин (ох, предупредили нас, что к их офицерам следует обращаться «сэр» или по званию и имени, – но вот непонятные у них погоны, у немцев и то система похожа на нашу, лишь вместо двух просветов витой серебряный шнур и четырехугольные звездочки, а тут у американца орел на гладком фоне, какой это чин, спрашивать неудобно – неужели генерал-майор?⁴⁹ Как у нас на флоте при царе на адмиральских погонах были орлы вместо звезд). Как вам удалось одному подбить шесть тяжелых танков, сколько же их было всего?

– О, очень много, не счесть. Они лезли на нас из пыли и дыма, я стрелял и попадал, они горели. А после оказалось, что все немцы закончились, как и все парни из моей роты, из двенадцати машин сгорели все, кроме моей.

В принципе, такое возможно – в боевом азарте, когда звереешь и уже не думаешь о смерти, а лишь бы тот, в прицеле, сдох. Как было у меня в самом начале, первый бой с «тиграми» под Сталинградом. Но это лишь для бойца хорошо, а не для командира, обязанного видеть поле боя в целом, несмотря ни на что. Хотя если янки стояли в жесткой обороне, как мы в сорок первом, «ни шагу назад», тогда да, лишь стой, стреляй и молись, чтобы враг закончился раньше, чем ты. А американский «слаггер» машина хоть и послабее, чем СУ-122-54, но девяносто миллиметров калибр, «тигра» должен бить уверенно, да и «короля» вполне возьмет. Ну, и удача, конечно, наличествовала – когда оказался этот Ренкин в выборе немецких наводчиков последним, чисто случайно, и повезло ему дожить. И как сказано было еще в газете, бой в ущелье, когда лишь головные немцы могли стрелять, и дым, который заставлял сокращать дистанцию... но все равно лотерея, накоротке снаряд длинноствольной пушки «короля» и для Т-54, и для СУ-122 смертелен. Так что как минимум храбрость нужна «встать под огнем и шагнуть под огнем», уважаю!

⁴⁸ О том см. Ленинград-43».

⁴⁹ Неправильно. Орел – знак полковника армии США.

А после – приказ о нашем переформировании в тяжелую танко-самоходную бригаду прорыва. По штату, должны добавиться еще танковый батальон на ИС, второй батальон мотострелков на БТР, артиллерия, тыловые службы. Но пополнение и технику мы на Урале должны получить, по пути следования... куда? Хотя ничего еще официально не говорилось, но мы же не дураки, чтобы не понимать?

То-то, смотрю, замполиты с книжками носятся: «На сопках Маньчжурии», «Порт-Артур», «Цусима» – и настоятельно рекомендуют для прочтения личному составу! И беседы проводят – как еще в Гражданскую на нашу землю кто только не лез, и англичане, и французы, и американцы – но лишь японцы всерьез рассчитывали не просто пограбить и уплыть, а оттяпать нашу территорию аж до Байкала! Сергея Лазо в паровозной топке живым сожгли, деревни уничтожали со всеми людьми, как фашисты – да хоть Нанкинскую резню вспомните, как самураи поступают с теми, кого считают слабее! А как они на нас у озера Хасан напали и на Халхин-Голе – и в сорок первом готовились нам в спину ударить, да и сейчас на границе устраивают провокации со стрельбой, наши торговые суда топят или захватывают – и хотя у них фюрера и нацистской партии нет, ведут они себя ну совершенно как фашисты: лишь они, японцы, люди, а прочие им рабы! И терпеть такое у своих границ никак нельзя – а если завтра они на нас нападут?

Короче, накрылся мой дембель! А я-то думал, завтра рапорт подам, и на свою родную Тамбовщину. Одно радует – что звания не повысили. Поскольку в генералы выйти не дай бог, тогда и вовсе не отпустят, а так ну максимум полковника успею получить... а лучше и без того, больше погоны – больше ответственность! Ну нет у меня в ранце фельдмаршальского жезла, хочется снова учителем в школу, дом построить, жениться и мирно жить. А тут всякая сволота фашистско-самурайско-империалистическая мешает!

Соседей наших, танкистов, без техники выводили – только личный состав, и тоже сказали, в Челябинске новую получают по штату. Но мы ж не простой полк, а «святой», вот в бога не верим, но ведь было, что за год войны лишь один экипаж полностью в машине сгорел, под «маус» попав, уже в Берлине. С тех пор как получили мы самоходки, Церковью освященные – ну и конечно, любой танкист вам скажет, что каждая машина свою особенность имеет, в бою это может решающим оказаться, так что лучше свои СУ на другие не менять! Чего мне это стоило, умолчу, – но погрузили мы на платформы пятнадцать машин – все, что на ходу были. И еще везли одного «горыныча», берлинский трофей. Порождение сумрачного германского гения – представьте танк из «Индианы Джонса»: гусеницы охватывают высокий борт и спереди, и из бортов огнемёты, сразу на три стороны плюют – в танковом бою это противник никакой, самоходный крематорий для экипажа, громоздкий и неповоротливый, броня слабая, в башне пушка всего семьдесят шесть, но против пехоты это огненный ужас, и в окопе достанет, не говоря уже о чистом поле. Взят нами, даже экипажем укомплектован из временно «безлошадных», но до сопки Маньчжурии не доедет – предписано в Кубинку сдать, сперва для изучения, затем, наверное, музейным экспонатом. А жаль – наши СУ-122 на дистанции каждая пары Т-54 стоит, а в ближнем бою без башни и пулемета полный песец, оттого и цепляем на люки нештатные МГ и сажаем пехоту на броню. Интересно, какие танки у японцев?

«Майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои...» Музыка из репродуктора на киевском вокзале. Станция Киев-Товарный рядом совсем, разгружаться нам приказано, срочно. Что за черт? Офицер-порученец прибежал из штаба. Приехали – в Киеве мятеж!

Бандеровцы? А здесь-то они что делают, как оказались? Сгрузиться, занять оборону, доложить о выполнении! Следующий приказ – оставить часть сил для удержания Киев-Товарного и вокзала, выдвигаться к штабу округа. Настроение было, если честно, хреновым – ну не предназначены самоходки, чтобы в городе легкую пехоту и диверсантов гонять! Мы в Берлине от фаустов большие потери понесли, чем в драке с эсэсовскими «тиграми» на Зееловских высотах! Но приказы не обсуждаются – следуем!

Да, дело тут еще хуже. Еще и некоторые части гарнизона подозреваются в ненадежности, так что наш калибр сто двадцать два тут будет очень к месту! Не дай бог по своим стрелять придется – но обошлось. После мне рассказали, что бунт действительно готовился – так в казармах на Саперном поле повар одной из частей оказался завербован бандеровцами и всыпал в котел яд, а призывники с Западенщины есть отказались. Из сотни отравившихся едва половину сумели откачать! Еще в двух местах западенцы пытались оружейки захватить, дело до стрельбы дошло, убитые и раненые были с обеих сторон – но наши победили!

И банды по городу болтаются. У нас лишь один боекомплект и то не в машинах, а в прицепленных вагонах, как НЗ – давно уже не бывало ситуаций сорок первого, когда выгрузили в чистом поле, и в бой, а в уставе как раз на такой случай требование осталось. Округ транспорт выделил, послали снарядами загрузиться на склад, так по пути какие-то напали, обстреляли, прорываться с боем пришлось, двое бойцов ранено. После чего всем окончательно стало ясно, что тут война, так что к бою готовились по полной. Даже «горыныча» сгрузили и поставили тут же, на площади перед вокзалом – на случай массовой пехотной атаки, огнесмесь сбодяжили из бочки бензина и масла, на несколько выстрелов хватит. Цистерна соляра на товарной станции нашлась, приказом из округа реквизировали. Продсклад тоже наличествует, так что стало веселее – и БК, и топливо, и еда есть, нормально воевать можно, не как в сорок первом.

Ночь прошла спокойно, хотя в городе несколько раз слышалась редкая стрельба. Спать пришлось по-фронтовому, в машинах, или на брезенте поверх мотора, или в пакгаузах товарной станции. Под утро послышался шум самолетов – наши, «дугласы», шли на посадку в Жуляны рядом. Надо думать, не пустые идут – но нам ничего не сообщали. Затем нам рассказали, что в городе «бандеровцы» взяли и сожгли здание ЦК! От такого нервы у всех на взводе. А уже к вечеру ближе, часам к четырем пополудни, к вокзалу вышла толпа.

«Бандеровцы»? Так видели мы тех гнид в Берлине, в немецкой форме против нас, даже не воевали, а выстрелят из-за угла, и бежать. Что тоже опасно, если стреляют из фауста. А тут больше на первомайскую демонстрацию похоже – красные знамена, портреты Ленина и Сталина! Идут и кричат: «Не стреляйте, солдатики, мы свои, пропустите лишь, дайте на вагоны глянуть!»

Какие вагоны, нах? Это позже я узнал, что людям, нашим советским, сказали – со Львова уже подогнали на станцию вагонзаки и будут всех по списку или просто по подозрению грузить в Сибирь, как раскулаченных везли! За все беспорядки, за то, что на площади у ЦК было. А у меня приказ – не пускать! А толпа прет, не слушает. И что делать?

Снайперы – были. На крыше и чердаке вокзала. Причем знакомые с подлой немецкой манерой в атаку идти, нашими мирными прикрываясь. Вот только фрицы это в своих мундирах делали, в толпе легко различимых, на опытный фронтовой глаз! А здесь – где бандеры, как выглядят? Оружия на виду ни у кого нет!

А они идут. До оцепления уже дошли, на машины лезут, бойцов за автоматы хватают – «убери зброю, солдатык, мы свои». А у нас приказ – не пропускать! А в толпе не только мужики, женщин и подростков тоже вижу! Что делать – сомнут ведь! Нас тут, у вокзала, четыре самоходки, «горыныч» и две роты автоматчиков (и то одна неполная, без одного взвода). То есть пехоты – полторы сотни человек всего. Против толпы в тысячу, а то и в две!

После нам смершевцы сказали – на волоске все висело! Так как в толпе были боевики, в том числе и малолетние, из львовского детдома. Которые должны были, если все же прорвутся на станцию – поджигать вагоны, особенно цистерны, заблокировать пути. Чтобы никто больше здесь разгрузиться не мог. Но мы-то этого не знали, ну не встречались ни с чем похожим за всю войну! Отчего проволоку не натянули на площади, спирали Бруно? Так не было у нас проволоки, мы же не саперный батальон! И не учили нас, как с гражданскими воевать и беспорядки усмирять, мы же не жандармерия, это у капиталистов, я слышал, есть такие – строем, с дубинками и щитами, как римский легион. А мы – или стреляем, или никак!

Первые выстрелы были наши, но – в воздух, в надежде толпу все же остановить. И тут же раздалась еще стрельба, откуда-то позади толпы. Крики «по своим стреляете, сволочи», и потасовка сразу в нескольких местах цепи, у солдат пытаются оружие отобрать. И тут, ясно видел, двое или трое мелких, не взрослые, мальчишки, бутылки бросают, выхваченные из-за пазухи, и соседняя самоходка горит!

Вот тут Скляр и не сдержался. В «горыныче» на семь человек два люка и бак с огнесмесью под ногами – выскочить, если что, не успеешь никак! Три струи огня, прямо по толпе, страшный визг и вой обожженных и паника. Тут уж, если и были бандеровцы-зачинщики в рядах, им бегства никак было не остановить! И выстрелы откуда-то по нам – рядом со мной пуля в броню лязгнула, не спутаешь ни с чем! Я в люк нырнул, ну вот, бой пошел, это знакомо уже – и от того, что враг под мирных замаскировался, он врагом быть не перестанет. И началась стрельба, уж это в нас с фронта в рефлекс было вбито, при нападении стреляй, все прочее – потом. Как подобает пехоте, четко обученной взаимодействию с танками – увидев угрозу, давить огнем, не дожидаясь никакой команды, иначе фауст в броню влетит. Пулеметы ударили длинными очередями, на расплав стволов – цель обширная и совсем рядом. А с такого расстояния по массе людей – одна пуля прошивает сразу нескольких.

Помню парня лет семнадцати, как он к нам бежал, с бутылкой в руке, по чистому месту и телам, рядом не было уже никого на ногах. Целых две или три секунды бежал, лицо перекошено, кажется, кричал что-то – и очередь накоротке его буквально разорвала, и бутылка разбилась и вспыхнула. Помню упавшего солдата, красная лужа вокруг головы растекается. Помню, как кто-то из экипажа сгоревшей машины по земле катается, пытаюсь с себя пламя сбить. И вся площадь впереди телами усеяна, кто-то еще шевелится, а большинство уже нет.

И эта картина была для меня страшнее боев в Берлине. Там были немцы, здесь – свои. А Скляр поседел – хотя было ему всего двадцать три, причем из этого полтора года на войне, с октября сорок второго под Сталинградом.

Доложили в штаб. Все как было – подверглись нападению вооруженной толпы, потеряли одну машину, экипаж успел выскочить, хотя все с ожогами. Атака отражена огнем, с большими потерями для напавших. Получили втык: «Как допустили! Надо было сразу стрелять, не жевать интеллигентские сопли – против вас безусловно враждебный элемент. И в следующий раз не ловите ворон!» Кажется, там не поняли, что «огонь» здесь означало буквально.

И больше никто не пытался нас прощупывать! Знаю, что было что-то подобное за переездом, на углу Шевченко, где застава из полка охраны штаба округа, погиб командир батальона и десяток бойцов, сожгли БТР. И в панике ретировались, когда на помощь выдвинулся взвод от нашей второй батареи с автоматчиками на броне. А у вокзала и товарной станции остаток этого дня и весь день следующий было тихо, даже снайперы не стреляли.

Двадцать четвертого июня стрельба шла уже по всему городу. К вечеру усилилась, местами переходя в настоящий бой. Но к нам уже подошла морская пехота, и мы знали точно, где бандиты и сколько их – в Киеве наших советских людей было все же больше, и они активно нам помогали. С утра 25 июня и мы пошли вперед, как в Берлине, штурмовыми группами по улицам, по дворам – но нашим калибром стрелять пришлось редко, буквально в паре мест, где бандеровцы, заняв оборону, огрызались огнем. Зданий было жаль, Киев до сих пор не восстанавливал все разрушенное, хотя пострадал куда меньше, чем Берлин или Зеелов. Но как правило, бандеровцы не принимали бой, а старались убежать, спрятаться и ударить в спину. Город был разбит на сектора, сектора на кварталы, пойманных подозрительных гнали в спешно оборудованный фильтрационный лагерь на Труханов остров посреди Днепра. Но военное положение в Киеве было отменено лишь в начале июля – поскольку бандеровцы и их пособники пытались, поодиночке и группами, пробиться на запад.

Я этого не видел, поскольку уже 28 июня наша бригада получила приказ грузиться и следовать по назначению. Никто из нас не был отмечен за участие в этом деле – Впрочем, и

наказан тоже. Про тот бой у вокзала нас подробно расспрашивал СМЕРШ, от них мы и узнали про хитрый бандеровский план, и нам сказали, что мы все сделали правильно... вспоминая этот день, я пытаюсь придумать, а как можно было бы по-иному, с теми средствами и в той обстановке – и не нахожу. В июле мы, прибыв на Урал, получили пополнение – и сюрпризом было, что на новых машинах красовался наш знак «святого воинства»: голова русского витязя в остроконечном шлеме – эти танки и самоходки тоже были подарком Церкви, взявшей шефство теперь уже над бригадой. И был месяц на полигоне, слаживание подразделений в единый организм или механизм и изучение силуэтов и тактико-технических данных новейших японских танков «Чи-то» и «Чи-ри» (аналоги «пантеры» и «тигра», даже внешне похожи – но все же слабее и пушка, и броня), старые же машины «Ха-го» и «Чи-ха» вызывали у нас после боев в Европе лишь смех, рядом с ними даже немецкая «тройка» смотрелась как вундерваффе! Впрочем, если мы теперь назывались тяжелой бригадой прорыва – то и воевать нам в основном предстояло не с японской бронетехникой, а с долговременной обороной. Потому приданный нам второй батальон был даже не мотострелковым, а штурмовым. И нашим назначением был, как оказалось, не Забайкальский фронт – нам не пришлось идти через пески Гоби и горы Хингана – а Первый Дальневосточный. И тогда мы не могли знать, что освобождение Китая от японской оккупации после перерастет в Китайскую войну. И я получу все же генерал-майора – вместо возвращения в свой Тамбов.

Одно любопытно. Много позже приходилось мне с немецкими товарищами по службе пересекаться, и к документам я доступ имел – так все говорили, что у немцев в октябре сорок третьего «королевские тигры» в Португалии, где этот Ренкин воевал, были в единичных экземплярах, то ли два, то ли три. Так как же американец умудрился лично шесть штук их побить, тем более что рядом вся его рота сражалась? Ну не бывает так, чтобы десятеро стреляли мимо, а один снайперски попадал. Наверное, там «тигры» обычные за «королей» считали, да набитые всеми вместе, и записали на того, кто один живым остался. В пятьдесят девятом у нас американский фильм шел «Освобождение Европы» (и, кстати, этот Ренкин там числится консультантом) – его посмотришь, так кажется, что одни союзники и воевали! Там этот бой тоже есть, «королевские тигры» идут массой, наверное штук сто, такого мы даже под Зееловом не видели! Ну, пусть тешатся хоть придуманными победами – мы-то знаем, кто от Волги до Рейна дошел!

Томас У. Ренкин, бригадный генерал армии США.

Из письма К. Эннакину, режиссеру и сценаристу фильма «Освобождение Европы», 1959

Сэр, вы очень хорошо показали события, действительно имевшие место. Но я полагаю, что американскому зрителю надо видеть и другую сторону.

Весной сорок четвертого я исполнял обязанности офицера для особых поручений при генерале Паттоне. И именно в этом качестве был послан в русскую зону оккупации – для оценки реальной боеспособности русской армии. Все знают про обещание Паттона «за полгода дойти от Рейна до Москвы, что не удалось этому неудачнику Гитлеру», – которое было не понято политическим руководством, подвергшим генерала незаслуженной опале. И мало кому известно, что в действительности было не так.

Существовал «план Паттона», детально разработанный уже после того заявления, бывшего для него лишь первым толчком. С целями не столь амбициозными, но оттого вполне достижимыми. Паттон первым в наших военных кругах чисто интуитивно уловил, что русские, преследующие в своей политике прежде всего собственные цели, очень скоро станут для Америки главным врагом и конкурентом – и первым отважно бросился в бой. Согласно плану, рожденному в тишине штабов, без громких заявлений, русских надлежало отбросить назад в ходе чисто локального конфликта, вернув в границы западной цивилизации как минимум Германию, Италию, Австрию, а максимум – Польшу, Чехию, балканские страны, а возможно, даже

Прибалтику. Считалось, что Германия при первой возможности восстанет против захватчиков-коммунистов, как и восточноевропейские народы, а русские, измотанные войной гораздо больше нас, с радостью согласятся на мир, который мы им предложим, как только цели нашего наступления будут достигнуты.

Главным аргументом противников этого плана, к которым относился и Эйзенхауэр, была еще не завершенная война на Тихом океане. Существовал риск, что тогда СССР заключит союз с Японией, а большая часть наших сил окажется связанной на европейском театре. Паттон отвечал, что на востоке просто нет пока нужды в таком числе сухопутных войск (ну как вы представляете высадку миллиона солдат на какой-нибудь остров Тарава?), по крайней мере до момента десанта собственно на японские острова. И что он обещает завершить кампанию победой еще до зимы – если войска покажут в наступлении хотя бы половину той скорости продвижения, с какой они шли по Франции от Гавра до Рейна. Но узким местом была поддержка с воздуха – как раз авиация очень нужна была именно на Тихом океане. Напомню, что план «Молот Тора» – предельного ослабления Японии тотальными бомбардировками – был уже принят, и в рамках его требовалось не только задействовать подавляющую часть стратегической авиации, в том числе все авиакрылья, оснащенные новейшими В-29, но и увеличить число эскадрилий почти вдвое – таким образом, основную тяжесть сражения с русскими на этот раз должны были вынести сухопутные войска.

Американская армия находилась в тот момент на пике своей мощи. Имелось шестнадцать танковых дивизий (у Гитлера в начале его Восточного похода было двадцать, однако американская танковая дивизия была намного сильнее немецкой сорок первого года). Кроме того, все пехотные дивизии были насыщены техникой и были по существу тем, что у немцев называлось «панцергренадерскими». В целом же, по выкладкам Паттона, мощь одной лишь американской армии в Европе втрое превышала гитлеровский вермахт июня сорок первого – а были еще и англичане, и мы могли рассчитывать, что по мере нашего продвижения, немцы присоединятся к нам, не упустив случая отомстить русским за свое поражение, предполагалась также мобилизация в союзные ряды французов и итальянцев.

У этого плана был лишь один серьезный недостаток. Паттон был командующим всего лишь одной из армий, а не главкомом, и разрабатывал план по собственной инициативе (хотя, конечно, Комитет начальников штабов и персонально Эйзенхауэр были в курсе). Требовалось убедить высшие инстанции, чтобы план стал законом, – а вот там взгляды лиц, принимающих решение, были куда более консервативны! Напомню, что Америка стала уже по существу первой державой, спихнув с этого места англичан, но сама еще не привыкла к этой роли. А европейский театр в глазах многих влиятельных политических и военных кругов США реально был «вторым фронтом» в сравнении с Тихим океаном, и кровь Перл-Харбора жаждала отмщения. Наконец, американский бизнес, имея выгодные советские заказы, вовсе не желал ставить интересы США в долгосрочной перспективе выше своей сиюминутной прибыли. В итоге Америка готова была воевать с русскими лишь при условии, что это будет быстрая и легкая война с нашей стороны, «простите, мы слегка вас побили и взяли свое – но ничего личного, просто бизнес, ок? А теперь будем вести с вами дела снова».

Я был одним из тех, кто должен был добыть фактический материал, чтобы план Паттона был рассмотрен. В течение месяца я объездил всю Германию, наблюдая русских вблизи. Меня принимали очень любезно, как союзника, а я улыбался, смотрел и запоминал – то, что, очень может быть, скоро поможет нам лучше и эффективнее убивать этих русских; ничего личного, так устроен мир, что все не могут быть сытыми и довольными, кто-то должен потесниться. Гитлер был грубым мясником – но согласитесь, что в идее «в мире должен быть лишь один хозяин», чтобы не было анархии и войн, что-то есть! Надо лишь уметь сделать так, чтобы абсолютно все были убеждены в вашей правоте – включая того, чью собственность вы отнимаете.

Во все века Германия славилась своими солдатами, а Америка – юристами и рекламой, и кто в итоге оказался сильнее?

Меня принимали как героя – «тот, кто подбил шесть “королевских тигров” в одном бою». Поразмыслив, я пришел к выводу, что это есть истина – ведь общеизвестно, что фактом является то и только то, что подтверждено юридически? Как было объявлено и записано в наградном листе – и какое имело значение, что «кенигтигров» там было всего два, а не шесть, и уничтожил их не я?⁵⁰ Я честно рисковал, был на волосок от смерти, там сгорела вся моя рота, а мне пришлось месячным отпуском лечить расстроенные нервы, чудом вырвавшись живым из того ада! Я искренне считал себя героем – и это мое право украл у меня тот русский, с которым мы встретились в Берлине.

Его слова звучали издевательством. «Мистер Ренкин, никто из нас не сумел достичь вашего результата, “кенигтигров” на всех не хватило – но по две штуки на каждый из моих восемнадцати экипажей точно было». И это не было пропагандой – Хемингуэй, бывший переводчиком нашей беседы, присутствовал при том бое и видел все своими глазами! А еще на поле боя были «пантеры», германский танковый полк полного состава отборной дивизии СС «Викинг» и бронепехота – и все они так и остались там, трупам и горелым железом. Но это был еще не самый страшный бой – на Зееловских высотах было труднее... Русский говорил обо всем, как о всего лишь хорошо проделанной работе, не о подвиге! И никто после не давал ему отпуска для лечения нервов, черт побери!

Были и другие примеры, но этот самый показательный. И я, опираясь на них, с чисто военной точки зрения, вернувшись, заявил о полной бесперспективности плана Паттона, при всем моем уважении к этому великому генералу. Категориями Франции сорок четвертого года нельзя было мыслить в войне против русских, там нужен был совсем другой масштаб. Представьте рыцарский турнир, о каких мне рассказывали английский друзья: благородные рыцари честно бьются копьями и мечами – и вдруг на поле появляется Кинг-Конг с громадной дубиной и просто расшвыривает бойцов ударами, как кегли! Быстрой и легкой победы над русскими быть не могло – наши потери намного превысили бы расчетные, и о вторжении в Японию пришлось бы забыть еще года на два – а результат был крайне сомнителен, военная игра, проведенная по приказу КНШ, показала, что можно с уверенностью говорить лишь об оттеснении русских до Эльбы, дальше же неминуемо должна последовать оперативная пауза, и кто лучше ею воспользуется, большой вопрос.

При всем безусловном уважении к Паттону, он оставался человеком иной, доядерной эпохи, рассматривая современный танк как стального коня новой кавалерии, а вовсе не как элемент огромной военной машины, на вершине которой, если верить анализу, проведенному нашей разведкой пять лет назад, уже тогда, вероятно, находилась русская бомба.

Паттон оставался бойцом до конца. Понадобилось бы – пошел бы на штурм рая со своими танками. И вероятнее всего, оказался бы в аду... Но это не умаляет величия духа знаменитейшего из наших танковых генералов, под началом которого мне довелось служить во Франции и Пфальце.

Он просто опоздал на свою войну.

Он все еще рвался на европейские холмы, хотя шверпунктами глобального сражения теперь были Невада и Семипалатинск. И был изгнан в отставку за свое упрямство в отстаивании этого своего плана – а вовсе не за то первое обещание «дойти до Москвы», как считается всеми. Буквально за день до его отъезда на генерала было совершено покушение, по официальной версии «вервольфом». Да, я знаю, сколько было написано после по этому поводу – «немецкий след», «русский», даже наш, а также британский и французский. Истина же заключается в том, что слишком многие были рады снять генерала с доски как мешающую фигуру, и

⁵⁰ О том читайте «Ленинград-43».

оттого, я уверен, если и не посылали убийц, то радовались случившемуся. Я знаю лишь достоверно, что расследование проводилось крайне поверхностно, и все договорились, что виновен «вервольф».

Юрий Смоленцев «Брюс».

Киев, ночь на 24 июня 1944 г.

Первое правило на войне – пока тихо, пользуйся случаем, спи и отдыхай. Потому что когда начнется, и то и другое станет роскошью.

Вот где бы вы на месте бандеровского генерал-хорунжего Кука расположили бы свое воинство – так, чтобы до поры оно не привлекало внимания и в то же время было под рукой? Ладно, часть под видом «колхозников» на ярмарку пришла и в доме колхозника расположилась, да и просто под телегами на рынке, благо лето и тепло. Часть загодя собрались под видом «артелей» на восстановление города, у артели и свой транспорт возможен, и под видом инструмента можно оружие пронести. А где штабным быть, чтобы с относительным комфортом, и связь имела? В частном секторе, не говоря уже о квартирах, свыше десятка морд будет уже приметно.

А есть, оказывается, такая шайка-лейка, как Украинский Красный Крест. С одной стороны, вроде общественной организации, с другой же, насчитывает свыше ста тысяч членов, открыто шефствует над тысячами больничных палат, а также домами инвалидов, детскими домами и множеством тому подобных учреждений, вплоть до психбольниц. Формально подчиненных обл- и горздравам – но по факту могущий распоряжаться значительной частью этого ресурса. В войну КК занимался безусловно полезным делом – собирал для госпиталей продукты, шил белье, организовывал санитарно-эпидемиологические отряды. В то же время это была насквозь пробандеровская контора – а впрочем, как отличить, «где кончается Бенья и начинается полиция»: вот идеи и пропаганда о благе, величии и интересе одной Украины с выносом за скобки СССР – это бандеровщина, или еще нет?

И чье внимание может привлечь появление в госпитале сразу партии больных мужеска пола и боеспособного возраста, да хоть из самого отдаленного района? А может, даже и не больных, а в карантине. Вот нашли там санитары какую-то бациллу в колодце и постановили изолировать всех, кто из этого колодца воду берет. Заодно законная основа подвозить продукты на нужное число рыл, и телефонная связь, и даже ограничение контакта с населением, – а то ведь не сдержатся «щирые», которым обещан большой грабеж, покажут до срока свою бандитскую суть!

Больница Павлова на улице Фрунзе – это вообще-то главный киевский дурдом. В зданиях бывшего монастыря – кирпичных, царской постройки, в два – три этажа. В оккупацию немцы расстреляли здесь всех пациентов, причем часть персонала тоже была в том замешана – за что после освобождения Киева арестована НКВД. Потому и был прислан из Москвы новый главврач, сразу не угодивший бандеровцам – еще и тем, что увидел то, что видеть не должен, стал всякие вопросы задавать. И есть у нас его сведениям подтверждение, из другого источника. Основным видом связи у бандер была все же эстафета, даже при наличии телефона (и редкость еще телефонные номера, на весь Киев сейчас порядка тысячи, и про прослушку уже знают). Причем курьерами работали женщины, а чаще всего подростки. Чтоб даже в комендантский час – «дяденьки военные, мне к мамке надо», кто читал Катаева про парус одинокий, тот помнит, как это работало еще в 1905 году. Вот только у одного из таких юных друзей УПА был приятель Витка, а у того брат-бригадмилец, Киев все ж не Львов, и трудно даже бандеровскому СБ такие вот мальчишеские связи отследить. И знаем мы теперь, что сидят постоянно в той больнице штук двадцать крайне подозрительных морд с оружием – причем, судя по частоте сообщений эстафетой, и не только входящих, но и исходящих, это не просто «боивка», а штаб.

Правда, сведения эти мирного времени. Витек, юный разведчик наш, сказал, что там вроде больше рыл ошивается, причем не только сидят тихо, а ходят у ограды, караульную службу несут. И Кныш сказал, что по сведениям угро, неизвестные вооруженные люди выгнали из той самой больницы часть ходячих больных, освобождая один из корпусов. Точных сведений получить не удалось, учитывая профиль «павловки», много ли псих расскажет, вот и бандеры, наверное, о том же подумали. Но желание усилить охрану после того, как «потеряли» главврача, выглядело очень разумным. Не надо их толпой тупых рагулей из схронов считать, конкретно у Кука начштаба – кадровый польский офицер. Есть вариант еще худший – что они просчитали наш интерес и готовят нам засаду. А не прийти мы не можем, уж больно цель сладкая – штаб, и недалеко совсем!

Вот не было ни гроша, да вдруг алтын! Возвращаемся мы на базу, в горком, а там нас встречают уже! На подступах какие-то солдаты окопы роют, а внутри все знакомые лица! «Петр Егорыч, какими судьбами? Привет, Булыга, и ты тут?» И еще двое серьезных мужиков, тоже с оптикой – вторая снайперская пара. Ей-богу, я после такого командование зауважал – передали, значит, куда надо, мою заявку из СМЕРШ Пятой Воздушной, а там рассмотрели и дали делу ход. Еще вчера я говорил, что нам снайперов в огневую поддержку не хватает. Вот только надо что-то для ночной работы – придется нам делиться, хотя бы Пилютину выделю винторез. И незнакомый капитан, с петлицами ВДВ, докладывает – рота прибыла для обороны штаба, девяносто восемь человек при десяти пулеметах и еще шесть «рысей». А это, я скажу – вещь! Кто не знает – примерный аналог «шмеля» из конца века. Тяжелый реактивный гранатомет на сошках, в боекомплекте выстрелы и кумулятивные противотанковые, и осколочные противопехотные, и дымовые, если надо оперативно завесу поставить, и самая новинка – термобарические, по фугасному действию все ж не дотягивают до гаубичного снаряда сто двадцать два миллиметра, как «шмель», но вполне сопоставимо. В общем, артиллерия переднего края. Теперь с бандерами будет совсем другой разговор!

– Стреляли, – отвечает Петр Егорыч Пилютин, лучший снайпер Ленфронта и участник охоты на фюрера, на мой вопрос, какими судьбами.

«Белое солнце пустыни» вышло на экраны здесь еще в прошлом году. И слова Саида стали уже крылатыми, особенно среди снайперов. Стреляли – если мы, то значит, тут есть в кого, враг обнаружен, ну а если в нас, так тем более надо кого-то укоротить. А Петр Егорыч был флегматиком и долгих речей не любил.

– Ну, ты даешь, Булыга, рюкзак у тебя еще тяжелее, чем тогда в Нарвике. Как ты его поднимаешь, даже с твоим ростом?

– Так там лишка нет, старшой, – отвечает Пров Булыгин (а «пила» у него уже сержантская), – и опыт такой, что лучше попотеть, тем более в тылу, чем в деле чего-то позарез нужного не окажется. Осторожно – оптика у меня там.

Снайперские стволы с оптикой пока остаются в РККА (все еще часто называют так Советскую армию, причем не только в разговоре, но и в документах иногда) дефицитом. Это при том, что на «калаши» перевооружили практически всю строевую пехоту действующей армии – лишь в тылу еще и трехлинейки встречаются у бойцов. А снайперок не хватает, хотя запустили в производство и аналог СВД, и СВ-У, и даже что-то похожее на винторез, но последние два типа идут исключительно осназу. А армейские «старшие стрелки» в отделении или взводе нередко бегают с обычным «калашом», и вся разница – это боевая задача: на поле боя в первую очередь выцеливать офицеров – да снайперский доппак (сушеная черника). Ну, и, конечно, перспектива: хорошо себя показал – перевод в снайперы настоящие. И трофейные немецкие «98к» с оптикой встречаются не только у «старших стрелков» (тут если добыл – то не отдаст ни за какие коврижки, с полного одобрения командира), но и у снайперов. Хорошая машинка, бой точный, патроны достать на фронте не проблема. И оптические мосинки еще вовсю в ходу (в нашей истории были в армии до шестидесятых), и «светки» (а вот эти с появлением СВД

стали быстро с передовой исчезать – все ж меткость заметно хуже). Но СВД заслуженно считалась у знающих людей лучшим инструментом и в двухтысячных (именно таким, с которым марш-бросок по местности, и неделя в дальнем рейде – а не тем, что к огневому рубежу с комфортом приехал, из футляра достал, выстрелил, и назад убрал, пылинки сдув, и не дай бог уронят). И по тому, что у Пилютина с Булыгой на двоих было: тяжеленная «фузея» калибра двенадцать-семь (ПТР с оптикой, прошибает и легкую броню) и две СВД, и еще «калаш», – было видно, что люди это очень уважаемые и заслуженные (три единицы из перечисленного тащил на себе Булыгин, у Петра Егорыча, ростом ниже его на две головы, была лишь одна винтовка). И у второй пары вижу: у одного тоже СВД, у второго мосин, но с густыми насечками на прикладе.

Срочно собираем штаб. Показываю на карте и рассказываю, что нам известно о противнике. Вот любили бандеровцы пулеметы – у них в сотнях могло быть по ручнику на троих, станкач на десяток. И в расчетах старшины, прошедшие соответствующую немецкую школу, не редкостью были у них такие кадры, огневой выучкой не уступающие нашим сверхсрочникам. Кирпичные дома дореволюционной постройки – и если там внутри пулеметчики наготове, то мы оттуда не выйдем, ляжем все. И ночь не поможет – трудно, что ли, ракеты периодически пускать? Так что без хорошей огневой поддержки, внутрь лучше и не соваться. Артиллерия нужна – и ты, капитан, ее нам обеспечишь! Ну нафиг здесь «рыси» – нет у бандер танков, и не требуется пока укрепления штурмовать!

А я уж думал, оперов из угро привлечь. Так не их это работа! Зато теперь – живем! Шанс не просто пощипать бандер, а полностью уничтожить!

– Так, может быть, просто расстрелять из «рысей», и все? – спрашивает капитан. – Внутри вам зачем? Так пленные нужны?

– Нужны, – отвечаю, – а еще больше – удостовериться, что там именно бандеры, а не больные с персоналом. Как ты в такое помещение роту впишешь, прежних обитателей не выставив?

Едем на «додже», «газике» и полторке, от горкома взяли на север, через Подол, заранее договорившись с рабочей самообороной (да и успел я уже побывать на «Кузнице», завести знакомства, обговорить связь). Пересекаем Нижний Вал, едем по Фрунзе мимо Татарки, Павловская больница у самого поворота на Бабий Яр. С сорок первым городком обговорено, что патрули армейцев не будут заходить к югу от железной дороги, а рабочие отряды с «Кузницы» держат рубеж по линии станция Киев-Петровка – Корабельная – Шолом-Алейхема. То есть в интересующем нас районе, вдоль Фрунзе севернее Заводской, и у юго-восточной окраины Куреневки, своих быть не может, любой вооруженный – это враг.

Со стороны Татарки слышна редкая стрельба. Знаем, что в городе держатся наши – и казармы на Саперном Поле, где все же подавили бунт, и училище НКВД (эти не только сами отбились, но и выделили силы на оборону объектов рядом), и некоторые отделы милиции, и райкомы, и телефонная станция на Крещатике. Интересно, бандеровцы тоже урывками спали, как я сегодня – час там, полчаса тут? Или все же дрыхнут толпой? У них СБ и «жандармерия» понятие о дисциплине имели, и не хуже армейского, а обычные селюки из схронов бандитами так и остались, к тому же в городе им непривычно. Доктор говорил, что те, в больнице, ночью все же спали, тихо там было, а вот на втором этаже, где начальство, допоздна был виден свет.

Приехали в точку сброса. Трое десантников у машин, остальные выдвигаются к объекту, впереди наша четверка, скрытно, двумя боевыми парами, вторым эшелоном десантура, снайперы, Финн и Мазур с ними, груз тащит, и для связи – слава богу, еще наши переговорники и ПНВ живые!

Кретины! Устав вы так и не выучили (оказывается, в УПА есть официальный, писанный устав – смесь немецкого, польского и нашего), часовому курить на посту запрещено категорически во всех трех! Хотя, может быть, это приманка, смертничек как раз для нас выставлен,

из провинившихся – а рядом замаскировалась группа захвата? Или пулеметчики уже изготовились и всех положат? Даем нашим сигнал замереть и подползаем поближе.

– Мыкола, эй, Мыкола! Ходи сюды!

Ну, вот и второй нарисовался. Вижу и третьего, дверь открывается и выходит на крыльцо, тоже с папирсой. Идиоты – часовому курить нельзя не только оттого, что демаскирует, но и затем, что огонек ночное зрение сажает напрочь! Так глаз у нас устроен, что побыв в темноте, повышает чувствительность, но медленно – а вот к свету адаптируется почти мгновенно. Лежим, смотрим. До этих гоблинов метров сто. Все ж хорошо, что лето, трава – тут, практически за городом, лишь на дороге асфальт. И ветерок веет – значит, трава шуршит. Пожалуй, можно и поближе, не заметят!

– Волк, я Лось-1. Цели? – голос в радиогарнитуре.

Волк – это мы, группа захвата. А «лось» пришло на ум, глядя на Булыгина – два метра рост, за центнер вес, и ни грамма жира, сплошь тренированные мышцы (за полтора года в «лесных егерях»). И двигается ловко и легко, как белка, что у качков практически не встречается. Вот интересно, Михалков про своего Дядю Степу уже написал?

– Лоси, основной. Один к нам.

Основной вариант – держат окна. Если оттуда ударят пулеметы – гасить. Хотя если там действительно сотня, то где ее посты? Тогда часовых должно быть побольше. И одна пара нужна здесь, потому что винторез, бесшумный и беспламенный, достанет до зданий лишь от ограды – а вот СВД может работать и издали.

Подползают. Ну, снайперов не надо учить передвигаться скрытно и бесшумно. Особенно снайперов-фронтовиков, отвоевавших больше года. Пилютин с Булыгой – ох, мужики, втягиваю я вас в истории, но простите, ваши умение и опыт – это нам лишний шанс на успех операции. Значит, так: этих курящих гавриков у забора мы завалим сами, ваша задача – бесшумно прикрыть, если из двери выскочит разводящий (а кем еще был тот мужик на крыльце?), или если (если!) все ж нарисуеться замаскированный секрет, или того хуже – группа захвата. Ночь темная, хотя июнь, но Киев ведь, а не Ленинград, и даже облака набежали, так что в полусотне шагов человека не разглядеть без ПНВ. И фонарей нет – только тусклая лампочка над входом. А вот открытые настежь окна мне не нравятся сильно – мало того что внутри все хорошо будет слышно, если нашумим, так и для стрельбы удобно!

– Стая, готовы? Мы начинаем!

Что хорошо, забор тут решетка, но с каменным парашетом внизу, высотой где-то по колено. Удобно за ним укрыться... или группу захвата укрыть. Но ведь бесшумных засад не бывает – ну, если только там совсем крутые спелы лежат! И если что, через ограду легко перекинуть гранату, тогда не позавидую укывшимся. Полсотни метров преодолеваем за пять минут. Гаврики рядом совсем... если бы не решетка, можно было бы их из винтореза снять, а если в прут и рикшетом? Ни один ведь крикнуть не должен! Ну вот, снова сошлись, беседуют.

– Эй, Мыкола, а что делать будешь, когда колхозы отменят? И все имущество назад?

– Справным стану. Тут главное хоть небольшой капиталец нажить, а после уже легче, как в оборот его пускать. Рубль дал – два взял.

– Смотри, не прогори. Голодрань берет охотно – возвращать не любит.

– А зброя зачем? И с хлопцами сговориться, чтобы была малая, но оружная сила. Тогда любого строптивого в бараний рог согнем.

– Первым делом председателя нашего на осине повесим. Обнаглел совсем, все себе тянет.

– Так он нашему хорунжему, кажись, сват. Как бы тебя не удавили за такие разговоры.

– Ничось, посмотрим еще, как карта ляжет.

А никак уже у вас не ляжет, будущие мироеды! Поднимаюсь над парашетом, в руке ПБ (пистолет бесшумный). И в головы с семи метров по подсвеченной папирсками цели – хлоп, хлоп! Готовы.

– Стая, пошли!

Все ж хорошо, что ветерок. Не то было бы слышно, как два десятка мужиков, обвешанных оружием, выдвигаются на исходные максимально быстро – нет тут заграждений, и не надо думать о противопехотных минах! Сейчас, по закону подлости, только бы не выглянула снова морда из дверей! Тогда придется ее гасить, а если там внутри еще кто-то? Будет тогда «вариант два» – разносить все из «рысей», шесть стволов, по четыре выстрела на каждый, поровну зажигательных и термобарических. Дома, конечно, капитальные, стены, наверное, в метр – но уж столько попаданий им хватит! Вот только не будет гарантии, что не выживут главари, за которыми мы и пришли – ради кучи схроновой пехоты и стараться не стоило бы! И остается сомнение – а вдруг там и больные с персоналом?

На исходных. Стрелки с «рысями» готовы, снайперы тоже. Рябой колдует у забора, закладывая сюрприз – если нам придется спешно отходить с пленным или, упаси боже, с «двухсотыми» или «трехсотыми». А пока десантники строят нам живую пирамиду, и мы перелетаем на ту сторону тремя парами – и вперед!

Корпус самый ближний к ограде, в форме буквы «Г». Короткое крыло с отдельным входом – это наш объект и есть. Заходим с торца – меньше шанс, что нас увидят из окон длинной стороны, если там кому-то не спится. Окна первого этажа нараспашку, пробегая мимо слышу храп. В принципе влезть можно было бы... Нет – на фоне окна будет шибко заметно, и не так удобно стрелять, как от двери. Вот если дверь будет заперта... Не заперта – обычно, когда окна не закрывают, то дверь не запирают тоже. Доктор нам план нарисовал, так что расположение помещений мы хорошо представляем. За дверью коридорчик и комната сторожа-дежурного. Тук-тук, кто там сидит?

Без стука, конечно. Из-под двери пробивался свет, и слышались голоса. На слух четверо, и они там играют, что ли? Ну, будет вам сейчас голливуд с ужасами – а в роли ужасов мы. Точно, четверо. Сидят за столом, режутся в карты, мне и Вальке Скунсу на их рожи любоваться некогда, четыре раза «хлоп». Это что, караул был, что ли? От двадцати шестеро – но лишь двое службу тянули на постах, а прочие в помещение и в карты тут бдим?

– Финн, Мазур, держите коридор.

Две палаты на первом этаже, мы с Валькой в одну, Влад с Рябым в другую... удачно зашли! Палата, как сказал доктор, двенадцатиместная, но две койки вижу свободные, а на прочих спят! Мирные больные – вот только у входа, где вешалка и стол, оружие сложено: и винтари, и ППС, и «шмайсеры». А некоторые и с собой прихватили, на спинки кроватей повесили – и не проснетесь теперь! Трудно ли взять в ножи спящих? Если умеешь двигаться быстро и бесшумно и знаешь, куда бить, учили нас этому – не сложно, но очень грязно. Главное – на крови не поскользнуться под конец. А на самый последний случай, если кто-то спит по-звериному чутко и проснется – то в левой руке у меня и Вальки те же ПБ. Можно было и одним холодняком, как с немчиками в Кюстрине у моста – те мальчишки-зенитчики, кто и пробудиться успел, лишь пищали «нихт» и «муттер», руками закрываясь, оружие у них по орднунгу было в пирамиду составлено – но здесь окно открыто, еще кто-нибудь наружу сиганет, и нам еще второй этаж брать, где самые волчары, так что надо с гарантией.

Нам стрелять не пришлось ни разу, Рябому лишь однажды. Вот и двадцати одного бандеровца нет – двадцать семь, с караулом. Теперь вверх!

Там, по рассказу доктора, не две большие палаты, а пять поменьше. И публика тут была посерьезнее – судя по тому, что в первой же, куда очень тихо вошли мы с Валькой, нам навстречу дернулся детина уже с автоматом в руках, пришлось стрелять, и еще во второго, что на койке спал. И из соседней палаты, где работают Влад и Рябой, слышу щелчки – да сколько же их тут, доктор сказал, два десятка всего, а мы уже за три десятка упокоили! Следующая пара дверей. Влад с Рябым в левую вошли, мы буквально на секунду задержались, распахиавую правую, и сразу оттуда выстрел громом в ночной тишине – стоял бы в рост и напротив, точно

бы в грудь получил, а так над головой пролетело, а вот стрелявший передо мной как мишень, из темного коридора на фоне окна, да еще через ПНВ – готов! И снаружи слышу крики и стрельбу – а вот это плохо! Но мы ведь почти у цели!

– Волк, я Стая, активность в главном корпусе, – голос в рации. Вот влипли!

Распахиваю последнюю дверь, в конце коридора, и швыряю внутрь светошумовую гранату – коль пошла такая пьянка, шуметь так шуметь! Слышу полужвериный вой, там кто-то катается по полу, держась за лицо – знакомая реакция, временно ослеп и решил, что вовсе зрение потерял! Он тут один. Главарь, наверное? Вырубаю, не насмерть, ударом по башке, полевая сумка на спинке стула, на столе какие-то бумаги – берем, и отход! Не спускаясь на первый этаж – через окно в другом конце коридора.

– Стая, путь два, чисто?

– Чисто, прикроем, я Лось, – голос Булыгина.

Можно и выпрыгнуть, но зачем нам риск ноги сломать? Заранее припасенный крюк на подоконник, веревку наружу, и пробежаться по стене – выходит почти так же быстро, как прыжок. Сначала выкидываем пленного, стянув ему запястья «наручниками», узлом и придерживая конец. Следом вылетают Финн и Мазур и сразу залегают, прикрывая один слева, второй справа. Затем Рябой, Влад, Валька – я на миг задерживаюсь, на лестнице слышу топот, кидаю приготовленную РГД, и в окно. Рвануло, когда я был уже на земле.

– Стая, я Волк, мы вышли, давай! И двери!

Мы лежали и были к тому же прикрыты торцом выступающего крыла. Но все равно впечатление сильное. Шесть зарядов из «рыси» влетело в окна главного корпуса, из которых мерцали вспышки выстрелов и пулеметных очередей. Если там столько засадников, то больных и персонала остаться просто не могло! «Рысь» уже местного изготовления ненамного уступает «шмелю» наших времен – так что мало бандерам не показалось. Не дожидаясь, пока они там очухаются, встаем и бежим к ограде. Берем сильно вправо, чтобы не быть на свету, там разгорается пожар. А «рыси» бьют снова, теперь зажигательными. Здание кирпичное, но все перекрытия дерево, гореть будет хорошо!

Отходим перекатами, попарно. Финн и Мазур тащат пленного. Отбежав метров двадцать, залегают, теперь бегут Влад и Рябой. И я знаю, что упав на землю, они не лежат, а ползут – чтобы подняться не там, где их мог видеть возможный стрелок. Не хватало еще потерять кого-то на отходе. А в заборе уже зияет дыра, рванули заряды, грамотно наложенные Рябым на прутья и приведенные в действие сержантом-сапером из десантуры. Осталось пробежать метров шестьдесят, так хочется рвануть без оглядки, ведь несколько секунд, и уже у своих!

Вдруг чувствую спиной... вот не знаю, как это назвать. Взгляд в спину – это знакомо и охотникам, но спецназу – особенно. Хотя еще не пробежал и половину дистанции, падаю и качусь вправо, чтобы оказаться как можно дальше от прежнего места. И пулеметная очередь проносится как раз там, где я только что был. Если бандеровец возьмет поправку по целику чуть правее, то мне песец! Но слышу от наших выстрелы СВД, и голос Булыги в гарнитуре:

– Брюс, ты как? Мы его загасили!

Да живой я, и даже не раненый, свезло. А ведь бежали бы мы «на рывок», как выскочили, и сразу к проходу, толпой – так могло положить половину, если не всех! Хороший пулеметчик у бандер был, ночью и чуть не попал – хотя дистанция тут для МГ смешная. И сидел он, зараза, на чердаке того самого крыла, где мы работали, у нас над головами! Вижу, Финн и Мазур уже проскакивают в проход со своей ношей – пленный так и не очухался, его под локти волокут. Перебегаю, Валька рядом, Влад с Рябым уже за оградой. Главный корпус пылает, как костер, в него высадили, как был договорено, по дюжине термобарических и зажигательных – и думаю, все же не могло там быть мирняка, при таком количестве стволов, из каждого окна ведь стреляли! Проход уже рядом – и снова то же чувство. Пригибаясь, качусь влево, уже за парашет, и снова рядом свистят пули! Но наши снайперы наготове.

– Вот ведь зараза! – ругается Булыгин, вбивая новую обойму в СВД. – Старшой, ты как? Наверное, там второй номер у пулемета был.

Отходим. И снова для нас работа – ведь ПНВ лишь у нас, спецназа из «будущего», так что обнаружить выдвижение противника, если он попытается преследовать и перехватить, будет нашей заботой. Но до машин добрались без проблем, погрузились и рванули домой, по Дегтяревской и Артема прямо до места. А далеко позади горело и стреляли, но непонятно, в какую сторону. У нас потери за всю операцию – один легкораненый у десантников, пуля-дура все ж цель нашла.

А сколько ж мы бандер упокоили? Во флигеле тридцать восемь, считая пленного, и в больнице тоже хорошо от нас прилетело – итого под сотню точно. Из них тринадцать моих, в том числе шестеро прирезанных спящими. Нет, совестью не мучаюсь – одна лишь мысль сейчас больше всего заботит лично меня. Где форму от крови отстирать – а то весь забрызгался, даже на лице пятна.

Грязная все же работа – мир от человеческих отбросов чистить. Но должен же кто-то заниматься и ею?

Василь Кук Лемех, генерал-хорунжий УПА.

Киев, утро 24 июня 1944 г.

«Ты зрадник! Бойвка приговорила тебя к смерти как врага украинского народу».

А ведь так будет – удавят, и не чихнут. И никому нет дела, что ты для ридной Украины старался, себя не жалел! Чего стоило протолкнуть свой план, убеждая тупых и упрямых рагулей – «австрийцев, поляков, немцев пережили, и москалей переживем», – ну да, по лесным схронам до конца века можно прятаться, в Галичине уже второе поколение на этой войне растет, и третье бежит, пока за мамкины юбки держась! Так и останемся на уровне местечковой преступности – когда открылся шанс выйти в большую политику, подгрести под себя не одни Галичину и Волынь, а всю Украину, и даже сверх того. Конечно, кто-то из дружки атаманов обеспокоен был, что ему лично место наверху не достанется – так ведь тех, кто поверил, что завтра будет министром, оказалось побольше. Может быть, высоких постов и хватит – на всех, кто доживет.

Кириченко, конечно, дурак – но амбиции у него, как у паровоза, так же прет к цели, давя все на пути. И его роль в плане была незаменимой – нельзя сейчас нам открыто, только война завершилась, слишком многие еще помнят, с кем ОУН вступала в союз... так что мы должны были лишь играть ту же роль, что пар в котле, а именно Кириченко и иже с ним вести видимую политику. И все были довольны – так какую же тебе морковку показали, или кнут, что ты в самый критический момент предал, кинулся москалям сапог лизать? Ведь доберемся до тебя, не простим! Тебе, кретину, последний шанс дали, без тебя начав, чтобы ты гласу народному уступил, собравшемуся перед ЦК! А ты нам войну, решительно и бесповоротно! Рабочие отряды самообороны – это уже твоя инициатива, на Москву не списать никак!

А как хорошо все начиналось! Операция «Перелом», ноябрь сорок третьего. Когда заместитель наркома ГБ Украины Карин-Даниленко выступил посредником в переговорах между ОУН и советской властью. Агент ОУН, художница Ярослава Музыка через замначальника Львовского облздора Юлиана Кордюка (сотрудничал с советской спецслужбой, а его брат был авторитетным оуновцем) передала «советам» предложения Романа Шухевича о мирных переговорах. Кириченко дал санкцию – и Карин-Даниленко, с полномочиями представителя правительства УССР, на квартире Ярославы Музыки договаривался с эмиссаром командующего УПА Богданой Свитлык. В обмен на прекращение кровопролития и восстановление порядка

(выгодных москалям), ОУН получала гарантии неприкосновенности и свою долю во власти на Украине. Тогда не пришли к согласию – но не было сказано и однозначного «нет»⁵¹.

А вот Кириченко с тех пор так и остался «на связи». И было, до вчерашнего дня, понимание и общность интересов. Пока первый секретарь слал рапорты об успешном восстановлении народного хозяйства, Москва не лезла в частности внутриукраинских дел, если там не случалось чего-то чрезвычайного. В этой системе координат бандеровцы проходили как раз такой частной проблемой, а вот успехи на партийном и хозяйственном поле автоматически повышали статус первого и открывали ему дорогу в Политбюро. И все были довольны – де-факто это было, как по тому, так и не заключенному договору. Казалось, так будет и дальше – и чем плохо в итоге «Украина це доминион»? Тогда не смогли договориться, потому что Шухевич захотел слишком много и сразу – не следовало поднимать вопрос о праве выхода из СССР и прочих вещах, уместных скорее в союзе независимых государств, чем в сталинской империи. Но ведь того же самого можно добиться и постепенно, к этому все и шло!

Нет, сейчас припугнуть Кириченко надо было. А то он всерьез возомнил, что он в этом союзе главный, имеет право нам приказывать! Мы бы стерпели, ради дела – но только не тогда, когда это уже мешает реальной политике. Ну зачем, например, первому секретарю лезть в церковные дела, если церковь в этой стране отделена от государства? Мало ли что там в Риме Советы папе продиكتовали! В принципе, могли бы и без попов обойтись – как до тридцать девятого года, были тогда нам католики первыми врагами. Но вот сейчас там уже сетка развернута, по приходам и всей святой иерархии, нам ее восстанавливать на другой основе? И зачем тебе, сидящему в Киеве, твои люди на высоких постах на нашей земле, давай уж как сговорено: мы обеспечиваем спокойствие, а ты не суешь нос. А обложить негласной данью наши кооперативы, угрожая разоблачением, это вообще ни в какие ворота! Так что майдан в Киеве не помешал бы – этим словом ведь не только рынок называли, но и когда-то выборы атамана в Сечи, когда собирались козаки и кричали, люб им атаман или нет – и во втором случае бывший глава мог и своей головы лишиться, коль шибко разозлил народ! И опять же при чем тут ОУН – это народ возмутился и свое вытребовал. Нам ведь не свержение первого секретаря нужно, а лишь чтобы он свое место знал.

Но Кириченко вдруг повел себя так, будто мы партизаны, а он – гаулейтер Кох. У вокзала москальские солдаты сожгли народ из танковых огнеметов – есть ли более наглядное доказательство, как Москва относится к мятежникам? А в Жулянах весь день садились самолеты, и в Борисполе тоже, и по железной дороге сюда, наверное, уже спешат войска – «а вешать будем после». Ну какие переговоры с тем, кто завтра будет мертвецом? И все москальские чиновники, на которых у ОУН был выход помимо Кириченко, вдруг стали глухи и немые, они или избегали встреч, или оправдывались, что не могут ничего сделать, ссылаясь на волю Москвы. Значит ли это, что Сталин принял окончательное решение – никаких соглашений, лишь война на истребление? И вся политика Шухевича и его, Кука, потерпела полный и окончательный крах? А ведь этого ему не простят – тут же вспомнят, что ОУН(Б) изначально не признавала никаких компромиссов с существующей властью! Кого тогда сделают ответственным за киевскую авантюру? Ведь и Шухевич с охотой его, Кука, сдаст! Когда майдан недоволен – атаман теряет власть. И хорошо, если не жизнь. «Ты зрадник! Боивка приговорила тебя к смерти, как врага украинского народу».

Все пошло вразнос – с приездом москальской сучки. Сначала бесследно исчезает Витковский, посланный с ней разобраться. Затем взрыв на базе «жандармерии»... а ведь почерк похож на тот, что было этой ночью! Налет на штаб 444-го куреня совершенно не походил на обычную войсковую операцию! Сведения еще собираются – но по докладу от СБ выходило, что нападавшие, бесшумно сняв часовых, проникли в здание, так же тихо вырезали спящую

⁵¹ Все было в реальной истории! Только ноябрь 1944 года, и санкцию давал Хрущев.

охрану, двадцать человек, поднялись на второй этаж и стали убивать сонных штабных. Там были двое эсбистов, с немецкой подготовкой, очевидно, один успел выстрелить – и за одну-две минуты ночные гости сумели исчезнуть, погиб куренной-444 Воробец Верещака со всем своим штабом, и что хуже всего, бесследно исчез Клячковский – Клим Савур. После чего больничный корпус расстреляли из пушек, сотня из 444-го куреня погибла почти вся. Кук знал, что такое «рысь», – но в киевском гарнизоне не было частей, имевших это на вооружении! И если к пропаже Змеюки, точно было установлено, не было причастно киевское НКВД и госбезопасность, то чья работа была на этот раз?

А если сучка и подняла тревогу? Есть обрывочные сведения, даже слухи, что в штабе на Владимирской горке командует она, а не Кириченко. То есть ее власть и полномочия выше, чем у первого секретаря? Достаточные, чтобы настолько быстро привести в действие громоздкую государственную машину? Двадцать первого вечером был его, Кука, разговор с сучкой, а уже на следующий день к обеду в Киев прилетел Ватутин, арестовав Герасименко? А приказ о повышенной боеготовности гарнизона и разоружении призывников с запада тоже ведь из Москвы днем пришел! При том что военные могли пересечься с партией лишь на самом верху. Но тогда или сучка ни при чем, или Кириченко оказался прав, и она действительно ППЖ, но не Пономаренко, а кого? Берии, по слухам ставшего вторым человеком в СССР, и вроде бы любителя женского пола? Или даже самого... да нет, не может быть, она бы тогда с такой охраной и свитой приехала. Хотя отчего бы и нет – ведь любовница не жена? Но та, которой абсолютно доверяешь. Пробившаяся наверх своим талантом и умом – разговор с ней был коротким, но вот не показалась она похожей на красивую дурочку! Пожалуй, такая могла бы быть разъездными глазами, а если надо, то и голосом своего хозяина.

Всего лишь версия – но наиболее логичная. Ведь москали все же не ждали выступления, иначе подвели бы войска заранее, а еще вернее, арестовали бы всех прямо в ЦК. Выходит, что он, Кук, своим разговором и приказом Витковскому запустил механизм? А сучка реагировала, как подобает оскорбленной и напуганной женщине, для начала предъявив свои подлинные полномочия первому секретарю, а затем... вот интересно, что она наговорила, что ее московский сюзерен принял такие меры и настолько быстро?

Кук считал себя знатоком женщин. И знал такую особенность их психики: если мужчины обычно разумны в своих поступках, то женщина, задетая за личное, пойдет до конца, будет мстить даже себе в убыток. Неужели Витковский и его хлопцы успели... тогда понятно, отчего такая ненависть! Или не только ненависть – как отнесется ее господин к измене, пусть и невольной, захочет ли дальше потреблять подержанный товар? И она это отлично понимает!

Но как же она сумела справиться с Витковским и парой опытных боевиков? Так надо думать, хозяин не отпустил бы ее одну, без прикрытия! Должна быть группа, и вряд ли большая. Тоже сходится: сколько «фронтowych друзей» было в ресторане? Те, кто могут подчиняться себе, если надо, и армейские части, и ГБ – но сами к местному ГБ отношения не имеют.

Не подвела, значит, интуиция, назвав ее «черной королевой»? Но тогда ситуацию можно взять под контроль. Договариваясь уже с этой Ольховской, или как ее там по-настоящему. А поскольку на своей территории она на разговор категорически не пойдет – придется доставить ее сюда. Конечно, достать ее на Владимирской горке будет сложно – но все ж проще, чем воевать с армией, которая будет здесь через день-два.

Доставить живой и здоровой. Не надо злить без нужды того, кто за ней стоит. Потому что вожди выше банальной мести – но всегда предъявляют счет. И за поломанный ценный инструмент вполне могут потребовать твою жизнь. А эта жизнь сейчас слишком важна и ценна Украине. Если не хотим до скончания веков прозябать на уровне шпаны местного масштаба, вроде сицилийских или корсиканских мафиози.

Анна Лазарева.

Киев, горком, 24 июня 1944 г.

Вторые сутки в Киеве – чрезвычайное положение.

Не военное – хотя различие практически незаметно на низовом уровне. Вся разница в том, что согласно Закону от первого февраля этого года при чрезвычайном положении (вводится, как прописано, в случае стихийных бедствий, эпидемиологической опасности, массовых беспорядков и т. д. и т. п.) власть переходит не к военным, а к «триумvirату» – партия, армия, органы госбезопасности и внутренних дел. При главенстве и ответственности перед Правительством СССР именно первой – то есть Ватутин, наконец твердо взявший управление в КВО, обязан запрашивать санкцию ЦК КПУ на все действия, имеющие политическую сторону.

А кто сейчас здесь олицетворяет власть ЦК КПУ? Вы правильно поняли – я. Как Ленин в семнадцатом. Причем по тому же закону, «от один-два-четыре», мое слово здесь столь же весомо, как сказанное самим товарищем Сталиным – если только он сам не поправит и не отменит. И за невыполнение полагается ответственность по нормам военного времени. Правда, после отмены ЧП несогласные могут написать в контрольную комиссию жалобу на неправильные, на их взгляд, действия первого лица. И жалоба будет рассмотрена, и кому-то придется отвечать – или первому лицу, извратившему линию партии, или самим жалобщикам, если их правота не подтвердится.

– Не бойсь, Анка, прорвемся! – говорит Юрка Брюс. – А победителей не судят.

Ага, слышала уже от него – «а на войне одна победа лишь важна. Победа спишет все – война на то война». Вот только даже на войне, я слышала, товарищ Сталин жестко спрашивал с командиров всех уровней за излишние потери. А солдаты-фронтовики, я слышала, офицеров с орденом Александра Невского, по статуту положенным «за решительную победу над превосходящим противником при меньших своих потерях», уважают даже больше, чем Героев. Победа будет, без сомнения – Киев бандеровцам ну никак не удержать! – но сколько они тут натворят?

Власть – это привилегии? Плюньте в лицо тому, кто это скажет! Тяжкий труд, данное тебе право сказать: «Я знаю, как надо», – и вести за собой. И не дай бог, если окажется, что поверившие тебе окажутся обмануты. Ведь ты отвечаешь за все – и за себя, и за них. И нервов сгорает стократ больше, чем когда рискуешь лишь своей головой. Кто там, в будущем, сравнивал себя с рабом на галерах? Я отлично его понимаю – всего лишь сутки с лишним управляясь с одним Киевом! Вот не поверила бы, скажи это всего три года назад мне, студентке Ленинградского универа! Ну почему Пономаренко послал меня – неужели не мог найти кого-то из более старших, опытных, надежных товарищей?

Но нельзя показывать свое сомнение. Еще на Севмаше я усвоила – умение вести за собой включает и способность выслушать подчиненных, но даже подозревать твое колебание они не должны! Лишь перед ребятами из спецназа, Юркиной командой, я могу позволить себе иногда быть самой собой. Майор Смоленцев играет здесь роль главного военного советника – неофициально, потому что когда все та же товарищ Брекс поинтересовалась его партийностью, то сразу вылезло, что все ребята даже не комсомольцы, а б/п! По физиономии этой дуры было видно, что она обязательно после на меня напишет – когда я сказала о том Юрке, он лишь усмехнулся и посоветовал мне «после расследования приказать этой жабе съесть свою цидулку – если хочешь, прослежу». Вот не пойму, когда он говорит всерьез, а когда нет!

В горкоме проходной двор – несбежавшие сотрудники, связанные от комсомольских групп, представители районов с охраной и без, делегаты связи от заводов и прочих предприятий и еще ЦК с обкомом. И ведь поначалу еще и огромное количество народу набежало – и члены семей, и те из бандеровского списка, кого ребята успели выдернуть, до того как до них убийцы добрались, и семьи тех, кто на «Кузнице», а в городе живет, не на Подоле – все, кто слова о бандеровской угрозе всерьез принял, нам поверив. И конечно, евреи – «таки, товарищ секретарь, вот не бывало никогда, чтобы беспорядки и без погрома». И снова Смоленцеву спасибо – это ведь я должна была додуматься, а вышло, что он мне подсказал, лишь при своих, чтобы

мой авторитет не ронять – договориться с военными и организовать коридор на Левобережье. Хорошо, что до берега рядом, плавсредства на «Кузнице» и у речного вокзала нашлись, так что вчера вечером отправили всех гражданских, в штабе не занятых, через Днепр, их там в пионерлагере обещали разместить. А то превратился бы наш штаб еще и в Ноев ковчег, где работать вовсе невозможно! И лишние жертвы – потому что партийные комитеты всегда были первой мишенью бандеровцев.

Но все равно было тесно. Первую ночь здесь я и Лючия спали в одной большой комнате с ребятами, лишь отгородившись портьерой, натянутой поперек между двух шкафов. Затем я вселилась в бывший кабинет первого секретаря горкома, вытеснив Леонида Ильича – в задней комнате был кожаный диван, как раз на случай, если хозяин кабинета припозднится на службе или просто захочет отдохнуть в обед. Ребята притащили еще одну койку, для Лючии – и это, пожалуй, были все мои привилегии: отдельный кабинет и спальные места. С учетом того, что творилось в горкоме, это было немало – сама видела, как на одном диване спали втроем по очереди, или стелили прямо на полу. А я не могла лечь, беспокоясь – как там ребята? А они вернулись лишь под утро, все целые, и приволокли важного оуновца! Которого наутро отдали чекистам.

Спецопергруппа НКГБ приехала утром. Их встретил Юрка, внаглую отрекомендовавшись: «врио начальника военного отдела ЦК КПУ, назначен приказом товарища Ольховской, которая сейчас спит – имейте совесть, мужики, она за двое суток хорошо если шесть часов отдыхала». И простите, что пришлось вас немного под стволами поддержать – слышали, наверное, что за маскарад бандеровцы устроили в «Национале»? – так что ждали от СМЕРШ Пятой Воздушной, вы же из Борисполя прибыли, подтверждения ваших личностей. Старший все равно был немного обижен, что его не узнали. Представляясь мне в десять утра, товарищ Кобулов, комиссар госбезопасности второго ранга (на чин выше даже дяди Саши, не говоря уже обо мне) держался учтиво, сказав, что получил от товарища Берии особые инструкции относительно своего подчинения мне, «так что вы на своем фронте, товарищ Ольховская, а мы на своем». Чекистов было семь человек, они сразу затребовали себе помещение как для работы, так и для содержания арестованных – ведь их скоро будет не один? Пришлось выделить, озадачив Леонида Ильича, взявшего на себя функцию управделами.

Что есть политическая работа? Аналогично армии – работа с личным составом. Пропаганда и агитация – как объяснить события нашим советским людям, дать им ориентиры, перетянуть на свою сторону колеблющихся, и вообще, обеспечить моральное превосходство? Редакция и типография «Правды Украины» на Институтской была еще в наших руках, охраняемая, помимо милиции, отрядом курсантов НКВД из Васильковских казарм. И в моей власти выпустить даже не листовку, а внеочередной номер газеты.

Товарищи! Вас призвали выступить против включения Восточной Украины в состав РСФСР, утверждая, что это повлечет за собой голод, рост цен, запрет торговли и кооперативов. А также запрет всего украинского – языка и культуры.

Вам лгали! Жизнь советских людей в РСФСР и на Украине не имеет отличий. Спросите своих родных и знакомых, кто ездили в Ростов, Воронеж, Курск. Или в Ворошиловград и Мариуполь – стало ли там хуже жить с переходом в Россию? Там нет голода, и цены мало отличаются от киевских, и никому не запрещают говорить по-украински. Украинцы и русские – это один советский народ. Мы победили в войне, вместе сражаясь. Кому теперь очень хочется нас разобщить?

Вам сказали, что власть в Киеве берет некий «комитет». Знаете ли вы, кто там руководит, и кто в нем состоит?

Василь Кук, «генерал» УПА, бывший фашистский каратель.

Петро Олейник, «полковник» УПА, по приказу своих немецких хозяев заливший кровью Вольту.

Яков Бусел, «полковник» УПА, прежде служивший при штабе гаулейтера Коха.

Олекса Гасин-Лыцарь, «майор» УПА, бывший офицер Войска польского, затем абвера.

Микола Козак, служивший раньше в дивизии СС «Галичина».

Дмитро Клячковский, во главе эсэсовской зондеркоманды сжигавший деревни на Житомирщине.

Дмитро Витковский, бывший агент абвера.

– Сильно сказано, – замечает Юрка, – но вот не помню точно, кто где служил?

– А это так важно? – отвечаю я. – Все они фашистские прихвостни, предатели, каратели, и надо, чтобы народ о том знал. Да и в рабочем порядке уточним, что там Витковский, или этот, которого вы ночью притасили, скажет. Пишем дальше!

Вся эта фашистская сволочь, тайно сосредоточив в Киеве банды головорезов, обманом призвала вас к мятежу. Это они лживыми словами зовут вас выступить против советской власти, а сами, прячась за вашими спинами, убивают и грабят. Вчера были убиты, вместе с семьями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.